

 Бѣлогвардейскій романъ

Б. Ильвов • В. Ларионов

Ураган

Москва
«Вече»
2007

Составители серии
О.Г. Гончаренко, Д.С. Федотов

У68 **Ураган. Последние юнкера.** Романы / Б.Я. Ильвов, В.А. Ларионов. — М.: Вече, 2007. — 448 с. (Белогвардейский роман).

ISBN 978-5-9533-2385-7

Издательство «Вече» представляет новую серию художественной прозы «Белогвардейский роман», объединившую произведения авторов, которые в подавляющем большинстве принимали участие в Гражданской войне 1917–1922 гг. на стороне Белого движения.

В данную книгу вошли произведения двух боевых офицеров, ветеранов знаменитого Ледяного похода Добровольческой армии генерала Корнилова.

Роман «Ураган» капитана 2-го ранга Бориса Ильвова повествует о судьбах его современников, сошедшихся в военном противостоянии тех лет.

Не менее силен напряженностью сюжета и накалом страстей роман капитана-артиллериста Виктора Ларионова «Последние юнкера», посвященный последнему походу Вооруженных сил Юга России на Москву.

ББК 84(0)9

ISBN 978-5-9533-2385-7

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

БУРИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Между выходом романов «Последние юнкера» и «Ураган» лежит почти полвека.

Эти две непохожие друг на друга книги, созданные вдохновением капитана-артиллериста и морского офицера — капитана 2-го ранга, неразрывно объединены общим прошлым их авторов. Оба писателя начинали военную карьеру в гардемаринских классах, готовясь послужить великой России в морских походах и баталиях. Каждый из них подошел к роковой черте 1917 года, не подозревая, что очень скоро их сплотит в знаменитом Ледяном походе Добровольческая армия, а потом судьба вновь разведет их по фронтам Гражданской войны.

Старший лейтенант императорского флота Борис Яковлевич Ильвов и юнкер артиллерийского училища Виктор Александрович Ларионов начинали свой поход за Россию под командованием генерала Корнилова в роковой февральский день 1918 года через донские снежные пустыни на Кубань, навстречу неизвестности. О том, что привело Ильвова и Ларионова в ряды добро-

вольцев, нетрудно догадаться, ознакомившись с их произведениями, где авторы, не сговариваясь, выражают свое неприятие новой, большевистской власти.

Капитан Марковской артиллерийской бригады Виктор Ларионов, лично знакомый с генералом Кутеповым, известный активист РОВСа, один из немногих продолживший — в практическом плане — борьбу с большевизмом после исхода войск Врангеля из Крыма. Будучи членом боевой кутеповской организации, Ларионов успешно проник на территорию СССР, участвовал во взрыве ленинградского партийного клуба на Мойке и вернулся живым. Об этой смелой вылазке сохранились воспоминания самого Ларионова, опубликованные во Франции и ставшие достоянием российского читателя уже в наши дни. А затем была долгая жизнь за рубежом, сотрудничество с германской военной разведкой в годы Второй мировой войны и тихая старость в Западной Германии.

Полная и детальная биография Виктора Ларионова до сих пор так и не написана, несмотря на наличие двух книг — «Последние юнкера» и не менее знаменитой «Боевой вылазки в СССР», вышедшей в Париже в 1931 году.

В сравнении с окутанной дымкой исторической тайны жизнью Ларионова, земной путь Бориса Яковлевича Ильова известен гораздо лучше. Бравый лейтенант Балтийского флота, знаток минного дела и участник Великой войны, Ильов искренне полагал, что не интересуется политикой, вплоть до роковой черты, пролегшей между русскими людьми в марте 1917 года.

Офицеры Балтийского флота одни из первых столкнулись с массовым неповиновением нижних чинов и

беспорядками на берегу. Кронштадтское избиение офицеров, гибель адмиралов, череда мятежей на военных кораблях в условиях военного времени нанесли непоправимый удар всему русскому флоту.

Временной правительством, пришедшее на смену монархии, поторопилось опубликовать печально известный «Приказ №1», в корне подрывавший централизованную систему управления армией и флотом, лишивший, в частности, офицеров флота власти над вверенными им экипажами. На кораблях избирались матросские комитеты, оспаривавшие решения флотских командиров и даже решавшие их жизни и судьбы. Присягавшие на верность государю офицеры в большинстве своем поспешили подать в отставку.

Были и другие, решившие с оружием в руках воспротивиться новому порядку вещей. К последним и принадлежали братья Ильвовы — Сергей и Борис. После падения Временного правительства оба отправились на Дон, чтобы влиться в ряды формирующейся Добровольческой армии. В первых числах января 1918 года братья были зачислены в так называемую Морскую роту Офицерского полка, состоявшую из представителей флотов и флотилий погибшей империи. В ее рядах Ильвовы прошли нелегкие версты Ледяного похода, после которого пути братьев разошлись.

Борис Ильвов был ранен и по выздоровлении, в мае 1918 года, на короткое время стал начальником штаба Донской флотилии у гостеприимно встретившего его казачества. Сергей Ильвов продолжил боевой путь в Марковском полку, был тяжело ранен в бою под Леджанкой и отправлен на длительное лечение.

Крушение Донского фронта, победы большевиков и блокада Дона силами Красной армии заставили многих морских офицеров искать новые возможности для продолжения борьбы с большевизмом. Кто-то поступал служить на бронепоезда, кто-то перебирался на другие фронты, где их знания и опыт в морском деле могли послужить России. Борис Ильвов, получивший в боях на Дону чин старшего лейтенанта, после многочисленных приключений добрался до Восточного фронта адмирала Колчака и вскоре получил назначение в Сибирскую флотилию.

Сибирская флотилия имела в составе два дивизиона, ходившие по рекам Обь и Иртыш. Из этих дивизионов был сформирован образцовый морской батальон в 1500 штыков со взводом артиллерии и 30 пулеметами, которым командовал старший лейтенант гвардейского экипажа Петр Валерианович Тихменев. Ротными командирами у него служили бывший артиллерийский офицер легендарного крейсера «Варяг» Владимир Густавович Гессе и перешедший недавно с Камской флотилии Георгий Александрович Мейер.

Сергей Ильвов, чудом спасшийся из захваченного красноармейцами госпиталя, пробрался на Северный Кавказ, а оттуда — на Каспий, где получил должность артиллерийского офицера на корабле «Полезный» Каспийской флотилии.

Путь артиллериста Виктора Ларионова, произведенного в то же время в первый офицерский чин, лежал на север в составе Марковской артиллерийской бригады. Вооруженные силы Юга России устремились в свой последний поход на Москву. Это была своего рода вершина борьбы, преодоление которой сулило победу либо

неминуемую гибель всего Белого дела на Юге России. Этот знаменитый военный поход занимает в книге Виктора Ларионова значительную часть повествования и представлен в виде серии очерков о боевых действиях, а лучше сказать — ярких эпизодов, рисующих картину войны.

Переменный успех в борьбе с большевизмом присутствовал и на других фронтах Гражданской войны. В то время как Сергей Ильвов служил начальником катеров-истребителей, его брат Борис, получивший звание капитана 2-го ранга, продолжал службу на дальних рубежах России. Эвакуация белых фронтов разбросала братьев по разным географическим точкам. Сергей оказался в персидской Басре, а Борис — в далеком Константинополе. Из Персии Сергей вернулся на рейд Владивостока в качестве капитана эсминца «Твердый», а затем, во время знаменитой одиссеи адмирала Старка, командовал транспортным кораблем «Байкал». Борис же попал в Китай, где принял предложение французской военно-морской миссии поступить на службу в чине лейтенанта в южно-китайском городе Шанхай. Этому городу суждено было стать местом встречи братьев и дальнейшего жительства. Там у Бориса Ильвова и зародилась мысль о занятии литературным трудом.

Виктор Ларионов окончил Гражданскую войну в чине капитана, до последнего сражаясь в рядах Марковской артиллерийской бригады, и с нею отбыл в скитания по свету ненастной осенью 1920 года. Но если для кого-то Галлиполийский лагерь Русской армии барона Врангеля и был концом борьбы, только не для деятельного капитана Ларионова. Как и многие его

товарищи-артиллеристы, Виктор немедленно вошел в состав своего рода преторианской гвардии генерала Кутепова. Им, этим юношам, прошедшим с ним дороги Гражданской войны, он доверял в полной мере. Из их числа формировалась в изгнании охрана Великого князя Николая Николаевича; часть марковцев-артиллеристов составила неофициальное боевое крыло РОВСа, старательно опекаемое генералом Кутеповым.

Наступало время действий и свершений, и занятие литературным трудом Ларионову пришлось отложить, как прекрасную, но пока что неосуществимую мечту. Его первый очерк, как уже было сказано выше, увидел свет, когда чекисты в Париже похитили и убили генерала Кутепова. А самое известное произведение — «Последние юнкера» — вышло в ту самую пору, когда в СССР уже растекались мыслью по древу витиеватые речи нового генсека Горбачева. Между двумя книгами пролегла бездна времени, но лишь последней суждено было войти в историю.

Книги писателей дальневосточной эмиграции, к каковой в полной мере можно отнести и Бориса Ильвова, получили свое распространение далеко за географическими пределами региона. Их с интересом читали в гостиных и салонах Парижа — литературной столицы русского Зарубежья. Их экземпляры, странствуя, попадали к читателям в Прибалтике и Восточной Европе. Единицы этих малотиражных изданий, перемещаясь вместе со своими читателями, оказывались в Австралии и Южной Америке. Так, экземпляр, по которому приводится текст данного издания, вернулся в Россию из библиотеки русской общины в Австралии, будучи списан за ветхостью (!) еще в 1930-е годы прошлого

века. Можно представить себе, с каким волнением и воодушевлением книга эта была многократно прочитана русскими людьми вдали от Отечества, сколько воспоминаний пробудила она у тех, кто помнил описываемые события не по рассказам, а порой сам принимал в них деятельное участие!

Борис Ильвов стал автором нескольких романов, большая часть которых еще только ждет своей встречи с российским читателем. Среди них знаменитая книга-дебют автора «Рокот моря», увлекательные «Летучий голландец» и «Морская даль», увидевшие свет в течение двух лет, в 1935—1937 годах.

Романы «Ураган» и «Смерч» изданные шанхайским издательством «Слово», в том же 1937 году стали завершающими в творческом пути Бориса Ильвова, умершего в Шанхае в 1945 году. Один из них, открывающий эту увлекательную диологию, нам бы и хотелось предложить вниманию читателей.

Впервые публикуемая на родине автора, книга представляет собой «белогвардейский роман» в полном смысле этого слова. Созданная талантом активного участника Гражданской войны, она является художественным воплощением авторских размышлений о судьбах современников, сошедшихся в военном противостоянии тех лет; о том, кем были люди, находившиеся по разные стороны фронта, и о вечных ценностях жизни — любви и самопожертвовании, изображенных писателем в наивысшей степени их развития. Несмотря на вполне предсказуемый сюжет и его развитие в достаточной мере компенсируется яркой палитрой деталей, оценить которые смогут будущие историки и исследователи военной прозы Русского зарубежья. Важ-

но отметить и тот факт, что в основе истории «Урагана» лежит личный опыт Ильвова.

Нужно отметить, что и повествование о «последних юнкерах», по существу, тоже впервые публикуется в России. Эта книга также завершает цикл публикаций произведений Виктора Ларионова на родине автора. Случись Ларионову создать новые произведения, они без сомнения обогатили бы русскую словесность, несмотря на то, что автор никогда не занимался литературой формально.

Книга этого незаурядного человека, равно как и сочинения морского офицера Ильвова, является нашим скромным вкладом в процесс формирования общественной истории России.

О.Г. Гончаренко

Б.Я. Ильвов

Ураган

Глава I

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую...

Издалека доносил ветер грустную песню. А ветер холодный. Ледяной. Яркое солнце освещает Кубанскую степь. Проселочная дорога покрыта невылазной грязью. На полях местами лежит снег. Вот из-за пригорка показались вооруженные всадники, а за ними пехота. Это отряд Корнилова. Это идут добровольцы.

Все тучки, тучки повисли,
Над полем пал туман.
Скажи, о чем задумался
Корнилов, атаман.

Заливаются молодые голоса. Ноги, выше щиколотки, уходят в густую грязь. Того и гляди сапог в ней

останется. Идти тяжело. А главное — это пронзительный ветер. Он забирается под полы шинели, в рукава, пронизывает насквозь сукно солдатских шинелей. Одно от него спасение — это двигаться. Идти. А идти так трудно. Ноги так устали в течение целого дня месить жирную грязь. Да и голодно. Со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Устали. Очень устали, но бодрость не покидает добровольцев. Песни, шутки и прибаутки.

Не густы ряды отряда, хотя он и называется армией. Тысячи три. Не больше. Позади конных разведчиков, с винтовками за плечами, идет Корниловский полк, далее Офицерский и Партизанский. Наряду со взрослыми, испытанными в боях офицерами, шагают юноши, почти дети. Особенно много их в Партизанском полку у генерала Богаевского. Полк сформирован почти из одних кадетов, гимназистов и юнкеров. Корнилов особенно бережет этот полк. Жаль ему самоотверженную молодежь.

В Офицерском полку один взвод составляют моряки. Не привычным к ходьбе, им труднее всех.

— Кажется я церковь вижу, — говорит начальник 1-го отделения лейтенант Орлов.

— Часа через полтора в Лежанку придем.

— Где ты видишь? — быстро спрашивает командир взвода, его родной брат, тоже лейтенант, Глеб Орлов.

— Да вон, из-за того бугорка купол выглядывает.

— Не вижу. Ну да поверю тебе на слово. Устали мы малость. Отдохнуть пора.

— Верст тридцать сегодня отмахали.

— Господа, церковь видна! — крикнул Глеб, оборачиваясь ко взводу. — Часик-другой, и отдыхать будем.

Сообщение о церкви, видимо, приободрило молодежь, и десятки ног, с еще большей энергией, принялись разбрызгивать грязь с дороги. На горизонте действительно появился силуэт сельской церкви. Вдруг передние ряды остановились.

«Привал!», — слышится впереди команда.

— Эх! Не вовремя затеяли, — бурчит Николай Орлов. — Тут бы уж одним духом дойти, да и растянуться в какой ни попало хате.

— Да и борща поесть не мешало бы, — замечает кто-то из взвода.

— А я вареников со сметаной съел бы, — заявляет другой.

— Ну, пошли кулинарные разговоры, — сердится Николай. — Тут и без того в желудке цветут незабудки, а они вареников, да еще со сметаной. Ну вас!

— А ведь привал не вовремя дали, — говорит Николай. — Нет ли тут красной нечести? Вот уже будут вам вареники.

Бивак был действительно не совсем спокоен. Из авангарда в тыл проскакало несколько разведчиков, а вот, окруженный свитой, мчится Корнилов на кровном скакуне. Объехав отдыхающую пехоту, он выехал в голову колонны.

— Ну так и есть, — произнес Глеб. — Красные стерегут ваши вареники. Чтобы покушать, сперва их из села надо выгнать.

— Вот ведь незадача, — жалуется мичман Бутенев. Тот самый, что мечтал о варениках.

— Они же все в селе слопают. Нам ничего не останется. И чего Корнилов думает? Скорее надо гнать их, пока хоть что-нибудь осталось.

Дружный молодой хохот отвечал остряку. Бутенев был любимец взвода. Всегда веселый, жизнерадостный и отзывчивый, он со всеми был за панибрата.

Бивак оживился.

— Четвертая рота вперед, — передали по рядам колонны.

Предстоящий бой оживил людей, и четвертая рота скорым и бодрым шагом вышла из линии колонны.

Справа, на бугорке показалась группа всадников. Это Корнилов, соображая, куда нанести первый удар, осматривает местность. Между тем в воздухе уже появились невидимые мухи. Противник заметил роту и начал обстрел. Рота рассыпалась в цепь. Как на параде или на смотре шли добровольцы. Ни задержки, ни замешательства. Винтовки за плечами, образцовое равнение, шаг скорый, но не торопливый.

— Слушай, Глеб, — обратился Николай к шедшему рядом с ним брату. — Насколько я помню сухопутный устав, тебе позади середины взвода идти надо. Смотри, командиры других взводов так и идут.

— А впрямь, кажется, и так. Не силен я в сухопутном строю. Ну, храни тебя Бог.

Пули стали посвистывать чаще. Падая вблизи цепи, они взбивали фонтан грязи и обдавали ее наступающих. Рота поднялась на небольшой бугорок, который до тех пор скрывал село. Теперь все было видно как на ладони. Лежанка раскинулась вдоль небольшой речонки, отделявшей ее от наступающих. Сейчас же за речкой густые сады, в которых и засели красные. Белые облачка ружейного дыма то и дело, вспыхивали на опушке садов.

Ближе и ближе подходят добровольцы. Уже несколько неподвижных тел осталось лежать позади. Вот из-за речки затрещали пулеметы. Один, два. Ох, много их!

Не спускавший глаз с поля битвы Корнилов что-то скал адъютанту. Тот отдалился от группы всадников и поскакал к батарее. Вскоре звук пушечного выстрела ободрил наступавших. Первым же выстрелом батарея сбила один из пулеметов. Вот раскатился второй, вот третий выстрел, и опушка садов покрылась другими, более крупными облачками. То были разрывы шрапнелей. Цепи легли, и наступление продолжалось перебежками.

— Лейтенант Николай Орлов ранен, — передали по рядам моряков.

Взглянув направо, где только что возвышалась стройная фигура брата, Глеб увидел его распростертым навзничь. Первым побуждением его было броситься к брату. Помочь ему или сказать последнее прости. Но нет. Перед ним его взвод. Он должен вести его вперед, пока и сам, может быть, не ляжет, подобно ему. Вперед! Вперед! Расстояние быстро сокращается. Красные стреляют. Падают добровольцы. Вот, сраженный в голову, опрокинулся капитан Ляшко. Мичман Красовский и Бутенев ранены в ноги. Лейтенант Федоров неподвижно лежит.

— Вперед! Вперед! — кричат остальные.

Взвод моряков выходит к единственному мосту. Остальным придется идти вброд. Вдоль моста стреляют несколько пулеметов. Не многие пройдут мост. Слишком интенсивна огневая завеса.

Кто-то крикнул «ура!». «Ура!» подхватили, рота с винтовками на перевес побежала к реке. Ба-бах, ба-бах,

ба-бах — рвутся шрапнели. Та-та-та-та — работают пулеметы красных. По грудь в холодной февральской воде идут добровольцы через реку. Убитых подхватывает течение и несет вниз.

— Господи благослови! — мысленно взывает к Богу Глеб, вбегая первым на доски моста.

«Сейчас смерть, — думает он. Но страха нет. Розовым туманом заволокло сознание. — Лишь бы добежать до них. Лишь бы не упасть раньше».

Красные не выдержали. Лишь бы моряки вбежали на мост, пулеметная стрельба прекратилась.

«Отступают! Бегут! Слава Богу! — проносится радостная мысль. — Вперед!»

Короткий штыковой удар, и сопротивление неприятеля сломлено.

Он бежит, спасаясь через село. Напрасный труд. Там за селом их перехватывают посланные в обход корниловцы. Победа полная. Мало кому удалось уйти. Масса трофеев. Повозки, ружья, пулеметы, и, самое главное, ружейные патроны.

— Работает наше интендантство, — острят добровольцы, набивая свои патронташи.

После окончательной очистки села от попрятавшихся в хатах и сараях красных, части разводятся по квартирам. Давно жданный отдых.

Но Глебу не до него. Разместив свой взвод, он отправился разыскивать походный госпиталь.

Раненых поместили в сельском училище. Каменный пол большой комнаты был покрыт соломой, и на ней лежали несчастные страдальцы. В соседней комнате врачи делали операции и перевязки. Стоны и вопли неслись из операционной. Они сжимали сердце ною-

щей тоской. Медикаментов и перевязочных средств не хватало. Наркотиков вовсе не было, и операции производились без анестезии. Богу одному известно, что перетерпели несчастные искалеченные люди.

Глеб был поражен и подавлен видом этих страданий. Окинув комнату быстрым взглядом, он увидел Николая, который неподвижно лежал в углу, у самой двери в операционную. Пробравшись между мечущимися и стонущими телами, он опустился на колени и взял холодную руку брата. Николай открыл глаза.

— Это ты Глеб? Ты не ранен? Ну слава Богу! — прошептал он. — А я, вот видишь, в грудные младенцы произведен. Даже повернуться не могу. Расскажи о бое. Есть ли еще, кроме меня, потери во взводе?

— Потом. Потом все тебе расскажу. Ты куда ранен?

— В грудь. Навылет. Все легкое вдоль пробито. От плеча до поясницы. Дышать трудно. Воздуху не хватает, — раненый, в изнеможении, закрыл глаза.

Сидя на полу около брата, Глеб заметил пробиравшегося к ним мальчугана. Обхватив обеими руками сверток одеял, мальчик подошел к Николаю и принялся заботливо его укрывать. Одет он был в грязную солдатскую форму, явно сшитую не на него. Все на нем висело мешком. Рукава гимнастерки были загнуты, чуть ли не пополам, но все же его руки только чуть выглядывали из них. Что касается высоких сапог, то в них буквально тонули его маленькие ноги. Было смешно смотреть, как он шел. Казалось, что он не идет, а старательно передвигает сапоги. Только что Глеб хотел с ним заговорить, как дверь в операционную открылась, и на пороге появился старший врач. Глеб поспешил к нему.

— Лейтенант Орлов? Серьезное ранение. Очень серьезное ранение. Определенного ничего я вам сказать не могу. Вот если бы его положить в хорошую клинику, а потом отправить на курорт, тогда я бы поручился за его жизнь. В настоящих же условиях... — и доктор пожал плечами. — Сами видите, при каких условиях приходится лечить. Я вам вот что скажу. Вся надежда на организм. Если организм здоровый, он будет жить, а в противном случае... — тут снова его плечи поднялись кверху, а лицо изобразило недоумение. — Конечно, нельзя пренебрегать мельчайшей возможностью облегчить его страдания и помочь организму. Необходимо представить ему лучший уход. Пища? Пища самая простая. Ну там молоко, яйца, куриный бульон и т.д. Самое же главное, приложите все старания и достаньте ему рессорную повозку. Без рессор он и одного перехода не выдержит.

— Вот вы доктор, об уходе говорите, а сами даже сестры милосердия к нему не приставили. Стыдно сказать. За таким тяжелораненым какой-то мальчишка ухаживает.

— Как мальчишка? У нас во всем госпитале ни одно мальчишки нет.

— Да вон. Взгляните. Он и сейчас подле брата вожится. Молоком его поит.

— Ну, господин лейтенант. Вы глубоко ошибаетесь. Это не мальчишка. Это лучшая сестра моего лазарета. Наталия Владимировна Воробьева. Именно ее то я и выбрал, потому что ваш брат один из самых тяжелых. Кроме того, генерал Марков, особенно, просил меня приложить все старания, чтобы спасти его. Генерал в восторге от работы моряков в последнем бою.

— А как остальные моряки? Есть опасные? Это ведь все офицеры моего взвода.

— Так вы командир моряков? Очень приятно познакомиться, — продолжал доктор, протягивая руку. — Генерал Марков не может нахвалиться вашей работой. А за ваших мичманов можете не беспокоиться. Раны их не тяжелы. Ну, извините лейтенант. Времени у меня не много, а работы еще масса. Так не забудьте: во что бы то ни стало — рессорную повозку.

Расставшись с доктором, Глеб вернулся к брату.

— Здравствуйте сестра, — обратился он к молодой девушке. — Позвольте представиться, лейтенант Орлов. Брат вашего пациента.

— Ах, так это о вас беспокоился Николай Николаевич? — протянула она ему руку. — Хорошо, что вы пришли. Я ему обещала вас разыскать. Да все некогда было. То перевязки, то да се. Вот за одеялами ему бегала.

— Глеб, она меня истязает, — зашептал Николай. — Поит молоком, которое коровой воняет.

— Николай Николаевич, — запротестовала сестра, и личико ее приняло молящее выражение. — Молоко превосходное. Ничем не пахнет. Одно ваше воображение и капризы. А что вам сказал доктор?

— Доктор мне ничего не говорил.

— Вот и сочиняете. Доктор, безусловно, запретил вам разговаривать. Теперь вы не командир вашего парохода. Теперь вы должны во всем слушаться меня. Поняли?

— Вот видишь до чего я дожил, — прошептал Николай. Он хотел улыбнуться, но вместо улыбки получилась жалкая беспомощная гримаса.

Глеб отвернулся, стараясь смахнуть заливавшие ему глаза, слезы.

— Глеб Николаевич, — многозначительно взглянув на него, произнесла сестра. — Помогите мне внести сюда тюфяк. Он так тяжел, что я не могу поднять его. Вы же, Николай Николаевич, ведите себя паинькой. Не ворочайтесь, а то рана может открыться. Мы сейчас вернемся.

Выйдя на крыльцо, некоторое время сестра молчала!

— Положение вашего брата очень тяжелое, — заговорила она. — Ручаться ни за что нельзя. Не подумайте, что я лишаю вас надежды. Надежда, безусловно, есть и мы приложим все старания, чтобы спасти его. Относительно ухода вы не беспокойтесь. Я обещаю вам сделать все возможное. Вы же, не теряя времени, идите искать рессорную повозку. Это совершенно необходимо.

Серьезный тон сестры и ее теплое участие к раненому несколько ободрили Глеба.

— А вы знаете, я было за мальчика вас принял, — улыбнулся он.

— Да этот костюм и стриженные волосы действительно делают меня похожей на мальчика. Но в настоящей обстановке мужской костюм куда удобнее. Если понадобится, я и верхом пойду и через забор перелезу, тогда как в юбке, я совершенно беспомощна. Ну так до свидания. Идите за повозкой, а я пойду к Николаю Николаевичу. Он не любит, когда я покидаю его надолго.

Кивнув головкой, она исчезла в дверях школы, и Глеб зашагал по селу в поисках рессорной подводки.

Не успел маленький отряд Корнилова как следует отдохнуть, как уже начались сборы в поход. Рассвет

еще не начинался, а уже колонны добровольцев потянулись в беспредельную степь.

Марковцы шли в составе главных сил, прикрывавших обоз. Когда рассвело, Глеб разыскал повозку брата.

— Здравствуйте Глеб Николаевич, — приветствовала его сестра, — слава Богу, Николай Николаевич у нас молодцом. Утром отлично позавтракал и чувствует себя хорошо. Если, даст Бог, не будет нагноения, то он быстро подыметесь на ноги.

— Да. Дождешься, — простонал Николай, обрадованный присутствием брата.

Было заметно, что тряска повозки причиняла ему сильную боль.

— А как наши дела? Вы не знаете, куда ведет нас Корнилов? — обратилась сестра к Глебу.

— Говорят, что идем на станицу Филипповскую, а куда дальше — никто не знает. Насколько я знаю общий план — это соединение с нашими екатеринодарскими частями. С Эрдели. Но где они находятся, да и существуют ли еще — бог знает. Впрочем, «Бог не выдаст, свинья не съест». Возможно, что Корнилов нас в горы уведет. Там отсидимся, пока не восстанут казаки, или пока не произойдет переворот в Петербурге.

— Да, трудно угадать, во что выльется вся эта кутерьма. Ведь только подумать, вся Россия, с ее колоссальными пространствами и миллионами жителей, представляет собою кипящий котел. Я уверена, что в настоящую минуту не один наш, а множество отрядов добровольцев бьется — за нашу мать-Россию. Мы затеряны в необъятной степи и не знаем, что делается по всей России. Быть может, отряды добровольцев, мало-по-малу, соединятся и задушат это кошмарное чудови-

ще — большевизм... Что это? Кажется, стрельба, — насторожилась она.

Действительно. Из-за пригорка, за которым только что скрылся авангард, послышались редкие ружейные выстрелы.

— Ну, опять в бой. До свидания, — заторопился Глеб.

Обоз остановился, и прикрывавшие его роты двинулись вперед на поддержку авангарда. Едва Глеб успел добежать до своего взвода, как его рота уже рассыпалась в цепь и, взойдя на бугор, вступила в сферу огня. С гребня холмика отлично была видна вся широкая степь. Там и здесь пестрели купы деревьев, а местами небольшие рощицы. В них-то и засели большевики. Белые облачка ружейных выстрелов вспыхивали то и дело на опушках рощиц. Затрещали пулеметы. Невидимые шмели зажужжали в воздухе. Верхом на своей красавице Звезде к цепям подъехал Корнилов. Осмотрев поле битвы, он прекратил наступление, послав несколько рот в обход рощиц в тыл неприятелю. Лишь только красные заметили этот маневр, как стали поспешно отступать. Выйдя из своих прикрытий, они оказались в голой степи и на фоне светлого неба представляли собой отличную цель. Цепи добровольцев оживились. Тщательно прицеливаясь, били на выбор. Красные несли жестокий урон. Наконец, не выдержав, они бросились в бегство. Поднялись и добровольцы. С криками «ура» преследовали они ошеломленного и расстроенного противника. Как всегда, взвод моряков был впереди. Пользуясь положением преследователя, Глеб несколько отделился от роты. Сокращая дорогу, он быстро настигал группу красных, окружавших телегу. Колеса телеги вязли в грязи. Пара коней выбилась из

сил и того и гляди готова была остановиться. Позади телеги была привязана третья, запасная лошадь. Красные хлестали лошадей и поминутно оглядывались на преследователей. Расстояние быстро сокращалось.

— Стой! Ложись! — скомандовал Глеб. — Беглый огонь! Лошадей берегите. Пригодятся.

Затрещали выстрелы, один за другим стали падать фигуры красных. Бросив подводу, они рассыпались во все стороны. Лошади остановились.

— Ну, кажется довольно, — поднимаясь с земли, произнес Глеб. — Пусть удирают. Все равно всех не перестреляешь.

Осмотрев подводу, моряки нашли в ней запас патронов, два пулемета и казачье седло. Завернув лошадей, Глеб отправил повозку в штаб, а запасную лошадь, вместе с седлом — Наташе, как мысленно стал звать он сестру.

Лишь только началась перестрелка и Глеб ушел с ротой вперед, Колей да и Натальей Владимировной овладело беспокойство. Особенно волновался Коля. Так бы, кажется, и полетел бы на помощь брату. Прислушиваясь к стрельбе, он кусал губы и тяжело вздыхал. Наконец измученные нервы не выдержали и из глаз его заструились слезы.

— Полно, Николай Николаевич! — утешала его сестра. — Ну можно ли так волноваться из-за пустяшной перестрелки? Ведь итак Глебу Николаевичу от вас ни на шаг отойти нельзя. Смотрите! Вон наша батарея спокойно стоит. Если бы дело было серьезное, ее бы послали вперед. Не волнуйтесь же!

— Нервы проклятые — сквозь зубы простонал Коля. — Так вот и кажется, что больше не увижу Глеба.

— Полноте. Смотрите. Вон уже и корниловцы возвращаются. Сейчас и наш обоз тронется.

Действительно, голова обоза, повозка за повозкой, уже начала свое утомительное движение. Заскрипели колеса и, подпрыгивая на ухабах, заколыхались телеги. Двинулась и Колина повозка. Вдруг неожиданно к ним подскакал лейтенант Басов, верхом на отбитой у красных лошади.

— Здравствуйте, Наталья Владимировна, — весело воскликнул он. — Извините, что задержали вас немножко. Зато теперь хоть до Америки дорога свободна.

— Полно врать, — вспыхнул Коля. — Где Глеб?

— При взводе. Отбитые у красных патроны раздает. Не то он бы сам презентовал сестре этого росинанта.

— Что за вздор ты мелешь? — снова вскипятился Коля.

— И вовсе не вздор, — соскакивая с лошади, продолжал Басов. — Вот этой клячей, сестра, бьет вам челом наш командир Глеб Орлов.

— Так вы не шутите? — оживилась Наталья Владимировна, лаская животное. — Какая прелестная мордочка. Правда, Николай Николаевич?

Коля улыбнулся ее радостному оживлению.

— Конечно, прелестная, — ответил он. — Только ведь это скорее кошка, чем лошадь. Да и то не из крупных.

— Ну конечно. Много вы понимаете в лошадях! Моряк. Вы и лошадей то, вероятно, не видели. А как она досталась Глебу Николаевичу?

— Только что у красных отбили. Да и не ее одну. Еще пару коней, повозку, два пулемета и несколько сотен патронов. А вы вот на моряков нападаете.

— Вовсе я не нападаю, — вскакивая в седло и давая шенкеля, защищалась сестра. — Я... — но дальнейших слов не последовало, так как лошадка пустилась вскачь.

— А хорошо в седле сидит. Словно жокей, — похвалил Басов наездницу. — А ты что же, долго хворать собираешься, — обратился он к раненому. — Поправляйся скорее. Что Глебу передать от тебя?

— Скажи, чтобы подошел, когда случится время.

— Хорошо. Передам. До свидания. Храни тебя Бог.

Сделав несколько кругов и опробовав все аллюры, Наталья Владимировна подъехала к Колиной подводе.

— Теперь, вот увидите, как мы заживем, — весела обратилась она к нему. — И продуктов будем иметь вволю и для ночевки будем иметь отдельную комнату. Все у нас будет. Правда, моя дорогая Машка? — наклонившись вперед, ласкала она грязную шею животного.

— Как вы ее называете?

— Машкой, а что.

— Подходящее имя, — улыбнулся Коля. — Кошка Машка.

— Вы опять обижаете мою Машку... Злюка! Подождите. Благодарить ее будете.

К вечеру маленькая армия Корнилова вошла в станицу Корсунскую и расположилась в ней бивуаком. Разместив свой взвод по хатам, Глеб отправился разыскивать брата. Измученные тридцативерстным переходом, ноги отказывались служить. С трудом вытаскивая их из липкой грязи станичных улиц, Глеб зашагал на удачу, к церковной площади. Не успел он пройти и квартала, как из-за угла показался всадник на низкорослой лошадке.

— Глеб Николаевич! Это вы? — окликнула его Наташа. — Идите к нам чай пить. Николай Николаевич вас ждет. Мы здесь недалеко остановились. Представьте себе, комната в нашем распоряжении. И все благодаря Машке, — болтала она, двигаясь рядом с Глебом.

— Как же это вам удалось?

— А очень просто. Как бой кончился, вызвали квартирьеров. Ну и я с ними на моей Машке. Сама себе квартирьер. Выбрала хатку, да скорее за Николай Николаевичем. Приезжаю, смотрю обоз стоит без движения. Раненые мерзнут. Я прямо к своей подводе. Погоняй, говорю, станица. Выехали мы из обоза и прямо к хате. Потом, когда мы уже и коней распрягли и Николай Николаевича в горницу внесли, несколько квартирьеров заглянули было к нам, да видят тяжелораненый лежит, и дальше. Вот мы и остались хозяевами. Я уже и в лавочке побывала. Молока, хлеба, яиц у нас сколько угодно. Для Николая Николаевича курица варится, а для нас с вами самоварчик кипит. Идемте скорее. А то без меня Николай Николаевич с ума сойдет.

— Золотые ручки у вас, — восторженно промолвил Глеб, с восхищением глядя на маленького всадника.

— Я тут не причем. Вы Машку благодарите. Если бы не она, мы еще и теперь блуждали бы по улицам. Ведь лазарет до сих пор не размещен. Боюсь, что многие раненые так и останутся в подводах до утра.

Заметно вечерело, когда Наташа и Глеб вошли в маленькую комнату казачьей хаты. На покрытом цветною скатертью столе шипел самовар и лежали куски нарезанного хлеба и другой снеди. Под образами, на широкой деревянной кровати, лежал Коля. Его воспаленные,

выражавшие нетерпение глаза были устремлены на дверь. Он сильно похудел и осунулся.

— Ну слава богу! Наконец-то! И куда это вас носило? За это время десять раз можно всю станицу взад-вперед объездить.

— Полно-полно старый ворчун. Я вот вам брата привела, а вы все сердитесь. Выпейте-ка молока, — продолжала Наташа, наполняя стакан.

— Не хочу молока, — забрюзжал Коля.

— Ну коли так, я сейчас пойду в лазарет. Пусть к вам назначают другую сестру, а я больше не могу.

— Ну не сердитесь. Не буду. Давайте ваше дивное молоко.

— Вот, умница. Паинька. Пейте же.

— Фу, какая гадость, — морщился и гримасничал Коля, но стакан все же опорожнил.

— Вот у нас вечно такие разговорчики, — жаловалась Наташа. — Как что-нибудь съесть или выпить — целый бой разыгрывается. Ну-с, Глеб Николаевич, жалуйте к столу. Вы, поди, с утра ничего не ели.

— Некогда было. Все время в бою. Как вышли утром из Лежанки, так вот до самого вечера.

— А как ваша молодежь? Не слишком устают? Не ропщут?

— Что вы! Какой там ропот? Все со смехом да с прибаутками переносят. Никакая усталость их не берет. А ведь многие устают смертельно. Еле бредут под конец. У многих ноги до ран натерты. А все нипочем. Зубоскалят. Сами над собой подсмеиваются. А в бою не налюбуются ими. Рвутся вперед. Единственное, что страшит нас всех, так это быть раненым или, еще хуже, живым в плен попасть. Вы знаете, с мыслью о смерти

все мы сжились. Она не пугает. А очутиться на обозной подводе — это действительно кошмар. Ухода-то ведь почти никакого. Голодно, холодно. А самое главное, что каждую минуту обоз может быть захвачен красными. Мы то знаем, что на его охрану частей не хватает. Иногда бывает, что все части в бой втянуты, а обоз на Николая Угодника оставлен. Вот это больше всего пугает.

— Ух! Как у вас хорошо. Тепло, — отодвигая стакан, закончил он.

— А еще чайку?

— Нет. Благодарю вас. Я и то с голодухи почти весь самовар выпил.

— Ну тогда помогите сделать перевязку.

— Опять турунды? — застонал Коля.

— Что делать, Николай Николаевич. Без них никак нельзя.

— Нет. Нет. Нет. Сейчас я ни за что не дам себя мучить. Лучше утром. Если сейчас, то ведь я всю ночь не засну.

— Полно-полно, Николай Николаевич. Если сегодня не переменить турунд, у вас температура подымется. Лихорадка начнется. Да кто вы в самом деле — девочка или мужчина? — топнула она ножкой. — Сами отлично знаете, что сделать перевязку необходимо сегодня. Я и так два дня как не меняла турунд. Глеб Николаевич, приподнимите его за плечи.

Началась перевязка. Измученное, перекошенное болью, осунувшееся лицо брата вызвало прямо физическое страдание Глеба. Поддерживая его, он ощущал тошноту и головокружение и боялся потерять сознание. Между тем проворные пальчики Наташи быстро и умело делали свое дело.

— Скоро ли? Скоро ли? — шептали побелевшие губы Коли.

— Конечно. Уже кончено, — ободряющим голосом наконец произнесла Наташа. — Вот только забинтую и все. Глеб Николаевич держите компресс. Прикладывайте. Выше. Выше, — командовала она. — Теперь опускайте. Вот и готово.

Коля впал в забытие.

— Пусть себе спит. Сон — лучшее лекарство. А когда в поход? Вы не знаете, Глеб Николаевич?

— Точно не знаю. Мне приказано быть готовым к шести утра, — отвечал Глеб, натягивая шинель.

— Куда же вы так рано?

— Устал я, Наталья Владимировна. Надо отдохнуть перед походом. Не дай бог еще скисну, а мне надо быть бодрее и тверже других. Все-таки начальство, — улыбнулся он, пожимая ее руку.

Маленькая лампада чуть освещала комнату. Подостлав шинель, прямо на полу дремлет Наташа. Проводив Глеба, она еще долго сидела около раненого, стараясь успокоить его расхолодившиеся нервы. Лишь только он задремал, она повалилась на свою подстилку и моментально заснула. Забыта грязная станица. Чародей Морфей перевес ее в шумную и блестящую Москву. Видит она себя сидящей за партой в большой аудитории курсов. Кругом подруги. Знакомый профессор, расхаживая взад и вперед, что-то рассказывает монотонным голосом.

— Что он говорит, — старается вникнуть в его речь спящая Наташа.

Между тем профессор остановился против нее и все так же монотонно продолжал:

— Очень жаль Колю. Он такой славный и так сильно страдает. Но уж очень капризен. Может быть, от болезни, а может быть, это характер у него такой. Вот Глеб — другое дело. Не правда ли? Как он заботлив к Коле и к вам. К тому же он очень храбр. Вы заметили, как хладнокровен в бою? А как его все уважают за ум. Нет. Положительно Глеб мне нравится.

Профессор прошелся по аудитории и снова остановился против Наташи.

— И как это вы, Наташа, попали в такую дикую обстановку. Сидели бы здесь, в Москве. Слушали бы мои лекции. Учились бы. Так ведь нет же. Бог знает куда и зачем вас понесло. Хорошо, что я вас нашел и вернул на курсы.

Вдруг глаза профессора стали злыми. Он затопал ногами и закричал:

— Наташа. Наташа. Наташа. Наташа, — неслись хриплые стоны с кровати. — Наташа.

Чуткий сон оборвался. Недоумевающими глазами она обвела комнату.

— Наташа, — снова застонал Коля.

Очнувшись окончательно, она вскочила, подошла к кровати и села на ее край.

Положив голову к ней на колени, Коля рыдал, сотрясаясь всем телом.

Измученные нервы и воспаленный мозг не выдержали. Он как малый ребенок, жаждал ласки и сочувствия. В больной голове бродили сбивчивые мысли. Он видел себя то дома, около матери, то на мостике своего миноносца. Иногда еще казалось, что он еще маленький мальчик и лежит в кроватке в детской комнате. Но куда бы его не заносило его воображение, всюду он ощущал мучитель-

ную тоску, боль в груди и чувство острой и глубокой обиды. Из глаз неудержимо катились слезы и переходили в рыдания. Наташа поцеловала его в лоб и, усевшись на краю кровати, стала гладить его волнистые волосы...

— Успокойтесь, Николай Николаевич. Что это с вами? Ну чего вы?

Ласковый голос сестры и прикосновения ее руки, видимо, успокаивали больного.

— Вы на меня не сердитесь, что я вас Наташей зову? — произнес он сквозь слезы.

— Что за глупости? Конечно нет. Хотите я вас буду звать Колей? Хотите?

Вместо ответа он прижался горячими губами к ее руке.

Дождавшись пока он заснул, Наташа юркнула на свое незатейливое ложе и моментально заснула.

Чуть забрезжил свет, она была уже на ногах. Разбудив ямщика и распорядившись запряжкой лошадей, она уже хлопотала около раненого. Забот было много. Надо было его умыть, напоить горячим молоком, смерить температуру, дать лекарство, собрать разбросанные вещи и дополнить пищевые запасы.

Подняв спавших хозяев хаты, с их помощью она перенесла раненого на подводу и выехала со двора.

Станица просыпалась. Со всех сторон слышались скрипы колес, понукания ямщиков, окрики начальников и мерное шлепание по грязи выступавшей пехоты. Погода была отвратительная. Мелкий, как сквозь сито, дождь проникал сквозь шинели и одеяла. В своих повозках раненые лежали, как в болоте. Один Коля был сух. Наташа покрыла его такой массой одеял, что ни одна капля не могла просочиться сквозь них. Привязав

свою Машку к задку телеги, она и сама забралась на нее. Выбрав местечко в ногах, она укрылась чем могла и, свернувшись калачиком, несмотря на стужу, крепко заснула. Под тяжестью своих одеял Коля лежал неподвижно. Подвода двигалась черепашим шагом, ее мерное покачивание, монотонные звук падающего дождя и цоканье копыт лошадей нагоняли сон и на него. Прошло часа два. День уже вступил в свои права, когда продрогшая Наташа высунула голову из-под своего тряпья. Долго протирала она свои измученные глаза. Кругом все было бело. Вся степь была покрыта пушистым снежным покровом. Махровыми хлопьями падавший снег как бы сеткою заволок горизонт. Люди, повозки, кони, — все было покрыто толстым его слоем. Чтобы не замерзнуть окончательно, она выпрыгнула из телеги и, вскочив на свою Машку, загалопировала к головеобоза.

Становилось все холоднее. Снег прекратился, но поднялся ветер и ударил мороз. Вернувшись к подводе, Наташа увидела целый слой льда, покрывавший верхнее одеяло Коли.

— Неужели и вы промокли? — крикнула она ему.

— Нет. Я совершенно сух, — сияясь улыбнуться, отвечал Коля. — Куда мы идем? Где Глеб?

— В станицу Калужскую. Там мы должны соединиться с Екатеринодарским отрядом. А Глеб Николаевич, да и все остальные строевые части пошли брать станицу Новодмитриевскую. Там, говорят, сильный отряд красных засел.

Уже темнело, когда верхом на Машке, в толпе квартирьеров, Наташа въезжала в Калужскую. Как и преж-

де, ей удалось отвоевать отдельную комнату, куда без замедления и был внесен Коля. Немножко обогревшись, она вышла на улицу в поисках лавки. Было уже совсем темно, но повозки лазарета все еще двигались в ожидании пристанища. Воздух наполняли вопли замерзающих раненых. Промокшие насквозь, в этакую стужу, без движения, они громко молили о помощи. Но не так легко было оказать эту помощь. Уж слишком много было раненых. Некуда было поместить.

Между тем Глеб шагал по грязной дороге со своим полком:

— А давненько я не принимал такого хорошего душа, — острил Бутенев, — это вам не какой-нибудь Шарко.

— Смейся, смейся. Вот посмотрим, что ты запоешь, когда после душа в холодную ванну полезешь! — рассердился Басов. — Ты не воображай, что делом ограничится. Там перед станицей, я знаю, речушка есть. Сейчас она, я думаю, в реку выросла. Вот как прикажут вброд идти, посмотрим, что ты тогда скажешь. Черт знает что такое — ворчал он. — Сухой нитки нет, а дождь все валит и валит. Ба, да никак снег пошел!

В самом деле — в воздухе закружились белые мухи.

— Этого еще не доставало, — продолжал ворчать Басов. — Только мороза не хватает, чтобы мы и без боя сложили бы свои кости.

Усилившийся ветер и густо поваливший снег отбивали охоту к разговорам. Ежась в намокших шинелях, люди двигались молча. Мороз крепчал. Ветер, как бешеный, рвал полы шинелей, а снег повалил такой, что

вскоре вся степь покрылась им как ковром. Идти было очень трудно. Ноги увязали в снегу, покрывавшему киселеобразную грязь. Ветер захватывал дыхание, а снег слепил глаза. Холод сковывал члены и леденил мозг. Отрывочные мысли лениво шевелились в голове Глеба. Еще казалось, что он уже целую вечность идет и всегда будет идти, что никогда не кончится ни эта дорога, ни ветер, ни снег. Наклонив голову и не видя ничего, кроме снежных следов впереди идущих, он шагал как автомат. Вдруг он наткнулся на хвост остановившегося 3-го взвода. Остановились и моряки. Никто даже вопроса не задал о причине остановки. Всем было все равно. Идти так идти, стоять так стоять.

— Привал. Командиры взводов ко мне! — сквозь вой вьюги донеслась команда командира роты.

Стряхнув овладевшее им оцепенение, Глеб двинулся на голос. В стороне от колонны ротный командир поджидал своих взводных. Он был весь облеплен снегом. Подставляя ветру спину и потирая побелевшие уши, он танцевал на месте, чтобы отогреть замерзавшие ноги.

— Господа, нам предстоит перейти вброд реченку, — начал он. — На карте здесь обозначен ручей, — но благодаря дождю он превратился в целую реку. В двух верстах за ручьем — станица. Объясните своим людям, что другого пути, как только в брод, — нет. Отступать же — значит замерзнуть. Наша рота пойдет первой, чтобы потом прикрывать переправу остальных. Ну господа, с Богом! По моей команде ведите взводы к реке, и начинайте переправу. Наблюдайте, чтобы люди шли в воду группами. Течение сильное. Может сбить с ног. — Приложив руку к козырьку, он повернулся и пошел к реке.

Предстоящее дело оживило Глеба. Апатия исчезла, и он бодрым шагом направился ко взводу.

— Господа! Купаться! — стараясь заглушить ветер, прокричал он. — Сейчас поведу вас в брод через речку. За речкой в двух верстах станица: с жаркими хатами и горячими самоварами.

— Вот тебе и душ Шарко, — пробурчал Басов.

— В воду идти группами по пять, по шесть человек, — продолжал Глеб. — За руки держитесь, не то снесет. Полы шинелей заткните за пояс. Винтовки и патронташи — над головой.

«Четвертая вперед!» — донеслась команда.

— Это, чтобы у нас нервы были крепче, самое полезное дело. Душ и ванна. Это мне еще бабушка говорила, — не унимался Бутенев, хотя голос его дрожал, а зубы выбивали мелкую дробь.

Вместо ручья оказался бурный поток. С ревом и воем катал он свои мутные волны. Посреди него виднелись перила затопленного моста.

Подождав, пока весь его взвод подтянулся к ручью, Глеб шагнул в воду. Точно тысяча иголок впились в его тело. В первую минуту ощущение было такое, словно он попал в кипяток. С трудом передвигая ноги, скользя, спотыкаясь и падая, брели добровольцы выше пояса в воде. Вдруг Глеб почувствовал, что попал в яму. Вода подступила к самому горлу. Кое-как сохранив равновесие, наполовину вплавь, он добрался до противоположного берега. Остальные еще боролись с течением. Особенно плох был Бутенев. Он оторвался от своей группы и теперь боролся с течением один, заметно слабая. В три прыжка Глеб снова очутился в воде и, протянув ему винтовку, вытащил его на берег.

Когда вся рота переправилась через речушку, ее двинули вперед. К станице. Молча шли добровольцы. Было не до разговоров. Все на них обледенело. Шинели стояли колом и затрудняли движение. А мороз все крепчал. Отойдя с версту, рота остановилась и, рассыпавшись цепь, залегла в снег. Два часа длилась переправа, и все два часа обмерзавшие люди лежали на снегу, на трескучем морозе. Между тем стемнело. Сквозь сетку падавшего и кружившего снега замелькали огоньки станицы. Кругом царила тишина. Лишь заглушенный рев речушки да вой ветра нарушали ее.

Вдруг слева послышался какой-то шум. Шум нарастал, и вскоре стало ясно, что это едут какие-то всадники. Из белесой темноты появились их закутанные и облепленные снегом фигуры.

— Внимание, — шепотом передал по цепи Глеб. — Сползайте ко мне! Не шуметь! Без команды не стрелять!

Среди черневшего на снегу кустарника зашевелились темные фигуры. Это моряки ползком стягивались к своему командиру.

Всадники приближались. Они медленно ехали вдоль линии цепи, не подозревая опасности. Фыркали лошади, иногда раздавалось бряцание оружия, но вот стали доноситься и голоса.

— А что, товарищ, не повернуть ли? Зря нас командир погнал. Ну кто в такую погоду наступать пойдет? Ведь этакая вьюга, прости господи.

— Нет, товарищ, нельзя так. Боевой приказ. Оно, конечно. Зря все это. Ни лысого черта в степи теперь не встретишь. Ну да уж ладно. Вон до тех кустов доедем и повернем. Так уж, для спокойствия.

Всадники свернули к тем кустам, под которыми лежали моряки.

— Приготовиться! — наводя винтовку на первого всадника, прошептал Глеб.

Наступила томительная тишина.

Вдруг, почти у самых ног лошадей, раздалась громкая команда Глеба: «Взвод — пли!» Грянул залп, и несколько всадников мешками свалились со вздыбившихся лошадей. Красный разъезд остановился, но в следующую секунду, забыв о строе, кто как попало, всадники понеслись к станице. Щелкнуло еще два-три выстрела, но Глеб остановил стрельбу.

— Кто стрелял? Зачем стрелял? — послышался тревожный голос батальонного.

— Разъезд наскочил, — отвечал Глеб, — нельзя было не стрелять.

— Коли так, идемте вперед. Цепи встать! Цепи вперед!

Белая стена ожила. Темные фигуры, словно из-под земли выросших добровольцев, бесшумно двинулись вперед.

В уютной комнате дома станичного священника было жарко натоплено. За столом, уставленным бутылками и остатками трапезы, сидели два молодых человека. Один брюнет, явно выраженного еврейского типа, другой — блондин с голубыми глазами и небольшой русой бородкой.

— Мне кажется, что вы сегодня непозволительно беспечны, — говорил еврей. — Весь наш отряд спит по квартирам, и никто не сторожит. А что если именно эту ночь выберут корниловцы для атаки?

— Полно, товарищ комиссар, вы совершенно напрасно тревожитесь. В такую погоду, после тридцатипятиверстного перехода переправляться вброд через ледяной поток и атаковать свежего противника — полное безумие. Никогда Корнилов на это не рискнет. Впрочем, на всякий случай, я послал два конных разезда.

— Послали, — саркастически улыбнулся комиссар. — Я вам ручаюсь, что оба ваши разезда давно спят по квартирам.

— Не думаю. Не таких я назначил начальников разездов.

— А вы кого же назначили?

— Помните Федченко? Глуп, как пробка, но исполнительен до противности. Этот сдохнет, а приказание выполнит. С ним разезд не заснет. Другим разездом Кошкин командует. Это трус, каких мало. У него при приближении белых прямо кровь в жилах стынет. Этот все равно до зари спать не будет. Слышал я, что он несметное количество буржуев прирезал. Верно, возмездия боится. Нет, с такими людьми можно быть спокойным. А вам я советую не расстраиваться и ложиться спать. Утро вечера мудренее. Проснетесь, взойдет солнышко, и ваши сомнения, как дым, разлетятся. Давайте-ка лучше, для крепости сна, выпьем еще по единой.

Опрокинув по несколько стаканов «Донского», приятели разоблачились и растянулись. Один на широкой кровати, а другой на диване. Свет потушили. Вскоре густой храп известил комиссара, что начальник отряда заснул. Но бежал сон от глаз еврея. Близкое соседство Корнилова и его неизменные боевые успехи тревожили робкую душу сына Израиля. Он вслушивался в ночную тишину, но она не нарушалась

ни единым звуком. Только старые стенные часы, с рисунками на циферблате, мерно отбивали свое тик-так, да сочно храпел командир. Вдруг вдали послышался звук как бы раздираемого полотна. Для неопытного уха звук этот показался бы загадочным, но комиссару он был хорошо знаком. Как ужаленный, вскочил он с кровати.

— Товарищ командир! Товарищ! — тормозил он спящего. — Стрельба!.. Корнилов наступает! Ах, да проснитесь же вы, ради бога!..

— Что такое? В чем дело? — садясь на диван, наконец отозвался тот.

— Залп! Я сейчас слышал залп!

— Только-то? Один залп и больше ничего?

— Да что вам пушечной канонады надо! — волновался комиссар.

— Да нет. Я вас спрашиваю: залп был один или несколько? Ружейную трескотню после залпа вы не слышали? Впрочем, погодите. Если что-нибудь серьезное, то перестрелка и сейчас должна быть слышна.

Оба замолчали и стали прислушиваться, но тишина ночи не прерывалась ничем.

— Так в чем же, по вашему, дело? Почему этот залп? — волновался еврей.

— Попросту трусу Кошкину что-нибудь померещилось, он и дал залп, чтобы себя успокоить.

Прождав еще минут десять и ничего подозрительного не слыша, приятели успокоились и снова разлеглись на своих постелях.

Между тем, наткнувшись на моряков, разезд стрелков летел в станицу. Кошкин и его помощник были убиты, и разездом никто не руководил.

Влетев в станицу, разъезд свернул в одну из боковых улиц и понесся к месту квартирования.

— Товарищи! Корниловцы! Корниловцы в станице! — наперебой кричали всадники.

Подскакав к стоянке своего эскадрона, они произвели в нем полную панику. Как потревоженные осы в улье загудели кавалеристы.

— Какие корниловцы? Где корниловцы?

— В станице! Седлай! Выводи коней!

В поднявшемся бедламе ничего нельзя было понять. Командир эскадрона, из бывших вахмистров, пытался расспросить вернувшихся из разъезда, но те торопливо увязывали свои мешки и отвечали односложно.

— В станицу ворвались! Кошкин убит! Отвяжись, нуда! Не мешай!

Ничего не понимая, но встревоженный, как и остальные, он сам бросился увязывать свой мешок. Не прошло и десяти минут, как эскадрон уже мчался по пустынным улицам спящей станицы. Проносясь мимо расположений других красных частей, кавалеристы громко кричали: «Опасайтесь, товарищи! Корниловцы в станице!»

Паника росла. Разбуженные пехотинцы быстро одевались и выскакивали на улицу. Не слыша команд и не получая приказаний, обезумевшие люди толпами повалили вон из станицы. Вдруг в ночной тишине грянул выстрел. За ним другой, и поднялась ружейная трескотня. Разбуженные огнем, красные выскакивали из хат и попадали под обстрел невидимого врага. Станица ожила. Толпы обезумевших людей металась из одной улицы в другую и в темноте стреляли по своим.

Между тем, утомившись долгим ожиданием, комиссар заснул крепким сном. Вот вдалеке грянул выстрел. За ним второй. Заглушенная двойными рамами, послышалась беспорядочная стрельба. Мимо дома священника проскакало несколько конных. Не слышит комиссар ни стрельбы, ни конского топота. Мирно покоится он на мягкой поповской перине. Мирно тикают часы и выводит рулады спящий командир. Но вот выстрелы слышались уже совсем близко. Под окном раздался топот бегущих людей. Вдруг шальная пуля залетела в окно и осколки стекла посыпались на пол.

— Ай! Что это такое? Что это такое? — вскочил обезумевший от страха комиссар.

— Ай! Ай! Ай! Да отвечайте же мне, что это такое? — обливаясь холодным потом, приставал он к своему коллеге.

Но тот молча одевался, прислушиваясь к перестрелке.

— Да что ж это такое? Товарищ командир! — чуть не плача, завизжал еврей.

— Не кричите! Или не понимаете, что в станицу ворвались корниловцы?

— Корниловцы?! Боже мой! Что же нам теперь делать?

— Вы перестанете кричать или нет? — с угрозой в голосе ответил командир. — Одевайтесь и поскорее куда-нибудь прячьтесь!

— Да куда же мне спрятаться?

— В подвал, на чердак, в сарай. Куда хотите.

— А вы?

— Что я? Вы обо мне не беспокойтесь! О себе я и сам подумаю.

Комиссар стал поспешно одеваться. Но дрожащими руками он никак не мог попасть в рукава. Туалет обоих далеко еще не был закончен, как в сенях раздался топот множества ног. Дверь с шумом растворилась и, держа винтовки наперевес, в комнату ворвалось несколько человек в солдатской одежде и с блестящими погонами на плечах.

— Ни с места! — громовым, как показалось комиссару, голосом скомандовал один из вошедших.

— Руки вверх! — продолжал он, направляя штык в грудь комиссара. Это был Глеб.

Глава II

Наталья Владимировна Воробьева перед самой войной кончала одно из высших учебных заведений в Москве. Шла она прекрасно, и диплом ученого агронома, казалось, был ей обеспечен. Несмотря на близость цели, она легко бросила свои курсы, лишь только грянули первые выстрелы войны. Она поступила на курсы сестер милосердия, которые были открыты при Московском университете. Получив звание сестры, она уехала на Румынский фронт, в один из передовых госпиталей, и со всем пылом юной души отдалась новому делу. А дела было много. После каждого боя на фронтах госпиталь переполнялся новыми и новыми жертвами войны. Тяжелораненые требовали тщательного ухода за собой, а легкораненые — ласки, внимания и нравственной поддержки. Вот и билась Наташа, переходя от койки к койке, из палаты в палату. Однажды, после тяжелого боя, в офицерскую палату, которой за-

ведовала Наташа, санитары ввели раненого в ногу офицера. Его красивое, свежее лицо было бы привлекательным, если бы не глаза. Дерзкие, наглые и самоуверенные, они портили все впечатление. Наташе он сразу же не понравился. Уложив его на свободную койку, она занялась другими ранеными. Между тем из канцелярии принесли свежий цигель и укрепили его над головой вновь прибывшего. «Ротмистр Матвей Карягин», — прочла Наташа меловую надпись на нем.

— Сестра! — раздался резкий голос Карягина. — Сестра, я пить хочу

— Сию минуту. Вот только кончу перевязку.

Наполнив стакан водою, Наташа подала его офицеру. Тот взял, но, не поднося к губам, стал рассматривать покрасневшую девушку.

— Пейте же, — нетерпеливо промолвила она.

— А и хорошенькие же сестры в вашем госпитале! Все как на подбор. Этакое счастье, что я к вам попал! А ведь я было боялся, что попаду к крокодилам и что меня съедят, если не крокодилы в юбке, то скука и тоска.

— Пейте же! Мне некогда. Видите, сколько раненых.

— Ну, полно, полно! Не сердитесь, сестричка, — продолжал Карягин, пытаясь взять Наташу за руку.

— Я не сестричка, а сестра! — побледнела она, отдергивая руку, и, круто повернувшись, отошла от нахала.

— Ого! Какая строгость! — засмеялся Карягин. — Диана, да и только.

Яркий румянец негодования залил щеки оскорбленной девушки. Никто никогда не позволял себе обращаться с нею таким образом. Даже слезинки выступили на ресницах.

Избегая наглого офицера, Наташа до позднего вечера проработала в палате. Переходя от койки к койки, она буквально валилась с ног, когда поздним вечером пришли ее сменить. При выходе из палаты ее остановил голос Карягина.

— Сестра, прошу вас, подойдите ко мне.

Наташа подошла и, смотря поверх его головы, ледяным тоном спросила:

— Что вам угодно?

— Ну зачем такой тон? Я слышал, как мило вы болтаете с другими, а со мною и поговорить не хотите. А я, знаете, мастер поболтать. Я...

— Извините, ротмистр, мне некогда. Если вам что-либо понадобится, обратитесь к новой дежурной, — произнесла Наташа и повернулась, чтобы уйти.

— Да бросьте, сестра. Мне ничего не надо. Мне просто хотелось...

— Извините, — перебила она его. — Я вам повторяю, что мне некогда. — И быстро вышла из палаты.

— Фу, какая норовистая девчонка, — бурчал Карягин. — А хороша, черт возьми! Впрочем, еще посмотрим.

Из палаты Наташа отправилась в столовую персонала. Наглость офицера возмутила ее до глубины души, и она еле сдерживала волнение.

В столовой пили вечерний чай. За длинным столом расположились сестры, а в углу, за отдельным столиком, уполномоченный угощал только что приехавшего начальника дивизии. Высокий, сухой, моложавый старик, оживленно беседуя со старшим врачом, весело поглядывал на свеженькие личики молодых девушек.

— Вот я и приехал посмотреть ваш лазарет, — говорил генерал. — После последнего боя, надо надеяться, они не скоро оправятся. Так что есть немножко времени, чтобы отдохнуть.

— Здравствуйте, сестра, — перебил он себя при входе Наташи. — Ну что, как себя чувствуют ваши пациенты?

— Слава Богу. Впрочем, в моей палате особенно тяжелых нет. Все понемножку поправляются.

— Куда же это вы? — воскликнул генерал, видя, что Наташа собирается сесть за общий сестринский стол.

— Это все вы, — шутя напустился он на уполномоченного. — Посадили меня отдельно, словно пугало какое. Коли я генерал, так и права не имею побеседовать с барышнями! Сестра, сделайте милость, садитесь сюда. Садитесь же, садитесь! Уважьте старика!

Наташа, улыбаясь, села с ним рядом.

— Вы давно у нас на фронте?

— Скоро два месяца.

— И не страшно?

— Не знаю. Кажется, нет.

— Ну а как вы здесь развлекаетесь? Пооди в ухаже-рах недостатка нет!

— Что вы, ваше превосходительство, — засмеялся уполномоченный. — Сестра Воробьева так на них покрикивает, что к ней подступиться ни один не рискует.

— Вот вы какая, — проговорил генерал, внимательно оглядывая ее. — Но вы так и не ответили мне, как вы тут развлекаетесь в свободное время.

— Какие же тут развлечения? Не до них... Любуюсь природой, — подумав, продолжала она. — Места тут чудные. Дикие. Вот где охота должна быть.

— А вы охотник?

— Обожаю охоту. Особенно верхом.

— Знаете что? Хотите, завтра поедем в горы. Может быть, коза, зайчишка или еще что-нибудь попадет. Кстати, у меня есть прелестное маленькое ружьецо. Ведь у вас с собой вряд ли есть оружие.

Наташа оживилась.

— Если позволит начальство, я с радостью приму ваше предложение.

— Ну начальство авось разрешит, — заметил генерал снисходительным тоном. — Так завтра, часов в пять, мы и тронемся. Поручик, — обратился он к адъютанту, — распорядитесь, чтобы к пяти утра была пара оседланных коней, да пошлите за моими ружьями. Чтобы оба сюда привезли. Для сестры Любимчика прикажите оседлать. Он как раз ей по росту будет.

Солнце еще не всходило, когда Наташа, верхом на маленькой, резвой лошадке, одетая в мужской костюм, подъехала к палатке генерала.

— А вот и мы, — пристегивая шашку, вышел из палатки старик. — Здравствуйте, молодой человек, — засмеялся он, глядя на Наташу. — Покажите же, покажите ваше искусство верховой езды, — продолжая он, разбирая повод.

— Прохоров, подай ягдташ и двухстволку.

— Ну, кажется, все готово. С Богом.

Кони тронулись шагом через лазаретный поселок.

— Как вам нравится Любимчик?

— Прелестная лошадка, — отвечала Наташа, похлопывая по крутой шее животное.

— Вот как выберемся из поселка, давайте рысью пройдем. Мне хочется, чтобы вы посмотрели, какая у него прекрасная рысь.

Выехав из поселка, пустились рысью. Генерал испытующе поглядывал на свою молодую спутницу, невольно любясь ее оживленным личиком и легкостью, с которой она сидела в седле.

Первые лучи восходящего солнца брызнули из-за горизонта. Ярким золотом покрылись сплошь заросшие лесом величественные горы.

— Боже, какая дивная красота! — воскликнула Наташа. — Как величественны эти горы!

Генерал, как и она, любовался дивным пейзажем.

— Но куда же мы поедем? Выбирайте, сестра. Можно ехать по шоссе, а можно свернуть в горы, вон по той дорожке. Куда хотите?

— Идемте в горы.

Свернув на узкую, вившуюся змеей дорожку, они начали подниматься и, доехав до опушки леса, потонули в густой, зеленой листве.

Прогулка вышла очаровательной. Поднимаясь с горы на гору, спускаясь в лощины, они не столько охотились, сколько наслаждались природой, ароматным воздухом и отсутствием людей. В полдень, когда оба проголодались, на берегу безымянного ручья устроили бивак и закусили взятыми с собой запасами. День прошел незаметно. Солнце уже зашло и вдали засветились огни, когда они возвращались в поселок.

— Ну что же, сестра, довольны охотой?

— О, я страшно вам благодарна, ваше превосходительство. Этот день я провела с огромным удовольствием.

— Знаете что? Не называйте меня превосходительством. Для вас я Дмитрий Петрович. Да и мне разрешите называть вас по имени-отчеству. И давайте учредим охотничье общество из двух членов. Вы да я. Когда будет свободное время, я буду за вами заезжать и мы будем ездить в горы. Идет?

— Идет, — улыбнулась Наташа.

— А Любимчика и ружье я прошу вас оставить у себя, чтобы не таскать их каждый раз из штаб-квартиры. Прошу ими и без меня пользоваться, когда вам захочется прокатиться.

— Спасибо, Дмитрий Петрович, только ведь нам, сестрам, не разрешается верховая езда.

— Ну об этом не беспокойтесь. Я скажу вашему уполномоченному, чтобы он вам не препятствовал.

На следующий день Наташа снова дежурила по палате. Обойдя всех раненых, которые ее ласково приветствовали, она подошла к койке Карягина.

— Позвольте, я вам поставлю градусник.

— Здравствуйте, сестра. Градусника не надо. Я и без него чувствую, что температура у меня нормальная.

— Это все равно. По госпитальным правилам я обязана померить вашу температуру.

— Ну как хотите. Ставьте, если угодно. Только, пожалуйста, посидите около меня немножко.

— Извините, но я не имею времени.

— Полно сестра. Если захотите, то время найдете. Или я вам так противен? Ну позвольте, в знак внимания, поцеловать вашу ручку. — И он, схватив ее за руку, притянул к себе. С силой вырвав руку, красная от негодования, Наташа отступила.

— Я принуждена просить начальство защитить меня от ваших оскорбительных шуток, — проговорила она дрожащим голосом..

— Да постойте, сестра, я...

Но Наташа уже выбежала из палаты.

— Антон Петрович, — говорила она взволнованным голосом старшему врачу. — Антон Петрович, я убедительно вас прошу или переведите меня в другую палату, или возьмите из нее ротмистра Карягина. Я не могу работать в его присутствии.

— Да в чем дело? Что случилось?

— Он просто не умеет себя вести. Я ни за что не вернусь в палату, пока он там.

— Ох уж эти мне девичьи капризы, — нахмурился старший врач. Но, вспомнив о расположении к Наташе начальника дивизии, обещал перевести Карягина в другую палату.

«Странная девочка, — между тем думал Карягин. — До сих пор, бывало, только чуть-чуть поманишь и любящая сестра на шею тебе готова броситься, а эта... Да ну ее. Вот еще привязалась. Подумаешь. Невидаль». Но как он ни гнал от себя образ Наташи, тот стоял перед ним, гневный и очаровательный.

«И как к ней идет гнев, — продолжал думать он. — Прямо богиня да и только».

Размышления Карягина были прерваны появлением двух санитаров.

— Вам что надо? — обратился он к ним.

— Так что приказано перенести ваше высокоблагородие в третью палату.

— Это еще зачем? Кто приказал?

— Так что господин старший врач изволили прика-
зать.

— Идите вы к черту с вашим старшим врачом. Я не
желаю переходить из этой палаты. Так ему и передайте.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Санитары исчезли.

Однако не прошло и получаса, как сопровождаемый
теми же санитарями в палату вошел старший врач. Он
направился прямо к койке Карягина.

— Я вас прошу, господин ротмистр, не нарушать по-
рядка во вверенном мне госпитале и не препятствовать
персоналу выполнять их обязанностей.

— Да я в ваши порядки и не вмешиваюсь, но вовсе
не желаю, чтобы ради удовлетворения вашего каприза
меня таскали бы из палаты в палату.

— При чем тут каприз? Перевести вас в другую пала-
ту меня заставляет вовсе не каприз, а собственное ваше
поведение. Хотя я и не обязан давать вам отчет о моих
распоряжениях, сообщу вам, что распорядился я вашим
переводом потому, что вы обидели сестру этой палаты,
госпожу Воробьеву. По ее просьбе вы и переводитесь.

— Помилуйте! Каприз какой-то девчонки, которой
бог знает, что померещилось...

— Извините, ротмистр, госпожа Воробьева не ка-
кая-то девчонка, а сестра милосердия вверенного мне
госпиталя. Я вас покорнейше прошу говорить о ней не
иначе, как в надлежаще-почтительной форме.

— Скажите пожалуйста, — процедил сквозь зубы Ка-
рягин.

— Итак, господин ротмистр, согласны ли вы испол-
нить мое категорическое требование и оставить эту
палату?

— А если я не соглашусь?

— Тогда, извините. Я приму против вас решитель-
ные меры.

— Например? — презрительно улыбнулся Карягин.

— Простите, я считаю наш разговор оконченным и
жду лишь вашего ответа.

— Хорошо. Пусть несут. Но я вас предупреждаю, что
это в последний раз, когда я позволяю с собой подоб-
ные шутки.

Старший врач ничего не ответил, а санитары подня-
ли кровать и вынесли ее из палаты.

Дни тянулись за днями, ничем не нарушая моно-
тонной жизни госпиталя. На фронте царило затишье, и
раненых подвозили редко. Частенько, с разрешения
уполномоченного, Наташе седлали Любимчика, и она
отправлялась в горы. Иногда приезжал Дмитрий Пет-
рович, и тогда они вдвоем отправлялись на охоту на
целый день. Старик искренно привязался к молодой
девушке. Он оценил ее цельный, прямой характер, ее
серьезное отношение к жизни, а ее неподдельная ра-
дость при его приездах доставляли ему неизъяснимое
удовольствие.

Прошло около двух месяцев. Карягин выписался из
госпиталя и уехал в свой полк. Узвленное ли самолю-
бие, или какая-либо другая причина, но он не мог отде-
латься от воспоминаний о Наташе. Еще в госпитале,
когда его нога поправилась настолько, что он мог выхо-
дить, он всячески старался с ней встретиться. Но она так
искусно избегала его, что встреча так и не состоялась.

Однажды эскадрон, которым он командовал, был пе-
реброшен именно в ту местность, где находился госпи-

таль. С вершины горы, где он расположился, в ясную погоду можно было разглядеть госпитальные палатки и бараки. Служба, порученная эскадрону, заключалась в объездах всего близлежащего района прифронтовой полосы. Дело было скучное и не интересное. Карягина утомляло это, в сущности, бездействие. Кроме того, близость госпиталя и Наташи раздражали его. Он злился, гнал от себя образ ее, но все было напрасно. Стоило ему остаться праздным, как он начинал думать о ней, снова и снова переживая те немногие встречи, которые выпали на его долю во время лежания в госпитале.

Однажды в своем захолустье он получил большую посылку из России. В тот же вечер у него в землянке собрались все офицеры эскадрона — на рюмку коньяка. Была откупорена уже не первая бутылка, когда вдруг затрещал полевой телефон. Карягин снял трубку.

— В чем дело? Кто говорит?

— Наблюдательный пост № 3. Дозвольте доложить. Так что сестра едут.

Надо сказать, что со своей вершины Карягин не раз видел маленькую всадницу. В своей цейсовский бинокль он хорошо видел ее. Еще не зная, зачем ему это надо, но он приказал своим наблюдательным постам докладывать ему каждый раз, как заметят прогуливающуюся верхом сестру.

— Вот это мило, — обрадовались захмелевшие офицеры. — Провести вечерок за рюмкой коньяка, да еще в дамском обществе. Однако мы и не подозревали, что к тебе сестры ездят. И когда только ты успеваешь с ними знакомиться? Даже зависть берет. Право.

— Вахмистр! — высунувшись в дверь, крикнул Карягин.

Усатый унтер-офицер мгновенно вырос перед ним.

— Садись на коня и поезжай по дороге к госпиталю. Там ты встретишь сестру милосердия верхом на коне и в мужской одежде. Пригласи и проводи ее ко мне. Понял?

— Так точно, ваше высокоблагородие. Только, как прикажете, ежели оне не пожелают.

— Дурак. Коли не пожелают, арестуй и доставь сюда.

— Слушаю, ваше высокоблагородие.

Ничего не подозревавшая Наташа беспечно ехала на своем Любимчике. Этой дорогой она уже не раз ездил. Случалось, что она встречала солдат, но ни один из них ни разу не позволил себе ни малейшей грубости. Наоборот, при встрече с ней, дабродушные широкие лица обычно расплывались в улыбку и они дружелюбно здоровались с ней.

— Что мой Любимчик? Устала, лошадка? — разговаривала она с конем. — Ничего, ничего, ленивец. Скоро домой поедем. Видишь, как здесь хорошо.

И действительно кругом было хорошо. Дорога вилась по густому лесу. Кругом не было ни души. Ни один посторонний звук не нарушал гармонии природы. Шелест листвы, трели цикад да птичий гомон, одни наполняли воздух.

Вдруг вдаль послышался топот коня. Ничуть не беспокоясь предстоящей встречей, Наташа продолжала подыматься в гору. Топот все приближался, и вот из-за поворота, выехал ей навстречу знакомый вахмистр. Наташа направила Любимчика к краю дороги, чтобы дать проехать незнакомому всаднику, но тот, поравнявшись с нею, остановил коня.

— Здравствуйте, сестрица, — поклонился он.

Наташа ласково ответила ему, вопросительно оглядывая его рослую фигуру.

— Так что наш командир приказали проводить вас до ихней землянки.

— Какой командир? Я не к какому командиру не собираюсь ехать.

— Не могу знать. Приказали вас встретить и проводить.

— Ты, голубчик, ошибаешься. А может быть, и твой командир ошибся. Я тут никого не знаю, а еду только для прогулки, — продолжала она, улыбаясь.

— Так что не могу знать! Приказано.

Наташа сделала движение, чтобы объехать вахмистра.

— Пропусти же меня, голубчик.

— А как же к командиру-то?

— Я же тебе сказала, что твоего командира я не знаю и ехать к нему не собираюсь, — давая шенкеля, отвечала Наташа.

— Уж вы простите меня, сестрица, но командир приказали, ежели вы добровольно не пойдете, арестовать вас и силой к нему доставить.

— Как арестовать? За что арестовать?

— Уж того я не знаю. Приказано предоставить вас к нему, и все тут. Пожалуйте вперед, а я позади пойду.

— Но я не хочу ехать к твоему командиру, — попробовала она протестовать.

— Никак, сестрица, невозможно. Коли добром не пойдете, я силой вас повезу.

Делать было нечего. Не на шутку встревоженная, Наташа двинулась по указанной ей дорожке.

— Ничего не понимаю, — рассуждала она сама с собой. — Если за шпиона меня приняли, то почему этот

солдат называет меня сестрой? Посмотрим. Ясно, что тут какое-то недоразумение.

Между тем Карягин с нетерпением ожидал прибытия Наташи. Выпитый коньяк разбередил его нервы, и, не обращая внимания на захмелевших офицеров, он вышел из землянки и медленно пошел ей навстречу. Не успел он войти в лес, как увидел медленно приближавшихся Наташу и конвоировавшего ее вахмистра. Наташа сразу узнала Карягина. Сердце ее быстро-быстро заколотилось и кровь бросилась в голову.

— Здравствуйте, сестричка, — беря Любимчика под уздцы, приветствовал он ее насмешливым голосом. — А ты, — обратился он к вахмистру, — исчезни.

Тот дал шпоры и, лихо козырнув, мгновенно скрылся среди зелени лиса.

— Что вам угодно? — чуть слышно пробормотала Наташа побелевшими губами.

— Что мне угодно? Да просто соскучился по вас. Шутка сказать, более трех месяцев не виделась. Слезайте же, мой зверек, — и он обнял ее за талию, пытаясь снять с седла.

Не помня себя, Наташа взмахнула хлыстом и со всей силы ударила им Карягина по лицу. Ошеломленный неожиданностью, он инстинктивно закрыл лицо обеими руками и выпустил уздечку Любимчика. Этого мгновения было достаточно. Подняв коня на дыбы, Наташа круто повернула и стрелой полетела назад, к лазарету. Она неслась стремглав, не разбирая дороги и боясь оглянуться. Ее выручил инстинкт лошади. Любимчик искусно избегал опасностей и на полном ходу лавировал между ними. Благополучно спустившись в долину, она еще версты две пронеслась карьером, но, убедив-

шись, что погони за ней нет, пустила шагом взмыленную лошадь.

— Вперед это мне наука, — рассуждала она, немного успокоившись. — Уж слишком была я беспечна. Нет! Чтобы теперь я поехала одна, да еще так далеко! Дудки! Ни за что на свете.

Сообразив, что Наташа ускользнула и что ему ее не догнать, Карягин затрясся в бессильной ярости. Чтобы дать себе немного успокоиться, он вошел в лесные заросли и лег на траву, укрытый кустами. Лицо от удара горело.

«Вероятно, шрам виден, — думал он, ощупывая вспухший рубец. — С таким украшением, черт возьми, и домой показаться нельзя! Но как хороша! Как хороша! И дернуло же меня с первого же знакомства восстановить ее против себя. Нет. Это необыкновенная девушка. В ней есть что-то такое, чего в женщинах я еще не встречал. Но неужели же она так-таки и потеряна для меня? — Странно. Но этот вопрос вдруг отозвался болью в его сердце. — Да что я! Влюбился, что ли? Нет, так нельзя распускаться, а то чего доброго и впрямь влюбишься».

Между тем вечерело. Солнце зашло и наступили сумерки.

— Теперь, пожалуй, можно и домой. Эти шалопаи авось не заметят. Надо только вызвать их из землянки, — рассуждал он, вставая.

— Эй, господа! — выходя на полянку, крикнул он. — Чего вы, как кроты, забились под землю. Вылезайте сюда да бутылки с собой тащите.

Из дверей, пошатываясь, появились офицеры.

— Ну брат, однако, ты долго любезничал с сестрой. Да где же она?

— Фью, — засвистал Карягин. — Ее и след простыл.

— Что же ты не пригласил ее в землянку?

— Приглашал, да она законфузилась большого общества.

— И предпочла тет-а-тет с тобой! — засмеялся один из офицеров.

— А хотя бы и так. Ну, к черту сестру! Давайте лучше выпьем. Налейте же мне. Да не в рюмку. Лейте прямо в стакан. Сегодня я настроен напиться...

* * *

Медленно и монотонно тянулось время в лазарете. Иногда налетали немецкие аэропланы. Они сбрасывали по нескольку бомб, впрочем, не причинявших вреда, и улетали обратно. Опасаясь отъезжать далеко, Наташа ограничивалась ездой по шоссе. По-прежнему изредка приезжал Дмитрий Петрович, и тогда повторялись их прогулки вдвоем.

Наступила зима, и жизнь в лазарете стало еще тоскливее и однообразнее. Теперь уже реже приезжал генерал и реже устраивались прогулки. На фронте тоже наступило затишье. Готовились к весеннему наступлению. Приезжая в лазарет, Дмитрий Петрович не раз предсказывал окончание войны весной.

— Нет, теперь, поверьте, мы вдесятеро сильнее, чем были в начале войны, — говорил он. — Дайте только теплу наступить, и вы увидите, как двинутся вперед наши армии.

Но вместо ожидавшего наступления разыгралась революция. Вначале она почти не сказывалась в передовых частях, но чем дальше в лес, тем больше дров. Чем

старательнее углубляли революцию, тем труднее было справиться с ошалевшими солдатами. Даже в лазарете был устроен комитет, и санитары буквально не давали жить ни врачам, ни сестрам.

Видя такой развал и убедившись, что в таком хаосе работать нельзя, Наташа, простившись с Дмитрием Петровичем, уехала в Москву. Впоследствии она сама удивлялась, как ей удалось проехать, так как на железной дороге творилось что-то невообразимое. Поезда были битком набиты разнузданными солдатами. Солдаты были внутри, солдаты были на площадках, на крышах, на станциях. Словом, все и вся было заполнено солдатами.

В Москве Наташа погрузилась в водоворот революционного кавардака. Перед своим отъездом на фронт она заплатила квартирохозяйке за целый год вперед, а потому, вернувшись в Москву, прямо с вокзала отправилась в свою комнату, которую занимала вдвоем с подругой Женей Кандауровой.

— Наташа! Вот сюрприз! — воскликнула Женя при виде подруги. — Ну, удивила! Вот уж никак не ожидала! Да рассказывай же, рассказывай!

— Все, все расскажу, — улыбалась Наташа, целуя подругу. — Только дай мне сначала умыться. Ты себе представить не можешь, до чего я грязна.

— Как же ты приехала? Ведь, говорят, поезда забиты солдатами, которые прямо выглядывают частных пассажиров.

— Ах, и не спрашивай! Это был сплошной ужас, а не дорога. А что у вас тут делается? — полощась в воде, расспрашивала она.

— Право, я не сумею тебе объяснить. Делается что-то странное, и я ровно ничего не понимаю. Хочешь,

пойдем сегодня к Шелугиным. У них, как и прежде, по вечерам собирается общество. Там ты послушаешь, что говорят, и может быть поймешь что-нибудь. Воображаю, как обрадуются старики. Они и то каждый раз, как я прихожу, справляются о тебе.

— Что ж, отлично. Вот только я умоюсь, переоденусь, и отправимся.

В обширной квартире присяжного поверенного Шелугина Наташа и застала светское общество.

— Боже мой! Зайчик приехал! — воскликнула Ольга Васильевна Шелугина, полная, пожилая женщина, заключая Наташу в свои объятия. — Коля! Коля! — звала она мужа. — Посмотри-ка, кто приехал!

Из дверей столовой показалась тучная фигура Николая Ивановича Шелугина.

— Батюшки, зайчик! — растопырив свои толстые руки, быстро зашагал он навстречу гостье. — Ну и слава богу, что приехали. Не такое теперь время, чтобы молодой барышне оставаться одной: да еще где? Среди разнузданных банд христоробивого воинства. Идемте же в столовую. Вы там вам все по порядку расскажете.

За большим столом, в ожидании хозяев, сидело человек двенадцать гостей, большей частью Наташе не знакомых. Когда кончалась церемония представлений и приветствий, все с любопытством уставилось на нее, ожидая рассказа о положении на фронте. В кратких словах она передала им все, чему была свидетельницей.

— Да, — промолвил задумчиво Шелугин. — Дело идет быстрыми шагами. Может быть и можно было бы остановить всеобщий погром, но, к несчастью России, ею правит этот болтун и шалопай Керенский. Не ему успокоить взволновавшуюся стихию.

— Полноте, Николай Иванович, — возразил один из гостей, высокий блондин в статском костюме. — Вы уж слишком мрачно смотрите на положение вещей. Да и Керенский вовсе не так слаб, как вы думаете. Читали вы его последнюю речь? Железом и кровью, говорит, я...

— Железом и кровью, — презрительно фыркнул Шелугин. — Железом и кровью, а в Петербурге, под самым его носом, какой-то проходимец Ленин силой захватывает частный дом и открыто призывает к погрому. Железом и кровью, — продолжал он, — а солдаты не слушают своих офицеров, дезертируют, а иногда даже убивают своих командиров. Железом и кровью... слова, театральные позы и слова.

— Николай Иванович, — обратилась к нему Наташа. — Я тут ровно ничего не понимаю. Сделайте милость, расскажите, что такое творится?

— А никто, никто, дорогой мой зайчик, не понимает. Положение таково: есть у нас правительство во главе с Керенским, но есть и Совет рабочих и солдатских депутатов, самочинно принявший на себя роль контроля над правительством. Керенский, с одной стороны, из сюртука вылезает, чтобы заставить солдат воевать, а с другой — подрывает престиж офицерства и позволяет беспрепятственную пропаганду шайки разбойников, именующих себя большевиками, к прекращению войны и всеобщему погрому. Я вам вот что скажу, милый зайчик. Укладывайте-ка вы свои вещи да уезжайте поскорее домой, в ваш глухой городок. Авось предстоящая резня там не примет таких широких размеров.

— Николай Иванович, да перестаньте нагонять страх на барышню, — опять заговорил блондин. — Положе-

ние, правда, очень тревожно, но говорить о погроме, о резне как будто бы рановато.

— Ну да вы опять со своим Керенским, как курица с яйцом, — раздражительно заметил Шелугин.

— Что-то Митя давно нет из училища, — перевела разговор Ольга Васильевна. — Сегодня суббота, он к пяти часам должен был бы прийти, а сейчас уже шесть скоро.

— А Митя в каком училище? — полюбопытствовала Наташа.

— В пехотном Александровском. Не пожелал кончать университета. Загорелось на войну поскорее, — ответил ей Шелугин.

— Да и Лели тоже долго нет, — продолжала Ольга Васильевна. — Ох, хуже нет, как иметь взрослых детей в такое время.

В передней раздался звонок.

— Ну, слава богу, это верно кто-нибудь из детей.

В комнату вошли Митя в форме юнкера Александровского училища и Леся, молоденькая девушка, подруга Наташи по курсам.

— Зайчик! Вот не ожидала! — бросилась она целовать подругу. — Когда ты приехала? А у нас-то что творится! Прямо не приведи господи, — продолжала она, здороваясь с присутствующими. — Вы знаете, — обратилась она ко всем, — в Петербурге восстание. Керенский сбежал в Гатчино.

— Что? Что такое? — послышалось со всех сторон....

— Вот оно. Началось, — подавленным голосом произнес Шелугин.

— Да, папа, я только на минутку забежал домой, чтобы предупредить вас. Я должен ночевать в училище.

— Это еще зачем? — взволновался отец. — Уж не хотят ли и вас, юнкеров, втянуть в эту грязную историю?

— Да. В случае восстания юнкера всех училищ, под общим командованием, будут охранять Москву до подхода войск.

— Ну уж это дудки! Я не разрешаю тебе принимать участие в этой драке.

— Папа, не забывай, что я присягал временному правительству и должен исполнить свой долг, — тихо, но внушительно, отвечал юноша. — Леля правду говорит. Петербург захвачен большевиками. Керенский с частью войск отступил в Гатчино. К нему, говорят, идет подкрепление с фронта, но пока оно еще не подошло. Здесь, у нас, тоже ожидается восстание, а потому нам приказано не расходиться из училища и быть наготове.

Несчастный старик опустил голову, не находя, что возразить.

— Иди, господь с тобою, — наконец произнес он, целуя сына и незаметно смахивая непрошенную слезу.

— Да что вы? Белены объелись оба! — закипятилась Ольга Васильевна. — Мыслимое ли дело, чтобы ребенка заставляли принимать участие в усмирении мятежа. Даст Бог и без Мити найдутся защитники. Ни за что не пушу! И слушать ничего не хочу.

— Не могу, мама. Никак не могу. Вы лучше успокойтесь и дайте мне чего-нибудь перекусить, так как я голоден, как волк. В училище же я все равно пойду. Лучше об этом и не разговаривать.

Зная настойчивый характер сына, Ольга Васильевна печально умолкла.

— Ах, да, папа, у меня к тебе есть важное поручение, — торопливо пережевывая пирог, продолжал Митя. — Я принес тебе письмо, которое завтра, во что бы то ни стало, надо доставить по адресу. Я потом объясню тебе, в чем дело.

Не желая мешать хозяевам в такую минуту, гости стали расходиться.

Наташу и Женю Ольга Васильевна упросила не покидать их и остаться ночевать.

Все гости уже разошлись, только один блондин чего-то мешкал в передней. Видимо, ему хотелось что-то сказать, но он не решался. Наконец, прощаясь с Митей, он предложил оказать услугу и доставить письмо по адресу, чтобы не беспокоить Николая Ивановича. Доверчивый юноша уже расстегнул свой мундирчик, но Николай Иванович остановил его.

— Не беспокойтесь, Филипп Павлович. Для меня не составит труда занести письмо. Даже полезно будет. По крайней мере, прогуляюсь немножко.

Пожав плечами, Филипп Павлович еще раз раскланялся и вышел.

— Не нравится мне этот господинчик, — заговорил Николай Иванович, лишь только тот вышел. — Что-то есть в нем этакое противное. В глаза не смотрит, а сам как будто бы в душу к тебе влезть хочет. Ну давай письмо, — обратился он к сыну, — да расскажи, в чем дело.

— Письмо это имеет огромное значение, — начал Митя. — Наш начальник, предвидя восстание, пишет в ставку о срочной присылки подкрепления. Так как он сегодня занят каждую минуту, то поручил мне доставить его письмо его родственнику-летчику, чтобы тот, не теряя времени, вылетел бы в Могилев.

— Понимаю, — протянул Николай Иванович. — Только не верю я, чтобы ставка вам помогла. Сама бес- сильна ставка.

— Так-то оно так, — возразил Митя. — Да дело в том, что, по сведениям нашего командира, в Могилеве сей- час находится N казачья дивизия. Вот на нее то мы и надеемся, так как казаки еще верны Керенскому.

— Дай бог, дай бог, — задумчиво произнес старик. — Но я вижу, что письмо необходимо доставить сегодня же. Бог знает, что будет завтра, а рисковать, таким обра- зом, прямо преступление. Ты когда идешь в училище?

— Через полчаса.

— Ну и я с тобой выйду. Ведь если завтра, почему- либо, окажется невозможным доставить письмо, так я себе места не найду. Уж лучше сейчас сделать это дело.

Притихшие женщины с тревогой следили за разго- вором:

— Митенька, Митя, — вдруг всхлипнула Ольга Ва- сильевна. — Ну пожалей ты свою старуху-мать. Не ходи, останься дома. Скажись больным.

— Перестань, мамочка. Я не изменю присяге. Все рав- но пойду. Не мучь ты себя понапрасну. Авось все бла- гополучно кончится. Ведь еще, может быть, что и восстания-то никакого не будет, — обнимая мать, ста- рался ее успокоить Митя.

В передней, надевая пальто, Николай Иванович вдруг почувствовал себя дурно. Из-за волнения у него начался сердечный приступ.

— Вот не во время, — стонал он, вытягиваясь на кушетке. — Но как же с письмом?

— Давайте я его доставлю, — предложила Наташа.

— А вам не страшно?

— Чего же мне бояться? — улыбнулась она, пряча письмо за корсаж.

— Ох, — стонал Николай Иванович. — Благослови вас Господь, милый мой зайчик.

Оставив больного Николая Ивановича и плачущую Ольгу Васильевну на попечении Лели и Жени, Митя и Наташа вышли из подъезда.

Ночь была темная. Фонари не горели. Выйдя на улицу, некоторое время они стояли на месте, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте.

— Знаете, Наташа, — заговорил юноша. — Сдается мне, что восстание вспыхнет еще этой ночью, а пото- му... — вдруг он умолк. Вдалеке, за поворотом улицы, послышался топот ног двигавшейся группы людей. Вскоре насторожившиеся уши молодых людей ясно рас- слышали лязг столкнувшихся винтовок.

— Это к нам, — взволнованным шепотом произнес Митя, увлекая свою спутницу в нишу ближайшего подъезда.

Не успели они скрыться в углубление стены, как из- за угла появилось человек десять вооруженных людей. При свете электрического фонарика, вспыхнувшего в руках одного из них, Митя узнал шедшего впереди.

— Вахромеев, — прошептал он в ужасе.

— Кто такой Вахромеев? — так же тихо спросила На- таша.

— Филипп Павлович. Что у нас сегодня был. Кого- рый еще письмо предлагал отнести. Помните?

Между тем вооруженные люди остановились у подъезда Шелугина.

— Здесь, — произнес знакомый, как показалось На- таше, голос.

Затаив дыхание, стараясь не выдавать своего присутствия, стояли молодые люди, прижавшись к стенке. По-видимому, кто-то позвонил, так как вскоре Митя и Наташа заметили свет, появившийся сначала в гостиной, а затем и в передней. Через минуту дверь парадного отворилась и вся толпа скрылась за нею.

— Это за письмом, — заговорил Митя — Без сомнения Вахромеев донес большевикам. Слава богу, что письмо у вас. Теперь нельзя терять ни минуты. Бегите возможно скорее по адресу, а я полечу предупредить начальство о том, что видел. Нет сомнений, что восстание уже началось.

Он крепко стиснул маленькую руку Наташи и чуть не бегом пустился по улице.

Подождав несколько мгновений и не заметив на улице ничего подозрительного, Наташа тоже вышла из ниши и зашагала на Лубянку.

Несмотря на сравнительно ранний час, улицы Москвы точно вымерли. Изредка, то там, то сям, слышался топот двигавшихся групп людей. Иногда доносился лязг железа, как бы от столкнувшихся штыков. Выбирая улицы потемнее, Наташа спешила как могла. Уставшая до крайности, наконец она остановилась у ворот небольшого дома и, внимательно проверив номер его, двинулась во двор.

— Кажется здесь, — рассуждала она, поднимаясь по лестнице. Чиркнув спичку, она с трудом разобрала надпись на визитной карточке, прибитой на одной из дверей: «Николай Петрович Струйский — летчик».

«Слава богу, нашла!» — подумала она, принимаясь звонить.

Через минуту дверь отворилась и на пороге показался молодой, одетый в домашнюю форму, офицер.

— Могу ли я видеть господина Струйского?

— К вашим услугам, — отвечал офицер и жестом пригласил Наташу войти. — Чем вам могу служить, барышня? — продолжал он, подвигая ей стул.

— Если вы господин Струйский, то у меня есть к вам письмо, — доставая его, произнесла Наташа.

Струйский молча взял письмо и принялся читать. Чем дальше он читал, тем все более и более густые брови его хмурились. Наконец, окончив чтение, он взглянул на гостью.

— Вы в курсе дела? — спросил он ее.

— Приблизительно.

— В этом письме меня просят вылететь завтра в Могилев. Конечно я исполню поручение, но только в том случае, если завтра на аэродроме будут производиться полеты. Вылетев, как бы на практику, я буду совершенно свободен лететь куда мне вздумается, но боюсь, что прислуга аэродрома, ввиду начавшегося в Петербурге восстания, не пожелает работать. Тогда, к сожалению, я ничего не смогу сделать. Во всяком случае, постараюсь, — прибавил он задумчиво.

— Моя миссия исполнена, — встала Наташа. — Позвольте от всей души пожелать вам успеха.

— Куда же вы? Может быть стаканчик чаю позволите?

— Нет, благодарю вас. Я очень тороплюсь.

Выйдя от Струйского, Наташа уже более спокойно отправилась домой.

— Начинается, — думала она. — Бедные Шелугины. Что-то с ними сейчас?

Где-то прогремели несколько выстрелов, затем минуты на две где-то поднялась перестрелка.

— Вот оно! — мелькнуло в ее голосе. — Что-то будет завтра!

Выйдя от Шелугиных, Филипп Павлович быстро зашагал по улице.

«Такое известие, — думал он, — наверное, зарекомендует меня в их глазах. А письмо-то, кажется, очень важное. Иначе не стали бы его пересылать через юнкера и даже самого старика Шелугина. Вероятно, юнкерское начальство, боясь, что за ним следят наши люди, и придумало такой хитрый способ».

Поворачивая несколько раз из улицы в улицу, он наконец остановился перед одним из домов. Стукнув три раза в окно и троекратно нажав пуговку звонка, он начал ждать. Вскоре за дверью раздались шаги и чей-то хриплый голос спросил его: «Кто там?»

— Прохожий на огонек, — отвечал Вахромеев условную фразу.

Дверь отворилась. Вахромеева встретил какой-то человек, одетый в кожаную куртку.

— Это вы, товарищ Вахромеев? Но ведь еще рано.

— Важное сообщение. Где комитет?

— Да все там же. Ну идите, что ли!

Пройдя небольшой коридор и открыв одну из дверей, Вахромеев очутился в обширной комнате, залитой светом и переполненной людьми. В комнате было накурено, пол засыпан окурками и заплеван. Присутствовавшие были, большею частью, в рабочих костюмах или в матросской форме с пулеметными лентами через плечо и револьверами у поясов. За большим письмен-

ным столом сидело три человека в штатском. Один из них что-то писал, а двое других, перегнувшись через плечо, читали написанное. Остальные, не обращая на них внимания, вполголоса беседовали между собой.

— Краснопольский! — вдруг, окончив писать, крикнул сидевший за письменным столом.

Широкоплечий, грязный, с запачканным лицом поднялся со стула один из рабочих.

— Возьмите вот эту бумагу и немедленно отнесите ее в нашу типографию, а затем возвращайтесь сюда.

Не обращая больше внимания на Краснопольского, говоривший уже собирался было снова писать, но тут взгляд его упал на Вахромеева.

— А вам, товарищ, что здесь угодно? — враждебным тоном спросил он.

— Имею сообщить нечто важное, — отвечал Вахромеев, приближаясь к столу. — Только что я был у присяжного поверенного Шелугина и при мне прибежал сын его, юнкер Александровского училища. Так вот, этот юнкер принес отцу, для немедленной передачи, какое-то письмо. Причем несколько раз повторил, что оно имеет огромное значение. Я полагаю, что это письмо написано кем-нибудь из руководителей контрреволюционеров и что оно, может быть, будет небызынтересно для вас. Кроме того, по словам юнкера, белогвардейцы ожидают нашего выступления и готовятся отразить его.

— Это каким образом вам известно?

— Все со слов того же юнкера.

— Гмм... Это интересно. Вот что, товарищ Вахромеев, я сейчас дам вам десять человек нашей гвардии. Идите в квартиру Шелугина. Если понадобится, произведите обыск и во что бы то ни стало достаньте мне это

письмо. Старика Шелугива захватите с собой. Там, в подвале, еще найдется место для одного. Поняли? Эй, товарищ Языков! — крикнул он. — Возьмите десять человек гвардейцев и поступите в распоряжение товарища Вахромеева.

«Кажется, выходит недурно, — думал Вахромеев, шагая по улицам во главе отряда. — Теперь они перестанут сомневаться в моей преданности. Вот как они попадут к власти, — продолжал он свои радужные мечты, — найдется тогда и мне тепленькое местечко. Уж и пощупаю же я карманы московских толстосумов! Да. Умному человеку только теперь и возможно выбиться в люди. Только не зевай, Вахромееюшка! А как набьешь карман золотом, так и за границу. Поминай как звали».

— Далеко ли еще, товарищ? — обратился в нему Языков.

— Вот за этим углом. С правой стороны.

Подойдя к подъезду Шелугиных, Языков вынул электрический фонарик и осветил визитную карточку, прибитую к дверям. «Николай Иванович Шелугин. Присяжный поверенный» — с трудом читал он, в то время как Вахромеев нажал кнопку звонка. В квартире Шелугиных еще не ложились спать.

Николай Иванович, не находя себе места от мучавшего его приступа, лежал на кушетке. Ольга Васильевна сидела около мужа, прокладывая холодные компрессы к его груди. Леля и Женя, подавленные и испуганные, ушли в Лелину комнату.

Вдруг задребезжал звонок.

«Кто бы это мог быть? — подумала Ольга Васильевна, направляясь в переднюю. — Да ведь как настойчиво звонит. Уж не Митя ли вернулся?»

Растворив дверь, она в ужасе отступила. Перед ней стоял Вахромеев, а за ним целая толпа вооруженных бродяг.

— Не беспокойтесь, Ольга Васильевна. Мы ничего плохого вам не сделаем, — проходя мимо обомлевшей женщины, промолвил Вахромеев.

Очнувшись от столбняка, Ольга Васильевна бросилась в комнаты.

Николай Иванович нетерпеливо ожидал возвращения жены чтобы узнать о позднем посетителе, как вдруг услышал в гостиной топот целой толпы и бряцанье оружия. Не успел он сообразить, в чем дело, как на пороге, сопровождаемый вооруженными людьми, появился Вахромеев.

— Извините, Николай Иванович, но, повинуюсь партийной дисциплине, я принужден потревожить вас.

— Ах, это вы? — не вставая с кушетки, произнес Николай Иванович. — Это какой-же партии вы повинуетесь?

— Я социал-демократ, большевик.

— Ах вот оно что! Так что же вам от меня угодно?

— Мне необходимо получить то письмо, которое сегодня передал ваш сын для пересылки по адресу.

— Так, так, — согласился Николай Иванович, — Вы вот только что сказали, что принадлежите партии большевиков, а я вам говорю, что к партии подлецов вы принадлежите! Вы слышите? Я вам говорю, что вы подлец! — выкрикнул Николай Иванович, садясь на кушетку и хватаясь руками за сердце.

— Это что же? Никак буржуй ругается, — выступая вперед, произнес Языков.

— Оставьте, товарищ. Я сам, без вашей помощи, управлюсь, — остановил его Вахромеев. — Мне некогда, господин Шелугин, пререкаться с вами. Потрудитесь немедленно отдать мне письмо.

— Вон!.. — заревел Николай Иванович, вскакивая на пол. — Вон, мерзавец, из моего дома, — и, ринувшись к Вахромееву, с силой, которую трудно было предположить в старике, ударил его по лицу. Но вдруг зашатался, схватился за сердце и навзничь упал на ковер.

— Коля! Коля! — с воплем бросилась к мужу Ольга Васильевна, но, наклонившись над ним, вдруг умолкла. Все было кончено. Сердце бедного Николая Ивановича не выдержало напряжения, и моментальная смерть освободила его от предстоявшего ареста и пыток.

Безмолвно, не сводя глаз с мертвеца, Ольга Васильевна сидела на полу, окруженная смущенными красноармейцами. Первый опомнился Вахромеев

— Сударыня, — заговорил он. — Так как ваш не муж может исполнить моего требования, обращаюсь к вам от имени партии большевиков. Я требую выдачи письма.

Ольга Васильевна молчала.

— Да вы слышите, что я вам говорю? — уже раздражаясь, крикнул он.

Но Ольга Васильевна ничего не отвечала. Ее бессмысленный взгляд блуждал по лицам красноармейцев.

— Пошевелить старуху надо, — опять вмешался Языков, и, взяв ее за плечи, поднял и, несколько раз встряхнув, поставил на ноги. Но Ольга Васильевна по-прежнему молчала.

— И от нее ничего не добьешься, — отступая, заявил Языков.

В это время, привлеченные шумом, на пороге появились Леля и Женя. Несколько мгновений, еще не понимая, что происходит, они стояли молча, но в следующую минуту, сообразив и поняв все, Леля, как безумная, бросилась на труп отца и забилась в истерике.

«Этого еще не доставало!» — покусывая усы, подумал Вахромеев.

— Скажите хоть вы, — чуть не плачущим голосом обратился он к Жене. — Где письмо, которое сегодня принес молодой Шелугин?

Перепуганная девушка не скоро сообразила, чего от нее хотят.

— Письмо это отнесли по адресу, — наконец пролепетала она.

— Кто отнес? — оживился Вахромеев.

Но, сообразив, что она чуть не выдала подруги, Женя стала искать выхода.

— Кто отнес? — повторил Вахромеев.

— Да только что вы ушли, пришел какой-то офицер, а так как у Николая Ивановича начался припадок, то он и попросил его отнести письмо по адресу.

— А кто этот офицер? — допытывался Вахромеев.

— А я, ей-богу, не знаю. Я в первый раз в жизни видала его сегодня.

— Ну а адрес-то, адрес на конверте какой был?

— Да ведь я и не видала письма. Откуда я могу знать адрес?

«Прогорело мое дело», — подумал Вахромеев.

— Идемте, товарищи, — обратился он к своей банде. — Здесь нам больше нечего делать.

На другое утро встревоженные жители Москвы были разбужены стрельбой, доносившейся с окраин города. Вскочив с постели и вспомнив события вчерашнего дня, Наташа догадалась, что началось восстание. Быстро одевшись, на ходу застегивая пальто, она уже выходила и переднюю, как в противоположных дверях, вся бледная и растрепанная, появилась квартирная хозяйка.

— Что это такое? Вы не знаете, почему стрельба? — взволнованным голосом затараторила она.

— Восстание. Восстание большевиков, — на ходу отвечала Наташа.

— Да куда же вы-то в такое время?

— Извините. Спешное дело есть, — отвечала та, сбегая по лестнице.

— Господи помилуй, — застонала хозяйка. — Ведь покою проклятые не дают. Жить невозможно, — причитала она, скрываясь в глубине коридора.

Выбежав на улицу, Наташа не успела пройти и одного квартала, как наткнулась на патруль из офицеров и юнкеров.

— Вы куда, барышня? — остановили ее.

— Господа, я сестра милосердия и рассчитываю, что мои услуги могут принести хоть небольшую пользу общему делу.

— Да, сестры вам нужны. Если вы в самом деле хотите нам помочь, то идите в Александровское военное училище. Там вам дадут работу.

Простившись с патрулем, Наташа поспешила в училище. По дороге ей то и дело попадались патрули, которые, узнав цель ее путешествия, беспрепятственно пропустили ее. В обычное время в этот час улицы Москвы бывали переполнены народом, но теперь Наташа

встречала только патруля да изредка торопливо перебежавших через улицу каких-то женщин, по-видимому прислуг, спешивших записаться продуктами.

— Вам что угодно? — остановил Наташу юнкер, стоявший на часах у дверей училища.

— Она объяснила.

— Пожалуйста на второй этаж в комнату № 22. Там происходит распределение медицинского персонала.

Поблагодарив юнкера, она поднялась по лестнице и постучала в указанную ей комнату.

— Войдите, — раздался голос.

Открыв дверь, Наташа попала в большую комнату, заставленную столами, на которых лежали, знакомые ей, санитарные сумки с перевязочным материалом. У окна, за небольшим столиком, сидел пожилой человек в форме военного доктора, окруженный женщинами и молодыми людьми в студенческих фуражках.

— Я сестра, — начала было Наташа, обращаясь в доктору.

— Прекрасно, прекрасно, — отвечал тот. — Вы уже работали где-нибудь?

— Да. Я только что с Румынского фронта.

— Отлично. В таком случае возьмите вот эту сумку и поспешите на работу. Вот этот молодой человек, — указал доктор на одного из студентов, — он будет стоять при вас как санитар. Он же и проведет вас к месту работы. Кстати, как вас зовут?

Наташа назвала себя.

— Слава богу, не далеко. Вот пройдем эту улицу, до третьего угла, и повернем направо; там, по правой руке, будет маленький ресторанчик. Он то и есть наш перевязочный пункт.

— А где сейчас большевики?

— Большевики захватили окраины города и пытаются проникнуть в центр, но наши части сдерживают их.

— Так что в самом городе сейчас безопасно?

— Да, вполне.

— А кто командует нашими войсками? — продолжала Наташа.

— Какой-то полковник Верковский. Он и план защиты разработал, он и командует.

На перевязочном пункте Наташа застала молодого военного врача, с помощью двух сестер перевязывавшего раненых.

— А... и вы к нам, — обратился он к вошедшим. — Вот и отлично. Отдохните немного, господа, и идите по ближайшим улицам. Легкораненых сами перевязывайте, ну а кто потяжелее, тогда ведите сюда.

— Да я не устала, — возразила Наташа.

— В таком случае, с Богом, — не отрываясь от работы, отвечал врач.

Целый день пробродила Наташа, перевязывая раненых тут же на улице или заходя в подъезды домов. Легкораненые обычно после перевязки возвращались в строй. Иногда мимо Наташи проносили на носилках или просто на руках тяжелораненых. Перестрелка не умолкала целый день и только под вечер стала стихать. К ночи она почти совсем прекратилась.

— Ну теперь по домам, господа, — снимая халат, обратился к своим помощникам доктор. — Завтра, чуть свет, приходите прямо сюда.

Чуть забрезжил свет, Наташа уже была на перевязочном пункте.

— Вот что, сестра, — обратился к ней доктор. — Сегодня попрошу вас остаться здесь и помогать мне, так как одна из моих помощниц почему-то не явилась, а без помощи опытных сестер мне не справиться.

Не успели еще разложить медикаменты и приготовить все необходимое, а двери ресторана уже начали поминутно открываться, впуская все новых раненых. Тут были и офицеры, но главным образом юнкера.

— Как дела? — иногда, окончив перевязку, спрашивал доктор кого-нибудь из пришедших.

— Да неважно, — обыкновенно отвечали ему. — Уж очень много красных и мало нас. Если бы еще к нам присоединились офицеры, живущие в Москве, а то одни юнкера да офицеры-фронтовики. Мало людей. Не хватает.

Однажды на перевязочном пункте появился пожилой капитан. Пуля пробила ему плечо, и он сам, без посторонней помощи, добрался до пункта.

— Чем вы нас утешите? — перевязав, спросил его доктор.

— Да признаться мало утешительного. Шаг за шагом уступаем кварталы. Если помощь не опоздает, то все же не сдадим Москвы. С недельку кое-как продержимся еще. Вообще удивляться надо нашей молодежи. Ведь почти без отдыха, а не унывают. Ей-богу, молодцы! Сегодня приезжал к нам Верковский. Говорит, что через три-четыре дня непременно будут здесь казаки. Вот на них и надеемся. Ну до свидания. Иду спать к своим орлятам.

День проходил за днем. Кольцо большевиков все суживалось. Теперь уже и на центральных улицах было небезопасно. Пули летали и там, ударяясь о каменные стены строений и разбивая стекла окон.

Однажды, увлеченная работой, Наташа вздрогнула услышав знакомый голос, назвавший ее по имени. Обернувшись, она увидела бледного как полотно Митю Шелугина. Он лежал на носилках.

— Митя! Голубчик! Куда вы ранены? — бросилась она к нему.

— В грудь, но это все равно. Я знаю, что умру, — прохрипел Митя, и на глазах его заблестали слезы.

— Полноте глупости говорить, — пыталась успокоить его Наташа. — Вот сейчас доктор вас перевяжет и...

— Не утешайте, — перебил он ее. — Я знаю, что умру. Раненый замолчал, собираясь с силами.

— Да не во мне дело, — продолжал он. — Передали вы письмо?

Наташа утвердительно кивнула головой.

— Слава богу! Прошу вас передать папе и маме, — останавливаясь на каждом слове, продолжал Митя, — чтобы, как только представится возможность, уезжали бы из Москвы. Я чувствую, я знаю, что нам не одолеть. Мы слишком слабы. А когда эти звери победят, они никому не дадут пощады. За эти дни я насмотрелся таких ужасов, какие мне и во сне не снились. Вы знаете, на моих глазах распяли одного юнкера.

Больной закрыл глаза и на губах его показалась кровь.

— Прощайте, Наташа, — прошептал он, чуть пожимая ее руку. Передайте... — Но тут силы окончательно оставили его и он замолчал.

— Доктор! Доктор! — закричала Наташа, обнажая раненую грудь юноши.

Осмотрев рану и выслушав раненого, доктор печально вздохнул и, сделав знак Наташе, произнес:

«...» — Залейте йодом и забинтуйте. Пока больше ничего не надо.

В этих словах Наташа прочла смертный приговор.

«Несчастливая семья, — думала она, перевязывая Митю. — Потерять таким молодым такого чудного сына. Бедные, бедные Шелугины».

Вдруг Митя широко раскрыл глаза, вздрогнул, вытянулся, по лицу его пробежала судорога, и он затих.

— Скончался, — прошептал доктор.

Не замечая течения времени, работали на перевязочном пункте, отрываясь лишь на короткий срок, чтобы перекусить или, выскочив на улицу, подышать чистым, морозным воздухом. Теперь стрельба раздавалась совсем недалеко и чуть ли не с каждым часом подвигалась все ближе и ближе. Из рассказов раненых было ясно, что почти вся Москва уже в руках красных и что только самый центр ее защищается белыми. Однажды в разгар работы на перевязочный пункт вбежал какой-то юнкер.

— Спасайтесь, господа, — закричал он. — Верковский нас предал. Мир заключил с большевиками. Уже весь город в руках красноармейцев.

— Что такое? Что такое? — посыпались вопросы, но юнкер уже исчез.

— Сестра, — обратился доктор к Наташе. — Выйдите, пожалуйста. Узнайте в чем дело. Неужели правду сказал тот сумасшедший.

Наташа поспешно вышла на улицу и, не пройдя десяти шагов, наткнулась на группу офицеров и юнкеров, причем все были без оружия.

— Господа! — обратилась она к ним. — Что случилось?

— Преданы, преданы! — ответили ей хором. — Бросайте вашу сумку. Спешите домой, пока вас не арестовали.

— Да в чем же дело?

— Мир заключил Верковский. Теперь нас, как зверей, по улицам травят, — отвечали ей из толпы. — Спешите же домой.

Пройдя еще немного, Наташа встретила вторую группу, но уже окруженную вооруженными рабочими.

— Эй, ты, ваше превосходительство, чего отстаешь? — крикнул один из конвойных, ударяя штыком, по-видимому раненого, едва волочившего ноги юнкера.

На шинели несчастного показалось пятно крови. Все стало ясно Наташе. Круто повернув, она побежала назад.

— Стой! Ты, мадамзель, — услышала она сзади окрик, но, не останавливаясь и не оборачиваясь, продолжала бежать.

— Стой! Тебе говорят, — снова раздался крик, а следом за ним Наташа услышала звук выстрела и пуля ударила в стену рядом с ней.

«Только бы до угла добежать, — мелькнуло в ее голове. — Туда они не пойдут. Не бросят пленных».

Еще две пули прожужжали мимо ушей, но спасительный угол был близок. Одна минута, и она скрылась за поворотом. Спрятавшись в нишу ворот большого дома, Наташа выждала, пока красноармейцы прошли мимо укрывавшей ее улицы, и стремглав полетела на пункт.

— Все кончено! — объявила она, влетая в комнату. — Красногвардейцы уже здесь, в центре, и арестовывают

офицеров. Сейчас, совсем недалеко отсюда и по мне стреляли.

Бледные как полотно, смотрели на нее раненые.

— Ну, господа, что же мы будем делать? Слава богу тяжелораненых нет. Ходить все могут, — заговорил доктор. — Снимайте-ка с себя военные отличия, да по одному расходитесь по домам.

Вскоре перевязочный пункт опустел.

— Теперь и вы отправляйтесь, а то как бы и вас не арестовали, — обратился он к сестрам.

Пожав друг другу руки, сестры разошлись по разным направлениям.

Пробираясь домой, Наташа то и дело встречала толпы безоружных офицеров и юнкеров, конвоируемых издевавшимися над ними красногвардейцами.

Измученная нравственно и физически, добралась она до своей комнаты и, повалившись на кровать, ментально заснула.

Проснувшись на другой день, она собралась было пойти на улицу, как ее остановила хозяйка.

— Куда вы? Господь с вами! Вы знаете, что в городе делается? По всем улицам красногвардейцы рыщут и дома обыскивают. Все офицеров да юнкеров ищут, а как найдут, тут же и убивают. Ну куда вы пойдете? Или хочется посмотреть, как людей убивают. Смотрите, как бы в общей каше и вас не схватили бы.

Наташа заколебалась.

— А что, моя подруга не приходила?

— Да кто же в такое время ходит по улицам? Конечно не приходила. Сидит себе у знакомых и ждет, когда все это кончится.

Убежденная доводами хозяйки, Наташа решила остаться дома.

Между тем рассыпавшихся по городу юнкеров ловили, как диких зверей, и, насладившись их мучениями, беспощадно убивали. Бедные мальчики прятались, где кто мог. Многие, кто имел возможность, переодевались в штатское, даже в костюмы рабочих, и укрывались таким образом от преследования черни. Все же большинство гибло, не находя ни защиты, ни помощи. Пытавшиеся спрятаться в домах богатых или просто зажиточных людей находили перед собой запертые двери и тут же, на глазах перепуганных до подлости хозяев, гибли под ударами настигавших их большевиков.

— Господи, неужели же так и дадут погубить этим несчастным мальчикам? — Ломая руки, со слезами на глазах, волновалась Наташа. — Неужели никто не заступится?

Но кому было заступиться? Тот, за кого они гибли, Керенский, со спокойной совестью мчался за границу, и обыватели или граждане, как их теперь называли, дрожали от страха, забившись в свои квартиры.

Расхаживая взад и вперед по комнате, Наташа подошла к окну и вдруг заметила пробиравшегося вдоль домов пустынной улицы юнкера. Несчастный молодой человек, перебегая от подъезда к подъезду, звонил и стучался в двери. Напрасно. Никто не отворял ему. Не теряя надежды найти хоть в одной из квартир человеческое сердце, он продолжал свои попытки, с тревогой оглядываясь назад. В одно мгновение Наташа выскочила на лестницу и, открыв парадную дверь, закричала:

— Сюда! Скорей бегите сюда! Скорее! Скорее!

Но юнкера не надо было торопить. В два прыжка он перескочил улицу и влетел в подъезд. И вовремя. Только что за ним захлопнулась дверь, как в конце улицы появилась толпа вооруженных людей.

— Скорей! скорей! — шептала Наташа. — Идите в мою комнату. Я вас спрячу.

— Господи! Что вы делаете? — истерическим голосом вскрикнула квартирная хозяйка, появляясь в передней. — Сумасшедшая! Да теперь нас всех перебьют? Разве можно принимать юнкеров?

Возмущенная до глубины души, с дрожащими губами, Наташа подскочила к хозяйке.

— Что я делаю? Человека от смерти спасаю. Хотите, выгоняйте его на улицу. Пусть его убивают на ваших глазах. Ну, что ж? Гоните же, гоните! Может быть, вам доставит удовольствие посмотреть, как проколют его штыками и как будет он умирать у вашего порога.

— Но куда же его спрятать? — упавшим голосом и, ломая руки, проговорила хозяйка.

— Не беспокойтесь. Я спрячу. Идите вот в эту комнату, — обратилась она к юнкеру. — Идите. Сейчас же раздевайтесь и ложитесь в постель, ту, что справа стоит. Скорее же! Скорее! — торопила она его. — А вас, Мария Васильевна, я прошу одолжить мне женский парик и немного грима. Ваша дочь часто играла в спектаклях. Я знаю, что у нее есть парики и грим.

Хозяйка бросилась за париком, а Наташа подошла к двери своей комнаты.

— Готовы ли вы? — постучала она.

— Готов, — отвечал юнкер, укрываясь одеялом и сбрасывая на пол всю свою амуницию.

Его молодое, еще безусое лицо, покрытое, как у девушки, нежным пушком, было миловидно и женоподобно. Это, с первой же минуты, бросилось в глаза Наташе, и на этом она построила план спасения.

— Наденьте вот эту сорочку, — подала она ему одну из своих. — Вот эти кольца и браслет, сняла она украшения со своих рук. Вашу одежду я отнесу в ванную. Сегодня хозяйка собиралась стирать, так у нее ванна полна мокрого белья. Я уверена, что там искать не будут.

Закопав среди мокрого белья принесенную одежду и захватив у хозяйки парик и грим, она снова уже хлопотала около юнкера.

— Надевайте парик. Да не так. Стойте, я сама вам надену. Ну вот теперь другое дело, — осматривая юнкера, говорила она. — Лежите смирно, я сейчас немножко вам подрисую, — слабо улыбалась Наташа, принимаясь водить карандашом по бледному лицу юноши.

Окончив эту операцию, она снова внимательно оглядела его и, высунувшись за дверь, кликнула хозяйку.

— Мария Васильевна, ваша квартирантка, а моя подруга, конечно, вписана в домовую книгу?

— Конечно вписана, — отвечала недоумевающая хозяйка.

— Так вот, — продолжала Наташа. — Имейте в виду, что она никуда не уходила, а лежит больная дома. Понимаете?

— Так ведь ее же нет. Она же ушла, — робким голосом возразила Мария Васильевна.

— Ах, боже мой! И не думала уходить. Вот зайдите в комнату и взгляните.

Доведенная до крайнего изумления, Мария Васильевна увидела лежащую на кровати хорошенькую

молодую девушку с разруганным, как бы в жару, лицом.

— А вы, молодой человек, запомните, — обратились Наташа к юнкеру, — что вас зовут Евгенией Николаевной Кандауровой. Что вы слушательница высших медицинских курсов. Что родители ваши живут в Воронеже, где ваш отец занимается адвокатурой. Поняли? Только ради бога не забудьте. а то, если начнут сверять с домовой книгой, могут обнаружить обман. Вот разве еще что. Давайте, для полноты картины, я положу вам компресс на голову. А вы, Мария Васильевна, может быть, найдете у себя несколько пузырьков с какими-нибудь лекарствами.

Опустив шторы и расставив на стуле, около кровати мнимой больной, принесенные хозяйкой пузырьки, Наташа наконец села и, еле сдерживая волнение, стала ждать.

Но только что она села, как на улице раздался топот целой толпы и ее невнятный, заглушенный двойными рамами, гул. Отодвинув край занавески, Наташа выглянула на улицу, запруженную вооруженной толпой.

Подходя к подъездам домов, красноармейцы звонили и человек по пятнадцать вваливались в открывавшиеся двери. Вдруг ее внимание было привлечено человеком в офицерской форме, который вылетел из противоположного подъезда, как будто с силой вытолкнутый из него, и упал на мостовую. Не успел он подняться на ноги, вслед за ним замелькали приклады ружей, гоготавшей толпы. Когда толпа отодвинулась, Наташа увидела, что офицер лежит не двигаясь и весь залит кровью. В ужасе она отшатнулась от окна, и в этот момент в передней зазвенел звонок. Не надеясь на находчивость хозяйки, она сама открыла парадную

дверь, в которую, прижимая ее к стене, ввалилось человек десять, вооруженных до зубов рабочих.

— Где у вас тут юнкarya и ахфицеры попрятаны? — все разом загалдели они, поднимаясь по лестнице, вверху которой ждала их хозяйка.

— Подавай сюда ахфицеров! — гоготали рабочие.

— Товарищи, — прерывающимся голосом заговорила хозяйка. — Товарищи, здесь нет ни одного мужчины, не то что офицера.

— А вот это мы сейчас увидим, — выдвигаясь вперед и злобно поглядывая на женщин, проговорил один из рабочих. — Товарищ Еременко, станьте-ка на часах у черного хода, а вы, товарищ Власов, останьтесь здесь, да смотрите, никого не выпускайте. А где же дворник? Эй, кто-нибудь сбегайте, товарищи, за дворником, да что бы домовую книгу захватил.

Но за дворником бегать не пришлось, так как держа домовую книгу под мышкой, он уже поднимался по лестнице.

— Товарищ дворник, — обратился к нему, по-видимому предводительствующий остальными, рабочий. — Товарищ дворник, проживает ли у вас кто-нибудь из офицеров или юнкеров.

— Да кажись, что никого нет, — раскрывая книгу, отвечал тот. — Нет, товарищи, тут самое бабье живет. Четыре комнаты студенткам под наем сданы, а в пятой сама хозяйка с дочкой проживает. А всего десять женщин. В каждой комнате, значит, по две.

— Ну а может быть, кто без прописки живет? — продолжал допытываться рабочий.

— За это уж мы не отвечаем. За всякой комнатой не уследишь. Не примечал, как будто, — продолжил глубокомысленно дворник. — А между прочим, кто их знает.

— Ну показывайте комнаты, — тоном, не допускающим возражений, обратился он к хозяйке.

— Пожалуйте, — дрожа как в лихорадке, произнесла та, отворяя дверь своей комнаты.

— Вот здесь я с дочерью живу, но дочь, в настоящее время, выехала в Петербург.

— Ладно. Осмотрите, товарищи. Да загляните во все углы, в шкапы, под кровати, — распорядился все тот же рабочий.

Несколько человек ввалилось в комнату и нагибаясь под кровати, раскрывая шкафы, осмотрели ее досконально.

— Вот здесь, — отворяя соседнюю дверь, — живут две курсистки, — продолжала хозяйка.

Перепуганные барышни молча смотрели на вошедших.

— А как ваши фамилии? — обратился к ним рабочий, проверяя по домовой книге.

И эта комната была осмотрена. Переходя от двери к двери, наконец подошли к комнате Наташи. Сопровождая рабочих, она ни на минуту не отходила от хозяйки, боясь, как бы в критическую минуту та не растерялась и тем не внушила бы подозрений.

— А здесь живу я, Наталья Воробьева, с подругой, Евгенией Кандауровой, — отворяя дверь, произнесла она спокойным голосом.

— Так, так, — произнес рабочий, сверяясь с книгой и входя вслед за Наташей.

— А это что ж. Барышня больна что ли?

— Да, подруга простудилась, и я вас очень прошу не слишком ее тревожить и не студить комнаты.

Несчастный юноша лежал на кровати, еде сдерживая волнение и закрыв глаза. При звуке шагов он

на секунду открыл их, взглянул на рабочего и тотчас закрыл.

— Зачем же барышню беспокоить. Беспокоить мы не будем, — отвечал рабочий, закрывая дверь и впуская только одного из сопровождавшей его толпы.

— Товарищи, — повернулся он к дверям, — здесь больная девица, так уж вы не входите, чтобы не беспокоить ее. Мы уж вдвоем с Цыпляком как-нибудь осмотрим.

— И давно вы захворали? — любезно обратился он к больной.

Юнкер пробурчал что-то невнятное.

— Она часто бредит, — вмешалась Наташа. — Я и то несколько раз за доктором бегала, но теперь разве возможно доктора добиться?

— Как? Доктора не идут? — возмутился рабочий. — Вы, барышня, не беспокойтесь. Мы вам в два счета доктора представим. У нас это просто. Церемониев нет, — продолжал он и как бы для очистки совести заглянул под кровать, оставив неосмотренным большой шкаф, стоящий в углу.

— А эта кто же вам лекарство дал, коли доктора не было? — вдруг обратился он к почти уже успокоившейся Наташе

Сердце ее сильно заколотилось.

— А это, видите ли, я сама ведь сестра милосердия, — нашлась она, — так попросила у хозяйки старых лекарств, и лечу ими.

— Ах, так вы сестра? — обрадовался рабочий. — Вот это приятно, — осклабился он. — У нас большой недостаток в милосердных сестрах, так что, если хотите послужить народу, так для вас дело найдется.

— Что ж, я с удовольствием.

— В таком случае, я извещу вас куда прийти, а пока просим прощения за беспокойство, — галантно раскланялся он, протягивая свою мозолистую руку. — А на счет доктора не беспокойтесь. Через полчаса предоставим, — уже за дверями продолжал он успокоительным тоном. — А это куда у вас дверка, — вдруг услышала Наташа голос рабочего.

— Это в ванную, — отвечала хозяйка.

— Покажите и ванную. Надо ее осмотреть.

Сердце Наташи опять заколотилось. А ну как найдут юнкерскую одежду.

Послышался звук открываемой двери. Окинув беглым взглядом маленькую ванную рабочий вышел и ванная снова закрылась.

«Слава богу», — подумала Наташа и взглянула на юнкера.

Тот лежал неподвижно и, тяжело дыша, тоже прислушивался в происходившему в передней.

— Что же, товарищи, идемте дальше. Здесь нам больше нечего делать, — услышали они голос все того же рабочего.

Вскоре топот ног на лестнице возвестил им, что обыск кончился. Когда парадная дверь захлопнулась, из груди молодых людей вырвался вздох облегчения.

— Слава богу, — прошептала Наташа. — Ну, господин юнкер, — заговорила она, — благодарите Бога. Вы спасены.

— Да уж я и не знаю, как благодарить вас. Да и можно ли благодарить за то, что вы сделали для меня. Признаться, я уж и не чаял спасения. Подумать только, — скольких человек на моих глазах расстреляли. Ведь и сам-то я от стенки бежал.

— Как от стенки?

— Да так. Сдали это мы оружие, по приказанию начальства. Ну нас сейчас же окружили, разделили на группы и повели. Ту группу, в которой находился я, привели во двор какого-то дома, да и говорят: становись-ка по пять человек к стенке. Я как увидел, что первых пять расстреляли — решил бежать. Все равно и меня убьют, думаю себе, так уж лучше попытаю счастья. Авось спасусь. Оглядываюсь этак во все стороны и вижу в глубине двора сарай. Двери открыты. Как раздался второй залп, все обратились в сторону убитых, а я, ударив в лицо стоявшего вблизи красногвардейца, бросился в сарай. Авось какую-нибудь лазейку найду. И действительно, только вбежал, вижу лестница стоит, да прямо к слуховому окну приставлена. Уж и не знаю, не помню, как только вбежал я по этой лестнице да моментально ее за собою и втянул. Только что я ее поднял и бросил на стропила, а в сарай красногвардейцы вбегают. Мешкать было некогда. Я в слуховое окно. К счастью, оно достаточно широким оказалось. Выскочил на крышу и вижу, что с другой стороны она спускается на соседний двор. В это время с того двора, где нас расстреливали, заметили меня и несколько выстрелов успели по мне дать. Кубарем долетел я через угол крыши да и спрыгнул в соседний двор. Смотрю, двор большой, а в конце его железные ворота. Я к ним. Неужели, думаю, заперты. Но и тут счастье мне сопутствовало. Ворота были на засове, а ключ, по какой-то дикой случайности, со стороны улицы в замке торчал. Оглядываюсь и вижу, что красногвардейцы уже на крыше сарая и вот-вот спрыгнут ко мне во двор. Отодвинул засов,

выскочил на улицу да ключом и запер ворота. А красногвардейцы уже к ним подбегают, и слышу, как отворить их стараются. Тут уж я бегом по пустынной улице пустился да за первый же угол я завернул. Пробежав еще несколько кварталов то вправо, то влево сворачивая, попал на вашу улицу. Остановился и прислушиваюсь. Погони не слышу. Вот тут я и начал звонить во все подъезды. Поверите ли, подъездов двадцать пять я обошел и ни в один не впустили. А сзади шум толпы слышу. Я уже и не сомневался, что это красногвардейцы. Я уже погибшим себя считал, а тут, в эти минуты, ваш голос услышал. Спасибо вам. Никогда не забуду этой минуты.

— Полноте. Тут не за что благодарить. Ведь не истукан же я какой-нибудь, а человек. Кстати, я до сих пор не знаю как вас зовут.

— Алексей Корсаков.

— А по отчеству.

— Николаевич.

— А меня Наталией Владимировной Воробьевой. Что же, Алексей Николаевич, мы теперь будем делать? Ведь еще доктор придет. Ну хорошо, от доктора не трудно будет отделаться. Но дальше что? Ведь кроме женских костюмов у меня ничего нет. Придется вам барышней нарядиться, — засмеялась она.

— Да мне все равно. Я готов и барышней быть, — улыбнулся Корсаков. — Уж теперь я в полном вашем распоряжении. Что прикажете, то и буду делать.

— А нет ли у вас родных в Москве?

— Нет. Здесь я совсем один. Мои родители в Тамбове живут. Я недавно в училище поступил, так что даже знакомых завести не успел.

В двери кто-то постучался.

— Войдите, — крикнула Наташа, делая знак Корсакову, который моментально принял надлежащую позу.

В комнату вошла хозяйка. Еще не оправившись от перепуга, бледная, как полотно, она сконфуженно улыбалась, как бы извиняясь за свою трусость.

— Слава богу, спасена наша больная. Ну уж и натерпелась же я страху. Особенно, когда они в вашу комнату вошли. Но что же нам дальше делать? Ведь оставаться молодому человеку никак нельзя. Все равно дворник пронюхает и донесет.

— Ничего, — отвечала Наташа. — Дня два три проживет, а там видно будет. А пока, не сможете ли вы, голубчик Мария Васильевна, достать для Алексея Николаевича статский костюм. Ведь на нем моя сорочка и больше ничего нет. Ведь нельзя же ему в юнкерское, да еще при этом в мокрое, облачиться. Ведь его сейчас же убьют.

— Ну что вы, Наталия Владимировна? Мыслимо ли это дело? Конечно, статское платье надо достать. Да вот погодите-ка. С прошлого года, как умер мой муж, царство ему небесное, я все его вещи в сундук сложила, да так и не трогала с тех пор. Авось теперь что-нибудь и пригодится молодому человеку. Росту и сложения он, как будто, одинакового с моим покойником. Сейчас я пойду пороюсь в сундуке.

В это время в передней снова раздался звонок.

— Ах, боже мой, — заволновалась хозяйка. — Неужели опять эти душегубы?

— Не беспокойтесь, Мария Васильевна. Это, наверное, доктор, — поспешила успокоить ее Наташа, хотя и у самой мурашки забегали по телу.

Действительно, это оказался доктор. До самых дверей его провожал красногвардеец, ушедший только тог-

да, когда их открыли. Доктор оказался пожилым человеком лет пятидесяти. Его, слегка на выкате, глаза располагали к нему с первого же взгляда.

— Здесь ли больная? — осведомился он, входя в переднюю.

— Пожалуйте сюда, доктор, — отворяя свою дверь, отвечала Наташа.

Мистифицированный доктор подошел к кровати, собираясь выслушивать и осматривать больную, но Наташа остановила его.

— Ради бога, извините нас доктор, но мы побеспокоили вас напрасно.

Тут она рассказала ему все происшедшее.

— Ну и молодец же вы барышня, — развел руками ошеломленный старик. — Ведь этакую штуку сыграть! — улыбнулся он. — Ну, молодой человек, или я уж не знаю, может быть, барышней вас назвать, — обратился он к юнкеру. — Ножки ее вы должны целовать. Ведь такую штуку нескоро поймешь, не то что придумаешь. Ай да молодец! А те идиоты поверили? — залился он добродушным смехом, забывая, что минуту назад и сам был обманут таким же образом.

— Вот, что нам дальше делать? — произнесла Наташа. — Не посоветуете ли доктор.

Лицо врача приняло озабоченное выражение.

— Статский костюм мы ему достанем, — продолжала Наташа, — но жить ему тут нельзя. Да и вида у него нет. Думала я, что, может быть, родственники у него здесь найдутся, но он одинешенек в Москве. Даже знакомых не имеет. Прямо не знаю, что и придумать.

— Так вы здесь один? — обратился доктор к юноше.

— Да один. Родители мои в Тамбове живут.

— Что же, ваш батюшка там служит?

— Нет, он в отставке. Он бывший морской офицер. Капитан 2-го ранга.

— Ах так он моряк. А фамилия как.

— Корсаков.

— Корсаков, Не Николай ли Воиных?

— Да, — удивился юнкер. — Моего отца действительно Николаем Воиным зовут.

— Господи ты боже мой! Да ведь это мой старый друг, приятель. Ведь я сам бывший морской врач и в молодости немало поплавал с вашим отцом. Так вот он куда, в Тамбов, забился. Ну и времена, — задумчиво произнес старик. — Вот что, господа. Эту ночь, уж как-нибудь, пусть молодой человек переночует здесь, а завтра, когда стемнеет, я снова зайду, как бы больную навестить, да и уведу его с собой. Связи, где нужно, у меня найдутся, документ я вам устрою. Жить же пока что будете у меня. Об этом не беспокойтесь. Так вы сынок Коли Корсакова. Корсар, как мы его звали. А как вас зовут?

— Алексеем.

— Под счастливой звездой ты родился Алеша, или матушка твоя, Анна Тимофеевна, Бога за тебя умолила. Так, значит, до завтра, — вставая, произнес он, пожимая руки молодых людей.

Принесенные Марией Васильевной костюмы ее покойного мужа как нельзя лучше пришлись на Корсакова, и когда он, переодевшись, позвал Наташу, она прямо не узнала его.

— Не забывайте же меня, заходите, — говорила она на другой день, провожая юношу с пришедшим за ним доктором.

— Что вы, Наталия Владимировна. Разве смогу я забыть мою спасительницу? Обязательно буду навещаться.

Потянулись тяжелые дни владычества большевиков. Курсы бездействовали и Наташа тосковала без дела. Почти каждый день, с возвратившейся наконец домой Женей, навещала она Шелугиных. Безрадостно был в этой, прежде шумной и веселой, семье. Ольга Васильевна после смерти мужа долго не могла оправиться. Большую часть дня она просиживала у окна, устремив неподвижный взгляд перед собой. О смерти сына ей не сообщили, боясь вызвать новый припадок. Но странное дело. Она как будто знала, что ее Мити нет на свете. Ни разу она не спросила о нем, а в его комнату вовсе не входила. Бедная Леля сбилась с ног бегая по очередям и ухаживая за больной матерью. Однажды зайдя к Шелугиным и видя, что Леля уже примирилась с мыслью о смерти брата, Наташа ей передала его последнюю волю.

— Да я уже хлопочу о разрешении выехать. Я и сама понимаю, что здесь пропадем. Как только получу это разрешение, мы с мамой немедленно выедем.

— А куда ты думаешь ехать?

— Мы собираемся в Задонск. Это маленький городок в Воронежской губернии, в котором мой дядя служит земским врачом. К нему-то я и собираюсь везти маму. Дядя уже звал нас однажды, да мама не хотела расставаться с Митей, ну а теперь... — и бедная девушка заплакала. — Теперь нет причин оставаться здесь. Вот продам обстановку, сколочу денег и двинусь.

Вернувшись от Шелугиных, Наташа застала у себя Корсакова.

— А я к вам проститься пришел.
— Это куда же вы собрались?
— Да еду на Дон. К Корнилову.
— На Дон? К Корнилову?
— Да, я уж и документами, разумеется фальшивыми, обзавелся. Завтра уезжаю.
— А что там на Дону? Правда ли, что там собирается армия против большевиков?
— Слава богу — правда.
— Что же, Корнилов всех принимает?
— Зовет, Наталия Владимировна. Всех зовет, кто только любит Россию.
— Знаете что, я поеду с вами. Принимаете в попутчицы?
— Вы хотите ехать? — обрадовался Корсаков. — Вот это я понимаю! С радостью принимаю. Я вам документы достану, да и в дороге помогу.
— Насчет документов я сама справлюсь. Помните, когда вы тут лежали под видом моей подруги, меня этот красногвардеец приглашал в сестры. Так вчера я получила повестку явиться в санитарную часть для получения назначения. Вот я и думаю сходить туда сегодня. Записаться и взять от них удостоверение в том, что я большевистская сестра.
— Прекрасная идея. Только боже вас сохрани проситься служить на юг. Они очень подозрительны и, пожалуй, следить за вами будут. Ведь ими уже издан приказ, запрещающий офицерам ездить в местность, расположенную вблизи Дона.
— Да что вы?
— Да, они очень осторожны и подозрительны. Ну да не беда. Свидетельство о вашей принадлежности к их организации во многом может облегчить дорогу.

— А вы не знаете, много народу собирается ехать на Дон?

— Право, не знаю. Нас четверо отправляется. Вы пятой будете.

— Так, значит, решено, — торжественным тоном произнесла Наташа. — Завтра двигаемся. А когда поезд отходит?

— В пять вечера.

— Тогда знаете что? Приходите ко мне к двум. Мы пообедаем и вместе тронемся. Кстати, вы мне можете доставить вещи на вокзал.

Проводив Корсакова, Наташа принялась хлопотать. Первым делом она полетала в санитарную часть красной гвардии.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил ее молодой человек полуинтеллигентного вида, занимавший пост начальника санитарной части..

«Вероятно, фельдшер», — подумала Наташа.

— Вас рекомендовал товарищ Кошкин, — начал фельдшер, принимая важный вид. — У нас, знаете ли, хотя и ощущается недостаток в сестрах, но мы не принимаем никого без рекомендации. Нет, знаете ли, уверенности в этих сестрах старого режима, — тут, напустив на себя вид, по крайней мере, министра, озабоченного решением важного государственного вопроса, он сообщил, что собирается открыть курсы сестер милосердия исключительно для женщин пролетариата.

— Я собираюсь заменить весь персонал старого режима истинными детьми пролетариата, — продолжал он величественно.

Наташу забавлял этот тон, и она охотно бы еще послушала зазнавшегося мальчишку, но ей было некогда.

— Так куда же вы, товарищ начальник, думаете меня назначить.

— Гм, — произнес тот, погружаясь в размышления. — Вот что, — наконец решил он. — Я вас назначаю старшей сестрой во вновь открываемый лазарет имени Карла Маркса. Вам придется руководить остальными сестрами, так как я назначаю туда исключительно пролетариаток, которые, к сожалению, еще очень мало знакомы с обязанностями сестер. Но я надеюсь, что под вашим руководством они быстро изучат это дело.

«Недурна будет компания, — подумала Наташа. — Вероятно, одни кухарки и горничные будут моими подругами».

— Сейчас я прикажу выдать вам удостоверение и копию приказа, — нажимая кнопку звонка, продолжал фельдшер.

— Товарищ, потрудитесь немедленно заготовить приказ о назначении товарища Наталии Воробьевой старшей сестрой лазарета имени Карла Маркса. Да не забудьте удостоверение и копию приказа выдать ей на руки. Если нужно, я разрешаю вам, товарищ Воробьева, для ликвидации дел, трехдневный отпуск, а затем попрошу явиться к начальнику лазарета, товарищу Фраткину. Адрес вы узнаете в канцелярии, а теперь прошу меня извинить, так как расстроенные дела санитарной части лишают меня возможности оставаться долее в столь приятном обществе.

Довольный своею вычурной фразой, он пожал руку Наташе и погрузился в чтение какой-то бумаги. Получив в канцелярии нужные ей документы, Наташа полетела к Шелугиным. Вбежав по лестнице, она застала

Ольгу Васильевну, Лелю и, не выходящую теперь от Шелугиных, Женю за укладкой вещей.

— Что это значит? Вы едете? — еще не здороваясь, воскликнула она.

— Ах, это вы зайчик, — откликнулась Ольга Васильевна. — Да, вот уговорила меня моя егоза. Послезавтра трогаемся к моему брату в Задонск.

— Это вы очень хорошо придумали, Ольга Васильевна. Здесь жить стало совсем невозможно. Я ведь тоже завтра уезжаю.

— Как? И ты уезжаешь? — плачущим голосом отозвалась Женя. — Значит, я одна на съедение большевикам остаюсь. Все вы злые. Оставляете меня одну. Впрочем, я сочиняю. На днях и я еду домой.

— А ты, Наташа, куда едешь? — осведомилась Леля.

— Я на Дон. К Корнилову, — понижая голос и принимая таинственный вид, отвечала Наташа.

— К Корнилову? Опять на войну?

— Да. А почему бы нет? Ведь мне все равно нечего делать. Я уже и документы достала, — выкладывая на стол свои бумаги, продолжала она. — От вас побегу продавать свою рухлядь, а то, признаться, боюсь, что денег не хватит.

— А ну покажи, покажи, — заинтересовались барышни. — Ха, ха, ха, так ты старшая сестра лазарета Карла Маркса. Вот чудесное назначение! — лепетали они, покачиваясь со смеху. — Наташа, и вдруг сестра-большевичка. И ведь не просто сестра, а старшая. Да ведь ты карьеру сделаешь. Оставайся, Наташа. Не уезжай из Москвы. Через год ты министром народного здравия будешь.

— Полно вам, обезьяны, — остановила их Ольга Васильевна. — Я от души приветствую ваше благородное

решение, дорогой зайчик. Если найдется много таких самоотверженных людей, как вы, то Россия скоро избавится от большевиков,— продолжала она взволнованным голосом. — Если бы Митя был жив, — тут глаза ее наполнились слезами. — Он, наверное, полетел бы с вами. Леля, где сумочка с деньгами? — обратилась она к дочери. — Вот что, милый мой зайчик. Я хочу хоть чем-нибудь быть полезной общему делу. Но куда я, старуха, гожусь. Возьмите эти деньги на дорогу, — протягивая пачку бумажек, продолжала она. — Я рада буду, если эти деньги помогут вам добраться до Корнилова, и вы, как сестра, облегчите страдания этих честных и великодушных людей. Если бы мой Митя... — но тут она не выдержала и разрыдалась.

Напутствуемая благословениями и пожеланиями, Наташа простились с Шелугиными и поспешила домой.

На другой день, ровно в два часа, Корсаков был у Наташи.

— Ну как, Наталия Владимировна, не раздумали?

— Почему вы решили, что я должна раздумать? Наоборот. Все готово к отъезду. Деньги у меня есть, свидетельство я получила, вещи уложены. Вот пообедаем и отправимся на вокзал. Садитесь же к столу.

Маленький столик был накрыт на два прибора и уставлен тарелками с ветчиной, колбасой, пирожками и другими закусками.

— Все это я на дорогу покупала, — наполняя тарелку гостя, говорила Наташа. — А вы завете, мое свидетельство уже начало мне помогать. Я ни за что не достала бы столько съестного, если бы не оно. Куда не придешь, все карточки требуют, а покажешь удостове-

рение, так без всяких разговоров отпускают все что ни попросишь. Я даже конфет купила, — улыбнулась она.

Когда закуски были уничтожены, Наташа принесла из кухни две прекрасных свиных котлеты с жареным картофелем.

— Да это целый пир, — восхищался Корсаков. — Однако большевистские сестры, должно быть, не голодают.

За котлетами следовал кофе с молоком и пирожными.

— Вот видите, — улыбалась Наташа, — как умеют ценить большевики своих верных слуг. Ну, со стола уберет, хозяйка, — окончив обед, произнесла она. — Одевайтесь-ка, Алексей Николаевич, да берите вон тот чемодан, а я сумку с провизией понесу.

На вокзале была невероятная давка. Пробриться к кассе было совершенно невозможно.

— Как же нам взять билеты? — произнесла озадаченная Наташа.

— Билеты, я думаю, уже куплены, — отвечал Корсаков. — Я просил об этом наших попутчиков, да и места в вагоне, я думаю, уже заняты для нас. Идемте на перрон.

Поезд был уже подан, но попасть в вагон нечего было и думать, так как у тормозных площадках творилось что-то невообразимое.

— Вы все-таки думаете, что занять нам места было возможно? — унылым голосом произнесла Наташа.

— Я думаю, что да, так как мои попутчики с раннего утра ушли на вокзал, а чтобы занять места для нас, захватили с собой двух наших товарищей по училищу. Вероятно, они уже сидят в каком-нибудь вагоне и нас поджидают.

Пробираясь вдоль вагонов, молодые люди вдруг услышали, что их кто-то зовет. Действительно, высунувшись в разбитое окно одного из вагонов, их подзывал какой-то молодой человек.

— Ага, это наши, — проговорил Корсаков, увлекая Наташу к окну.

— Сюда, сюда, — звал их молодой человек. — Однако же и долго вы, товарищи, — заговорил он. — Мы уж думали вы не придете. Спишите же в вагон, а то боюсь, что нам не удержать ваших мест.

— Да как же к вам попасть? Ведь к дверям вагона никак не пробиться.

— А в окно. Теперь все через окно влезают и вылезают, — улыбнулся молодой человек. — Ну-ка, Алеша, подай багаж.

Корсаков подал ему чемодан и сумочку, которые тотчас исчезли в разбитом окне.

— Теперь таким же порядком и барышню подавай.

Корсаков нагнулся и, подняв легкую как перышко Наташу, подал ее в протянутые из окна руки. Очувтившись в вагоне, Наташа увидела, что весь он битком был набит людьми, так что яблоку негде было упасть. На лавках, под лавками, на полках для багажа, в коридоре — словом, везде лежали, сидели, и стояли люди.

— Куда же я денусь? — подумала она, но в эту минуту один из молодых людей уступил ей свое место.

— Прощайте, товарищи, — произнес он, выпрыгивая в окно.

На смену покинувшему вагон в окне показался Корсаков. Ему, как и Наташе, уступил место какой-то господин, сидевший рядом с ней.

— Теперь все ладно, — произнес тот, который сидел у окна. — Познакомь же нас, Алеша, с твоею кузиной.

— Знакомьтесь, товарищи, — произнес последний, обращаясь к Наташе. — Владимир Дятлов — железнодорожный мастер, — рекомендовал он. — Василий Зацепкин — фельдшер. Константин Пьяных — монтер. Все по подложным документам, — шепнул он, наклоняясь к уху Наташи. — Я ведь тоже не Корсаков, а Алексей Крючников — часовой мастер.

— А кто же они в действительности? — так же шепотом спросила Наташа.

— Все юнкера, кроме того, что у окна сидит. Тот офицер.

В вагоне стоял такой содом и такая ругань висела в воздухе, что переговоры молодых людей остались незамеченными.

Поезд тронулся. Поплыли мимо окна железнодорожные постройки и замелькали телеграфные столбы. Усевшись поудобнее, Наташа стала рассматривать своих спутников. Кроме уже ей известных молодых людей на скамейках сидело еще двое. Один пожилой человек, лет за сорок с небольшим, одетый в солдатскую шинель и весь заросший, начинающей седеть, бородой.

«Офицер», — решила Наташа, взглянув в его умные, задумчивые глаза.

Другой был молодым солдатом, о чем не трудно было догадаться по его разговорам с расположившимися на верхней полке, такими же как и он, двумя солдатами. Посреди прохода, поставив на пол свой сундук, сидел заводской рабочий, о чем Наташа узнала по его же словам. На второй верхней полке, против двух солдат, так же вдвоем, разместились женщины. Одна,

уже пожилая, а другая молоденькая, лет семнадцати барышня.

«Мать и дочь», — подумала Наташа.

На полках для багажа тоже кто-то поместился, но разглядеть этих пассажиров Наташе не удавалось.

— А вы, товарищ, далеко, едете? — обратился к ней, мастеровой.

— Я в Воронеж, — солгала она.

— Вы подальше меня. Мне, слава богу, недалеко, часика через три и слезем.

Потянулись бесконечные часы. Хотя разбитое окно завесили какой-то тряпкой, все же в купе было очень холодно. Разговор не клеился, так как каждый боялся проговориться и выдать себя. Только солдаты не унимались, описывая друг другу, как они проклятых ахфицеров и юнкеров били. От их разговоров становилось тяжело на душе, так что Наташа старалась не слушать их, однако это ей плохо удавалось.

— Выскочил этта он из дверей, — слушала она. — Оглянулся во все стороны, перекрестился да ходу. Ну, я за ним. Стой, кричу. Все одно не уйдешь. А он еще пуще бежать. Я уж думал улизнет, а стрелять на бегу все одно не попадешь. Вдруг вижу навстречу женщина идет. Куфарочка, надо быть. Я ей и крику: держи контрреволюцию, не то убеget. Она, как глянула, да и вцепилась, словно кошка. Он и туды и сюды, все встряхнуть ее старается, но куды там, не выпустила. Волочится за ним да и шабаш. Тут уж я добег, да штыком в спину. Он и повалился. Поворотил этта я его мордой кверху, гляжу и не дышет. Видно в самое сердце угодил.

— А молодой? — заинтересовался рабочий.

— Да так, призывного возраста. Еще и усов-то нет.

— Ну, а женщина-то эта что?

— Да что ей. Поглядела на него, плюнула, да и пошла себе.

— Ишь ты, какая храбрая, даром что баба.

— Да лютей бабы, братец ты мой, ни одного мужика не същешь. Вот я расскажу, как бабы одного юнкера распяли...

Но тут Наташа пересилила себя и перестала слушать. Под шум колес и монотонные разговоры солдат, сама того не замечая, она уснула. Была уже глубокая ночь, когда она проснулась от неудобного положения и от шума открываемых дверей.

— Ваши документы, — услышала она повелительный окрик появившегося в дверях солдата.

«Господи! Что-то будет, — мелькнуло в ее голове. — Ведь здесь почти все с фальшивыми документами».

Между тем солдат брал передаваемые ему бумаги и с недоуменным видом, повертев их перед глазами, возвращал обратно.

«Батюшки, да ведь он безграмотный, — обрадовалась Наташа. — Вот так контроль! Нечего сказать!»

Когда солдат удалился, все облегченно вздохнули.

Нескончаемой казалась дорога. Но все же наконец приехали на станцию Лиски, где пассажирам объявили, что поезд дальше не пойдет.

Перенеся вещи в буфет, группа наших знакомых принялась обсуждать положение.

— Сходите, Алексей Николаевич, — попросила Наташа. — Узнайте, может быть, куда-нибудь еще пойдут поезда.

— Я только что справлялся, — подходя к группе своих попутчиков, заявил тот пожилой человек, которого Наташа считала офицером. — Через полчаса идет поезд на Царицын, а через три часа на Новочеркасск. Сдается мне, что нам по дороге, — шепотом прибавил он. — Я в Новочеркасск пробираюсь, как, кажется, и вы, господа.

— Да, мы туда, — отвечал ему Корсаков.

Убедившись, что их никто не подслушивает, пожилой офицер стал советовать ехать на Царицын.

— Уж очень сильно возбуждает подозрение самое слово Новочеркасск. Правда, на целые сутки дольше, но зато вернее.

— Нет, господа, — возразила Наташа. — Вы как хотите, а я поеду прямо на Новочеркасск. Уж очень надоело ехать, а к тому же мне, как женщине, и не так опасно.

— Это верно, — согласился пожилой офицер. — Да оно и лучше будет, если мы разделимся. Большая группа скорее вызовет подозрение.

— Что касается меня, — произнес Корсаков, — то я с вами не расстанусь. Еду на Новочеркасск.

— Так и порешили: Наташа и Корсаков едут прямо, а все остальные через Царицын. В таком случае, идемте, товарищи, — взяв на себя роль старшего, произнес пожилой офицер, взваливая на плечи свой мешок. — Поезд уже подан. Как бы без места не остаться.

День клонился к вечеру, когда Наташа и Корсаков уселись в поезд, шедший на Новочеркасск. На этот раз в вагонах было просторно, и они без труда поместились в купе третьего класса. Поезд шел тихо, останавливался на каждом полустанке. Наташа, взобравшись на полку для багажа, крепко заснула. Она не слышала ни остано-

вок, ни контроля, не заметившего ее, и проснулась, когда уже совсем рассвело. Поезд стоял.

— Где мы? — обратилась она к дремавшему Корсакову.

— Да вот уже больше часу, как стоим на станции Дебальцево. Но вы знаете какая драма? Поезд дальше не пойдет.

— Да что вы? — заволновалась Наташа.

— Да. Говорят, что где-то близко белогвардейская банда, потому и боятся отправлять поезд.

— Но, может быть, еще очистят дорогу.

— Очистить-то очистят, но, судя по разговорам, не скоро.

— Вот тебе раз. Что же нам делать?

— Подождем пока, а там видно будет.

Целый день молодые люди просидели, не выходя из вагона. К вечеру в вагоны набилась такая масса ищущих ночлега людей, что дышать стало трудно.

— Знаете что, Наталия Владимировна. В соседнем вагоне есть дамское отделение. Попробуйте там устроиться. Все-таки легче будет, чем здесь.

В дамском отделении оказалось просторно, так что Наташа устроилась в полупустом купе. Наташе не спалось, и она лежала с открытыми глазами, мучительно дожидаясь дня. Вдруг внимание ее было привлечено топотом ног двигавшейся толпы. Выглянув в окно, она увидела человек двадцать вооруженных солдат и какого-то статского господина, державшего фонарь.

— Начнем с последнего, — долетали до нее отрывочные фразы. — Да смотрите, товарищи, если кто выскочит из вагона, стрелять.

«Обыск, — сообразила она. — Как-то бедный Корсаков выкрутится?»

Прошло около часа. Вдруг дверь отворилась и в вагон вошли, судя по топоту ног, не менее десяти человек. Одна за другой отворялись и затворялись двери купе. Наконец отворилась дверь и в ее купе. На пороге появился господин в статском и, держа в руке фонарь, тщательно осмотрел все уголки.

— Здесь одни женщины, — промолвил он, закрывая дверь.

Постепенно топот ног и хлопанье дверей стали удаляться, пока не стихли совсем. Наташа по-прежнему не спала и прислушивалась к доносившимся звукам. Вот мимо окна снова прошла толпа, о чем-то споря и переругиваясь. Вот пробежал какой-то человек и, по-видимому, пролез под вагоном, так как топот его ног стал раздаваться с другой стороны поезда. Не успел он еще пролезть под вагоном, как послышались крики: «Держи, уйдет!» и вслед за тем грянули два выстрела. Прошло еще немного времени, и невдалеке от поезда Наташа услышала один за другим два залпа.

«Кого-то расстреляли, — мелькнуло в ее голове, и сердце болезненно сжалось. — Неужели и этот, такой славный мальчик, погиб?»

Долго еще лежала Наташа с открытыми глазами, но наконец крепко заснула. Проснулась она от ярких солнечных лучей, бивших прямо в глаза. Посмотрев вниз, увидела, что ночных ее соседок не было ни одной, а у окна за откидным столиком, на котором стоял жестяной чайник, выпускавший клубы пара, сидел Корсаков и резал хлеб.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич, — приветствовала она его.

— Проснулись? А я вот чайку вам принес. Пожалуйста вниз. Давайте закусывать. Как здесь все дешево, если бы вы знали! Посмотрите, я купил сливочного масла и колбасы к чаю.

— Спасибо вам, Алексей Николаевич. Главное, что вы живы. Признаться, я очень боялась, что вас расстреляли.

— Да, — отвечал Корсаков. — Ночью немного жутко было, ведь шестерых расстреляли. А одному удалось бежать.

— Так вот оно что! Значит, это он пролез под нашим вагоном и побежал вон в том направлении.

— Вероятно, он. За ним была погоня, дали два выстрела, но он все же ушел, слава богу.

— А за что же их арестовали? Документов не было?

— Нет, все было в порядке, да вздумали вещи осматривать, и у одного нашли кокарду, а у другого матерчатые офицерские погоны.

— Ваш чемодан тоже раскрывали?

— Да, но, к счастью, я ничего военного не взял.

— Ах, какие же они странные люди! Пускаться в такое предприятие, в котором каждую минуту жизнь на волоске, и пожалеть какую-то кокарду! — возмущалась Наташа. — Ну хорошо, а насчет продолжения нашего путешествия ничего не слышно?

— Увы! Говорят, что сообщение надолго прервало.

— Что же нам делать?

— Подождемте еще. Авось какой-нибудь случай выручит. Спасибо и за то, что из вагонов не выгоняют.

Прошел и этот день, не изменив положения моих путешественников. Ночью в купе стало еще просторнее, так как три женщины, ночевавшие в нем прошлую ночь, куда-то исчезли.

— А вы что же, товарищ, — обратилась к Наташе одна из оставшихся. — Так и будете здесь сидеть да ждать у моря породы?

— Да уж я и не знаю, что делать, — отвечала та. — Но ведь и вы тоже сидите.

— Мы завтра пешком пойдем. Тут в десяти верстах станция Колтышево. Она на другой ветке стоит. Так, говорят, с нее можно проехать.

Наташа оживилась.

— А можно и мне с вами идти?

— А почему же нельзя? Идемте. Еще веселее будет.

— Вы в котором же часу думаете выходить?

— Да вот, как рассветет, чайку напьемся — и в дорогу.

— Так уж я с вами.

— Что же, и хорошо, — отвечали ей женщины.

— Алексей Николаевич! Алексей Николаевич! — будила Наташа успевшего заснуть Корсакова.

— Что? Что случилось? — всполошился тот.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась она. — Все, слава богу, хорошо. Завтра утром я иду пешком на станцию Колтышево. Это на другой ветке. Здесь всего десять верст. По той ветке, говорят, поезда ходят. Идемте со мной.

— Конечно пойду. Только как же с вещами быть? Ведь десять верст их не пронесешь.

— Вещи пустое. Я решила отобрать наиболее нужное, а остальное бросить. Советую и вам так же поступить.

— Где наше не пропадало! — улыбнулся юноша.

— Так, значит, решено?

— Решено!

— Если вы раньше меня проснетесь, то захватите чаю и приходите прямо ко мне. Если проспите, я вас разбужу. Покойной ночи!

— Покойной ночи. До свидания!

Чуть забрезжил свет, Наташа уже проснулась, разбуженная поднявшимися женщинами.

«Странно, что Корсакова еще нет, — подумала она. — Пойду-ка разбужу его».

Войдя в купе, в котором ночевал Корсаков, Наташа остановилась в изумлении. Купе было пусто.

«Может быть за чаем пошел. Но нет. И чемодан, и пальто его исчезли. Что за странность?» — волновалась она, обходя остальные купе.

Но юноши не было нигде. Выйдя на станцию, Наташа осмотрела буфет и сарай, из которого выдавали кипяток, но Корсакова не было.

«Бедненький, — подумала она. — Ясное дело, что ночью его арестовали».

Делать нечего, надо было подумать о себе. Закусив и отобрав нужные вещи, она сложила их в небольшой мешок и зашагала по морозцу, вместе со своими новыми товарками К счастью, дорога была отличная и часам к десяти наши путницы подходили к Колтышеву.

— Гляньте-ка, никак поезд идет, — вскрикнула одна из них, приставляя к глазам ладонь.

Действительно, к станции подходил поезд.

Путешественницам на этот раз очень подвезло. Они не прождали на станции и полчаса, как поезд двинул-

ся. В теплушке, в которую попала Наташа, было довольно просторно. Кроме нее в ней находилось всего двадцать пассажиров.

— Вам далеко? — обратился один из них к ней.

— Я в Новочеркасск с фронта еду.

— Так вы, значит, сестра милосердия будете?

— Да, я сестра.

— А зачем в Новочеркасск-то вам?

— В Новочеркасске у меня мать, — солгала Наташа. — Куда же как не домой ехать, если война кончилась.

— Это правильно, — вмешался другой. — Только до Новочеркаска вам не доехать.

— Это почему?

— Да наш поезд всего два пролета пройдет. До станции Волошино. Нам вот с земляками тоже далече надо, да все одно придется с поезда вылезать. Мы в Сулин едем. Там в нем и проживаем. Мы, значит, земляки, — пояснил он.

Наташа задумалась. Положение ее становилось тяжелым.

— А знаете, сестрица, присоединяйтесь к нам. Мы подводу будем рядить до Сулина, а от Сулина поезда ходят. Доедете. Одна беда, что Сулин белогвардейцами занят. Да вам-то чего опасаться? Сестра-де, мол. С фронта. Вот и весь сказ.

Наташа оживилась.

— Что же, если вы меня примите, я с удовольствием отдал свою часть за подводу.

— Чего там платить, мы и так доведем. Грех с милосердной сестры деньги брать. Уж вы не сумлевайтесь. Доставим.

— А далеко от Волошина до Сулина?

— Не, недалече. Коли проселочными поедем, так и двухсот верст не выйдет. Дня в три доедем.

— Станция Волошино! — обходя вагоны, выкрикивал кондуктор. — Дальше поезд не пойдет.

Уж третьи сутки как Наташа ехала на лошади со своими новыми друзьями. На ночь они останавливались в избах, где их принимали как своих, а ранним утром продолжали путь. С грустью заметила Наташа, что симпатии населения были на стороне большевиков.

— Эх, жалко нам вас, сестрица, что приходится ехать к белогвардейской сволочи, — частенько говаривали ей крестьяне. — Ну да не беда. Скоро вот кадетне наши голову скрутят. Тогда и вы освободитесь.

Не время было спорить или что-нибудь доказывать обманутым крестьянам, еще не испытанным на себе большевистского рая, а потому Наташа и себя выдавала за большевичку.

— Что же, сестрица, вас прямо к станции везти? — обратился к ней ямщик.

— Да, если вам не трудно, завезите меня на станцию.

— Гляньте-ка, вон белогвардейский броневик у самой станции стоит, — воскликнул один из крестьян.

Взглянув в указанном направлении, Наташа действительно увидела бронепоезд и развевающийся над одним из вагонов трехцветный флаг.

— Господи, слава Тебе! — мысленно возблагодарили она Бога. — Наконец-то я вырвалась из царства лжи, предательства, убийства и хамства.

Сани остановились у станции. Захватив свой мешок, Наташа слезла и стала благодарить своих попутчиков.

— Только я не хочу обманывать вас, — вдруг обратилась она к ним. — Я такая-же большевичка, как вы умные люди. Спасибо, что довезли, только я к белым-то и ехала.

Не оборачиваясь на одураченных крестьян, она двинулась на перрон. Массивный, с грозными орудиями, бронепоезд производил внушительное впечатление. Солдаты и офицеры, высыпав из вагонов, прогуливались по перрону, пользуясь теплой, солнечной погодой. Отдельно от других по перрону прохаживался, сравнительно молодой, подполковник. К нему-то и обратилась Наташа.

— Извините, господин полковник, могу ли я видеть командира бронепоезда?

— К вашим услугам. Чем могу служить?

В коротких словах Наташа рассказала ему свою одиссею.

— Так вы из Москвы? — удивился полковник. — Неужели? Так-таки одни и приехали?

— Адъютант! — крикнул он, обращаясь к группе офицеров. — Проводите барышню в купе, что рядом с моим. Пока что она там жить будет. А вас покорно прошу, когда помоетесь и приведете себя в порядок, пожаловать в салон-вагон, закусить чем бог послал.

В салоне-вагоне, за длинным столом, сидели человек двадцать офицеров. Все с любопытством слушали рассказ Наташи про Москву и про ее путешествие. По случаю счастливого избавления сестры от большевистского владычества командир велел подать водки, а Наташу угостил довольно кислым вином.

— Расскажите теперь вы, господин полковник, — обратилась она к командиру, — что происходит у вас на

Дону? Действительно ли существует белая армия? У нас в Москве самые разнообразные слухи о вас ходят, а определенного никто ничего не знает.

— Что же вам рассказать? Да, на Дону действительно генералами Алексеевым и Корниловым формируется армия. Казаки же имеют свою армию и своего атамана, генерала Каледина. Они тоже не признают большевиков. Но их не поймешь. Похоже на то, что им хочется устроить свое маленькое Донское государство, а потому к нам, москалям, они относятся как бы к временным союзникам, воюющим на их территории. Да вот поживете здесь, читаете газеты и сами все поймете.

— А не научите ли вы меня, как попасть в Новочеркасск. Я хочу поступить куда-нибудь сестрой.

— Нет ничего проще. Сегодня ночью нас сменяет на этой станции другой бронепоезд, а мы отправимся именно в Новочеркасск, куда и вас можем доставить.

До позднего вечера в салоне-вагоне царил оживленное веселье. В присутствии интересной барышни молодежь подтянулась и старалась развлечь ее, ухаживая напрапалую. Была принесена гитара, под аккомпанемент которой пелись романсы и песни. Заводили граммофон, и Наташа провела этот вечер так хорошо, как давно не проводила. Около одиннадцати часов, поблагодарив радужных хозяев, она отправилась в свое купе. Мягкий пружинный матрац, тепло, разливавшееся от парового отопления, а главное, усталость от долгого пути, так на нее подействовали, что чуть голова ее коснулась подушка, как она уже спала крепким сном. Временами она просыпалась и с удивлением слышала мерное постукивание колес о стыки рельс. Не желая разгуливать сон, она не останавливала мысли на этом явлении и снова

предалась сладкому сну. Долго спала Наташа, как вдруг за стеной ее купе раздался отчаянный крик. Наташа мгновенно проснулась и стала прислушиваться. Крик повторился. Она узнала голос командира. Но какими-то странными и не естественными показались ей голос и тон. Да и сами слова несоответствовали мирной обстановке спокойно идущего поезда.

«Давайте его сюда! Господи, последний снаряд! — неслось из-за стены. — Расступитесь, я сам наведу. Да двигайтесь же, не видите что ли, что паровоз совсем близко! Ух, слава богу!»

Мало-помалу командир затих.

— Вероятно, во сне, — решила Наташа, снова укладываясь на диван.

Когда она проснулась, было позднее утро и яркие лучи солнца освещали ее купе. Поезд стоял. Выглянув в окно, она увидела небольшой городок с блестящими куполами храмов, утопавших в садах.

— Вот я и в Новочеркасске, — обрадовалась она, быстро одеваясь.

— Поздненько вы, сестра, — приветствовали ее офицеры, когда она вошла в салон-вагон.

— Пожалуйте сюда, — пригласил ее командир, сажая рядом с собой. — Сейчас вам чайку подадут. Ну, как вам спалось?

— Прекрасно, благодарю вас. Я и не заметила, как очутилась в Новочеркасске. А скажите, господин полковник, что это за крики я слышала ночью. Кто-то просил подать какой-то последний снаряд. Про какой-то паровоз говорил. Я, было, испугалась сначала.

— Ах, это значит, опять во сне кричал, — виновато улыбнулся командир. — Вы уж извините за беспокой-

ство. Дело в том, что когда мы впервые на нашем бронепоезде пришли к расположению неприятеля, то попали в горячий бой и расстреляли все снаряды. Только один сберегли в запас. Когда бой кончился, неприятель отступил, мы успокоились, и вдруг со стороны большевиков заметили несущийся полным ходом прямо на нас паровоз. Большевики его пустили как брандер. Что тут делать? Уходить? Но для этого время надо. Стрелять? Но у нас всего один снаряд. Взобрался это я на заднюю площадку, зарядил пушку и, подпустив паровоз на несколько сажений, выпалил. Слава богу, снаряд попал в котел, который мгновенно взорвался и паровоз остановился. Вы понимаете, если бы я промахнулся, то от нашего поезда ничего бы не осталось. Вот с тех пор, почти каждую ночь бужу своих соседей. Уж вы извините. Ах, да, кстати. Вы говорили, что хотите поступить сестрой в один из отрядов. Не так ли?

Наташа подтвердила.

— Сегодня ко мне заходил командир одного конного отряда, есаул Греков. Я ему рассказал про вас, а он очень обрадовался и хочет пригласить вас в свой отряд. Разумеется, если вы умеете ездить верхом.

Наташа, так любившая верховую езду, очень обрадовалась этому предложению.

— Я прекрасно умею ездить, — заволновалась она. — Где же мне найти есаула?

— Вы не беспокойтесь. Сегодня он у меня обедает, так что вы успеете с ним переговорить. Немножко дикое, чтобы не сказать больше, название этого отряда. Жюлем Верном отдает от него.

— А как он называется?

— Отряд белого дьявола.

— Да, страшное название, но ведь не в названии, в конце концов, дело.

— Конечно, конечно.

В разговорах незаметно пролетало время и в салоне-вагоне стали накрывать стол к обеду.

— А вот и Греков, — выглядывая в окно, произнес командир.

Минуту спустя в вагон зашел молодой, но совершенно седой офицер. Седина необычайно шла к его молодому лицу и делала его наружность примечательной.

— Милости прошу, — протягивая руку, произнес командир. — Прощу познакомиться. Есаул Греков, — рекомендовал он. — А это та барышня, о которой я вам рассказывал.

— Так вы сестра милосердия? — крепко пожимая руку Наташе, осведомился Греков.

— Да, я сестра.

— А верхом ездите?

— Очень люблю и умею, — отвечала она.

— Вот и прекрасно. Я имею сделать вам одно предложение. Хотите поступить в мой отряд?

— С большим удовольствием.

— Только должен вас предупредить, что придется переодеться в мужской костюм.

— Это для меня не ново, только вот костюма я не взяла с собой.

— Об этом не беспокойтесь. О костюме я сам позабочусь. Так, если вы окончательно решаетесь, позвольте мне ваши документы. После обеда я буду в штабе, где выполню все формальности, а завтра, в десять часов утра, идет наш поезд, на котором мы вместе и отправимся к отряду.

На другой день, около шести часов утра, в купе, где ночевала Наташа, постучался Греков, сопровождаемый портным.

— Вот, сестра, портной, который пригонит и переделает, если понадобится, мужской костюм, которой я получил для вас. У него же сапоги, папаха и белье для вас.

Когда портной окончил свою работу, Наташа переоделась и взглянула в зеркало. Перед ней стоял прелестный четырнадцатилетний мальчуган.

Глава III

Революция застала Карягина в Петербурге, где он отдыхал, пользуясь отпуском после ранения. Далеко не глупый человек, он быстро понял, что при новом строе центр тяжести сосредоточен в правительстве, а в совете рабочих и солдатских депутатов. Крайне честолюбивый, он мечтал если не о наполеоновской карьере, то, во всяком случае, о солидном и влиятельном poste в будущей России. Еще не принимая никакого решения, Карягин стал посещать этот совет, не пропуская почти ни одного заседания. Чем чаще посещал он эти собрания, тем больше и больше росло в нем убеждение, что правительство существует лишь до тех пор, пока советы позволяют ему это, что рано или поздно они столкнут его и возьмут власть в свои руки. Не укрылось от его наблюдательного взгляда то, что сам совет делится на две группы: знающих и незнающих, причем знающие делали вид, что они такие же члены совета, как и незнающие, но тем не менее это они руководили

политикой совета, пользуясь незнающими как орудием для осуществления своих целей. Время шло и Карягину пора было ехать на фронт, но он сначала всякими законными путями оттягивал отъезд, а затем попросту перестал считаться с военной властью, убедившись в ее слабости и в своей безнаказанности. Далеко не трус, он оставался в Петербурге не потому, что боялся войны, а потому, что новые, открывшиеся после революции, возможности волновали его честолюбие. «Во время примкнуть к нужной партии, и я буду шишка», не раз говаривал он себе. Приезд и беспрепятственная агитация Ленина окончательно раскрыли ему глаза, и он записался в партию большевиков. Как ни увлекала Карягина завязавшаяся борьба, мысль о Наташе не покидала его. «Вот упрочу здесь свое положение и тогда примусь ее разыскивать», думал он часто. «Тогда уж ей от меня не увернуться. Все равно защитит будет некому. Жениться, так женюсь, а нет, так и без брака она будет моею», мечтал он, расхаживая по комнате. Теперь, после переворота, он занимал уже одну из видных должностей в военной секции и жил в Смольном институте.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Карягин, прекращая свое хождение.

В комнату просунулась голова красногвардейца.

— Товарищ, вас в секцию просят.

— Поминутно беспокоят, — пробурчал Карягин, надевая френч, и выходя из комнаты. В зале, который занимала секция, его встретил, одетый тоже во френч, человек среднего возраста, с ярко выраженным типом семита.

— Вас-то нам и нужно, — заговорил еврей. — Вот в чем дело. Восстание пролетариата в Москве приняло затяжной характер. Уж слишком мало знающих военное дело людей с нашей стороны, тогда как с противной, наоборот, все офицеры и юнкера. Так вот, Совнарком постановил срочно командировать в Москву, для руководства военными операциями, нескольких верных людей из бывших офицеров, в том числе и вас. Так что потрудитесь немедленно собраться, и через полчаса автомобиль отвезет вас на Николаевский вокзал. О документах не беспокойтесь. Все будет приготовлено. В Москве вы поступите в распоряжение товарища Каменева, который там руководит движением. Завтра утром экстренный поезд, я надеюсь, вас доставит в Москву. Желаю успеха. Торопитесь же, — улыбаясь и пожимая руку, закончил он.

«А ведь Наташа из Москвы. Сейчас она, наверное, там», — мелькнуло в голове у Карягина.

Только что казавшаяся неприятной, предстоящая поездка стала и желанной, и приятной.

«Как же мне ее найти? — ломал он себе голову, сидя в купе 1-го класса экстренного поезда, мчавшего его в Москву. — Как-нибудь через санитарную часть. Можно будет потребовать ее адрес через тот же лазарет, в котором она работала. Только уж очень это долго будет. А может быть она и сейчас еще в том лазарете. Нет, не с ее характером ужиться в лазарете при новых порядках. Безусловно, она уехала».

Карягин прибыл в Москву накануне того дня, когда офицеры и юнкера, защищавшие ее, сложили оружие.

— Немножко поздно догадался Совнарком прислать вас, — встретил его товарищ Каменев. — Впрочем, вер-

ные люди, знающие военное дело, никогда не повредят. Вот что, я вас назначаю командиром батальона металлургистов. Сейчас батальоном руководят комиссар, товарищ Иткин. Он ровно ничего не понимает в военном деле. Пусть он остается при вас для решения всяких вопросов политического характера, а вы при нем для руководства военными операциями.

— Позвольте, товарищ, — возразил Карягин. — Кто же при ком будет состоять? Я ли при нем, или он при мне? Кто же из нас будет начальник?

— Ах, товарищ, как вы этого не понимаете! Вы и он будете действовать совершенно самостоятельно. Вы, как командир, будете руководить военными операциями, а он — политической и экономической жизнью батальона. Ну, извините, мне некогда, да и вам пора к вашему батальону.

«Вот тебе и командир и верный человек! — рассуждал Карягин, выходя из вагона, в котором жил Каменев. — Все еще не верят подлецы. Хоть ты и верный человек, а все же мы тебя поконтролируем немножко».

Пройдя по указанному Каменевым адресу, Карягин остановился около небольшого двухэтажного домика, вокруг которого были расставлены часовые с двумя, готовыми к действию, пулеметами.

— Однако товарищ Иткин не из храброго десятка, — усмехнулся он.

— Вам, товарищ, кого? — окликнул его один часовых.

— Мне товарища Иткина надо.

— А по какому делу?

— Принять ваш батальон. Я назначен командиром батальона металлургистов.

Часовой нажал кнопку звонка. Вскоре дверь открылась и из нее выглянула заспанная физиономия какого-то оборванца.

— Товарищ адъютант, вот спрашивают комиссара. Говорят, что командирам вашим назначены.

Оборванец с любопытством оглядел Карягина.

— Позвольте ваши документы, — наконец произнес он.

— Нет уж, товарищ, вы лучше бросьте со мной эти фокусы, — рассердился Карягин. — Я не для шутовства прислан сюда из Смольного. Потрудитесь доложить комиссару, что вновь назначенный командир батальона металлургистов желает его видеть.

Слова Карягина, по-видимому, произвели впечатление, так как оборванец моментально скрылся, а через минуту в дверях появилась фигура маленького человека с крючковатым носом и вообще с отличительными чертами израильского племени.

— Пожалуйте, пожалуйста, — запищал человечек, жестикулируя и сильно картавя. — Вот сюда, вот сюда, — забегал он вперед, указывая дорогу.

Пройдя небольшой коридор, все трое очутились в большой светлой комнате, вероятно, служившей раньше кабинетом какому-нибудь чиновнику.

— Садитесь, пожалуйста, — подвигая Карягина кресло, суетился комиссар.

— Вот, будьте любезны, товарищ комиссар, прочтите эту бумажку, — подавая приказ о своем назначении, проговорил Карягин. — А вот это мое предписание из Смольного.

— Прекрасно, прекрасно, — повторял комиссар, поднося бумаги к своим близоруким глазам.

— Ну-с, так вы удостоверились теперь, что я действительно назначен командиром батальона.

— О, вполне, вполне!

— В таком случае расскажите мне, где батальон размещен, — вытаскивая из кармана план, продолжал Карягин.

— Да видите ли, я, собственно говоря, хорошенько этого не знаю. Ведь я в военном деле очень мало понимаю. Вот товарищ адъютант, тот вам все расскажет. Вообще, военную часть я ему поручил.

— Да какая же теперь, кроме военной, другая часть может быть? — улыбнулся Карягин.

— Как какая? А политическая. А экономическая. Теперь ведь не то, что было раньше. Теперь каждый солдат должен быть сознательным человеком.

— Ну хорошо, хорошо, — прервал Карягин комиссара. — Сообщите мне численность, вооружение и расположение батальона.

Адъютант приблизился, и водя пальцем по плану, принялся рассказывать. Когда тот кончил, Карягин попросил его оставить их с комиссаром одних.

— Товарищ, вы знаете этого человека? — когда адъютант вышел, спросил он.

— Какого человека? Адъютанта-то?

— Да, я вас именно об адъютанте и спрашиваю. — Кто он такой?

— Он бывший офицер, — понижая голос, отвечал комиссар. — За какую-то историю, а может быть за пьянство, его уволили со службы. Это было еще задолго до войны. Потом он работал по разным специальностям. Перед самым нашим восстанием, узнав, что я назначен в этот батальон комиссаром, он предложил мне свои

услуги как специалист военного дела. Да вы на счет него не беспокойтесь. Он очень полезный человек, уверяю вас.

— Так коли он полезный, вы бы хоть одели его. А то стыдно сказать. Адъютант новой пролетарской части, а одет, как босяк.

— Да все, знаете, времени не было. Эти военные распоряжения массу времени отнимают.

— Хорошо, от военных распоряжений вы теперь свободны, так уж позаботьтесь о нем.

— Да, да, я непременно, я обязательно...

— Ну-с, а я пойду осмотрю расположение батальона. Может быть, и вы пройдете со мной?

— Нет, нет! Зачем же мне идти? Я ведь все равно ничего не понимаю. Только понапрасну погинуть могу.

Сопровождаемый адъютантом и двумя ординарцами, Карягин отправился на позицию. Оказалось, что люди его батальона, главным образом, были расположены в квартирах верхних этажей, откуда было удобно обстреливать целые кварталы. Остальные же несли патрульную службу по улицам.

— А где у вас пулеметы? — обратился он к адъютанту.

— На крышах.

— Вот это напрасно. Прикажите их немедленно спустить на улицу и расставить по два на перекрестках. А где ротные командиры?

— Какие тут ротные командиры, товарищ. Здесь кто больше кричит, тот и командир. Только именем комиссара мне и удастся с ними справиться.

«Ну, это я выясню», — как бы про себя, заметил Карягин.

Только что он собирался идти назад, как заметил группу вооруженных людей, двигавшуюся со стороны центра города.

— Это что за люди?

— Пленных ведут, — всматриваясь в толпу, отвечал адъютант.

— Куда же их?

— Сперва к комиссару, а затем в расход.

В это время толпа поравнялась с Карякиным. Окруженные красногвардейцами, шли мальчишки-юнкера. Шли на мучительную смерть. Их стройные, одетые в аккуратно пригнанные шинели, фигуры резко выделялись из общей толпы.

— Где их поймали? — спросил адъютант у одного из конвойных.

— Тут, недалече. Засели они в один домишко угловой да вдоль улицы постреливают себе, и шабаш. Два дня сидели, да прозевали, как ихние отступить стали. Домишко-то мы и окружили. Хотели было штурмом взять, да куды там. Такую трескотню подняли, что не приведи господи. Пришлось обождать. Как растреляли они патроны, так положили пробиваться к своим. Тут уж мы их и переловили.

Несчастные пленники, по-видимому, знали о предстоящей им участи, так как относились совершенно безучастно к происходившему вокруг. На их бледных, изнуренных лицах можно было прочесть только полное безразличие и апатию. При взгляде на них кровь бросилась к лицу Карягина. Какой-то тайный голос шептал ему, что его место там, среди этих героев, что они близки ему, что они, а не он, идут верной дорогой. Невольно он отвернулся. Спасти их? Нет, мне поздно

возвращаться назад. Даром что ли столько подлости и грязи принял я на свою совесть. Пусть гибнут глупые, непонимающие, не хотящие понять того, что происходит. Я понял и, как искусный моряк, лавируя между опасностями, выйду на безопасный и широкий фарватер. Прочь слабость, иначе я свалюсь на полдороге и меня задавят так же, как и этих мальчишек!

После окончательного занятия Москвы большевиками, Карягин продолжал числиться командиром батальона, но фактически совершенно не вмешивался в его жизнь. Он занялся своими делами. Наташа по-прежнему не выходила из его головы. Из рассказов сестер того госпиталя, в котором он ее впервые увидел, Карягин знал, что она была на каких-то высших курсах, но на каких? С методичностью человека, решившегося во что бы то ни стало добиться своего, он начал обходить все существующие в Москве высшие курсы. Пользуясь своим положением, он заставлял перерывать архивы и перечитывать все списки. Однажды, уже теряя надежду на успех своего предприятия, он отправился на сельскохозяйственные курсы, стоявшие на очереди в его списке. Вызвав ректора, Карягин обратился к нему.

— Я вас очень прошу, профессор, помочь мне разыскать мою сестру. Она училась на ваших курсах вплоть до начала войны, а затем поступила в сестры милосердия.

— Трудную задачу вы мне задаете, — улыбнулся ректор. — Сами же вы говорите, что ваша сестра ушла с курсов. Каким же образом мы можем знать, где она находится теперь?

— Я и не прошу об этом. Дайте мне только адрес ее квартиры, где она жила во время слушания курсов. Дальше я сам постараюсь узнать.

— Что ж, если книга с адресами еще сохранилась в архиве, то вашу просьбу будет легко исполнить. Да вот пройдемте в архив. Вам за какой год? — роясь в запыленных книгах и тетрадях, спросил он.

— Да перед самой войной.

— Значит, 1914-й. Извольте, — передал он Карягину тетрадь.

С лихорадочной поспешностью тот начал перелистывать страницы.

— Неужели и здесь не повезет? «Наталья Владимировна Воробьева», — прочел он с радостным волнением.

— Очень благодарю вас, господин ректор, — записывая адрес, откланивался он.

— Что, нашли?

— Да, благодарю вас, нашел.

— А как фамилия вашей сестры?

Но Карягин уже не слышал. Он торопился по адресу.

«А что, — соображал он, — если она и сейчас там живет. Впрочем, нет, не может быть. Не такой уж человек, чтобы сидеть сложа руки в такое время».

Без труда разыскав квартиру Наташи, он позвонил. Прошло несколько минут ожидания и дверь отворилась.

— Что вам угодно? — спросила его взволнованная Мария Васильевна.

С тех пор, как воцарялись большевики, бедная женщина не могла слышать звонка. Обязательно волновалась.

— Скажите, пожалуйста, здесь живет Наталья Владимировна Воробьева?

— Раньше жила, но вот уже четвертый день как уехала.

— А куда она выбила?

— Этого я не знаю, — подозрительно оглядывая Карягина, отвечала она. — Сложила вещи, да и уехала, а куда, я и не полюбопытствовала спросить.

«Знает или не знает? — сверлила мысль голову Карягина. — Если знает, то я заставлю ее разговориться».

— Да вам на что ее нужно? — обратив внимание на огорченное лицо незнакомца, полюбопытствовала хозяйка.

Перемена в тоне собеседницы не ускользнула от внимания Карягина. «Знает», решил он.

— Как же мне ее не искать! Ведь она же моя невеста.

— Вот как, — сочувственно протянула Мария Васильевна. — А я и не подозревала, что Наталья Владимировна собирается замуж. Ну уж коли вы жених, неудобно как-то говорить о таких вещах на улице. Видите ли, сама-то я не знаю, куда она уехала, но вам может помочь ее подруга, которая все время жила с ней в одной комнате. Уж она наверное знает.

— А где же эта подруга?

— Она скоро придет. Вы не стесняйтесь, молодой человек. Посидите у меня. Я уверена, что самое большее через полчаса она будет дома. Когда же это вы познакомились с Наталией Владимировной?

— Во время войны. Ведь она была сестрою в лазарете N-ской дивизии, на Румынском фронте. Я у нее в палате, после ранения, лежал.

— Очень, очень приятно познакомиться с женихом Наталии Владимировны, — тараторила Мария Васильевна, угощая Карягина чаем и совершенно забыв пер-

воначальные свои подозревая. — Да, прелестная девушка. И ведь какая энергичная. Вы знаете, как она тут у меня в квартире одного юнкера спасла?

— Нет, этого я не слышал. Расскажите, пожалуйста.

Доверчивая женщина, ничего не тая, передала ему все, что читателю уже известно.

— Да, это на нее похоже, — отвечая на свои мысли, произнес Карягин.

Раздался звонок.

— Это, вероятно, Евгения Николаевна вернулась. Это подруга вашей невесты, — заметив вопросительный взгляд гостя, пояснила хозяйка.

Через минуту Карягин услышал, как дверь отворилась и молодой девичий голос произнес:

— Это ложь! Я знаю наверное, что у подруги нет никакого жениха.

— Да что вы, Евгения Николаевна, — отвечал голос хозяйки. — Ведь жених-то здесь, налицо.

— Это не жених. Я не знаю, зачем он лжет, но что он лжет, так в этом я ни минуты не сомневаюсь.

«Видно, добром с этой девчонкой не сладить», — подумал Карягин, выходя в переднюю.

— Извините, барышня, — обратился он к Жене. — Ведь это вы подруга моей невесты, Наталии Владимировны Воробьевой?

— Да, я ее подруга.

— Вы, конечно, поймете мое состояние. Состояние потерявшего невесту, и поможете мне найти ее.

— К сожалению, я не могу вам помочь, так как не знаю, куда она уехала.

— Подумайте хорошенько, — подавая ей, свой большевистский документ, продолжал он.

— Что это значит? Ах, так вы большевик? В таком случае, я должна вам сказать, что моя подруга невестою большевика никак не может быть. Вернее всего, что ваша невеста и моя подруга попросту однофамильцы.

— Не беспокойтесь, я не ошибаюсь, — ледяным тоном отвечал Карягин. — Впрочем, теперь, в сущности, нет никакой надобности доказывать, невеста ли ваша подруга или нет. Я просто желаю знать, куда уехала ваша подруга.

— Вы меня удивляете. Ведь я же вам сказала, что не знаю.

— Еще раз прошу подумать, иначе мне придется арестовать и вас, и вашу хозяйку.

— Что же, арестуйте.

— А вы знаете, что значит для молодой, хорошенькой барышни быть арестованной теперь? Имейте в виду, что распущенные и разнузданные красноармейцы не пощадят хорошенькой буржуйки.

— Однако и подлец же вы! — вся вспыхнув и меряя Карягина негодующим взглядом, произнесла Женья.

Несчастливая Мария Васильевна, поняв, кому она так доверчиво рассказала о происшествиях последних дней, ни жива ни мертва стояла в передней и только переводила испуганный взгляд с Жени на Карягина и обратно.

— Оставим эпитеты в стороне, милая барышня, — продолжал Карягин. — Угодно ли вам ответить на мой вопрос? Имейте в виду, что если ваш ответ окажется лживым, то от ареста вам не уйти. А уж я сумею проверить, правду ли вы сказали.

Несколько мгновений длилось молчание. Бедная Женья всматривалась в стоящего перед ней человека и

колебалась. Ей не верилось, чтобы интеллигентный человек, офицер, был бы способным на такую низость.

Карягин, скрестил руки, несколько расставил ноги и, покачиваясь на носках, с самым наглым видом, какой только мог себе придать, устался на собеседницу. На секунду глаза их встретились.

«Нет, этот негодяй на все способен», — подумала Женья.

— Она уехала в Новочеркасск, — уже открыв дверь и не оборачиваясь, произнесла она.

«А ведь я так и думал, — рассуждал сам с собой Карягин, шагая по улице, после посещения квартиры Наташи. — Эта упрямая девочка только подтвердила то, в чем я и так был уверен». Только почему-то мысль о Новочеркасске была какой-то туманной и неясной. Скорее предчувствием, нежели мыслью. «Так, так. Да и куда бы могла уехать эта пылкая, экзальтированная девушка, как не к Каледину? На подвиг! Ведь подумать только, как красиво: непокорные пришедшему хаму, патриоты... Спасатели Родины... Что же лучше для этой головки? Все это прекрасно, но как мне ее достать оттуда?»

Внезапно Карягин был остановлен каким-то господином. Радостно улыбаясь, он протягивал ему обе руки:

— Карягин, голубчик! Вот неожиданная встреча! Какими ты здесь судьбами?

Оторвавшись от своих размышлений и взглядевшись в остановившего его господина, Карягин с трудом узнал одного из своих товарищей по полку, ротмистра Зайцева.

— Что, трудно узнать? — продолжал тот. — Да, братец ты мой. Я сам себя не узнаю, как посмотрюсь в зеркало. До чего меняет костюм.

Расцеловавшись, приятели пошли вместе.

— Ты что же тут делаешь? — любопытствовал Карягин.

— Ровным счетом ничего. Впрочем, я тут проездом. Завтра собираюсь покинуть эти прекрасные места.

— Уезжаешь? Куда же?

— Куда же теперь может ехать честный офицер? На Дон, конечно, — нагибаясь к самому уху Карягина, произнес тот. — А ты туда не собираешься?

Заданный приятелем вопрос вдруг навел Карягина на новую мысль.

— Конечно, собираюсь, — отвечал он. — Вот только не знаю, как все это устроить. Ведь нужно хоть какие-нибудь документы достать. С одним отпускным офицерским билетом далеко не уедешь.

— Если задержка только в этом, то я ее в два счета устраню. Здесь, в Москве, есть несколько представителей Корнилова. Один из них мой старинный приятель. Если хочешь, мы можем сейчас же к нему завернуть, и он, по моей рекомендации, выдаст тебе и подложный документ, и предписание и даже немножко денег, если у тебя не хватает на дорогу.

— Вот этим, дружище, очень обяжешь, — радостным тоном отвечал Карягин.

— В таком случае идем сейчас же, так как перед отъездом предстоит сделать несколько визитов, а времени мало.

«Однако сегодняшней день я не потерял даром, — рассуждал Карягин, возвращаясь домой. — Во-первых, узнал, куда уехала моя дикая козочка, а во-вторых, это предписание, которое так доверчиво мне выдали. Оно мне может очень и очень помочь в будущем. Теперь

надо будет устроиться в один из тех карательных отрядов, что отправляются на Дон. А там или, разбив Корнилова, силой ее захвачу, если же нет, то, благодаря предписанию, можно будет проникнуть к белым. И при первой возможности выкрасть ее».

В комнате, которую он занимал в лучшей гостинице, его ждала повестка из военного комиссариата.

«Завтра в девять часов утра вас ожидает комиссар по военным делам», — значилось в повестке.

— Это куда еще упечь меня собираются. Вот будет штука, если меня куда-нибудь надолго пошлют. Этак все мои планы расстроятся. Ну да еще посмотрим. Если что-нибудь не подходящее, можно и отбрыкнуться.

Ровно в 9 часов утра следующего дня Карягин вошел в кабинет военного комиссара.

— Вас то мне и нужно, — обратился к нему тот. — Присядьте, товарищ. Дело, по которому я вас вызвал, заключается в следующем: возможно скорее вам надо ехать в Екатеринодар. Вчера я получил донесение от товарища Сорокина, командующего нашими войсками на юге. Он жалуется, что благодаря недостатку в армии военспецов, на которых можно было бы положиться, Корнилов, несмотря на свою малочисленность, в каждом бою одерживает победу. Хотя мы и сами нуждаемся в людях, знающих военное дело и преданных революции, все же я решил командировать к Сорокину трех бывших офицеров. В том числе и вас. Я уверен, что не пройдет двух-трех недель, как вы покончите с Корниловым. Тогда я вас вызову сюда. Вы получите должность, более соответствующую вашим заслугам перед революцией. Пока возьмите приготовленные в канцелярии бумаги и поезжайте.

«Везет как утопленнику, — думал Карягин, возвращаясь домой. — Ведь только вчера подумал, что надо устраиваться на юг, а тут без малейшего усилия с моей стороны на другой же день желание мое исполняется. Хорошее начало — хорошее предзнаменование. Все равно мне достанешься. Нет, милая моя козочка. Не уйди тебе от меня».

Путешествуя в отдельном купе первого класса, Карягин и не заметил, как очутился в Екатеринодаре. Остановился в лучшей гостинице, где ему отвели номер, лишь только взглянув на предъявленные им бумаги. Карягин отправился к Сорокину.

— Доложите товарищу командиру, что я прибыл от московского военкома как военспец, — обратился он к дежурному секретарю.

Прождав минут пять, Карягин был приглашен в кабинет к Сорокину.

За большим, заваленным картами, столом сидел молодой, лет тридцати, человек, окруженный несколькими помощниками. Водя циркулем по карте, Сорокин о чем-то оживленно спорил, не соглашаясь с приводимыми ему доводами.

— А вот мы сейчас свежего человека спросим, — прервал он спор при входе Карягина. — Вы бывший офицер? — спросил он, просматривая бумаги, которые подал ему Карягин. — Прекрасно. В специалистах мы сильно нуждаемся. Вы пришли весьма кстати. Вот взгляните на карту. Видите, это путь Корнилова до вчерашнего дня, а это Покровского. Как вы полагаете? Куда Корнилов направит новый удар? Я уверен, что он изберет вот это направление, — указав место на карте, снова заговорил Сорокин. — Они же, — указывая на своих оппонен-

тов, продолжал он, — уверяют, что этого пути Корнилов ни за что не изберет, а двинется вот сюда.

— Да послушайте, товарищ, — возразил один из членов штаба, как догадался Карягин. — Ведь надо же Корнилову искать соединения с отступающим Покровским. Или вы думаете, что он пренебрежет его отрядом.

— Конечно нет, но, по моему, он постарается соединиться с Покровским вот здесь. Ну-с, товарищ Карягин, сообщите нам ваше мнение.

— Мне кажется, — водя циркулем по карте, начал Карягин, — что Корнилов двинется на станицу Новодмитриевскую, рассчитывая, если не соединиться с Покровским, то по крайней мере пересечь его путь.

— И вы против меня, — улыбнулся Сорокин. — Ну ладно, — уже начальническим тоном продолжал он. — Там видно будет. Пока, на всякий случай, мы укрепим Новодмитриевскую. Вы товарищ, будете назначены командиром отдельного отряда. Я вам даю две пушки, двенадцать пулеметов, эскадрон кавалерии и два полка пехоты. Отряд этот уже сформирован и сегодня в два часа будет грузиться в поезд. Так вот, отправляйтесь, займите Новодмитриевскую и наблюдайте за соседними станицами. О малейшем замеченном движении корниловцев немедленно телеграфируйте. Что касается снабжения вашего отряда всем необходимым, то об этой позаботится комиссар отряда товарищ Ициксон.

«Опять комиссар. И тут не верят», — мелькнула, мысль в голове Карягина.

— Не забудьте окопаться как следует, — уже отпуская Карягина, вдруг вспомнил Сорокин. — Имейте в виду, что окопы, по вашему указанию, должны быть

выкопаны казаками станицы. Я везде ввожу такой порядок, чтобы облегчать бойцов.

Уже третий день как отряд Карягина занимал станицу Новодмитриевскую. Погода стояла сносная. Было достаточно сухо, а потому окопы были закончены еще в первые два дня. Расположились в доме станичного священника, которого Ициксон запер в сарай, Карягин и комиссар отдыхали. Ежедневно посылавшиеся до соседних станиц разъезды доносили, что неприятеля не слышно и не видно. Только на третий день один из разъездов привез слух, что находящаяся в сорока верстах большая станица Афибская занята Корниловым.

«Если слух этот подтвердится, — соображал Карягин, — то сомнений нет — Корнилов изберет путь через Новодмитриевскую. Завтра придется принять оборонительное положение и попросить подкреплений».

Поднявшись на другое утро, он начал было распоряжаться выводом пехоты в окопы, но начавшийся дождь вскоре изменил его намерение. Он ограничился высылкой разъездов да приказанием пехоте быть в полной готовности. Дождь, как сквозь сито, не прекращался. Вскоре и улицы станицы, и дороги потонули в невылазной грязи.

«Не думаю, — рассуждал Карягин, — чтобы Корнилов повел людей по такой погоде. Хотя осторожность не повредит».

И, несмотря на просьбы командира эскадрона, он не прекращал разъездов. К полудню дождь перешел в снег и началась форменная метель. Еще было светло, когда во главе одного из разъездов, Карягин, сопровождаемый комиссаром, объезжал свои укрепления. Снег па-

дал огромными хлопьям. В воздухе как бы висела густая белая кисея. Поднявшийся ветер намел целые сугробы. Снег совершенно заровнял окопы. Мороз крепчал. Подъехав к ручью, который еще утром не представлял собой ни малейшего затруднения для пешехода, Карягин увидел широкий и бурный поток.

— Вот прекрасная защита, — весело крикнул он, подъезжая к закутанной фигуре волновавшегося комиссара.

— Вот думаете он непроходим? — обратился к нему последний.

— Не то чтобы вовсе непроходим, но на переправу понадобится много времени. А если с этого берега немножко пострелять, то я думаю, что Корнилову ручья не перейти. Если только он действительно решил нас атаковать сегодня, во что я не верю, то он со своею бандою или замерзнет по ту сторону ручья, или уложит всех под нашим огнем во время переправы.

Успокоенный вернулся он домой, сопровождаемый комиссаром и командиром эскадрона.

— С морозцу не дурно бы и по рюмочке пропустить, — обратился он к спутникам. — Вы бы, товарищ Ициксон, распорядились бы этим делом, а мы пока потолкуем с командиром эскадрона. Вот что, товарищ, — обратился он к кавалеристу. — Когда стемнеет, вышлите один разъезд по направлению к ручью. Так как сегодня очень холодно, то сменяйте людей через каждые два часа.

В начальники разъездов назначьте Федченко и Кошкина. Эти двое пусть всю ночь ездят. Поняли.

— Отчего же других не назначать. Ведь так для Кошкина и Федченко обидно будет.

— Это уж мое дело, товарищ. Вы ведь знаете. Время военное и рассуждений быть не должно. Приказано и сделано. Ведь так?

— Ладно, товарищ. Будет исполнено.

— Вы вот выпейте-ка рюмочку на дорогу, — наливая из принесенного попадьею графина, продолжал Карягин.

— За ваше здоровье, товарищ. За полную победу, — выпивая рюмку, провозгласил командир эскадрона, обтирая усы. — Покойной ночи.

Глава IV

Мы оставили Глеба с его моряками в тот момент, когда он ворвался в дом священника.

— Перевязать этих негодяев, — оборачиваясь назад, крикнул он. — Сдается мне, что мы поймали главарей. Их надо живыми в штаб доставить.

Басов и Бутенев бросились исполнять приказание.

— Извините, господин капитан, — вдруг заговорил один из арестованных. — Вы делаете большую ошибку, обращаясь со мною таким образом. Я такой же офицер, как и вы. Я...

— А так ты еще и офицер? Так тебя повесить мало предатель. Ну да в штабе разберутся.

— Я имею документы, — отступая и не давая стоявшему в нерешительности Бутеневу себя связать, продолжал тот. — Я имею документы, доказывающее, что...

— Э, какие там документы. Мичман Бутенев, почему этот негодяй не связан? — крикнул Глеб.

«Что за противная рожа, — между тем рассуждал он про себя, искоса поглядывая за пленного офицера. — Не даром изменил своей совести. Негодяй».

— Ну, господа, двигаемся дальше. А этих двух мерзавцев поручаю вам, Басов. Доставьте их в штаб живыми или мертвыми. При попытке к побегу вы знаете, что делать. Без разговоров пулю в затылок. Ну, с Богом.

Часа два или три продолжалась ловля рассеянных по станции красных. Между тем погода изменилась. Снег прекратился. Ветер разогнал тучи и стих. Погода стала прекрасной. Огромная полная луна выплыла из-за горизонта и осветила своим бледным светом только что взятую станицу. По улицам взад и вперед двигались патрули добровольцев.

— Господин лейтенант, — нагоняя на одной из улиц патрулировавшего Глеба, остановил его офицер связи. — Вас командир роты просит.

— А где он?

— Вон в той хате, в которой огонь светится.

— Ага. Вижу. Скажите, что сейчас приду.

— Господа, меня ротный командир зовет. Он вон в той хате. Вы же, пока что, погрейтесь немножко. Идите вон в эти соседние хаты. Но только, боже сохрани, не теряйте связи друг с другом и со мною.

— Здравствуйте, лейтенант, — приветствовал Глеба уже успевший отогреться Дукаров. — Маленькую неприятность должен вам сообщить. Сейчас получил распоряжение о том, что наша рота назначена на остаток ночи в сторожевое охранение. Ранним утром нас сменил первая рота, а пока, хочешь не хочешь, придется померзнуть.

Глеб поморщился.

— Что же это, господин ротмистр. Нашу роту, что называется, и в хвост и в гриву. Ведь люди насквозь мокрые.

— Знаю, знаю. Да что поделаешь. Приказание категорическое. Ах да, это вы захватили комиссаров.

— Да, накрыл их еще не одетыми. Почивать изволили, пока мы станицу брали.

— Но представьте себе. Когда ваши моряки привели их в штаб, я как раз был там в это время, так один из них заявил, что он офицер. Ротмистр Карякин, какой-то. И что он попал на Дон специально, чтобы явиться в нашу армию. Даже предписание от нашего московского агента представил.

— Ну это он врет, — решил Глеб.

— Да вот подите же. Доказывает, что для нашей же пользы выпросил у красного командования назначения в командиры того отряда, который мы сегодня выгнали из станицы. Уверяет, что нарочно не принял элементарных мер предосторожности, чтобы облегчить нам занятие станицы.

— Врет негодяй, — повторил Глеб.

— Да и мне тоже сдается. Впрочем, кто его разберет. Посмотрим, как решит Корнилов.

— Ну а другой мой пленник?

— Другой-то, несомненно, комиссар. Его то уж, наверное, повесят.

— Так в каком же месте прикажете выставить караул от моего взвода?

— Займите-ка вы северный выход из станицы.

— Тот самый, через который сегодня бежали красные?

— Да-да. А вот вам записка с паролем и с пропуском.

Яркое солнце освещало белый снег, покрывавший поля, крыши домов и висевший пушистыми, нежными массами на ветвях деревьев. Налетавший иногда легкий ветерок сдувал его на неосторожных прохожих. Станичная площадь с большой церковью посередине, несмотря на ранний час, была оживлена. Множество людей сновало взад и вперед. Тут были и добровольцы, но главным образом здесь суетились местные жители.

— Никита, а Никита, — раздавался пронзительный женский голос из середины небольшой кучки людей, которые обступили какое-то деревянное сооружение, над окончанием которого еще возились плотники, постукивая топорами. — Никита, это что же тут строить будут?

— Шафот, — отвечал флегматичным тоном Никита.

— Чево такое?

— Шафот, тебе говорят. Шафот, на котором комиссаров вешать будут.

— Значит, виселицу? — не унималась любопытная баба.

— Дура. Сказано шафот. То по-старому виселицей называлось, а нынче шафот.

— Ишь ты дело какое.

— А кого ты оказал, вешать-то будут.

— Известно кого. Комиссаров да камячейку.

— Это какую же камячейку?

— Фу ты дура какая. Да ты что не знаешь что ли Василия Прохорова, Семена Федорова...

— А, так, значит, бедноту. Так ты бы так прямо и сказал. А то «камячейка», — осердилась баба.

В толпе послышался смех.

— А когда же вешать начнут?

— Обожди маленько. Еще на суд их поведут.

Внезапно толпа насторожилась.

— Ведут, — пронеслось над ней.

Все обернулись к небольшому сараю. Из открывшихся дверей вышло несколько добровольцев, окруживших небольшую группу арестантов. Пересекая площадь, шествие направилось к двухэтажному дому, над которым развеялся трехцветный флаг.

— Это что ж, Корнилов сам судить будет? — снова послышался голос любопытной бабы, но ей никто не ответил.

В доме, куда привели арестованных, помещался Корнилов со штабом и там же сегодня заседал военно-полевой суд. За небольшим столом, покрытым белой скатеркой, сидел председатель, пожилой генерал. По обеим сторонам его поместились члены, а за отдельным столиком у самых дверей — молодой офицер, исполнявший роль делопроизводителя. Кроме суда в комнате находилось еще человек десять жавшихся у стен свидетелей и священник, только что окончивший приводить их к присяге.

— Благодарю вас, батюшка. Пока ваши услуги больше не нужны, — обратился председатель к священнику. — Ввести подсудимого, именующего себя ротмистром Карягиным, — приказал он делопроизводителю.

Двери открылись и, сопровождаемый двумя добровольцами с шашками наголо, вошел Карягин. В его голубых, нагло смотривших глазах, нельзя было прочесть страха или беспокойства. Держался он весьма свободно. Подойдя к столу, он вежливо, но не подобострастно, а с чувством собственного достоинства, поклонился.

— Назовите ваше имя, отчество и фамилию, — начал председатель, не глядя на него и не отвечая на поклон.

Карягин повиновался.

— Вы обвиняетесь в том, что забыв совесть, честь и свое офицерское достоинство, если только действительно офицер, командовали бандой красных разбойников, действовавшей против нас и нашей родины.

— Ваше превосходительство, — начал Карягин твердым голосом. — Я не собираюсь отречься от того, что я действительно командовал этой бандой. Мало того. Я должен доложить, что сам просил красное командование...

— Не командование, а разбойничье атаманство, — резко перебил его генерал.

— Я сам просил о назначении меня в один из отрядов действующих против вас. Цель же моя была, во чтобы то ни стало пробиться к вам и явиться к генералу Корнилову, о чем свидетельствует и то предписание, которое отобрали у меня при аресте.

— Ну, это предписание мало что доказывает. Вы могли найти его, снять с убитого или отнять у пленного.

— Это верно, ваше превосходительство, но мои документы, мой отпускной билет. Они свидетельствуют о том, что предписание выдано именно мне и что я действительно ротмистр Карягин.

— Не убедительно, — пробурчал генерал. — А что может служить гарантией, что и эти документы не достались вам таким же способом, как и предписание?

Карягин задумался.

«Черт их знает. Как же им доказать, что я действительно я».

Невольно вспомнилась ему виселица, которую он мельком видел, проходя через площадь. Мурашки пробежали по его спине. Вдруг он вспомнил о ротмистре Зайцеве, который помог ему в Москве достать подложные документы и предписание.

«Ведь Зайцев ехал к Корнилову. Если он доехал, я спасен».

— Ваше превосходительство, — снова заговорил он. — В одной из военных частей добровольческой армии находится мой товарищ по N-скому полку. Ротмистр Зайцев. Он может засвидетельствовать не только мою личность, но и мое стремление попасть в добровольческую армию во время нашего совместного пребывания в Москве.

— Зайцев? — переспросил генерал.

— Делопроизводитель, попросите в штабе дать справку, находится ли у вас ротмистр Зайцев N-ского полка. Если он состоит у нас, то попросите немедленно прислать его в суд.

— Ну-с, хорошо, — продолжал старик, снова обращаясь к Карягину. — Что еще вы можете сказать для своего оправдания.

— У меня остается еще немного, что я хотел бы доложить суду, — отвечал последний. — Я хочу обратить внимание суда на то, как была организована защита и охрана станицы от наступающих частей добровольческой армии отрядом, которым я командовал. Для всякого военного человека, по моему мнению, должно быть совершенно ясно, что обороной руководил человек или ничего не понимающий в военном деле, или обдуманно способствующий неприятелю. Зная из опыта проезжих о вашем наступлении, я принял все

меры, чтобы облегчить и обеспечить вашу победу. Мною был выслан только один разъезд, которого не выслать я не мог, опасаясь обвинения в предательстве или, по крайней мере, возникновения подозрений у комиссара. Он от меня не отходил. Никаких других мер безопасности мною принято не было. Ни одного караула или заставы я не выставил. Весь мой отряд в полном составе, за исключением одного разъезда, спал по квартирам.

— Имеются ли, господа, какие-либо вопросы? — обратился генерал по очереди к обоим членам суда, слегка наклоняясь в сторону спрашиваемого.

Последовали отрицательные ответы.

— Хорошо, пока нам сообщат о ротмистре Зайцеве, потрудитесь-ка стать вон в тот угол и обождать.

Как и Карягин, сопровождаемый конвойными, испуганно озираясь, вошел комиссар. Увидев председателя, он бросился перед ним на колени.

— Ваше превосходительство, — быстро-быстро заговорил он. — Ваше превосходительство, пощадите. Я не своею волею. Партийная дисциплина заставила. Я не хотел идти против народных патриотов, но не мог не подчиниться силе. Вот он свидетель, — тут он бросил умоляющий взгляд на Карягина. — Они свидетель, как я любил генерала Корнилова, который так героически убежал из австрийского плена. Я...

— Да замолчишь ли ты! — топнул ногою генерал. — Как твое имя, отчество и фамилия?

Бледный как мертвец, со слезами, стоявшими в глазах, комиссар назвал себя.

— Ты ли был комиссаром той шайки разбойников, которую этой ночью мы выгнали из станицы?

— Да, ваше превосходительство. Я был комиссаром, но клянусь вам Богом, что не по своей воле. Клянусь, что никогда не буду больше, как бы меня ни пугали...

— Довольно, — остановил его генерал.

Задав обычный вопрос членам суда о неимении вопросов, он велел вывести подсудимого.

Шатаясь, с блуждающим взглядом, несчастный поднялся с колен. Несмотря на старание конвойных, он ни за что не хотел встать на ноги, во все время допроса.

— Пощадите, — прерывающимся голосом произнес он и, поклонившись, вслед за конвойными пошел к дверям.

«Сыщут Зайцева или нет?» — сверлила мысль в голове Карягина. Воображение уже рисовало ему площадь. Толпу народа, виселицу и его, Карягина, стоящего на эшафоте с петлей на шее. Ожидание начинало волновать его нервы. Он с досадою заметил, что начал дрожать мелкой дрожью.

«Лишь бы судьи не заметили», — силился он одолеть свою слабость.

Как в тумане прошел перед ним допрос комиссара. Как будто издали доносились до него вопросы председателя и ответы подсудимого.

— Ввести следующего, — между тем приказал генерал.

— Ваше превосходительство, ротмистр Зайцев явился, — произнесла чья-то голова, просунувшись в приоткрытую дверь.

Как будто птицы запели в душе Карягина.

«Спасен», — мысленно поздравил он себя, и к нему снова вернулась вся его бодрость.

— Пусть войдет, — ответил генерал.

— Знаете ли вы этого человека? — обратился он к вошедшему.

Зайцев обернулся, и при виде Карягина лицо его изобразило удивление, а затем неподдельную радость.

— Так точно, ваше превосходительство. Это ротмистр Карягин, мой однополчанин.

— А можете ли вы засвидетельствовать, что он действительно пытался проехать в добровольческую армию?

— Безусловно, могу. Мы, ваше превосходительство, с ним внесли хлопотали в Москве о получении предписаний и подложных паспортов. С этой стороны я могу поручиться за ротмистра Карягина.

— Хорошо. Вывести подсудимого. Только ведите его в помещение штаба. Пусть там обождет решения суда.

Карягин, сопровождаемый Зайцевым и двумя конвойными, вышел в коридор.

— Следующего, — услышал он голос председателя.

— Как ты попал сюда? — накинулся на него Зайцев, лишь только они очутились за дверями. — Вот так встреча! Да еще где? В заседании полевого суда!

В двух словах Карягин рассказал ему придуманную им историю о том, как он задержавшись в Москве, выехать уже не мог. Как ему пришлось, чтобы обратиться в армию, поступить в красные командиры.

— Ловко! — одобрил Зайцев, выслушав эту историю. — Только с твоей энергией и было возможно преодолеть столько препятствий. Ну теперь тебя конечно оправдают. В этом сомнений быть не может. Так не хочешь ли поступить в наш отряд? Опять вместе послужим.

— Конечно хочу.

— В таком случае, ты здесь постой, а я сбегаю к командиру и притащу его сюда, чтобы он похлопотал о твоем назначении. Надо торопиться, а то, чего доброго, засунут тебя в пехоту. До скорого, — уже из-за дверей крикнул он.

В ожидании решения своей судьбы, Карягин, под охраной конвойных, оставался стоять в коридоре. Мимо него то и дело сновали рассыльные и адъютанты. Сквозь запертую дверь комнаты, в которой заседал суд, было слышно почти каждое слово, но Карягина суд больше не интересовал. Только что избежав опасности быть повышенным, он чувствовал себя удивительно легко.

«Что же, — размышлял он. — Если не удался мой первый план — разбить Корнилова и захватить Наташу силой, зато я на пути к осуществлению второго. Осмотрюсь, познакомлюсь с обстановкой, тогда и начну действовать. Милая моя козочка, — продолжал он мечтать. — Ты и не подозреваешь, что ради тебя сегодня я чуть не погиб ужасной смертью. Но, безусловно, удача мне сопутствует. Я глубоко уверен, что недолго придется ждать осуществления моего плана».

Внезапно его мечты были прерваны появлением делопроизводителя суда, скользнув через коридор и открыв дверь в канцелярию, он попросил дежурного адъютанта доложить командующему, что заседание суда окончено и что председатель просит разрешения представить приговоры на утверждение.

Адъютант направился к одной из запертых дверей и постучал.

— Войдите, — раздался резкий голос.

Придерживая шашку, адъютант исчез в дверях и очутился в небольшой опрятной, комнате. В ней помещался Корнилов.

Рассматривая разложенные на столе карты и просматривая донесения, генерал стоял нагнувшись над столом и прихлебывал чай из стакана.

— Что скажете? — обратился он свое энергичное сухое лицо с немножко раскосыми глазами к вошедшему.

— Ваше превосходительство, полевой суд закончил свое заседание. Председатель просит разрешения представить приговоры на ваше утверждение.

— Хорошо, пригласите председателя, да, кстати, оповестите командира конного отряда, чтобы он был готов к походу через два часа, а за инструкциями чтобы явился во мне.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Через минуту, держа под мышкой папку с приговорами, мимо Карягина, дружелюбно улынувшись ему, прошел председатель суда и скрылся в дверях канцелярии.

— Пожалуйста, пожалуйста, ваше превосходительство, — протягивая руку, встретил Корнилов старика. — Что, много народу повесили? — улыбнулся он, принимая бумаги и усаживаясь за стол.

— Да, вот троих приговорили к повешению, восьмерых к розгам, а одного оправдали, — усаживаясь напротив Корнилова, докладывал генерал.

— Кто эти три смертника?

— Один — комиссар отряда, который занимал станицу до вашего прихода. Другой — станичный комиссар, в свое время повесивший станичного атамана, а третий — председатель комитета бедноты.

— Утверждаю, — написал Корнилов на первых трех приговорах.

— Вот эти три присуждены к розгам. Это все члены комитета бедноты.

«Утверждаю», — вновь написал Корнилов.

— А это вот оправдательный приговор касается командира красного отряда.

— Почему же оправдательный? — удивился Корнилов, принимаясь читать приговор. — Так. Он вам доказал, что умышленно не принял охранительных мер, чтобы облегчить нашу задачу? Знаете, не верю я этому. Мер он не принял потому, что не допускал возможности нашего наступления в такую погоду. Я и сам не предпринял бы его, если бы знал, что погода так круто изменится. Гм, при нем оказалось предписание моего московского агента. Ах, вот что! Его опознал и за него поручился ротмистр Зайцев. Да, вы правы, конечно. Хотя я почему-то на верю ему. Впрочем, будущее покажет, а пока я и этот приговор утверждаю.

— Ваше превосходительство, — раздался голос дежурного адъютанта. — Командир конного отряда прибыл за инструкциями.

— Хорошо. Пригласите его сюда.

— Вас я очень благодарю, — обратился Корнилов к председателю суда. — Теперь же прошу извинить, — продолжал он вставая. — Приговор передайте старшему адъютанту для исполнения. Сами идите отдыхать. Ведь еще не спали, пожалуй.

— Да, признаться, пока нашел квартиру и устроился... так и утро наступило, а тут суд начался, — отвечал старик, пожимая протянутую ему руку.

Только что он вышел, как перед Корниловым появился молодой, лет тридцати пяти, полковник, командующий конным отрядом.

— Здравствуйтесь, садитесь, полковник, — приветствовал его Корнилов. — В каком состоянии ваш отряд?

— Через час буду готов к походу, ваше превосходительство. Только должен доложить, что люди, после вчерашнего перехода, еще не успели отдохнуть, отогреться и обсушиться. Кроме того, есть человек восемь с отмороженными ногами.

— Все это я знаю, но обстоятельства не позволяют ждать. Необходимо сегодня же, пока красные не успели стянуть сюда подкреплений, выполнить одну операцию. Через час вы со всем своим отрядом отправитесь в станицу Калужскую и отвезете генералу Покровскому мой приказ немедленно перейти со всеми своими силами и обозами сюда. Посылаю вас со всем вашим отрядом потому, что предполагаю на вашем пути присутствие неприятельской конницы. Предполагаю, что генерал Покровский выступит не позже завтрашнего утра. На всякий случай, чтобы обезопасить движение обоза, завтра же утром я вышлю вам навстречу полк пехоты, который встретит вас на полдороге. Ну-с, с Богом, — протягивая руку, закончил он.

Простившись, полковник все еще не уходил.

— Что, у вас еще что-нибудь есть для доклада? — поднял голову Корнилов.

— Так точно, ваше превосходительство. У меня есть, просьба о зачислении в мой отряд только что прибывшего в армию ротмистра Карягина.

— Это какого Карягина? Не того ли, что в плен прошлой ночью взят?

— Так точно, ваше превосходительство.

Корнилов нахмурился.

— А вы хорошо его знаете?

— Да я-то его вовсе не знаю, но офицеры отряда просят за него. Уверяют, что он прекрасный офицер.

— Ох не верю я что-то этому Карягину. Ну да уж ладно. Берите его к себе. Только рекомендую вам, хотя бы первое время, присматривать за ним. Понимаете?

— От души поздравляю тебя, — набросился на Карягина Зайцев, выскакывая из канцелярии и заключая его в свои объятия. — Во-первых, Корнилов утвердил твой оправдательный приговор, а во-вторых, ты назначен в наш отряд. Только, к сожалению, нам ровно через час выступать в поход, так что тебе надо поторопиться.

— погоди, дружище, — остановил его Карягин. — Как же я смогу через час двигаться в поход, если у меня даже коня нет?

— Это, брат, все пустое. Важно друзей иметь, а остальное приложится. Ты ни о чем не беспокойся, так как и коня и оружие я уже приготовил для тебя. Скажу больше. Я было приготовил маленький закусон с водочкой по случаю твоего прибытия, да вот этот срочный поход все спутал. Приходится закусон отложить до завтра.

Разговаривая таким образом, приятели вышли на площадь, направляясь к расположению своего отряда.

Окончив свое дежурство на околице станицы, моряки только что вернулись домой в отведенные им хаты.

— Ну-с, господа, — разместив всех людей своего взвода у входа в комнату, предназначенную для него и нескольких старших офицеров, воскликнул Глеб. — Теперь на боковую. Пускай хоть сам Вельзевул вылезает из ада — не поднимусь. Ба! Это что? — веселым голосом продолжал он при виде большого блюда с варениками, крынки сметаны, нарезанного сала и бутылки водки, расставленных на столе. — Держу пари, что это Кудинов распорядился.

— Конечно, Глеб Николаевич, это я. У нас охотников покушать хоть отбавляй, а вот приготовить да позаботиться никого не сыщешь.

— Ай да молодец, Кудиныч! Так вот, господа, заявляю четырехчасовую готовность. Можно снять патрон-таши и шинели.

— Боже, как хочется спать, — простонал Бутенев, слезая с печки, на которую он забрался, чтобы отогреться.

— Так чего же ты слезаешь? Ты уж и спал бы себе, — откликнулся Басов.

— Да, спал бы. Знаю я тебя. Слопаешь все вареники, а я голодным останусь.

— Экая беда, зато выспишься.

Сняв мокрую одежду, все уселись за стол.

— Так, значит, сегодня, по случаю вчерашнего купания, полагается по чарке водки, — наливая стакан, произнес Глеб. — Ай-да вареники. Я никогда в жизни не ел ничего подобного. Принимайтесь же, господа.

Позавтракав, все улеглись, кто куда. Вскоре в комнате раздавался лишь богатырский храп утомленных до предела людей.

Уже заметно стемнело, когда в комнату вошел офицер связи.

— Здесь ли командир взвода? — громко крикнул он. Но дружный храп был единственным ответом. Шагая через спящих, он наконец нашел спавшего Глеба.

— Господин лейтенант, господин лейтенант, — принылся он тормошить его.

— А? А? Что такое?

— Ах, это вы? — наконец придя в себя, произнес он.

— Господин лейтенант, проснитесь.

Глеб сел на своей подстилке и недоумевающими глазами уставился на своего мучителя.

— С чем пожаловали?

— Приказание от ротного командира. Приготовитесь к походу к шести часам утра.

— Хорошо, все будет готово. А вы не знаете, куда мы идем?

— Слава богу не далеко на этот раз. Наш полк назначен выйти навстречу обозу и отряду Покровского, которые завтра утром выходят сюда из Калужской.

— Значит, мы опять сюда вернемся?

— Да. Приказано квартиры оставить за собой, а кроме того, не брать в поход больных и заведующих хозяйством, так как завтра же к вечеру мы должны вернуться.

— Хорошо. Доложите командиру роты, что все будет исполнено.

«Так, обоз сюда идет, — подумал Глеб, когда офицер связи вышел. — Я снова увижу Наташу и Колю». Мысль об этом свидании радостно взволновала его. Он закрыл глаза и перед ним появился бесконечно-дорогой образ молодой девушки. Уже не раз Глеб задавал себе вопрос о своем отношении к Наташе, но до сих пор не мог дать определенного ответа.

«А ведь я радуюсь более предстоящей встрече с ней, нежели с Колей, — подумал он. — Эх, полно, брат Греб, лукавить перед самим собой. Ясно и несомненно, что маленькая чародейка приворожила меня. Влюбился как мичман. Сомнений нет. Разве не с радостью отдал бы я жизнь за нее? Разве приятен мне свет Божий, когда ее нет возле? Да вот хоть сейчас. Стоило мне узнать, что она едет сюда, как я другим человеком стал. И тоска

моя исчезла, а в душе словно птицы поют. Так-то оно так, только что из всего этого может выйти? Ровно, братец ты мой, ничего. Разве в такое время возможно? Не о том и она думает. Удивится. Рассердится, пожалуй. Эх, Глеб, не для тебя счастье. Батюшки, что же я размечтался. Ведь им же комнату надо приготовить».

— Эй, Кудиныч, просыпайтесь, — начал он расталкивать спящего. — Кудиныч, да приснитесь же вы, черт.

Кудинов от энергичных тумачков Глеба вскочил на ноги, как на пружине, и, схватив шинель, торопливо стал надевать ее.

— Пойдите. Садитесь и приходите, бога ради, в себя.

— Что такое? Тревога?

— Никакой тревога нет. Просто поручение для вас имею.

— Уф, — отдуваясь и вытирая потное лицо, успокаивался Кудинов.

— Завтра в шесть утра наш полк идет к станице Калужской встречать обоз и отряд генерала Покровского. После встречи, совместно с Покровским, снова возвращается сюда. Я вас оставляю здесь и поручаю, во-первых, присмотреть за нашими квартирами, а во-вторых, озаботиться, чтобы ко времени нашего возвращения была бы приготовлена горячая пища для взвода, а в-третьих, — найти, поблизости от нас, одну комнату для Николая Николаевича. Поняли? Постарайтесь, чтобы комната была как можно ближе к нам, да чтобы хозяева приготовили молока, яиц, курченка, ну там еще что найдется. За все это я, разумеется, заплачу им. Ну-с, а теперь вставайте-ка, да позаботьтесь об ужине, а я пока что разбуду взвод да прикажу винтовки почистить, а то в последнем походе они сильно позаржавели.

В эту ночь долго сон бежал от глаз Глеба. Радость предстоящего свидания волновала его и не давала заснуть.

Уже часа четыре двигались добровольцы по снежной дороге на станицу Калужскую. Был чудный зимний день с маленьким, градуса в два, морозцем, при полном безветрии. Яркое солнце играло миллиардами бриллиантов на чистом снеге полей.

— Однако пора было бы встретить голову колонны, — произнес Басов, всматриваясь вдаль.

— Погодите-ка, я кажется вижу группу всадников, — продолжая он.

— Где? Где? — оживился Глеб.

— Да, да, теперь и я вижу, — поддержал Бутенев своего приятеля.

Действительно, из-за небольшой возвышенности показалась группа всадников.

— Полк, стой! — раздалась команда. — Привал!

Прошло несколько минут и всадники поравнялись с отдохавшим полком. Оказалось, что это был головной разъезд Покровского.

— Все ли у вас благополучно? — крикнул Глеб, когда разъезд проезжал мимо него.

— Слава богу, все хорошо.

— А как наш обоз с ранеными?

— Двигается и обоз, — отвечали кавалеристы.

Примостившись на высоком снежном сугробе, он не спускал глаз с пригорка, скрывавшего за собой дорогу в Калужскую. Вот показалась темная масса пехоты со сверкавшими на солнце штыками, а вот и обоз.

«А не пройти ли мне вперед?» — мелькнула нетерпеливая мысль.

Поднявшись, он направился к ротному командиру.

— Разрешите, господин ротмистр, пройти навстречу обозу, вон до того бугорка.

— Что, хотите брата поскорее увидеть?

— Да. Беспокоюсь за его рану.

— Что же, сделайте милость, идите.

Еще не дойдя до бугра, Глеб уже встретил голову медленно двигавшегося навстречу, обоза.

— Здравствуйте, лейтенант, — вдруг услышал он знакомый голос с одной из повозок. — Вы, вероятно, о брате беспокоитесь? — подымаясь из-за края телеги и приветливо улыбаясь, окликнул его лазаретный врач. — Ему гораздо лучше. Я вчера вечером делал перевязку и нашел сильное улучшение. Он у вас...

Но тут возница стегнул лошадей и телега быстро покатила под горку.

— Коля, Глеб Николаевич здесь! — сидя на своей Машке и махая Глебу папашой, радостно воскликнула Наташа.

— Где? Где?

— Да вы лежите. Пожалуйста лежите, — забеспокоилась она, видя, что Коля пытается приподняться.

Между тем Глеб заметил маленькую всадницу, и радостно возбужденный, поспешил ей навстречу.

— Здравствуйте, Наталия Владимировна. Здравствуй, Коля, — пожимал он их руки. — Как твое здоровье?

— Да ничего как будто.

— О, ему значительно лучше, — слезая с лошади, вмешалась Наташа. — Вчера я приглашала старшего врача

и он сам делал ему перевязку. Говорят, что рана в прекрасном состоянии.

— Слава богу! А как вы перенесли эту ужасную погоду?

— Да мы ничего. Я Колю укрыла такою массой одеял, что и он не почувствовал ни дождя, ни мороза.

— А сами-то вы как? Я очень беспокоился, что вы простудитесь.

— Я-то не из неженков. Померзла немножко, вот и все.

— Расскажи же, Глеб, об этом переходе. Воображаю, какой это был кошмар, — произнес Коля.

— Признаться, померзли немножко, — улыбнулся Глеб, шагая рядом с повозкой.

В коротких словах он передал все события последних дней.

— А что сделали с вашим пленником-офицером? — полюбопытствовала Наташа.

— К сожалению, не только оправдали, но еще и в армию приняли.

— Напрасно, — отозвался Коля. — Я уверен, что это просто ловко надувший судей негодяй.

— Да и я так думаю. Впрочем, черт с ним, — улыбнулся Глеб.

В это время показался конный отряд, двигавшийся по краю дороги и обгонявший обоз.

— А вот и наша конница, — сторонясь лошадей, произнес Глеб, раскланиваясь с Зайцевым.

— С кем это ты раскланялся? — обратился к последнему ехавший рядом с ним Карягин.

— Это командир ваших моряков, лейтенант Орлов, а на повозке его брат, тоже лейтенант.

— Он ранен, что ли?

— Да. Тяжело ранен, так что едва ли выживет, бедняга.

— А кто этот мальчик, что коня под уздцы ведет?

— Ха, ха, ха!.. Это, брат, не мальчик, а целая сестра милосердия, которая ухаживает за лейтенантом.

— Погоди-ка, ведь, кажется, как раз Орлов-то тебя и арестовал?

— Да, и довольно грубо при этом.

— Ну ты на него не сердись. Какие уж там вежливости в бою. А он отличнейший малый. Вот познакомишься с ним поближе, так и сам увидишь.

— Благодарю покорно, я и так довольно близко познакомился с ним, — сквозь зубы пробурчал Карягин.

— Ты что говоришь? — переспросил Зайцев

— Я говорю, что действительно надо будет познакомиться.

Карягин хотя и не узнал в оборванном и испачканном мальчишке Наташу, но все же этот мальчишка напомнил ему ее. Напомнил Румынский фронт и удар хлыста, полученный от нее. Но не обиду или озлобление вызвало это воспоминание в его душе, а нетерпеливое желание скорее разыскать ее. Скорее начать действовать. Скорее отнять ее и умчаться с собой.

— Басов! Басов! — раздался голос Бутенева из группы моряков, отдохавших на снегу, мимо которых проезжала конница. — Басов, смотри, наш вчерашний пленник едет.

— Где? Что ты врешь?

— А вот и не вру. Посмотри на того офицера, что во втором взводе третьим с левой стороны едет.

— А ведь верно, черт возьми!

— Вот тебе и комиссар! Что, брат, ты думал, что его на виселицу повесят. Ан, врешь! Вместо этого на него самого погони и шашку повесили, — расхохотался Бутенев, глядя на обескураженного Басова.

— Это черт знает что такое! — возмутился последний. — Вчера мы его связывали, а сегодня, того ж гляди, он нами командовать будет.

— Чем это вы так возмущаетесь, — окликнул его Глеб, успевший с Колиной повозкой поравняться со своим взводом.

— Ах, это вы, господин лейтенант. Помилуйте, сейчас мимо нас в конном отряде, в офицерских погонах, проехал тот негодяй, которого мы вчера в плен взяли.

— Так чего же вы сердитесь? Я, признаться, забыл сообщить вам, что он оправдан и принят в армию.

— Так ведь это черт знает что такое. Вчерашний большевик...

— Полно, Басов, вероятно, суд нашел достаточно причин, чтобы поверить ему.

— Так вы только на его рожу взгляните. Ведь сразу видно, что негодяй.

— Полно, полно, Басов. Коли Корнилов его принял, так это его дело. Ему виднее, а нам неловко, да и нехорошо так отзываться о своем новом сослуживце.

Между тем моряки окружили повозку, в которой ехал Коля.

— Как вы себя чувствуете, Николай Николаевич? — сыпались вопросы обрадованному встречей с друзьями Николаю.

— Вот что, Наталия Владимировна, — деловым тоном обратился к ней Глеб — Наш полк пойдет позади них, так что я не смогу проводить вас в занятую для Коли хату, но

при входе в станицу вас встретит Кудинов. Он вас и проводит и поможет распорядиться переноской брата.

— До скорого свидания, — крикнул он раненому. — До свидания, Наталия Владимировна!..

Быт уже совсем темно, когда Глеб и Кудинов входили в маленькую комнатку, занятую Колей и Наташей. Утопая в перинах, Коля лежал на широкой деревенской кровати. Для Наташи было устроено нечто вроде дивана. Маленький столик, уставленный закусками, два три стула и большой киот с образами составляли меблировку комнаты.

— Молодец, Кудиныч! Спасибо вам! — осматривая помещение, похлопал он его по плечу.

— Хорошо ли вам здесь, сестра? — с самодовольным видом спросил Кудинов.

— Очень вам благодарна, Василий Семенович. Лучшего ничего я и не желала бы.

— Вы представьте себе Василий Семенович даже сливок к чаю достал.

— За это, я надеюсь, вы нас напоите чайком, — улыбнулся Глеб, присаживаясь на кровать брата.

— О, конечно, конечно! Вот только пусть самовар закипит.

— Присаживайтесь же, Василий Семенович.

— А вы знаете, — обратился к Глебу Кудинов. — Наш-то пленник, ротмистр Карягин, не только не повешен, но даже в армию принят.

— Да, я это знаю.

— Как вы называли его? Ротмистр Карягин? — вдруг заинтересовалась Наташа.

— Да, ротмистр Карягин. А вы знаете его? — в один голос спросили Глеб и Кудинов.

— Я знала одного ротмистра Карягина. Еще во время немецкой войны мне, к сожалению, пришлось познакомиться с ним. Впрочем, я не уверена, что это именно он. Мало ли бывает однофамильцев.

— А почему вы сказали «к сожалению»?

— Да как вам сказать? Уж очень был нехороший человек и массу мне неприятностей причинил.

— А вы не помните, какого он был полка и как его имя? — спросил Кудинов.

— Тот Карягин был N-ского полка, а звали его, кажется, Матвеем Всеволодычем.

— Прекрасно. Завтра же я узнаю, тот ли это Карягин.

— Так меня это вовсе уж не так интересует, — разливая чай, улыбнулась Наташа.

— Все равно я узнаю. Все-таки интересно получать лишнюю характеристику этого молодца.

Долго еще сидели молодые люди, болтая между собой и рассказывая эпизоды из минувшей войны. Наконец Глеб, заметив утомленный вид Наташи, начал прощаться.

— А славный у вас брат, — как бы отвечая на собственные мысли, произнесла Наташа, проводив гостей.

— Правда, хороший человек? — оживился Коля.

— Вот бы вас обвенчать, тогда будет пара отличнейших людей.

— Полно вам вздор говорить, — рассмеялась она. — Вы вот лучше поворачивайтесь-ка на бок и постарайтесь заснуть. Сейчас я потушу лампу.

Несмотря на усталость после целого дня, проведенного на коне, Карягин долго не мог заснуть.

«И чего ж волнуюсь? — задавал он себе вопрос. — Пока был в Петербурге, в Москве, так далеко от нее,

был совершенно спокоен, теперь же знаю, что она здесь, близко и тем не менее не могу успокоиться. Как бы это ловчее узнать, где она служит? Ведь о моем присутствии она и предполагать не должна. Гм, ну да завтра увидим. Авось, что-нибудь придумаю».

Солнце только что взошло, когда Карягин входил в станичную школу, в которой расположился лазарет.

— Могу ли я видеть старшего врача? — обратился он к дежурной сестре.

— Старший врач еще не скоро придет. Он вчера до трех часов ночи делал операции, так что, вероятно, еще спит.

— Какая досада, — произнес Карягин, делая вид, что хочет уходить. — А может быть, вы, сестра, не откажетесь мне помочь?

— С удовольствием, если смогу. Да вам, собственно говоря, что угодно?

— Видите ли, мне поручено пригласить в наш отряд одну из сестер, так я хотел бы просмотреть списки. Может быть, найду знакомую, что было бы гораздо приятнее и для нее и для нас.

— Навряд ли это вам удастся, так как сестер в лазарете не хватает. Доктор, я уверена, ни за что не согласится отпустить хотя бы одну. Впрочем, попытайтесь. А списки можно получить у старшей сестры. Она в операционной. Погодите минутку, я о вас доложу.

Старшая сестра приняла Карягина очень любезно. Она предложила ему чаю, а сама отправилась за списками.

— Трудно вам приходится? — обратился Карягин к дежурной.

— Ах, и не говорите! Такая масса раненых, сестер мало. а об удобствах и говорить не приходится. Сами знаете, что мы живем на подводах под дождем, под снегом. Нет, наше положение не то что тяжело, а прямо ужасно, — томно прикрывая глаза и слегка картавя, отвечала сестра, видимо, довольная случаем пококетничать с красивым офицером.

— Вот, извольте вам списки, — произнесла старшая сестра, входя в комнату и усаживаясь за стол.

Карягин внимательно прочитал списки, но желанного имени не нашел.

«Да неужели же я обманулся и ее здесь нет?»

— Однако немного у вас сестер, — возвращая списки, произнес он. — Неужели же это все сестры и больше ни одной нет во всей армии?

— Нет, есть еще несколько, но те не подчинены лазарету. Они имеют свои, специальные назначения. Вот здесь, если вас интересует, список сестер, прикомандированных к различным частям, — подала она Карягину еще одну тетрадь. — Их всего двенадцать душ. Есть и еще две сестры, которые хотя и числятся при нашем лазарете, но нам не подчинены, а ухаживают за двумя ранеными, по особому распоряжению начальства.

— А вы не помните их фамилии?

— Позвольте, одна, кажется, Краевская. Она ухаживает за подполковником, князем Хивинским, а другая, если не ошибаюсь, Воробьева. Она приставлена к одному тяжелораненому моряку.

«Нашел!» — обрадовался Карягин и вслух добавил: — Извините, сестра, за беспокойство. Что ж делать? Волей-неволей нам придется отказаться от нашего проек-

та. Мы и не предполагали, что сестер так мало. Извините за беспокойство!

— Куда же вы так торопитесь? Выпейте еще стаканчик, — угощала его дежурная.

— Нет, благодарю вас. Я имею еще массу поручений. Боюсь, что не успею их выполнить. Времени так мало.

«Так этот мальчик была она, — рассуждал Карягин, возвращаясь домой. — И как я мог не узнать ее? Ну, теперь можно будет начинать действовать».

При входе в ворота Карягин чуть не столкнулся с выходящим из них Кудиновым. Вежливо поклонившись, он хотел было пройти во двор, но Кудинов остановился в воротах и, не отвечая на поклон, смерил его насмешливым взглядом с головы до ног и, засвистав какой-то мотив, двинулся на улицу.

Вся кровь бросилась Карягину в голову. Он хотел было догнать обидчика, но удержался, вспомнив, что его положение, на другой день после плена, далеко не прочно.

— Кто это сейчас был здесь у вас? — спросил он у Зайцева лишь только вошел.

— Ах, ты встретил его? Какой-то моряк. Приходил справиться о тебе.

— Обо мне?

— Да, спросил, какого ты полка и как твое имя и отчетливо. Когда же я ему предложил обождать тебя, он мне заявил, что ждать тебя не хочет и что вообще не желает тебя видеть.

— Что за идиот!

— Может быть у тебя с ним была какая-нибудь стычка.

— А как его зовут?

— Отрекомендовался он штабс-капитаном Кудиновым.

— Нет, не помню такого.

— А ну и черт с ним! Маниак какой-нибудь, — решил Зайцев, подсаживаясь к столу, на котором кипел самовар.

Глава V

— А я к вам с донесением, — провозгласил Кудинов, входя в комнату и пожимая руку Наташи.

— Тише, тише, ради бога! — остановила она его.

— Николай Николаевич только что заснул. Садитесь же. С каким это вы донесением?

— Я же вам вчера обещал навести справки относительно ротмистра Карягина. Оказалось, что он действительно N-ского полка и Матвей Всеволодович по отчету.

— Значит, это он, — задумалась Наташа.

— Без сомнения, это ваш знакомый.

— Ну уж вы меня избавьте от таких знакомых, — опротестовала она. — Просто я с ним встречалась, но знакомой с ним вовсе себя не считаю.

— Не сердитесь, Наталия Владимировна, это я пошутил. Откровенно говоря, я и сам не желаю быть с ним знакомым. Сегодня я с ним встретился. Он так вежливо раскланялся со мной, отдал честь, а я смерил его с головы до ног и, не отвечая на поклон, пошел своей дорогой.

— Напрасно! Ведь Глеб Николаевич говорил же, что если Корнилов принял его в армию, то вы должны относиться к нему, как к офицеру.

— А сами, небось, не желаете быть с ним знакомой?

— Я другое дело. Я женщина. А кроме того у меня с ним старые счеты. Ну, что новенького узнали? Не слышали, когда в поход? — переводя разговор на другую тему, спросила Наташа.

— Нет, о походе ничего не слышно, а вот могу рассказать одну забавную штуку, которая сегодня со мною случилась. Понимаете, возвращаюсь это я с разведки о Карягине, да по ошибке не в те ворота зашел. Ошибку заметил только тогда, когда уже в хату попал. Я уж собирался уйти, как смотрю, выходит какая-то молоденькая бабенка.

— Куда же вы, господин офицер? Зайдите помянуть моего покойничка. Уж коли вошли, не обидьте бедной вдовы.

— Делать нечего, — думаю себе. — За что обижать бедную женщину. Изволь, — говорю. — Помянем твоего покойничка. Вхожу это я с ней в маленькую горенку. Смотрю, стол накрыт белой скатертью. Кутья, водка и разные закуски на столе. Даже пирог с капустой. За столом человек шесть мужчин сидит. Не то казаки, не то иногородние. Садитесь, говорит, господин офицер. Все встали, очищая мне место.

— Кто ж покойник то тебе был? — спрашиваю бабу, которая и водки мне уже налила.

— Мужем приходился мне покойник. Мужем.

— А имя как?

— Васильем звали.

— Выпил это я рюмочку, перекрестился, как полагается в таких случаях, и говорю: помяни, Господи, раба твоего Василия.

— А от чего помер-то покойник?

— Да повесили, кормилец, вчера.

— Как повесили? Кто повесил?

— Суд повесил. Он, вишь ты, председателем комитета бедноты был, вот за это суд его и засудил, — заливаясь слезами, объяснила мне она.

— Вот, думаю, так штука. На поминки к казенному нами большевику попал. Однако делать нечего, надо выходить из создавшегося положения. Я опять перекрестился и, как ни в чем не бывало, опять — помяни, Господи, раба твоего Василия. Съел кусок пирога, да давай бог ноги. Уж очень неловко себя чувствовал.

— Еще бы, — улыбнулась Наташа. — К своей же жертве на поминки попасть. Это довольно редкий случай, я думаю. Да как же это вы среди бела дня воротами ошиблись?

— Так хата-то этого Василия рядом с нашей.

— Ах, так вот почему сегодня ночью я слышала женский плач и причитания. Да, неприятный случай. А у меня к вам, Василий Семенович, просьба. Не проводите ли вы меня сейчас в лазарет? Необходимо перевязочных материалов для Николая Николаевича достать, а расположения лазарета я не знаю.

— С большим удовольствием. Только как же вы раненого оставите?

— А сейчас Глеб Николаевич должен прийти, он и посидит с братом, — натягивая высокие сапоги, отвечала Наташа.

При выхода из дверей они встретили Глеба.

— Куда это вы собрались?

— Мы за медикаментами, а вас я попрошу подежурить около Николая Николаевича, пока я вернусь.

— Хорошо, подежурю.

Около получаса просидел Глеб у постели спящего брата. Наконец, тот открыл глаза

— Ах, это ты, Глеб! А где же Наташа?

— Она за медикаментами пошла.

— Однако я довольно долго спал, — смотря на часы, промолвил Коля, позевывая.

— Как же ты себя чувствуешь?

— О, теперь гораздо лучше. Я думаю, что скоро мне позволят встать с кровати.

— Дай Бог! Только ты не торопись, а то как бы хуже не стадо.

— Поторопиться-то мне Наташа не позволит. Она как над собственным ребенком надо мной дрожит.

— Да, большое ей спасибо, — задумчиво произнес Глеб. — Чудная девушка.

— А знаешь, Глеб, я давно уже замечаю, что ты неравнодушен к ней.

— Брось, Коля, глупости говорить, — нахмурился Глеб.

— Почему глупости? Я тебе скажу, что и она тобою интересуется.

— С чего это ты взял?

— Да ведь я с ней не один день, не одну ночь скоротал. Не раз говорили о тебе.

— Что же она обо мне говорит?

— Да что говорит? Разве запомнишь все разговоры? Одно тебе скажу, что ты ей нравишься.

Глеб сидел, устремив задумчивый взгляд в окно, и молчал.

— Нет, не пойдет она за меня, — наконец произнес он. — Она такая молоденькая, нежная, а я уже не мальчик, да еще при том вдовец с ребенком. Какая мы пара?

— Полно, Глеб! Разве ты не знаешь, что для любви нет препятствий, как нет и законов? А что у тебя есть сын, так это может быть и к лучшему. Она очень любит детей и не раз спрашивала о твоём Ростиславе. По-моему, если ты её действительно любишь, то не раздумывай много, а просто сделай предложение, и все тут.

На лестнице раздались шаги.

— Это Наташа с Кудиновым возвращаются, — проводя рукой по лицу, как бы отгоняя мысли, произнес Глеб. — Довольно об этом.

— Что, проснулись? — весело заговорила Наташа, складывая принесенные медикаменты на стол. — А мы побывали в лазарете, узнали все новости и сплетни, пока вы изволили почивать. А сейчас, господа, я вас угощу настоящим шоколадом. Хотите?

— Ай, я хочу шоколаду, — капризным голосом протянул Коля.

— Где вы шоколад-то достали? — полюбопытствовал Глеб.

— Да мы зашли в лавочку чаю купить, смотрю на полке несколько плиток лежит. Я их все и купила. Последние были.

В разговорах и не заметили, как наступили сумерки.

— А кто сегодня патрульные в первой смене? — обратился Глеб к Кудинову.

— Сегодня до полуночи я, Басов и Бутенев, а затем Куликов, Брант и Алехин.

— Так вам, Кудиныч, пора собираться. На дворе скоро совсем стемнеет.

— Есть! — отвечал последний, принимаясь одеваться.

Глава VI

В комнате, занимаемой Зайцевым, давно уже спали. Только Карягин, при свете огарка, примостившись у стола, что-то писал.

— Кажется, придумано не дурно, — принимаясь перечитывать написанное, прошептал он.

«Товарищу Сорокину, — значилось в заголовки его письма. — Три дня тому назад, вместе с комиссаром отряда, я был взят в плен корниловцами. Комиссара повесили, а мне удалось не только сохранить жизнь, но еще и поступить в белую кавалерию. Хотя я и мог бы бежать, так как пользуюсь полной свободой, но думаю, что пребывание мое в рядах белых принесет нашему делу большую пользу. В каждой станице или селе, через которые мы будем проходить, я буду оставлять на ваше имя донесения о положении и предположениях белых. В качестве моих почтальонов я решил избрать женщин, преимущественно жен станичных комиссаров и председателей комитетов бедноты. Свой выбор я остановил на женщинах потому, что мужчины, сколько-нибудь причастные к делу, беспощадно вешаются белыми, а потому при входе их в станицу должны бежать, тогда как женщины находятся в полной безопасности. Белые их не трогают. Только прошу вашего распоряжения о том, чтобы женщины при занятии станиц белыми не бежали бы, а оставались на местах и тем способствовали бы народному делу. Так как корниловцы не могут долго оставаться на одном месте, то по выходе их из станицы мои донесения будут доставляться вам. О предполагаемом движении из занятой белыми Новодмитриевской пока ничего не могу сообщить, так как этого еще никто не

знает. Что касается численности, вооружения и состояния белых частей, то ниже привожу, насколько возможно, подробные сведения. Кроме всего вышеизложенного, прошу вас приказать всем остальным оказывать мне помощь, если я за ней обращусь. Преданный революции Карягин». Далее следовал перечень частей добровольческой армии с обозначением их численности, вооружения и общего состояния, а также характеристика некоторых начальников.

— Воображаю, как Сорокин обрадуется, — размышлял Карягин, запечатывая письмо.

Была уже ночь, когда он вышел на улицу.

— Ну и темно, — пробурчал он, пробираясь вдоль заборов. — Оно, положим, для моего предприятия и лучше.

Улицы станицы были пустыни. Все, кроме патрульных, потушив огни и приперев ставни, давно уже спали.

— Вот ведь темень какая, — жаловался Бутенев, расхаживая с Кудиновым и Басовым вдоль улицы, по которой квартировала их рота.

— А вы поменьше разговаривайте, а то под самым носом может прошмыгнуть какой-нибудь большевик, — остановил их Кудинов.

— Э, полно! Ну какой дурак станет пробираться в занятую нами станицу. Да и за каким, спрашивается, чертом?

— Кабы не было причин, нас не морозили бы по ночам. Поверьте.

— Морозят нас потому, что у начальства глаза велики.

— Э! Полно зря болтать.

Все трое умолкли.

В это время из-за угла показалась какая-то тень и, по-видимому, заметив патруль, быстро юркнула и прижалась к забору. Несколько минут тень оставалась неподвижной, а затем, поминутно припадая к земле, начала скользить вдоль забора.

— Что это? Мерещится мне или я действительно сейчас видел какую-то тень около хаты повешенного? — вглядываясь в темноту, шепотом произнес Кудинов.

— Это, верно, висельник с того света явился, — также шепотом отвечал Бутенев.

В это время фигура подкралась к забору, за которым находилась хата повешенного, и смелым прыжком перескочила через него.

— Эй! Стой! — крикнул Кудинов, с винтовкой наперевес бросаясь через улицу туда, где скрылась тень.

Басов и Бутенев, хотя и ничего не видели, тем не менее последовали за ним.

— Стой! Стрелять буду! — повторил Кудинов, перелезая через забор.

— Бросьте, Кудинов! Разве можно сейчас найти здесь кого-нибудь? Если и впрямь кто-нибудь залез сюда, то уж, поверьте, наверное, не станет нас ждать, а заберется себе или в сарай, или на сеновал, а то и в сад, может быть, успел прошмыгнуть, — урезонивал Басов Кудинова.

— Да. Прозевали, — отвечал Кудинов, возвращаясь и перелезая через забор. — А все ваши разговоры, — напал он на Бутенева.

— Ну, конечно, я виноват. Сам прозевал, а я виноват, — обиделся тот.

Разочарованные неудачей, молодые люди отошли от забора. В это время в хате повешенного на одну секунду вспыхнул свет и тот час же погас.

— Вы видели свет? — остановился Кудинов.

— Э, полно вам с вашим повешенным возиться. Лучше идemте смену будить. Ведь уже десять минут первого.

— Вы как хотите, господа, а я хоть до утра продежурю здесь и если никого не увижу, та рано утром хату обыщу, — возразил Кудинов.

— Как хотите, а мы из-за зажженной спички ночевать на улице не согласны, — заявили Басов и Бутенев, направляясь домой и оставляя Кудинова одного.

— Я не я буду, если не узнаю, что это за ночная птица, — пробормотал последний, прижимаясь к забору и не спуская глаз с хаты повешенного.

Глава VII

Молодая вдова крепко спала на своем одиноком ложе. Как вдруг, сквозь сон, услышала, что кто-то осторожно постучал в окно у самого ее изголовия и чуть слышно окрикнул ее по имени.

— С нами крестная сила! — вскрикнула она, торопливо крестясь и соскакивая с постели. — Неужто мне это показалось?

Но стук повторился и она снова услышала свое имя.

— Кто там? — приблизив лицо к окну, окликнула она.

— Отвори, Аграфена Николаевна! Спешное дело есть. Да смотри, не шуми, чтоб корниловцы не слышали, — произнес голос за окном.

— Да ты кто такой?

— Али Матвея Всеволодовича не узнаешь?

— Батюшки, да неужто это вы! Сейчас, сейчас открою, — засуетилась она, бросаясь к дверям.

Через минуту Карягин, так как это был он, вошел в комнату.

— Сию минуту я лампу запалю, — продолжала суетиться хозяйка, чиркая спичку.

— Боже тебя сохрани! Туши спичку! — воскликнул Карягин. — За нами белогвардейцы следят.

— Так ведь и вы теперь белогвардеец, — удивилась она.

— Так это только для дураков, — засмеялся он. — Надо же было вылезать из петли, вот я и прикинулся белогвардейцем.

— Вот ловко-то! А мой не сумел, — вздохнула она.

— Я к вам по делу пришел, — заговорил Карягин. — Хотите ли вы помочь нашим разбить эту белогвардейскую сволочь, которая вашего Василия погубила?

— Хотеть-то хочу, Матвей Всеволодович, но что я, слабая женщина, могу?

— Вот за этим-то я и пришел. Слушайте. Корниловцы не надолго заняли вашу станицу. Дня через два три они дальше двинутся, а сюда наши придут. Понимаете?

— Как не понять, родимый.

— Так вот, как только наши придут, вы разыщите ихнего начальника и передайте ему это письмо. Это все, что от вас требуется. Поняли?

— Только всего? Это я с удовольствием сделаю. А как же вы-то? Неужто и дальше с белогвардейцами пойдете?

— Что поделаешь, приходится идти, — сокрушенно вздохнул он, вставая и прощаясь.

— И как это вы не боитесь, ведь по ночам ихние патрули снуют по улицам. Не ровен час, схватят.

— Не так легко меня схватить, голубушка. Уж очень я скользкий, — осторожно открывая дверь и выходя во двор, произнес он с легким смешком.

На улице стало несколько светлее. Временами из-за рваных туч показывалась луна, и на минуту освещала улицы спящей станицы. Вдоль стен сарая Карягин пробрался к забору и выглянул на улицу.

«Кажется, нет сторожевых псов», — перешагивая через забор, подумал он.

Вдруг шагах в двадцати Карягин услышал негромкий окрик и щелканье затвора. Пригнувшись к земле бросился вдоль улицы, торопясь добежать до угла.

Сторожившей Кудинов уже около часу как не спускал глаз с подозрительной хаты. Вдруг он заметил человеческую фигуру, перепрыгнувшую через забор.

— Стой! — закричал он, прицеливаясь, но так как замеченная им фигура бросилась бежать, он нажал курок и в ночной тишине гулко раскатился выстрел. — Стой! — снова крикнул он, заряжая винтовку и целясь в неясный силуэт. Только что он выстрелил второй раз, как сквозь разорванные тучи выглянула луна и он ясно увидел бегущего человека.

«Да ведь это Карягин», — подумал он, прицеливаясь в третий раз.

Но было поздно. Луна скрылась, а бежавший человек как сквозь землю провалился.

— Что за свинство! — ругался про себя Кудинов, подбегая к углу, за которым скрылся беглец. Но там никого уже не было. — Упустил! Опять упустил! — досадовал он, направляясь домой. — Но верно ли, что это был Карягин? Наверное не скажу, но уж очень похож на него. Эх, если бы луна хоть немного раньше вылезла.

На другой день, только что взошло солнце, как в станице послышались разрывы снарядов. Это, подвезя артиллерию, большевики начали обстрел.

Разбуженной пальбою, Кудинов отправился к Глебу и рассказал ему о происшествиях минувшей ночи, не пропустив и того, что в замеченной им избе живет вдова повешенного большевика.

— Так вы только предполагаете, что это был ротмистр Карягин или же его видели? — задал ему вопрос Глеб.

— И то и другое, Глеб Николаевич. Мне кажется, что я узнал Карягина, но под присягу не пойду. Уверенности нет.

— Очень жаль, так как в таком случае нельзя и доносить о нем. Ведь вы понимаете, самое большее, что я могу сделать, это попросить ротного командира переговорить с командиром конного отряда и посоветовать ему быть осторожнее с Карягиным.

Еще два дня, постоянно тревожимые красной артиллерией, добровольцы оставались в Новодмитриевской. Лишь только всходило солнце, как из-за окружавших станицу холмов начиналась канонада и продолжалась до самого вечера. Снаряды падали повсюду, впрочем, не причиняя особого вреда. За первый день обстрела было убито трое добровольцев, два казака, одна баба и вдребезги разнесло одну подводку с парой коней.

Однажды глубокой ночью сонные жители станицы были разбужены шумом уходивших добровольцев. Медленно двигался обоз, длинной змеей вытягиваясь, по шоссе. Стройными рядами шла пехота, обгоняемая конницей, на рысях выходившей в голову колонны. Под надежным прикрытием двигалась артиллерия, состояв-

шая всего из четырех пушек. Выступление отряда было произведено до того неожиданно, что окружавшие станицу красные пропустили его почти без выстрела.

Опять начались нескончаемые, изнуряющие пехоту, переходы и бои за обладание каждым ночлегом. Но успех сопутствовал добровольцам. Еще не было ни одного случая, чтобы назначенная Корниловым задача не была выполнена. Еще ни разу не отступали добровольцы, раз начав наступление. Зато и обоз с ранеными рос не по дням, а по часам. Напрасно было приказано освободить его от подвод, везших запасы. Уменьшившись на один день, он снова вырос, после ближайших же боев. Из тридцати шести человек, составлявших взвод моряков, осталось всего двадцать два. Кто был убит, а кто страдал на тряских подводах пресловутого обоза.

Прошло около недели и корниловцы подошли в станицы Корневской, у которой, по слухам, красные приготовились к упорной защите, стянув огромное количество войск и артиллерии. Только что на горизонте чуть обозначился силуэт станичной церкви, как начался бой. На этот раз четвертая рота офицерского полка была оставлена в резерве и прикрывала обоз, остановившийся в ожидании, пока очистят путь к станице.

— Однако красные не жалеют снарядов, — заметил Бутенев, закуривая папиросу.

Действительно, от частой артиллерийской стрельбы красных, на которую артиллерия добровольцев, экономя снаряды, вовсе не отвечала, прямо гул стоял в ушах.

— Да, — отвечал Глеб. — Кажется сегодня придется таки потрудиться, пока выгоним из станицы эту красную нечесть.

— А как здоровье Николая Николаевича? — спросил Кудинов.

— Не знаю. Со вчерашнего вечера я его не видел. Ведь, как вышли вчера в поход, все время бои были. Не было ни одной свободной минутки, чтобы повидать его.

— А вон это не его подвода? — всматриваясь в ряды повозок, снова спросил Кудинов. — Безусловно это его. Взгляните-ка, Глеб Николаевич. Вой и Машка сзади привязана.

— Да, вы правы, Кудиныч, — отвечал Глеб, направляясь к стоявшей невдалеке телеге. — Я через минуту вернусь, — крикнул он, ускоряя шаги.

— Здравствуйте, Наталия Владимировна. Здравствуй Коля, — приветствовал он их.

— Вы здесь? А мы вас и не ждали, — отвечала Наташа. — Я уж так привыкла, что если бой, так вас нет в тылу.

— Как дела? — с тревогой в голосе обратился к нему Коля.

— Я знаю столько же, сколько и ты. Ведь наша рота в резерве и я еще не участвовал в бою. Судя по канонаде, надо думать, что на этот раз нелегко нам достанется победа. А как твое здоровье?

— Он все волнуется, — вмешалась Наташа. — Вытащил револьвер и готовится к самоубийству, если красные овладеют обозом.

— Ну, это ты рано, Николай, — грустным голосом отозвался Глеб. — Что же ты думаешь, Корнилов так и бросит на растерзание своих раненых?

— Корнилов не Бог и надо быть ко всему готовым.

— Не волнуйся брат. Брось. Пока что опасности нет никакой. А мне пора к роте, — собрался Глеб. — Каждую минуту могут вызвать вперед.

— Смотрите берегите себя, — бросила ему Наташа. — Мне рассказали, что вы, нужно не нужно, лезете в самые опасные места. Это неразумно.

— Ничего, Наталия Владимировна. Кому суждено быть повешенному, тот не утонет, — улыбнулся он.

«Значит, я не совсем ей безразличен», — мелькнула радостная мысль.

Между тем бой разгорался. Ободренные гулом своих орудий, красные то и дело переходили в яростные контратаки, но тем не менее, шаг за шагом, уступали добровольцам поле сражения. Корнилов, наблюдавший за боем с крыши маленькой, одиноко стоявшей среди поля хатки, вдруг заметил движение целой колонны красных, по-видимому намеревавшей обойти его правый фланг. Колонна двигалась очень далеко и только в его отличный бинокль можно было ее заметить.

— Командира конного отряда ко мне! — не отрывая бинокля от глаз, крикнул он. — Отправляйтесь на рысях, вон по этой ложине, — начал он объяснять поднимавшемуся на крышу кавалеристу.

— Займите вон ту рожицу, что левее мельницы и ждите подхода колонны красной пехоты, которая сейчас движется вон за тем холмом и выйдет, я предполагаю, прямо на вас. Выберите момент и атакуйте. С богом, — ободряюще улыбнулся он.

— По коням! Справа по три, рысью марш! — и отряд, вытянувшись змеей, потонул в поросшей кустарником ложине.

— Кажется в атаку пойдем, — обратился Зайцев к Карягину.

— Что ж, в атаку так в атаку.

— Это будет, мне кажется, решительный момент боя. Коли разобьем, то они по всему фронту побегут. Если же атака не удастся, то мало кто из нас останется в живых.

Между тем отряд въехал в рощу и расположился у ее опушки. Считавшие себя в безопасности, красные двигались в походном порядке, что как нельзя более облегчало задачу кавалерии. Никто в отряде не говорил ни слова, понимая опасность и важность предстоящего дела. Командир, как вылитый из бронзы, неподвижно сидел на своем коне, с напряженным вниманием следя за движением неприятеля.

— Сабли вон! — вдруг раздалась его команда. — Марш, марш! — и кавалеристы, пришпорив коней, с криком «ура», ринулись из рощи.

Не ожидавшие атаки красные растерялись и бросились врассыпную. Засверкали на солнце сабли, врезавшейся в середину колонны, кавалерии. Рубили с плеча. Рубили беспощадно. Многие красноармейцы, видя неминуемую гибель, втыкали винтовки штыками в землю, становились на колени и молили о пощаде, но в пылу сражения это спасло не многих. Наконец, видя полное расстройство противника, командир приказал прекратить рубку и собрать пленных. Многие красноармейцы успели бежать и попрятаться в кустах, многие были зарублены и из всей колонны оказалось не более ста пятидесяти человек.

— Куда же нам пленных девать? Они же нас по рукам и ногам свяжут, — раздавались возгласы из рядов кавалеристов.

— Пленных под пулемет, — поморщившись точно от сильной боли, приказал командир.

— Ваше высокоблагородие, — вдруг услышал Карягин знакомый голос из толпы пленных.

— Ба! Федченко! Ты ли это? — воскликнул он, подъезжая к пленникам, против которых уже устанавливали пулемет. — Как ты попал сюда?

— Силком заставили, ваше высокоблагородие. Я бы ни в жисть...

— Ты что, знаешь, этого солдата? — заинтересовался Зайцев.

— Как не знать. Сколько лет служили вместе. Прекрасный солдат.

— Я здесь с нашего эскадрона не один. Здесь и Прохоров и Семенов. Всех силком заставили.

— Что ж Карягин, если ты за них поручишься, я уговорю командира пощадить их.

— Конечно, ручаюсь. Ведь я их всех как свои пять пальцев знаю.

— Тогда обожди.

Командир с готовностью согласился исполнить просьбу Зайцева. Будучи по натуре очень добрым человеком, он в душе возмущался предстоящей казнью и не отменял ее только потому, что понимал безвыходность положения. Оставить пленных при себе это значило связать себя и потерять главное преимущество кавалерии — подвижность. Отпустить же их на свободу — значило усиление неприятеля. Потому он очень обрадовался, что хоть трех человек мог спасти от казни.

— Поздравляю вас, молодцы, — обратился Зайцев к ожидавшим решения своей участи. — Командир прика-

зал всех троих назначить в мое отделение, так что опять вместе служить будете.

— Ну, ребята, выпрягайте-ка коней из ваших двуколок да садитесь, пока хоть без седел. Потом, даст бог, и коней и седла достанем.

— Та, та, та, та, та, та, — затрещал в эту минуту пулемет и несчастные пленники, как косою подрезанные колосья, повалились на землю.

— По коням! Рысью марш! — прозвучала команда, и через пять минут отряд скрылся в роще, оставляя за собой груды обезображенных трупов.

Несмотря на неудачу обхода правого фланга добровольцев, красные продолжали держаться, так что Корнилову пришлось втянуть в бой последний резерв.

Лежа в цепи, Глеб не переставал думать о Наташе: «Неужели действительно она питает ко мне какое-нибудь чувство? А ну как Коля прав и я упущу свое счастье. Нет, как ни страшно получить отказ и тогда уж совсем ее потерять, все же я испытаю свое счастье. Только когда? Не теперь же? Да и смешно будет, если я в настоящей обстановке брякну предложение. Ведь мы сейчас почти приговорены к смерти. Ведь по правде сказать, так, не таясь от самого себя, надежды на благополучный исход вашего дела почти нет. А если наш поход и увенчается успехом, то сколько шансов за то, что я буду убит или искалечен. Хотя бы даже в этом бою. Ишь ты, как пули свистят».

В самом деле, вокруг залегших добровольцев, ежесекундно шлепались пули, взбивая фонтаны грязи и запевая свою тоскливую песню после рикошета!

— Цепь, встать! — раздалась команда. — Цепь, вперед!

Поднявшись с земли, добровольцы двинулись вперед. Представляя собой хорошую цель для противника, они несли серьезные потери и торопились поскорее дойти до штыков.

— Ура! — крикнул командир роты, выбегая вперед. — Ура! — раздалось по всему фронту и с винтовками на перевес добровольцы бросились навстречу неприятелю. Вз, вз, вз, взвизгивали пули.

«А как это странно, — думал Глеб, продолжая бежать. — Вот я сейчас полон сил, рассуждаю, думаю, люблю, страдаю, и каждую секунду все это может прекратиться, оборваться и я, во мгновение ока, могу перенестись в другой мир, а может быть, и вовсе перестать существовать. Стоит только одной из массы пуль, что пролетают сейчас рядом со мной, пролететь немножко правее или левее, выше или ниже — и все кончено. А что? Вдруг, — подумал он. — Очень была бы огорчена Наташа моею смертью?» — Во тут его рассуждения были прерваны взрывом, упавшего совсем рядом с ним снаряда. «Вот он, конец», — промелькнуло в его сознании. Все закрутилось, завертелось перед ним и вдруг померкло. Сознание оставило его, и он навзничь упал на землю.

— Взводной командир убит, — передавали по рядам моряков, лишившихся своего командира в самый критический момент.

Цепи все так же быстро двигались вперед, и вскоре смолкшая ружейная трескотня дала знать о начавшемся рукопашном бое. Между тем, лежавший неподвижно, Глеб открыл глаза.

«Что за странность? — подумал он. — Почему я спал под открытым небом? — но головная боль и доносив-

шиеся крики «ура», вскоре заставили его вспомнить все. — Слава богу я не убит, но, вероятно, тяжело ранен. Только куда? — со страхом попробовал он шевельнуть руками и ногами. — Нет руки и ноги целы. Значит, в грудь или в живот. — И все еще не рискуя подняться, он начал ощупывать себя. Не обнаружив нигде крови, он осторожно поднялся. — Нет я не ранен, — обрадовался он. — Вероятно, контужен. Потому-то и голова так болит». — С трудом поднявшись на ноги он огляделся по сторонам. Справа, слева, впереди и сзади него были разбросаны тела людей. Некоторые из них шевелились и стонали, другие же оставались неподвижны. Взглянув туда, где только что происходил рукопашный бой, Глеб увидел поднятый над зданием станции трехцветный флаг. Стрельба и крики еще доносились из поселка, окружавшего станцию. Шум заметно стихал. — «Слава Богу и на этот раз победа за нами», — подумал Глеб, ковыляя к станции и обходя валявшиеся трупы.

Появление Глеба среди его взвода вызвало бурную радость. Возбужденные только что блестяще законченным боем, моряки окружили его и наперебой высказывали свою радость.

— Спасибо вам, — улыбнулся он. — Я-то жив, слава богу, а нет ли во взводе действительно раненых или убитых.

— Четверых не хватает, — отвечали ему.

— Красовский равен в ногу, Ордынский в грудь, а Гагинский и Шнакенбург убиты в штыковом бою.

В этот день, несмотря на то что станица была занята прочно, никто не расходился по квартирам, и раненые остались лежать на подводах. Когда наступила ночь, Корнилов свернул с полотна железной дороги и

повел свои полки к переправе через широкую реку Лабу, а затем, свернув еще раз, начал переправу через Кубань, угрожая Екатеринодару с противоположной стороны. В восемнадцати верстах от Екатеринодара, в расположенной на берегу Кубани богатой станице Елизаветинской, остановился и разместился по квартирам обоз. Переправа через Кубань протекала очень медленно на единственном жиденьком пароме. Все строевые части, переправившись в первую очередь и пройдя через Елизаветинскую, уже подходили к Екатеринодару, тогда как рота, в которой находились моряки, прикрывала переправу. Паром курсировал всю ночь. Скрип колес, ржание лошадей и ругань ямщиков всю ночь неслись от реки. Когда рассвело, Глеб увидел, что еще много подвод неподвижно стоят на берегу, ожидая своей очереди.

— Плохо дело, — подходя к нему, обратился Кудиннов. — Этак мы и опоздать можем к взятию Екатеринодара.

— Не беспокойтесь, Кудиныч. Работы и нам хватит.

— А вы не думаете, что напуганные нашим неизменным успехом, красные оставят город без сопротивления?

— Нет, Кудиныч, в это я не верю, потому что слишком много всевозможных комиссаров окажутся отрезанными от севера и рано или поздно попадут на виселицу. Я уверен, что они напрягут все силы, чтобы отстоять Екатеринодар.

Время шло в томительном бездействии. Глеб чувствовал, что сейчас под Екатеринодаром решается судьба всей маленькой армии, а следовательно и его, и Коли, и Наташи.

— Скорее бы туда, в бой, чтобы самому видеть, на что можно надеяться.

Наконец во втором часу дня обоз окончил свою переправу. Следом за ним двинулась к реке и рота.

— Все ли переправились? Господа взводные командиры, проверьте свои взводы, — приказал Дукаров.

— Первый взвод весь, второй весь, трети и четвертый весь, — последовали ответы.

— Рубите канат! — приказал он.

Течение подхватило паром и понесло, прижимая к противоположному берегу. Отдохнувшие во время переправы люди бодро зашагали к Елизаветинской, на большой площади возле церкви стояли походные кухни. Подкрепив свои силы горячим борщом, провожаемая пожеланиями раненых и жителей станицы, рота двинулась к Екатеринодару. У одной из хат Глеб увидел распряженную повозку брата и оседланную Машку.

— Верно, Наташа куда-нибудь собирается, — подумал он.

В это время дверь хаты отворилась и на пороге появилась она сама. Отделившись от роты, Глеб подошел к ней.

— К Екатеринодару? — спросила она, пожимая его руку.

— Да, спешим на помощь нашим.

— Храни вас Бог и пошли вам удачу. Смотрите, для нас с Николаем Николаевичем квартиру получше займите, — смеялась она, махая ему рукой.

Быстро шагали добровольцы, торопясь на поддержку своим. Но как они ни спешили, к окраине города подошли лишь, когда уже совсем стемнело.

— Плохо дело, — подумал Глеб, убедившись, что до сих пор, кроме городских предместий, занять ничего не удалось.

— Что-то будет, — размышлял он. — Занять город с налета, одним ударом, это я понимаю. Это мы осилили бы. Но вести осаду — нет, это нам не по силам. Уж слишком велики ресурсы красных и слишком мало нас.

Встретивший роту офицер связи повел ее какими-то кривыми улицами к месту расположения остальных частей. По дороге то и дело попадались раненые, ковылявшие в тыл и своими стонами надрывавшие сердце. На одной из улиц рота остановилась и Дукаров отправился за приказаниями, тогда как добровольцы окружили какую-то телегу и, сняв шапки, о чем-то тихо беседовали. Заинтересовавшись, подошел к ним и Глеб.

— В чем дело, господа?

— Неженцев! Полковник Неженцев убит. Здесь, на телеге, тело его, — отвечал кто-то из толпы подавленным голосом.

Неженцев был первым командиром Корниловского полка. Обожаемый подчиненными и горячо любимый самим Корниловым: он был душой полка. Смерть его не могла не отразиться на боеспособности полка, что отлично понимал Глеб, и сердце его болезненно сжалось.

«Нехорошо», — думал он.

За Неженцевым полк готов был и в огонь и в воду. Кто-то заменит его. Между тем вернувшийся Дукаров повел роту к околице. Дойдя до последних строений, он начал пропускать своих людей по одному, через широкое пустое пространство, к чуть черневшему на его середине большому зданию.

— Мы сейчас должны занять вон тот дом с прилегающим к нему садом. Это водочный завод, — пояснил он собравшимся командирам взводов. — Днем через это поле и муха не пролетит, так интенсивно обстреливают его пулеметы, так что нам придется просидеть по крайней мере до следующей ночи. Задача же наша состоит в том, чтобы не позволить большевикам выйти из города и обойти наш левый фланг.

Когда вся рота, пользуясь темнотой, перебежала поле и собралась у назначенного места, Дукаров отправил вторую полуроту, под командой Глеба, занять край сада, где еще большевиками были вырыты отличные окопы. Первую расположил вдоль кирпичной стены здания, в резерве. Осмотрев свой участок, Глеб разместил людей в окопах и выбрал места для пулеметов.

«Дело дрянь, — думал он. — Защищать такую длинную линию таким малым числом людей прямо не мыслимо. Не дай бог допустить красных до штыков. Числом своим задавят».

Разговоры в рядах маленького отряда Глеба вели шепотом, так как по словам офицера связи, перед ним, шагах в четырехстах, за небольшим болотцем, были расположены окопы большевиков.

— Передайте по рядам, — шепнул Глеб своему соседу, — что в случае атаки красных, по команде «ко мне» все должны прекратить огонь и сбегаться к моему окопу, у которого мы и примем штыковой удар.

Ночь была темная и тихая. Из города доносилась то забиравшая, то вспыхивавшая с новой силой пулеметная и ружейная стрельба. В окопах противника Глеб ясно слышал громкие, пересыпаемые отборной бранью,

разговоры. Иногда ухо улавливало тарахтенье как бы маленьких повозок.

«Это они пулеметы подвозят», — соображал он, стараясь угадать по звуку, где их установят..

Никто не спал, за исключением Кудинова, который, уместившись в своем окопе, мирно похрапывал, ничуть не беспокоясь о близком будущем.

Около пяти часов утра, внезапно, со стороны большевиков началась бешеная стрельба, а минут через десять крики «ура» оповестили о начале атаки.

— Открыть огонь! — приказал Глеб, систематически разряжал винтовку и целясь на звук шлепавших по болоту ног.

Затрещали пулеметы, и окопы, занятые добровольцами, засветились ежесекундными вспышками выстрелов.

«Как много их, — думая Глеб, прислушиваясь к крику противника. — Ну, наступает решительная минута. Если они дойдут до наших окопов — мы пропали. Даже если Дукаров успеет на поддержку, все равно не устоим».

Ближе и ближе хлюпанье ног бегущих по болоту людей. Чаше и чаще гремят выстрелы выскочивших на вал добровольцев.

«Кажется, теперь пора», — подумал Глеб, крестясь.

— Ко мне! — крикнул он твердым голосом.

Стрельба из окопов прекратилась моментально и в несколько мгновений, рядом с ним выстроилась, как по линейке, вся его полурота Глеб не стрелял, ожидая появления первых рядов неприятеля, и только два его пулемета продолжали свою губительную работу. Вот послышалось топанье ног по твердой земля. Болото было пройдено.

Вот из густой темноты показались первые фигуры атакующих.

— Полурота, пли! — скомандовал Глеб.

Тонкая линия огненных вспышек скользнула по рядам добровольцев.

— Полурота, пли! — снова раздалась команда, и снова огненная змейка скользнула по рядам.

— Полурота!.. — но в эту минуту Глеб заметил, что появившиеся было фигуры атакующих снова растаяли в темноте и топот ног по твердой земле прекратился.

«Отступают. Не выдержали, слава Богу», — пронеслось в голове и он снова скомандовал: «пли».

Крики «ура» мало-помалу стихли и было слышно только шлепанье ног по воде, ругань да стоны раненых, оставшихся после атаки.

— Беглый огонь! — Скомандовал повеселевший Глеб.

Увлеченный отражением атаки, он и не слышал, как сзади появился приведший резерв Дукаров.

— Что, отбили? — обратился он к Глебу, выходя на вал.

— Ах это вы? Да слава богу отбили, и думается, что с большим уроном.

— Слава богу! Теперь до утра можно быть спокойным. Больше не полезут.

Чуть забрежил рассвет, красные открыли по окопам бешеный огонь и не прекращали его до самого вечера. Огонь был настолько интенсивен, что не только выйти из окопа, но хотя бы чуть-чуть приподнять было невозможно. Томительно тянулось время. От неудобного положения немели члены. Хотелось есть и клонило ко сну. С нетерпением следили добровольцы за медленно двигавшимся солнцем, ожидая ночи, ког-

да можно будет хоть поразмяться. Наконец долгожданная ночь наступила. Стрельба затихла, и полурота Глеба была сменена первыми двумя взводами. Хотя сидеть за спиной взвода было и не особенно приятно, но, по крайней мере, можно было хоть двигаться.

Между тем в двух верстах от города, в небольшой мызе, расположился конный отряд, охранявший Корнилова и его штаб.

— А ведь дело-то, кажется, дрянь, — подходя к растянувшемуся на земле Карягину, произнес Зайцев. — Сдается мне, что если даже не удалось взять города сналету, нам не следовало бы больше и копий летать. Надо отступить.

— Куда отступить-то? — презрительным тоном отозвался Карягин.

— Да хоть в горы.

— В горы? Чтобы там подохнуть с голоду?

— Это еще, положим, бабушка надвое сказала. Подохнем или нет, а тут так наверняка нам несдобровать.

В это время подошедший командир отряда подозвал к себе Зайцева.

— Вот что, голубчик, — начал он. — Сейчас командующему донесли, что располженная по ту сторону станица Пашковская якобы восстала против большевиков. Пошлите-ка трех, четырех человек посмышленнее. Пусть съездят, пока темно, да разузнают в чем дело. Путь недалек. От города эта станица всего в двух верстах, а отсюда не более десяти, я думаю.

— Слушаюсь, господин полковник, — отвечал Зайцев, отходя от него и направляясь к Карягину.

— Хочешь немножко прокатиться?

— А куда?

— Да тут, верстах в десяти станица Пашковская. Так говорят, что она восстала против большевиков. Вот это-то и необходимо проверить.

— Что же, я с удовольствием.

— Тогда возьми с собой двух-трех человек, кого хочешь и отправляйся с богом.

— Федченко! Прохоров! Семенов! — крикнул Карягин, подходя к группе отдохавших под навесом сарая солдат. — Седлайте коней. Сейчас пойдете со мной на разведку.

Минут через пять группа всадников выехала со двора мызы и, спустившись с пригорка, потонула в темноте ночи.

— Я до сих пор не успел с вами как следует поговорить, ребята, — вполголоса обратился Карягин к своим спутникам. — Вы мне вот что скажите. Правда ли, что вы в одну минуту, искренно, из верных слуг народа и пролетариата перекрасились в белогвардейцев? Что же вы молчите? Или и меня боитесь? Не беспокойтесь, я-то вас не выдам.

— Так как же нам было быть-то, ваше высокоблагородие, коли под пулемет поставили? — ободренный ласковым голосом начальника, отозвался Федченко.

— Ага, значит, вы по-прежнему готовы служить революции?

— Постараемся, — нерешительными голосами отвечали солдаты.

— Вот это правильно, — продолжал Карягин — Я ведь и сам только прикинулся белогвардейцем, чтобы побольше помочь делу революции. Да и смысла нет идти за Корниловым. Ведь об Екатеринодар он зубы-то

обломает. Города ему никак не взять. Понимаете?

— Как не понять, ваше высокоблагородие.

— Да не зовите меня по-старорежимному, когда мы одни.

— Слушаюсь, товарищ, — в один голос отвечали солдаты.

— Так-то лучше, — засмеялся Карягин. — Так вот, вы должны знать, что я не просто по своей охоте служу сейчас в белогвардейцах, а назначен сюда товарищем Сорокиным. Всем командирам частей Красной Армии приказано оказывать мне полное содействие, когда к ним обращусь за помощью. Понимаете?

— Понимаем, товарищ.

— Теперь, значит, слушаться меня во всем, а уж я вас выведу от этой белогвардейской сволочи, но только тогда, когда закончу свою работу, в которой вы должны теперь мне помогать. А сейчас, — засмеялся Карягин, — давайте-ка отдыхать. Ни в какую разведку мы не поедем. Пусть один сидит на коне и сторожит, а мы пока малость покурим, — продолжал он, слезая с коня и закуривая папиросу.

Часа через три Карягин вернулся со своим разъемом на мызу и донес, что пашковцы и не думали восставать.

Целую ночь проходил Корнилов взад и вперед по комнате.

«Все испробовано, все сделано, но нет удачи», — шептали его губы.

Перед мысленным взором его проносились картины недавнего прошлого. Вот он начальник петербургского гарнизона. Он еще надеется, что можно еще верить этим людям, выдвинутым наверх волною революции.

С брезгливым отвращением принимает он новые порядки, стараясь направить течение революции по спасительному пути... Вот он в ставке, в Могилеве. Он Верховный главнокомандующий. Перед ним колоссальная задача. Но те же люди, которые кричат об этой задаче, которые назначили его на этот пост, они же мешают выполнять ее. Они же суют палки в колеса огромного механизма, многомиллионной армии. Вспоминает он свое беспокойство по поводу усиления влияния большевиков. Свой разговор с Керенским. Свое выступление и предательство Керенского. Воспоминание о красивой смерти героя Крылова на минуту заставляет нахмурить брови его печального лица. Быхов, тюрьма, побег с его верными текинцами на Дон. Попытка создать там Крымскую армию, самоубийство Каледина, — все это припоминается ему сегодня.

Сколько было положено труда. Сколько энергии потрачено. Сколько погибших надежд. А этот последний поход. Поход горстки храбрецов, безотчетно вверившихся ему. Сколько их осталось лежать на Дону? Сколько полегло их на Кубани и гибнет сейчас в бесплодной попытке взять Екатеринодар. Он-то знает, что города ему не взять, коли не удалось этого сделать с налета. Он знает это. Но не отзывает он своих добровольцев назад. К чему? Чтобы они погибли затравленные, как стремящиеся скрыться звери, бежать, спрятаться от преследователей? И это он, Корнилов, толкает их на этот позорный и бесполезный путь? Он будет во главе беглецов? Никогда! Лучше пусть и он и они, все сложат свои головы, штурмуя, наступая, нежели погибнуть, как зайцы затравленные гончими или замученные в застенках. Еще вечером, собирал он военный совет и пред-

лагал ему найти выход из создавшегося положения. Но все они, члены совета, кроме отступления, которое по его убеждению обязательно превратится в бегство, ничего придумать не могли. Нет пока он жив, он будет их вести, этих несчастных, доверившихся ему людей, к славной, красивой смерти, коль скоро победить не хватает сил. А раненые? — мелькает в его голове. — Ну что же не бог же я, в самом деле. Я только человек. Я бессилен спасти их. Ах, если бы я мог, хотя бы ценой моей жизни, спасти их всех, чтобы никто не смел бы упрекнуть меня. Но это невозможно. Итак решено. Утром штурм.

Он присел к столу, стоявшему у окна и погрузился в составление диспозиции и приказа. Время шло. Когда он позвонил дежурному адъютанту, чтобы передать для рассылки, написанными им бумаги, начинало светать.

Потушив лампу, он прилег на кровать, пытаясь забыть. Хоть на полчаса, но сон бежал от его глаз. Напрасно он ворочался с боку на бок. Мысли, одна мрачнее другой, не покидали его и не давали заснуть. Еще как следует не рассвело, а вокруг мызы, сначала изредка, а затем все чаще и чаще, стали падать снаряды.

В комнату вошел командир конвоя.

— Ваше превосходительство. По-видимому большевики узнали о месте вашего нахождения, так как, буквально, засыпают мызу снарядами. Необходимо перенести ставку в другое место.

— Хорошо, — немного погодя, отвечал Корнилов, вставая с кровати и снова подходя к столу, на котором была разложена карта.

Командир конвоя, постояв минуту и видя, что на его совет не обращают внимания, пожал плечами и вышел. Не прошло минут пятнадцати, как дверь снова отворилась, пропуская в комнату генерала Деникина.

— Ваше превосходительство! Лавр Георгиевич! Что вы делаете? — заговорил он. — Ведь мызу буквально засыпают снарядами. Ну, сохрани Бог, коли снаряд сюда попадет. Что будет с армией?

— Ах, это вы Антон Иванович? — усталым голосом отвечал Корнилов. — Это вы насчет перенесения ставки хлопчете?

— Конечно, ваше превосходительство.

— Да, да, это я собираюсь сделать, но у меня есть некоторые соображения. Немного погода.

— Так ведь опасность же...

— Э, полно, Антон Иванович. Здесь ничуть не опасно, чем в другом месте. Все от судьбы зависит.

Как и командир конвоя, Деникин пожал плечами и вышел.

— Оно было бы и лучше, между тем, — думал Корнилов. — Одним бы разом, да поскорее.

Внезапно мысли его были прерваны ужасным треском, раздавшимся в стене, почти под самым столом. Что-то яркое блеснуло ему в глаза и, ударив в грудь, швырнуло в другую часть комнаты.

— Слава Богу, — пронеслось в его голове, но сейчас же мысли его спутались, все поплыло куда-то, закружилось и он потерял сознание.

Когда Корнилова вынесли из полуразрушенного дома, он уже кончался. Верные текинцы, сняв папахи, молча окружили умиравшего вождя и хлопотавшего над ним доктора.

— Все кончено, — произнес последний, отвечая на вопросительные взгляды приблизившихся Деникина и Маркова. — Корнилова больше нет, — сказал он поднимаясь.

Между тем, к месту катастрофы подходили и другие начальники, но, видя печальные лица и снятые фуражки, молча останавливались.

— Ах, Лавр Георгиевич, Лавр Георгиевич, — вздохнул Деникин, утирая глаза. — Не послушался ты меня, вот...

— Кто же теперь будет командовать? — спросил кто-то из группы генералов.

Но никто ему не ответил, все молчали. Никто не желал брать на свою совесть такой ответственности. Уж слишком безнадежно было положение маленькой армии.

— Конечно я, — вдруг отозвался Деникин, все еще сокрушенно качая головой и не отрываясь от лица покойного. — Я принимаю командование, — повторил он, надевая фуражку. — Впрочем, быть может, ваши превосходительства, кто-нибудь из вас возьмет на себя эту должность, — обвел он глазами присутствующих.

Не дождавшись ответа, он подозвал адъютанта Корнилова и приказал подать бумаги.

Сев за небольшой садовый столик, стоявший неподалеку, он начал писать приказ, временами поглядывая на карту.

— Господа, — обратился он снова к неподвижно стоявшей группе начальников. — По приказанию покойного, через два часа должен начаться штурм города... Я отменяю его. Прошу вас, немедленно, отправиться по своим частям. Во-первых, предварить штурм. Во-вторых — с наступлением полной темноты, начинать от-

ступление, согласно этой диспозиции, которую прошу записать себе. Первым пунктом, куда я намерен отходить, будет вот этот, — указал он пальцем на карте. — Итак, с Богом господа. Желаю успеха.

«Начинается конец», — подумал он, приближаясь к группе начальников, окружавших труп, в надежде что-нибудь узнать, чтобы своевременно принять свои меры. Он слышал весь разговор, предшествовавший принятию Деникиным командования, но напрасно напрягал слух и зрение, чтобы узнать направление отступления. Деникин, отдавая свои распоряжения, уж было собирался назвать тот пункт, куда хотел отступить, но в этот момент, случайно, заметил напряженно-любопытный взгляд какого-то незнакомого офицера, и что-то удержало его. Вот почему он так и не назвал, а указал его на карте.

— Чует старая лисица, — пробурчал Карягин, отходя от стола. — Ничего, как-нибудь узнаю.

— Ночью начнется отступление, — подозвал он Федченко. — Теперь, смотрите, не зевайте. Самое главное не отставайте от меня. Куда я туда и вы. Скоро потребуются ваша работа. А пока, тебе Федченко, будет отдельное поручение. Я сейчас напишу письмо и передам его тебе. Ты же, когда все части выйдут отсюда, вернешься и передашь письмо, кому-либо из здешних жителей, для немедленной доставки командующему Красной Армией. Да не забудь пригрозить, что коли письмо не будет доставлено во время, то после нашего возвращения, это дело разберет чрезвычайка. Понимаешь?

— Так, точно, ваше высокоблагородие.

— Вот и отлично, а пока обожди письма, да предупреди Прохорова и Семенова, чтобы были готовы.

Отрезанные от всего мира, ни на минуту не умолкавшим пулеметным огнем, да позднего вечера не знали, сидевшие у водочного завода, добровольцы о смерти Корнилова. Томительно тянулся день. Снаряды беспрестанно падали вокруг прикрывавшего их здания. Было голодно и тоскливо.

— Что же это такое, в самом деле? Нет, нет, — раздавались возгласы из их среды. — Долго ли мы будем здесь сидеть? Почему до сих пор не штурмуем?

— Господа, — обыкновенно останавливал их Глеб. — Ведь мы здесь сидим и ничего не знаем, а у Корнилова все нити в руках. Он лучше знает, когда начинать штурм. Но у самого на душе было далеко не спокойно.

— Что-то неладно, — думал он. — Иначе не ждал бы Корнилов, пока перебьют столько народу из его и без того крошечной армии.

Наконец стало темнеть и мало-помалу стрельба затихла. Все приободрились, ожидая, что с наступлением ночи их, или отзовут из этого гиблого места, или начнется штурм. Кроме того, уже двое суток никто куска хлеба в рот не положил. Каждый мечтал об еде, которую, вероятно, доставят, пользуясь темнотой. Когда окончательно стемнело, неожиданно раздался голос, незаметно прокравшегося сзади, офицера связи.

— Где ротный командир?

— Я здесь, — отозвался Дукаров.

— Приказано немедленно отступить, до соединения с полком. Корнилов убит, — дрогнувшим голосом, добавил он.

— Как убит? — слышались встревоженные голоса.

— Так, сегодня в восемь часов утра, разорвавшимся снарядом, убит наповал.

Наступило тяжелое молчание.

— А кто принял командование? — спросил Дукаров.

— Деникин. Генерал Деникин, — отвечал офицер, скрываясь в темноте.

Усталые, голодные и нравственно придавленные шагали добровольцы, уходя от, еще не подозревавшего отступления, противника.

— Дождались, — думал Глеб. — Господи, что же будет с Колей и Наташей? Встретимся ли мы еще?

Видя подавленное состояние своих соратников, он ожидал полного разгрома, лишь только наступит день.

«Ну, что же, я умереть сумею. Но что будет с ними? А если рассыпавшись в разные стороны нам удастся спастись? — подумал Глеб. — Что тогда? Ах зачем я медлил и до сих пор не сделал предложения? Ведь если я останусь жив, я то буду ее разыскивать, но она. Какое основание будет она иметь, чтобы искать меня? Нет если только Бог мне поможет с нею встретиться, не буду больше откладывать и объяснюсь при каких бы то ни было обстоятельствах».

Расстроенные ряды добровольцев, молча двигались в ночной темноте. Не раздавалось обычных шуток, не слышалось смеха в их рядах. Каждый был погружен в тяжелую думу о завтрашнем дне. Погиб Корнилов, разбита надежда и утеряна вера в то святое дело, которому служили, за которое умирали.

— Сестра, а сестра! — стучался в дверь комнаты старый казак, стараясь разбудить крепко спавшую Наташу. — Сестра, ваши в поход собираются.

— Кто там? — раздался за дверью голос Наташи.

— Это я, Остап. Одевайтесь скорее, а я пойду коней запрягать.

— Да, в чем дело дедушка? — появляясь в дверях и протирая заспанные глаза, снова спросила она,

— Да я ж вам говорю, что ваши в поход собираются.

— В поход? Ну, слава богу. Значит Екатеринодар взят, — подумала она, бросаясь в комнату готовиться к дороге.

Было еще совсем темно, когда ее повозка присоединилась к медленно двигавшемуся вдоль улицы обозу.

— Вот видите, Коля, — говорила она, перегибаясь с седла к раненому. — Вот видите, ваши опасения оказались напрасными, мы едем в Екатеринодар.

— Да, слава Богу, — отвечал тот. — Только почему мы, как будто, не по той дороге едем. Ведь Екатеринодар совсем в другой стороне.

— Да, это странно. Вероятно для обоза выбрали эту дорогу, как более удобную. Да, вот как рассветет, я спрошу кого-нибудь.

Убаюканный легким покачиванием, катившейся на хорошей дороге, повозки и успокоенный радостной вестью о взятии Екатеринодара, Коля вскоре заснул, а Наташа начала пробираться на своей Машке вперед, где должен был ехать доктор. Уже начинало светать, когда она поравнялась с его повозкой.

— Здравствуйте доктор, — обратилась она к нему. — Скажите пожалуйста, почему мы по этой дороге поехали?

— А по какой же прикажете? — отвечал доктор мрачным голосом.

— Так ведь дорога на Екатеринодар совсем в другой стороне.

— Э, причем тут Екатеринодар? Корнилов убит. Мы отступаем, — пробурчал он, заворачиваясь в шинель и удобнее укладываясь на ворохе пакетов и тюков.

«Вот оно что! — с трудом сообразила Наташа, и сердце ее болезненно сжалось. — Что же дальше-то будет? Господи, что же будет со всеми этими несчастными, лежащими сейчас на подводах, страдальцами. Что будет с Колей, с Глебом, со всеми нами? Хорошо, если просто убьют, а то ведь замучают в ужасных пытках. Бр... — и струйка мороза пробежала по ее спине. — Я то знаю, что с собой делать. Хорошо, что до сих пор не рассталась с револьвером. Коля, конечно тоже застрелится, да и Глеб, я уверена, живым в их руки не отдастся. Но куда же мы двигаемся? Значит еще не все потеряно, — вдруг сообразила она. — Кто-то руководит. Кто-то значит надеется на спасение армии».

— Доктор! Доктор! — снова нагнала она повозку врача.

— Ну, что еще? — грубо огрызнулся тот.

— А кто теперь нами командует?

— Генерал Деникин, — последовал лаконический ответ.

«Не следует падать духом. Надо сохранить бодрость и поддержать ее в других», — соображала Наташа, равняясь со своей повозкой, на которой безмятежным сном все еще спал Николай.

Было часов десять утра, когда издали стала доноситься артиллерийская стрельба.

— Что такое? Почему стрельба? — встревоженным голосом, спросил просыпаясь Николай.

«Как бы ему поосторожнее сообщить тревожную весть», — соображала Наташа.

— Да там, впереди, наши ведут бой.

— Что преследуют красных?

— Не совсем так, дорогой, Коля. Только прошу не волнуйтесь особенно. Наши дела не так уж плохи.

— Что случилось? — приподнимаясь на повозке, забеспокоился он.

— Да видите ли...

— Мы отступаем? — вдруг догадался он.

— Да.

— Все кончено, — прошептал раненый в изнеможении, падая на свою подвижную кровать.

— И вовсе не кончено. С чего вы взяли, что все кончено. Ну, не взяли Екатеринодар. Ну, отступаем. Конечно хорошего в этом мало, но предаваться отчаянию еще рано. Если бы все было кончено, то поверьте, Деникин не взял бы на себя командование. Уж он то знает, что делать.

— Почему Деникин? А где Корнилов?

— Корнилов убит и командование взял на себя Деникин.

Оба замолчали, отдаваясь каждый своим мыслям.

Не прошло и часу, как вдалеке показалась пехота, двигавшаяся по одному с обозом направлению и постепенно сближавшаяся с ним. Вот показались корниловцы, со своими голубыми значками на рукавах. Они спешили выйти в голову обоза, по-видимому назначенные в авангард. Вот проскакала конница, а вот движется и офицерский полк. Наташа и Коля с замиранием сердца следили за приближением этого полка.

«Жив ли Глеб?» — сверлила мысль у обоих.

— Вон Глеб Николаевич, — вдруг воскликнула Наташа, принимаясь махать ему платком.

— Где? Где Глеб? — как наэлектризованный привскочил Коля и увидав приближающегося брата, облегченно вздохнул.

— Слава Богу вы живы, — еще издали приветствовала Наташа, спешившего к ним, Глеба.

— Жив, слава богу, — улыбнулся печальной улыбкой. — Как у вас дела? — пожимая руку девушке, спросил он.

— Да, вот, он все волнуется, — жаловалась она на Колю. — Видите, какой бледный лежит.

— Чего это ты, Коля, так разволновался? — обратился он к брату. — Конечно похвастаться своим положением мы не можем, да дела наши не так уж плохи. По слухам, Деникин собирается нас вывести из-под ударов в степи и дать отдохнуть. Он и раньше был против тактики Корнилова, который не жалея людей, все время нападал на красных сам. Почему мы и из боев нее выходили. Вот отвяжемся от преследования. Уйдем в степи и будем оправляться, подлечиваться и пополняться.

— Дай Бог, — прошептал Коля.

В это время, неприятельский бронепоезд, шедший почти параллельно движению обоза, начал его обстреливать. Расстояние было довольно велико, так что меткости огонь не имел, но все-таки снаряды падали около повозок, взметая вверх целые столбы грязи, а порою обливая ею ближайшие телеги.

— А мне с вами переговорить надо, — вполголоса обратился Глеб к Наташе.

— Извольте, — удивилась та, остановившая, свою Машку.

Обоз быстро двигался вперед и вскоре Глеб и Наташа остались позади. Снаряды по-прежнему сыпались, как из рога изобилия и осколки их, пролетая над головой, угрожающе взвизгивали.

— Наталия Владимировна, сойдите с коня. Все же меньше шансов будет, что какой-нибудь осколок вас заденет.

Наташа послушалась и молодые люди, некоторое время, молча, шли рядом.

— Вас удивит то, что я вам сейчас скажу. Но дальше по многим причинам ждать я не могу.

Голос Глеба от волнения стал прерываться. Наташа с беспокойством и удивлением взглянула на него.

— Я вас давно полюбил, Наталия Владимировна. Хотите составить счастье всей моей жизни и стать моей женой? Предупреждаю, что я вдовец и у меня есть пятилетний сын.

Пораженная и удивленная Наташа молчала.

— Глеб Николаевич, — наконец, начала она. — Я вас очень уважаю и даже несколько привязалась к вам за короткое время нашего знакомства. Но уж очень неожиданно ваше предложение. Сейчас я не могу вам ответить.

— Когда же? — прошептал Глеб.

— Завтра, — отвечала она, вскакивая на Машку и давая ей хлыста. — До свидания, — уже издали крикнула она.

Была глубокая ночь, когда расстроенные части добровольцев и многострадальный обоз вошли в маленькую немецкую колонию Гнечбау, сделав за эти сутки переход более чем в сорок пять верст. Колония представляла собою маленький поселок, всего с одной улицей. Вся площадь ее теперь была запружена подводами,

с которых раненых не разгружали, так как хат было так мало, что поместиться в них всем было невозможно. Несмотря на всю трудность устроить Колю под кров, Наташа и на этот раз, благодаря своей Машке, заняла маленькую комнатку в самой крайней и дальней избе.

Провалившись остаток ночи в каком-то амбаре, лишь только взошло солнце, Глеб отправился разыскивать своих.

— Здравствуйте, Наталия Владимировна, здравствуй Коля, — приветствовал он их, входя в комнату, после долгих поисков. — А я никак не предполагал, что вы и здесь сумеете устроиться в хате. Ведь такая повсюду теснота, что не приведи Господи.

— Да я и сама уже думала, что придется нам с Колей ночевать под открытым небом. Да вот, совершенно случайно, попала сюда, а здесь никого нет. Ну, зевать было нельзя и я в одну минуту заняла эту комнату. А мы ведь только что проснулись, — улыбнулась она, приготовляя таз и воду, чтобы умыть Колю.

— Да здесь-то хорошо спать. Не то, что в моей квартире, — улыбнулся Глеб.

— А вы где ночевали?

— В каком-то амбаре, за который и то приходится Бога благодарить, потому что большинство было вынуждено устраиваться прямо на улице. Позвольте я вам подам, — предложил он, заметив, что Наташа, окончив мыть Колю, собирается мыться сама.

— Спасибо, Глеб Николаевич. Только тогда захватите воду и идите во двор, чтобы не мочить пола.

Когда Наташа окончила мыться и обтеревшись полотенцем собиралась войти в хату, Глеб ее остановил.

— Я жду, — прошептал он.

— Согласна, — протянув ему руку, которую он прижал к губам, ответила Наташа и юркнула в дверь.

— Поздравь нас Коля, — входя за невестой, воскликнул радостный Глеб.

— С чем это вас поздравить? — отозвался последний.

— Сейчас Наталия Владимировна сделала мне честь, согласившись выйти за меня замуж.

— Ну? — протянул Коля. — Давно бы так, — радостно улыбаясь и обнимая наклонившегося к нему брата, продолжал он. — Наташа подойдите же ко мне. Дайте поцеловать вашу ручку, — обернулся он к смущенной девушке. — Ведь теперь, вы моей сестричкой будете. Правда?

— Правда, правда, — отвечала она, краснея и принимаясь гладить его по голове.

— Вот это умницы, — продолжал Коля, держа в своих исхудавших пальцах руки Наташи и Глеба. — Я вам давно говорил, что из вас выйдет прекрасная пара. Эх, освободиться бы нам от красных, уехать, забиться куда-нибудь в горы на Кавказ и жить бы припеваючи, — мечтал Коля, любовно поглядывая на помолвленных.

Целый день провели они вместе, мечтая о будущем и строя всевозможные планы. Между тем вечерело. Рассыпанные вокруг селения разьезды и пикеты добровольцев, стали замечать появление красной конницы, попавшей на след отступавшего врага. Целый день по приказанию генерала Деникина, происходило переформирование и реорганизация расстроенных частей. К ночи, несколько отдохнувшие люди, были высланы в поле, для защиты селения на случай внезапного нападения. Было уже совсем темно, когда к крайней хате подъехало четыре всадника и остановились у забора.

— Ну, Федченко, теперь действуй, — проговорил один из них, слезая с коня.

— Значит к раненому ее вызвать? — отозвался Федченко, так же спрыгивая на землю и передавая повода Карягину.

— Ну, да. Скажи, что де мол, в соседней хате доктор перевязку делает, да без сестры обойтись не может и просит ее помочь. Понимаешь?

— Понимаю, товарищ, — отвечал тот, входя в калитку. Карягин снова вскочил в седло и застыл на месте.

— Сестра, а сестра, — услышала, только что проводившая Глеба Наташа, чей-то незнакомый голос.

— Вам кого? — открывая дверь, обратилась она к стоявшему за дверьми бородатому солдату.

— Где здесь сестра? — спросил тот.

— Я сестра. Что вам нужно?

— Да меня доктор за вами послал. Тут он в соседней хате перевязку делает, да говорит, что без сестры не может управиться. Сходи говорит. Кликни сестру на минутку.

— Это далеко?

— Да нет. Через одну хату всего.

— Хорошо, идемте, — накидывая шинель, согласилась Наташа. — Ух, как темно, — произнесла она, выходя со своим проводником за калитку. — Погодите. Почему вы сворачиваете налево. Ведь там же нет домов. Вы не туда... — но тут она с ужасом почувствовала, что чьи то сильные руки подняли ее на воздух и положили поперек седла.

— Помогите, — отчаянно крикнула она, но в ту же секунду почувствовала как ей закрыли рот, какою-то тряпкой.

— Рысью, — скомандовал чей-то голос и всадники, отделившись от забора, понеслись в поле.

Расставшись с Наташей, Глеб не хотел возвращаться в свой амбар, так как был слишком взволнован, чтобы спать. Выйдя на улицу и пройдя несколько шагов по направлению к амбару, он вдруг повернул и, подойдя к валявшемуся на другой стороне улицы бревну, уселся на него, как раз против комнаты, из которой только что вышел.

«Милая, дорогая», — думал он, следя за тенью Наташи, двигавшейся за белой занавеской окна.

Глеб видел подъехавших всадников. Видел, как один из них вошел в калитку, но, погруженный в мечты, не обратил на это внимания. Внезапно его внимание было привлечено голосом Наташи, вышедшей на улицу.

«Чтобы это значило? — подумал он. — Зачем она идет к этим кавалеристам?»

Но в это мгновение он услышал ее крик о помощи. Глеб как ужаленный вскочил со своего сидения и бросился к темной группе кавалеристов, которые, между тем, дав коням хлыста, выскочили из-за забора и понеслись в поле.

— Увезут! Увезут! — обезумев от ужаса, шептал Глеб, останавливаясь и поднимая винтовку. — Господи помоги, — мысленно обратился он к Богу, наводя винтовку во всадника, скакавшего позади и державшего на седле какой-то предмет. Прогремел выстрел и державший Наташу на своем седле, Карягин вскрикнул от боли, полетел вместе с нею на землю. — Стойте мерзавцы, Глеб, бросился вперед.

Видя падение своего начальника, солдаты мгновенно остановились. Двое из них спешили и подбежав к

нему, быстро взвалили его на седло третьего, не слезавшего с коня.

— Прохоров, бери барышню-то, — крикнул Федченко впрыгивая в седло. — Давай ее сюда, ко мне.

Видя, что кавалеристы поднимают упавших, Глеб снова выстрелил. На этот раз пуля пролетела, у самой головы Прохорова, намерившегося было вернуться за Наташей.

— Сам бери, — бросаясь к коню, огрызнулся тот. — Стану я пропадать из-за девки!

Еще мгновение и кавалеристы потонули в темноте ночи. Не помня себя, Глеб подбежал к темному предмету оставшемуся лежать на земле.

— Наташа! Наталия Владимировна! Вы ли это?

— Я, Глеб Николаевич. Спасибо вам, — отвечала она, поднимаясь с земли.

— Я вас не ранил? — с тревогой в голосе продолжал он.

— Нет. Слава Богу нет. Я только сильно ушибла голову, когда падала.

— Идемте же скорее домой. Господи, да вы еле двигаетесь. Пойдите-ка минутку, — перекинув винтовку за плечо, Глеб поднял на руки легкую, как перышко, молоденькую девушку.

Осиротелый конь Карягина пропустил момент, когда его господин со своими спутниками скрылся в темноте, и потому оставшись один поплелся за Глебом.

— Смотрите-ка, Глеб, — впервые так назвала его Наташа. — Смотрите-ка за нами конь идет. Это наверно конь моего похитителя, которого вы убили. Надо взять его.

— Хорошо, я еще вернусь за ним, — внося невесту в комнату, отвечал Глеб.

— Опустите меня здесь, — попросила она, когда Глеб внес ее на крыльцо. — Тут уж я и сама дойду, а то как бы Колю не напугали. Ведь он такой нервный.

Оставив Наташу у дверей хаты, Глеб вернулся к калитке, у которой стояла лошадь. Взяв ее под уздцы, он отвел ее в сарай, расседлал, задал корму и захватив с собой седельную сумку, возвратился в комнату.

— Как вы себя чувствуете? — обратился он к Наташе.

— Да ничего. Теперь лучше, хотя голова и болит еще. Я вот рассказала Коле про то, что сейчас произошло, так он не верит. Говорит, что я смеюсь над ним.

— Расскажи толком хоть ты, что такое случилось? — обратился к нему Коля. — Она что то несуразное плетет. Я ничего не могу понять.

— Случилось что-то странное. Я и сам не понимаю, в чем дело.

Тут Глеб в коротких словах передал ему все, чему был свидетелем.

— Странно, — промолвил Коля, пожимая плечами. — Может быть вы Наташа, что-нибудь понимаете?

— Как вам сказать? Есть у меня одна догадка, но пока я не хочу о ней говорить, чтобы не наклеветать, на неповинного, может быть, человека.

— Посмотрим, нет ли чего интересного в сумке, — принимаясь ее расстегивать, произнес Глеб. — Ба, да это был офицер, — вытаскивая из сумки погоны, продолжал он. — Судя по погонам, какой-то ротмистр. Пара носовых платков, мыло, полотенце, гребенка, — называл он предметы, вынимая их из сумки. — Жестянка с папиросами, кошелек и в нем семьсот сорок четыре рубля, а вот какая-то бумага. Посмотрим. Удостоверение, — читал

он. — Предъявитель сего, есть действительно первого конного отряда добровольческой армии ротмистр Матвей Всеволодович Карягин, что подписью и...

— Карягин! — воскликнула Наташа. — Я так я думала.

— Кто такой Карягин? Как будто знакомая фамилия, — произнес Коля.

— А ты уже забыл того негодяя, которого я захватил в плен в Новодмитриевской.

— Ах, да, да. Теперь вспоминаю.

— А почему вы полагали, Наталия Владимировна, что этот ночной вор и этот бывший пленник, одно и то же лицо.

— Я же вам говорила, Глеб? Что еще во время германской войны, мне пришлось познакомиться с этим человеком, и что он наделал мне много неприятностей.

— Да, я помню это.

Тут Наташа, в коротких словах, рассказала братьям все, что произошло с нею в армейском лазарете, потом в горах Румынии, не пропустив передать и об ударе хлыстом, которым она тогда наградила Карягина.

— Ну и негодяй! — воскликнули братья в один голос.

— Как жаль, что он не попался в мои руки, — сжимая кулаки, добавил Глеб.

— Посмотри-ка Глебушка, нет ли еще чего-нибудь в сумке.

— Нет, сумка пуста, — шаря в ней рукой, отвечал Глеб. — Ах нет, вот какой то пакет, — вытащил он наружу запечатанное письмо.

«Товарищу командиру Сорокину», значилось на конверте.

— Те, те, те, да он еще шпион, вдобавок, — воскликнул Глеб, вскрывая конверт.

«Доношу вам товарищ, что из занимаемой бело-гвардейцами станицы, Корнилов, по достоверным слухам, собирается вести их к Екатеринодару, через станции Кореневскую и Эйнем. Настроение людей бодрое. Ощущается недостаток в снарядах и патронах. Белых генералов сильно заботит непомерно большой обоз, наполненный исключительно ранеными. В составе частей, после моего предыдущего донесения, перемен не было. При занятии этой станицы, белые потеряли шестнадцать человек убитыми и сорок три ранеными. Преданный революции Матвей Карягин».

— Каков гусь! Вы только подумайте, каков мерзавец! — кипятился Коля. — А, ведь, офицер царского времени. Но, что это за донесение? И почему оно, до сих пор, оставалось в его сумке? Судя по дате, оно написано три недели тому назад.

— Вероятно собирался его отправить, — вмешалась Наташа, — да, что-нибудь помешало, он и сунул его в сумку, а потом забыл.

— Вероятно так, — согласился Глеб. — Но каким образом, ему удавалось отправлять свои письма.

— Это то легче легкого, — снова отвечала Наташа. — Вы не забудьте, что в каждой станице, через которые мы проходили, всегда было несколько семей большевистски настроенных. Мне кажется, что ими-то и пользовался Карягин. Передаст письмо какому-нибудь большевику, а тот, когда мы уйдем из станицы, доставляет его по адресу.

— Очень правдоподобно, — согласился Глеб, поднимаясь. — Эти бумаги завтра я передам в штаб, а пока, желаю

вам спокойной ночи. Боюсь, как бы нас завтра не подняли рано утром, — целуя руку невесты, продолжал он.

— Да поцелуйтесь же вы по настоящему, — возмутился Коля. — И что это, в самом деле. Жених и невеста, а все еще на вы. Чтобы я больше этого не слышал. Понимаете.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — приставляя руку ко лбу, пошутила Наташа и повернувшись к Глебу, красная от смущения, поцеловала его в губы.

Уже с порога Глеб вернулся назад и улыбаясь обратился к невесте:

— Я тебя очень прошу, Наташа, запри за мной дверь на замок и не выходи, кто бы тебя ни звал. Утром я сам приду вас будить, а то признаться, роль Руслана мне не по вкусу, да и вам, тебе, — поправился он, — участь Людмилы, вряд ли улыбается.

— Не беспокойся, Глеб, уж я за нею присмотрю, — улыбнулся Коля.

— Лежите уже себе лучше. Он за мной присмотрит. Скажите, пожалуйста, — показывая ему кулачек, отшучивалась Наташа.

Еще не наступило полного рассвета, когда спящий поселок был разбужен взрывами падающих снарядов. Оказалось, что большевики успели подвезти артиллерию и начали обстрел злосчастной колонии. Снаряды рвались везде. То взметали они кверху столбы черной земли, падая в огороды окружавшие поселок, то поднимали огромные фонтаны воды, попадая в небольшой пруд, а то взлетали к небу куски человеческого тела, когда, они попадали на улицу или во дворы. Все здоровые прятались от огня, кто куда мог. Но несчастные раненые, неподвижно лежали на подводах, с

минуты на минуту ожидая мучительной смерти. Целый день продолжалась канонада, облегчая обоз, то от одного, то от другого раненого, а то и от целой повозки сразу. Огонь прекратился лишь тогда, когда начало смеркаться. Только тогда зашевелился и ожил поселок. Спешно запрягались подводы, строились части и еще до наступления темноты, добровольцы двинулись, покидая колонию. С пригорков, окружавших поселок, большевики прекрасно видели движение отряда и, несмотря на сумерки, снова открыли огонь. Темнело быстро. С наступлением полной темноты Деникин повернул свою маленькую армию почти на 180 градусов. Одураченные большевики еще долго стреляли по предполагаемому местоположению противника, но их снаряды попадали на пустую дорогу, никому не принося вреда. Быстро двигались добровольцы и перед самым рассветом достигли железнодорожной станции Медведовской, через которую лежал их путь. Соблюдая строжайшую тишину, подкрадывались роты Офицерского полка к неожиданному нападению противнику. Уже близко. Вот из темноты вырисовались силуэты станции и, спокойно стоявших, поездов. Вдруг в шагах пятнадцати от моряков раздайся окрик: «Кто идет!»?

— Свои, — отвечал Глеб, шепотом подзывая к себе взвод.

— Да, кто свои?

— Чего пристал. Сказано свои, — еле различая в темноте группу в десять—пятнадцать всадников, снова отвечал Глеб, еще не уверенный сам, свои или чужие, эти назойливые кавалеристы.

— А что пароль? — снова раздался вопрос из темноты.

— Большевики, — сообразил Глеб, так как знал, что на эту ночь пароля не назначали.

— Взвод пли! — скомандовал он и дружный залп был его ответом.

Перепуганные неожиданной стрельбой вздыбившиеся кони мгновенно умчали красных кавалеристов и скрыли их под покровом ночи. Все же человек пять, упало с лошадей и громко стонало, лежа на земле. Этот эпизод разрушил внезапность нападения, так как залп был услышан на станции и там поднялась тревога. Добровольцы продолжали двигаться вдоль рельс, когда, со стороны станции послышался характерный звук идущего поезда и из темноты, с нарастающим шумом, появился бронепоезд. Когда он поравнялся с наступавшими, они открыли частый огонь, стараясь попадать в окна или амбразуры. Бронепоезд не остался в долгу и открыл бешеный огонь из десяти пулеметов. К счастью красные не предполагали, что неприятель так близко и наводили свои пулеметы слишком далеко. Их пули проносились над головами, не причиняя вреда. Поезд прошел, направляясь к тому месту, где шоссе пересекало полотно и где проходил обоз. Здесь ждал его генерал Марков. Стоя на полотне с револьвером и ручной гранатой в руках, он ожидал его приближения.

— Куда ты прешь на своих? Скотина! — крикнул он, когда паровоз был от него всего в шести-восьми шагах.

Озадаченный машинист остановил поезд, но в этот момент, брошенная Марковым, ручная граната, с треском разорвалась, и машинист упал мертвым. Подвезенная вскоре пушка в упор расстреливала загоревшийся бронепоезд, из которого еще продолжалась пулеметная стрельба. Но дело было сделано. Бронепоезд находил-

ся в агонии и путь через полотно был свободен, тем и воспользовался обоз, рысью проносясь через рельсы. Разбуженный внезапной тревогой, отряд красной пехоты, занимавший станцию и станицу, не мог оказать серьезного сопротивления и, сделав всего лишь маленькую попытку к обороне, бросился бежать. Между тем светало. Рассыпавшимся в цепь добровольцам, на фоне загоревшейся зари, бегущие большевики были видны, как на ладони и они расстреливали их на выбор. Победа была полная. Несколько составов со всевозможными запасами были добычей победителей. Самое главное было то, что пустые патронташи пехоты и зарядные ящики артиллерии вновь наполнились, дав возможность продолжать борьбу. Не задерживаясь в станице, Деникин усадил всю свою пехоту на подводы и двинулся дальше, стараясь как можно быстрее выйти из-под ударов неприятеля. Он видел, что люди его маленькой армии были измучены до предела. Благодаря скорости передвижения, а так же удачно выбранному направлению, вскоре добровольцы потеряли связь с противником. Теперь уже не приходилось брать с бою каждую станицу. Наоборот, всюду, где только они появлялись, их встречали с хлебом, с солью и оказывали всевозможные услуги. Постепенно близкое к отчаянию мрачное настроение, царившее в армии после смерти Корнилова и неудачи под Екатеринодаром, сменилось прежней бодростью и надеждой. Снова стали раздаваться песни и шутки оправившейся молодежи. Добровольческая армия была спасена.

В.А. Ларионов

Последние юнкера

Глава 1

УЧИЛИЩЕ

В мае 1917 года я вошел в вестибюль Константиновского артиллерийского училища в Петербурге на Забалканском проспекте¹. Налево от входа — комната дежурного офицера. Оттуда доносился четкий звон шпор и короткие рапорта являющихся из отпуска юнкеров. Сердце немного билось, когда, перешагнув порог, я вошел в комнату дежурного офицера, придерживая гардемаринский палаш.

— Господин капитан, гардемарин Ларионов является по случаю приема в училище!

Капитан гвардейской артиллерии слегка ухмыльнулся, очевидно морская форма была здесь редким зрелищем, и посмотрел на лежащий перед ним лист.

— Юнкер, — слегка подчеркнул он, — вы назначены во Вторую батарею, явитесь фельдфебелю.

Я стал подниматься по лестнице, гремя по ступенькам палашом. Широкая каменная лестница вела наверх в помещение батарей, в классы и залы. В залах — мраморные доски, на коих начертаны имена тех, кто первыми окончили Константиновское артиллерийское училище, с далеких еще времен, когда артиллерийское училище называлось «Дворянский полк». Там же и доски со списками константиновцев — кавалеров ордена Святого Георгия, там же и батальные картины. В нижнем зале — дюймовая пушка и гаубица. Повсюду ощущение российской военной славы, как будто слышится шелест старых знамен... Константиновское артиллерийское училище, с еще не угасшим воинским духом и дисциплиной, оставалось в то время одним из немногих уцелевших островков российской государственности и ее военных традиций. В этом здании с пушками у подъезда, с его залами и манежем, почти не ощущалась бушующая за стенами «великая и бескровная» революция...

Ведь мы только что вернулись из Владивостока в Петербург, после дальневосточного плавания гардемаринской роты на крейсере «Орел». В гардемаринских классах в Галерной гавани мы нашли полное разложение: лекции были отменены, офицеры-лекторы и большая часть командного состава не появлялись, матросы и служащие «митинговали». Гардемарины частью разъезжались, частью слонялись по помещениям, обедали, затракали и спали, не зная, что делать и что будет дальше. Не выдержав этого революционного разложения, я и решил перейти, вместе с моим товарищем, в Константиновское Артиллерийское училище, куда теперь съезжались кадеты со всех концов России... Кого здесь толь-

ко не было: кадеты Третьего корпуса, слегка копирующие пажей, строевики Второго кадетского с синими погонами, более сильные в науках кадеты Первого корпуса, более скромные москвичи, загорелые ташкентцы и тифлисцы, смуглые, слегка скуластые оренбуржцы — способные конники, кадеты Донского корпуса, киевляне, одесситы, полтавцы, псковичи, аракчеевцы из Нижнего Новгорода, сибиряки Омского корпуса, суворовцы из Варшавы и даже два вице-унтер-офицера Вольского кадетского корпуса, считавшегося местом ссылки провинившихся кадетов других корпусов. Особой группой держались «сумцы», носившие на гимнастерке значок корпуса довольно большого размера и гордо называвшие свой корпус «Сумская академия». Сумцы смотрели на других кадетов немного свысока, ощущая как бы свое «академическое» превосходство. Кадеты чувствовали себя в училище как в Кадетском корпусе². Они сразу же перезнакомились, перешли друг с другом «на ты» и стали господами положения. Встречая вновь прибывающих, они их приветствовали, шутили, кричали или, наоборот, подсмеивались над теми, кто не принадлежал к «кадетскому сословию».

«Эй, моряк! — кричали мне кадеты. — Ты наш, иди сюда... в какую ты назначен батарее?»

Я был несколько шокирован этим «ты», но быстро понял, что кадеты обращались на «вы» лишь к так называемым «людям со стороны», и это «вы», относящееся к гимназистам, реалистам и студентам, произносилось с высоты кадетского достоинства с чувством отчужденности и некоторого презрения.

Поступавших «со стороны» часто называли «козероги». На этот раз на 11-м курсе «козерогов» почти не

было: 11-й курс Константиновского артиллерийского училища состоял на девяносто процентов из кадетов. Положение «козерогов» было нелегким — над ними смеялись и их третировали. Только после первой учебной стрельбы в Красном Селе их как бы «реабилитировали»: после стрельбы у «козерогов», по юнкерской терминологии, «отпадал хвост» и они получали какие-то права.

Несколько бывших вольноопределяющихся — георгиевских кавалеров с фронта — и я, как военный моряк, были сразу же приняты в кадетскую компанию.

В первый же день приема в училище мы получили юнкерскую форму с погонами Константиновского артиллерийского училища и были разбиты по отделениям двух батарей. С 6 часов утра следующего дня началась размеренная, утомительная, здоровая жизнь военного училища.

Кадеты принесли в училище свои традиции и навыки своеобразной военной бursы. Эта военная молодежь не блистала, в большинстве своем, широким научным кругозором, но морально и физически она была гораздо здоровее, нежели молодежь многих гражданских столичных учебных заведений.

Традиционного юнкерского «цука» со стороны старшего 10-го курса мы не испытывали, так как 10-й курс был не кадетский, а студенческий, и назначенные в нашу батарею фельдфебели и взводные унтер-офицеры были все бывшие студенты, главным образом вышедших технических учебных заведений, и многие из них — фронтовики.

Это была интеллигентная, культурная молодежь, которой школа войны придала еще лучшую шлифовку.

Однако эти старшие юнкера 10-го курса, говорившие друг другу «вы» или даже «коллега», не признающие ни училищного «цука», ни старых традиций «Дворянского полка», ни старых юнкерских песен, не пользовались у новых молодых юнкеров из кадетов большим уважением. Их терпели за их португейские, унтер-офицерские погоны, темляки, а у иных и георгиевские крестики с фронта³. Кроме того, эти старшие юнкера-«коллеги» как-то признавали революцию или пытались ее оправдывать. Спорить с ними было невозможно, так как политический горизонт был в данном случае слишком различен. Кадеты отрицали и ненавидели революцию все как один, но не любили разговаривать на политические темы. Отрицание революции считалось аксиомой, не требующей разъяснения или доказательств. И если даже чувствовали в глубине души, что старший юнкер прав, в их глазах он все же оставался «сугубым, убогим шпаком», а такое существо никогда и ни в чем не могло быть правым и могло заслуживать лишь жалость и презрение к своей «убогости».

Кадеты переняли от своих старших братьев, друзей и отцов училищные традиции, знали неписанные законы и ревниво следили за их выполнением. Противиться соблюдению традиций или в них не участвовать значило объявить себя как бы вне закона и быть исключенным из тесной товарищеской среды. Например, по одной из старых традиций, должен был состояться ночной «парад»: в полночь надо было подняться с кровати, снять рубашку и на голое тело надеть пояс и шашку, на ноги — шпоры и на голову — фуражку. В таком виде отделения батареи идут в коридоры, где проводится «парад», который заканчивается воинственными

криками и бегом сотни голых со шпорами и шашками по коридорам. Дежурный офицер, знающий училищные традиции, не выходит в эту ночь из комнаты и делает вид, что ничего не слышит. После «парада» отдельные кадетские группы устраивают в спальне «собаку». Так называется кадетский товарищеский ужин. Не принявшие участия в «параде» несколько юнкеров «со стороны» были, по возвращении с «парада», выброшены из кроватей.

Дни проходили быстро и незаметно: зубрили уставы, спали на уроках тактики, увлекались орудийным и батарейным учением, ездой и рубкой, особенно ездой. Училищные лошади были хороши, и наш «курсовой офицер» был неплохой наездник.

Кадеты умышленно манкировали пешим строем, хотя занимались им лишь раз в неделю. Считалось недостойным артиллерийскому юнкеру маршировать в пешем строю. Кадеты, почти поголовно отличные строевики, еле волочили ноги, спотыкались, поворачивались налево, когда командовали направо, и из рук вон плохо отвечали на приветствие. Того требовала училищная традиция, — когда батарейный командир приветствует: «Здорово, юнкера!» — юнкера в ответ блеют, как стадо овец: «здрэээ»... не оканчивая титула.

Воскресный отпуск был для многих праздником, особенно для петербуржцев, у которых были в городе родные и знакомые. А многие кадеты из дальних корпусов, не имевшие в городе ни души, и в праздники оставались в училище, в своей товарищеской компании, уже давно заменившей им семью. Отпуск в город требовал денег, а у многих, приехавших из далеких городов, их не было. Кроме того, училищная негласная мода стави-

ла свои условия, — надо было быть в отпуск одетым не в «казенное», а в «собственное»: погоны с более широким галуном, нежели казенные, хромовые сапоги на заказ, по возможности, длинная шинель и шпоры с «савельевским» звоном. Юнкерскую фуражку-«хлеборезку» надо было так смять и заломить, чтобы она приняла требуемую модой форму. Впрочем, на 11-м курсе училища «тоняг», соблюдавших моду, было немного.

Старые традиции училища держались на «кадетских» выпусках. Одним из развлечений, идущих с прошлых времен, был, например, «перпендикуляр». «Перпендикуляр» испытал на себе каждый юнкер. Это было как бы юнкерское крещение. Кроме того, — карательная мера, применяемая к каждому провинившемуся перед товарищами, и, как правило, ко всем «шпакам» и «козерогам» уже без всякого повода, а просто если какой-нибудь веселой компании не спится и захочется развлечься.

«Перпендикуляр» — не особенно приятная вещь. Поставить его — это значило поднять кровать наменной жертвы резким рывком вверх с таким расчетом, чтобы голова жертвы оказалась на полу, а тело находилось бы в нелепой позе, заваленное матрасом, одеялом и досками кровати. И жертва долго, после глубокого сна, не могла сообразить, в чем дело, и выбраться из-под завала.

Юнкера из кадетов в массе своей остались по характеру кадетами. Их шалости, шутки, остроты и песни были типичны для закрытой военной школы. Неотъемлемой природой кадета было «ловчение»; например, «ловчение» на кухне состояло в том, что назначенный дежурным по кухне юнкер должен был своровать максималь-

ное количество котлет для всего своего окружения, то есть — «компашки» такого-то кадетского корпуса.

С осени 17-го года питание в училище стало слабым, и это весьма ощущалось после усиленных занятий на воздухе, долгой езды, скачки по барьерам, вольтижировки и рубки. Поэтому «ловчение» котлет было весьма существенно. Надо сказать при этом, что дело обставилось кадетами так, что ни один юнкер не из кадетов в дежурные по кухне не попадал.

Мое положение в училище было выгодным: как бывший гардемарин я был «свой», то есть равноправен в кадетской компании. Мне даже предложили пришить на погонах кадетские пуговицы (неофициальное отличие юнкеров, бывших кадетов, от юнкеров «со стороны»). В то же время как бывший гимназист я мог сойтись и с некадетской компанией, которая не делила мир на два лагеря: военных и статских. Причем первый лагерь — «свой» — был положительным, второй лагерь — статский — был чужой, отрицательный, не сулящий вообще ничего хорошего.

Каждый из кадетских корпусов имел свои особенности: например, весь тон Второй батареи училища задавали бывшие кадеты Александровского третьего корпуса. В большинстве своем дети военных и чиновников Петербурга, они имели большой политический кругозор, нежели их товарищи из провинциальных городов. Октябрьские события показали, что один из юнкеров имел связи с тайной организацией Пуришкевича⁴, бегал, переодевшись рабочим, на какие-то собрания и оказался одним из распорядителей переброски артиллерийских юнкеров из Петербурга на Дон.

Александровцы были знатоками училищных традиций и вообще традиций российской армии. Они любили свой корпус. Покровитель этого корпуса — великий князь-поэт «К. Р.», знавший многих кадетов лично, был как бы их отцом. Стихи «К. Р.» были для многих александровцев молитвой:

Наш полк — заветное, чарующее слово.
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Одним оно старо, для нас все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

Кадеты Первого кадетского корпуса были сильны в науках и несколько превосходили общим развитием многих кадетов провинциальных корпусов. Второй кадетский был блестящим по строю. Большинство его воспитанников шли в Павловское военное училище, бывшее образцовым по строевой подготовке. Фельдфебелем нашей Второй батареи стал бывший кадет Второго корпуса — портупей-юнкер Канищев. Это был умный красивый юноша, вдумчивый и несколько застенчивый. Впоследствии, когда мы с ним, уже офицерами, лежали в лазарете Новочеркасска, раненные в одном и том же бою на Кубани, Канищев сильно попал под влияние одного офицера, оренбургского казака, убежденного социалиста-революционера.

Взводным портупей-юнкером стал у нас бывший кадет Сумского корпуса — Шперлинг. Всегда веселый, бодрый, убежденный патриот, готовый всем помочь. Нижегородцы, аракчеевцы, полтавцы, кадеты Вольского корпуса, в большинстве своем не бли-

стали светскими манерами, но были хорошими, верными товарищами, и это сыграло большую роль на войне.

Грубоватые, отнюдь не «светские» кадеты-казаки — новочеркасцы, оренбуржцы, симбирцы — были отличными наездниками и рубаками. Они должны были все выйти в свои конные батареи, поэтому не очень любили расчеты с панорамами и бусолями. Стрельба с закрытых позиций — «не наше дело», как они говорили. «Наше дело — прямая наводка с карьера».

Целая группа оренбуржцев была в нашем отделении. Они были неразлучны: учились вместе, в город ходили вместе, беседовали только друг с другом, сторонясь остальных. Они, вероятно, в душе презирали не только «шпаков» и «козерогов», но и всех кадетов и юнкеров — не казаков. Все свободное время они пили чай, предавались воспоминаниям о родных краях и высокими голосами тянули свои казачьи, степные песни:

Свою он отчизну навеки покинул...
Ему не вернуться в отеческий дом...

Эти скуластые, смуглые ребята, с монгольским разрезом глаз, были очень симпатичны. По существу, это были природные воины — потомки бойцов орд Чингисхана. В отделении звали их «дикая дивизия», и к этому прозвищу они относились с полным спокойствием.

Учились они посредственно, на занятиях всегда сидели рядом и еще по кадетской привычке подсказывали друг другу в затруднительную минуту. Называли они друг друга не по имени, а по отчеству. Революцию

и социализм они категорически не принимали и считали необходимым ликвидировать «бунт» — картечью и шашкой.

Суворовцы и псковичи хорошо учились, и поэтому большой процент их попадал в артиллерийские училища, чего нельзя было сказать о москвичах, из коих многие старались выходить в свои московские военные училища.

Училищная жизнь мне нравилась. Интересные военные лекции, полные практических примеров, привозимых зачастую непосредственно с театра войны, ежедневная езда, вольгитировка, барьеры, рубка, строгая дисциплина — все это заставляло чувствовать себя членом одной большой семьи — российской армии. Мускулы крепили, «гражданское начало» исчезало. Протяжные кавалерийские команды, мелодичный звон шпор, стальной блеск наших трехдюймовок, запах конского пота в манеже и навоза в конюшнях, — все это было своеобразной военной романтикой.

Но улица за окнами училища жила другим... Улица жила революцией, и эта «великая и бескровная» ломилась в двери училища. Большинство наших офицеров были фронтовиками, а некоторые из них и георгиевские кавалерами. Они так же, как и мы, скептически относились к революции, но они умели лучше нас скрывать свои чувства и понимали, что «плетью обуха не перешибешь».

Училищные солдаты часто митинговали, выражая своим офицерам и юнкерам «недоверие». Начальник училища, генерал Бутыркин, должен был оправдываться перед комитетами и доказывать полную революционную лояльность юнкеров.

Но молодые юнкера кипели и возмущались бездействием правительства и стремились к прямому действию против революционного разложения армии и государства.

«Корниловские дни» вызвали у нас, юнкеров, большой подъем. С часу на час мы ждали приказа выступить на поддержку Корнилова, но, конечно, не дождались... Серые будни революции продолжались. Было ясно, что училище доживает последние дни, но автоматически все шло как раньше, по училищной программе.

В начале сентября мы уехали на учебные стрельбы в Красное Село. Осень была теплая, но дождливая. Было радостно оставить хоть на время Петербург, где общее положение ухудшалось не по дням, а по часам. Да и изучение военного дела на местности, езда не в манеже, а прямо в поле и, наконец, стрельба не на классной доске мелом, а из трехдюймовок шрапнелью и гранатой по щитам на полевом стрельбище, всех нас радовали.

Жили мы в бараках побатарейно, ходили часто по местности в районе Красного Села, практикуясь в съемках. Ежедневно была езда и занятия при орудиях.

Кормили нас плохо. После целого дня занятий на воздухе мы были голодны. Дело дошло до того, что некоторые из нас ходили по вечерам в поля за картошкой и пекли ее в лагерной печке. Однако по утрам бодро, с песнями выходили на переднюю линейку и на занятия. В эти дни любимой была песня со старых училищных времен:

Настал универсальный век,
Прогресс и время все меняют,
Курил лишь трубку человек,

Теперь же трубкою стреляют —
На семь верст...
Жил полководец Ганнибал,
Давал он денщику на водку,
Но он, наверное, не знал,
Что будут изучать наводку —
Юнкера...
Не думала его жена,
Идя с корзинкой по базару,
Что у лафета — не одна,
А что корзинок этих пара,
То есть — две...
Теперь иные времена,
Иные прихоти у света:
Был раньше хобот у слона,
Теперь есть хобот у лафета,
На конце...
Все математики старались,
Корень вдруг изобрели.
Артиллеристы догадались,
Корень в пушку запрягли,
В передок...

Наконец настал долгожданный день стрельбы боевыми патронами.

Нам не повезло: день был серый, холодный. Дождь лил как из ведра и закрывал мишени частой сеткой. Холодные капли просачивались за ворот шинели и даже в сапоги. Батарейный командир подполковник Бочаров, в непромокаемом плаще, не слезал с намокшего, нахохлившегося коня и экзаменовал стрелявших юнкеров.

Каждый юнкер должен был пройти на стрельбе все роли, от наводчика до командира батареи, но, поскольку на этот раз почти все цели были закрыты дождем, стрельба вышла скомканной и ускоренной. Почти всем пришлось стрелять по той же цели — «блиндажу с наблюдателем», которую одну только и было видно временами через дождевую пелену, а стрелявшие позже уже знали все данные наводки и не ошибались. Но, как бы там ни было, все были в хорошем настроении, оттого, что стреляли, и оттого, что у «козерогов» «отпали хвосты» и теперь все стали полноправными артиллеристами.

Возвращались мы со стрельбы в пешем строю по вязкому, полужидкому чернозему. Осенние поля были унылы, и каркающее воронье не украшало печального пейзажа Кавелахтской равнины. Но юнкерская песня неслась вопреки холодному ветру и дождю:

Плюс низких — три,
нормальных — два
и незамеченный один...
Кого-то нет... Чего-то жаль,
Куда-то сердце мчится вдаль...

Возвратившись из лагерей в Петербург, мы застали город в тревожном и напряженном состоянии. Носились разные, большей частью угрожающие, слухи о развале фронта, о заговоре большевиков. Керенский и часть правительства сидели в Зимнем дворце под защитой караулов от школ прапорщиков.

Вскоре пришло приказание наряжать в караулы Зимнего дворца и артиллерийский взвод по очереди: от Михайловского и Константиновского артиллерийс-

ких училищ. Наше училище отправляло в Зимний два орудия и спешенный взвод юнкеров.

В караулы в Зимний попадали только «верные», настроенные непримиримо к революции, юнкера.

Было вызывающе весело идти в Зимний по «революционному» городу в виде «гидры контрреволюции»... то есть в погонах с великокняжеским вензелем, «печатать шаг» так, что шашки и шпоры всех тридцати юнкеров звякали в один такт... Перехватывать негодующие взгляды сотен новоявленных революционеров на тротуарах и чувствовать себя героем, идущим почти в одиночестве против толпы. Зимний дворец как бы дышал романтикой славного прошлого России. Особенно памяты были ночи, проведенные в этаже царских покоев, — в огромных пустых залах, где гулко отдавалось эхо шагов и голосов. Мы спали прямо на зеркальном паркете, завернувшись в одеяла, держа рядом винтовки и карабины. Ночью сменялись на дневальство попарно. В эти дни дворец был населен: рядом с отведенным под караул помещением находилось помещение сестер дворцового лазарета. Перегородка была не до самого потолка, и юнкера-казаки из «дикой дивизии» взбирались с ловкостью обезьян на перегородку и, сидя там, пытались завязать флирт с сестрами. Впрочем, казачий флирт был своеобразный, — они тянули все одну и ту же глупую песенку:

Кто достоин этой доли — обладает кто тобой...

Ах, сестрица, не грешно ли, быть хорошенькой такой...

Сестры сердились, но сделать ничего не могли, чтобы осадить «дикую дивизию».

Занятия в училище почти прекратились из-за постоянных караулов, да и не до занятий было. Все чувствовали надвигающуюся беду. Над градом Петра нависала роковая туча Октября...

В тот день, когда по Зимнему дворцу неожиданно ударили пушки «Авроры», там должен был быть караул артиллерийского взвода Михайловского училища; но еще рано утром офицер Михайловского артиллерийского училища увел михайловцев с пушками обратно в училище. Благодаря этому, мы, константиновцы, не разделили участь Школы прапорщиков и девушек из Денского батальона, остававшихся на защите дворца. Но кто знает? Если бы наши пушки были в этот день в карауле Зимнего, то не погнали ли бы они «Аврору» и не отбросили бы они картечью штурмующую Зимний дворец толпу с Дворцовой площади? Быть может, история Октябрьской революции пошла бы по другому руслу.

Начальник училища генерал Бутыркин явно оберегал юнкеров-константиновцев от вооруженных выступлений против Красной гвардии и дезертиров. Он пытался сохранить Константиновское училище от разгрома. В Петербурге повсюду избивали юнкеров, сбрасывали их с мостов в зловонные каналы. Полному разгрому подверглись Владимирское и Павловское военные училища. Многие юнкера были убиты и изувечены при защите своих училищ, хотя и Красная гвардия дорого платила за «победу». Наше училище пока не трогали. Нас считали «лояльными», вследствие какой-то хитрой дипломатии нашего начальства.

«Лояльные» юнкера с тайной надеждой прислушивались к отдаленному грохоту пушек, доносившемуся в

те дни со стороны Гатчины, откуда пытался наступать на столицу казачий корпус генерала Краснова. Скоро дальние пушки затихли и все надежды рухнули. Победивший «революционный пролетариат» в виде запасных батальонов, толп дезертиров и вооруженных рабочих возвращался под звуки оркестров нестройными, но многочисленными колоннами в Петербург, — в несчастный, заплеванной город, занесенный тучами крикливых прокламаций, разбрасываемых днем и ночью с грузовиков.

Эти прокламации крупными буквами вещали о «победе пролетариата» и о страшной опасности, угрожающей этой победе со стороны «гидры контрреволюции», состоящей из «керенцев», «корниловцев» и «калединцев»... По улицам, где редкие фонари еле светили сквозь первую снежную метель, зловеще и раскатисто звучали выстрелы винтовок...

Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер —

На всем Божьем свете.

Ночью в училище был обыск. Красногвардейцы и какие-то темные личности в штатском перерыли наши шкафчики. Искали оружие. Оружия не нашли и никого не тронули. Увезли с собой только склад оружия из цейхгауза. Училищные пушки уже давно уехали с училищными солдатами, под командой какого-то неизвестного лица в шинели без погон, на какой-то «фронт против Каледина».

В училище творилось что-то странное: юнкера собирались кучками, были возбуждены, что-то горячо

обсуждали и сразу же замолкали, если к кучке подходил кто-либо из «не своих», не кадет. Скоро я узнал, что формируется группа для переброски юнкеров-константиновцев на Дон.

Кадеты предложили и мне ехать с ними на Дон. Делом отправки офицеров и юнкеров на Дон руководил член правого крыла Думы Пуришкевич, и один из наших юнкеров, как я говорил, поддерживал с ним деловой контакт. Наши курсовые офицеры и батарейные командиры знали о «заговоре», но не отговаривали юнкеров ехать на Дон. Генерал Каледин повторил исторические слова: «С Дона выдачи нет»... Училищные офицеры ехать на Дон не хотели, — кто устал от войны, кто не хотел оставить семью и ехать в неизвестность, кто просто ни во что больше не верил и ни о чем знать не хотел.

Нельзя сказать, что организация отправки велась конспиративно: юнкера открыто нашивали донские красные лампасы на приобретенные синие штаны. Спарывали юнкерские погоны, нашивая на их место казачьи или солдатские. Юнкера должны были ехать в Новочеркасск как казаки, окончившие в Петербурге курсы пропаганды. Казачий комитет снабжал уезжавших юнкеров соответствующими документами.

Попасть на Дон некадету было довольно трудно. Из юнкеров следующего 12-го курса только 30—35 юнкеров, поступивших в училище «со стороны», попали на Дон. Надо сказать, что недоверие кадет к юнкерам «со стороны» имело некоторое основание, ибо многие из приехавших на Дон константиновцев вернулись с Дона в Петербург или в другие города России, как только положение на Дону, в Ростове и в Новочеркасске стало

для собирающихся там юнкеров и офицеров угрожающим. Среди бывших кадетов-«дезертиров», бежавших с Дона, не было. Спайка их, товарищество и сознание солдатского долга оказались изумительными: в самые тяжелые, казавшиеся безнадежными, минуты кадетская семья была единой, жертвенной, преисполненной желанием вести начатую борьбу, невзирая ни на что, до конца.

Юнкера Павловского и Владимирского военных училищ, после разгрома «пролетариатом», дезертирами и запасными батальонами их училищ, похоронив своих убитых, скрылись, разбегавшись кто куда, и поэтому наше уцелевшее от разгрома училище дало рекордную цифру «заговорщиков», — около двухсот человек. Из михайловцев приехало на Дон несколько десятков юнкеров, лишь из числа бывших кадетов.

Конечно, пришлось жалеть о том, что многие юнкера не были осведомлены в училище об отъезде на Дон и не приняли участия в начале борьбы с большевизмом. Нет сомнения, что многие из этой молодежи принесли бы в начавшейся борьбе на Дону огромную пользу.

Глава 2

НА ДОНУ

Мы выехали из Петербурга с Николаевского вокзала в снежный ноябрьский вечер. Ехали по два-три человека вместе, захватив с собою лишь самые необходимые вещи. Лезли в поезд через окна и выдержали геро-

ическую борьбу за право стоять в проходе. Света в поезде не было, давка была невероятная, но настроение у нас было бодрым и приподнятым. Однако уже из разговоров окружающих стало ясно, что мы во «враждебном стане». Какой-то рабочий с упоением рассказывал о своем участии в составе Красной гвардии в борьбе против казаков Красновского корпуса:

«Поначалу нас было поперли, а потом, как наши дадут казакам жару!..» (далее следовало непечатное ругательство).

Рабочий явно принимал нас за дезертиров с фронта и ждал нашего сочувствия и одобрения, а у нас на дне чемоданов были спрятаны юнкерские погоны с вензелем «К», шпоры, училищные значки...

Аппарат борьбы с «контрреволюцией» в эти дни только налаживался, и эта, почти открытая, переброска «контрреволюционеров» на Дон была пропущена.

Когда мы с юнкером Поповым пересаживались в Москве на вокзале в поезд, идущий на Дон, к нам подошли двое и спросили, кто мы такие и куда едем. Попов неуверенно заявил, что мы казаки и едем с фронта домой, на Дон. Они нам не поверили и спросили документы; в это время поезд тронулся, мы вскочили уже на ходу. Работники ЧК остались стоять с разинутыми ртами и не стали нас преследовать. Хорошее было время...

После Москвы, в другом поезде, стало свободнее, нам удалось в вагоне пробиться до уборной. Около нее мы и обосновались вместе с рослым, здоровым красногвардейцем, ехавшим, очевидно, из хозяйственной части тыла, так как он вынимал из своего мешка сало, резал его на большие куски и тут же их пожирал. Насы-

тившись, он начал нам рассказывать о своем участии в подавлении восстания в Москве в составе Красной гвардии. Он сообщил, что в Кремле собственноручно заколол нескольких кадетов. «Такие малолетние, а вредные»... Он искренне считал, что сделал хорошее и законное дело. Тут мне впервые пришлось услышать, как наш народ безнадежно и часто путает Конституционно-демократическую партию с кадетскими корпусами и что разъяснить это обстоятельство невозможно: «Кадет — враг народа» — и кончено. Впрочем, для большевиков это смешение понятий было весьма выгодно.

После Харькова потянуло теплом. Снега в полях больше не было. Народа в поезде стало меньше. В нашем вагоне оставались только дезертиры с фронта, возвращающиеся «до хаты», то есть домой, или делить помещичью землю».

После двухсуточного стояния на ногах в проходе удалось влезть на багажную полку и там задремать в неудобной позе.

Под утро я проснулся от радостного хохота. Оказалось, что какой-то неопрятный пожилой человек, одетый в солдатскую шинель, сидевшую на нем как «на корове седло», при свете огарка читает сгрудившимся солдатам гнусную книжонку «О любовных похождениях Императрицы с Распутиным».

В особо «пикантных» местах он повышал голос до визга. Солдаты с упоением слушали самозванца-агитатора. Большого труда стоило сдержаться! И лишь мысль о том, что мы едем на Дон и что эта наша «земля обетованная» уже недалеко и что оттуда начнется расплата и восстановление униженной и поруганной России, лишь эта мысль давала некоторое успокоение.

Проехали Ростов-на-Дону и наконец добрались до Новочеркаска. На городском вокзале мы встретили группу сотоварищей константиновцев и, приехавших немного раньше нас, михайловцев. Пошли в гору на Барочную улицу дом № 2, где находились в то время — «Штаб армии» и общежитие для приезжающих. То, что мы узнали от товарищей, было малоутешительным: «Армия генерала Алексеева» насчитывала, считая и нас, приехавших юнкеров-артиллеристов, лишь несколько сот человек. Правда, почти каждый день в Новочеркасск приезжали с фронта офицеры и отдельные бойцы «ударных батальонов», в том числе и женского. В общежитии на Барочной улице нас приняла Бочкарева, симпатичная и миловидная девушка в форме прапорщика ударного батальона. Мы ей явились, доложив о своем приезде из Петербурга. Нас накормили борщом с мясом и хлебом и дали чаю с большим куском сахара.

Вечером, к ужину, собралось около сотни офицеров, членов «Алексеевской организации»⁶, будущей Добровольческой армии. Среди них было немало боевых офицеров с фронта, с орденами и нашивками за ранения. Выделялись преображенцы — князя Хованские, измайловец — капитан Парфенов, энергичный, боевой офицер.

От них мы узнали о положении на Дону. Настроение донских казаков не в нашу пользу, они устали от войны, считают, что большевики их не тронут, и лишь атаман генерал Каледин⁷ да небольшая группа боевых офицеров участвуют в антибольшевистской политике, считая борьбу с большевиками неизбежной, и сотрудничают со штабом генерала Алексеева. Генерал Каледин не имеет вооруженной силы, за исключением

нескольких десятков офицеров, идущих за ним, да юнкеров Новочеркасского донского училища. Казаки-фронтовики разложены большевистской пропагандой не меньше русских запасных батальонов, стоящих в Ростове и Батайске; они говорят, что большевики им «братья», что они не хотят допустить «пролития братской крови». Донской войсковой круг играет в «парламент», либеральничает и закрывает глаза на развитие большевистской угрозы на Дону. Фракцией «иногородних» овладели большевики, требующие немедленного удаления с Дона собравшихся там «контрреволюционеров».

Член круга Богаевский⁸, пламенный патриот Дона, произносит зажигательные речи, стараясь пробудить донской патриотизм, политическое самосознание, гордость. Он пытается поднять Дон на борьбу против большевизма, но это ему слабо удается.

Эгоизм и шкурные интересы решительно доминируют: «моя хата с краю».

В уютном и богатом Новочеркасске, заваленном еще всеми благами прошлого — мясом, белым хлебом, фруктами и вином, всем тем, что в Петербурге уже давно только снится, — по улицам гуляют прибывшие с фронта расхлястанные дезертиры и сплевывают на тротуары лузгу. Чести, даже своим донским генералам, никто из фронтовиков не отдает.

В городе тревожно... Какие-то люди, не только ночью, но и днем, стреляют с крыш домов из винтовок, сея панику и общее беспокойство.

В середине ноября съехались все «заговорщики» из Петербурга и наша «Константиновско-Михайловская рота» выросла до 300 человек. С Барочной улицы нас

перевели в казармы на Хотунок. Мы фактически представляли собой сильную пехотную часть, вооруженную «до зубов» винтовками и ручными гранатами. Назначенный командиром этой сводной «артиллерийской роты», гвардейский капитан Парфенов придавал большое значение обучению бою ручной гранатой, но уже через несколько дней он был назначен командиром вновь сформированного «пехотного» батальона из прибывших на Барочную улицу молодых офицеров с фронта, юнкеров пехотных училищ, школ прапорщиков и даже нескольких морских кадетов и гардемарин. Этот батальон входил в формируемый отряд полковника Хованского. Наша сводная «артиллерийская рота» была переведена из казармы на Хотунке в помещение Платовской гимназии на Ермаковский проспект, близ центра города. Новым ротным командиром был назначен артиллерийский капитан Шаколи, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища. Кадровый офицер, кончивший Артиллерийскую академию, слегка суховатый формалист, строгий и придиричивый, он тем не менее был любим юнкерами за ровный и добрый характер. Он был единственным из курсовых офицеров обоих артиллерийских училищ в Петербурге (а их было не менее сорока!), решившим разделить судьбу своих воспитанников и пустившимся в «авантюру», чреватую самыми опасными последствиями.

Под командой капитана Шаколи мы почувствовали себя вновь юнкерами и вошли в прежнюю обстановку дисциплины юнкерского училища. Капитан Шаколи цукал за опаздывание из отпуска, строго требовал соблюдения общего военного порядка и чистоты, что было нелегким делом из-за скученности в помещении клас-

сов гимназии. Шаколи строго запрещал пить, курить в помещении и играть в карты.

В один прекрасный вечер капитан накрыл компанию карточных игроков, не успевших спрятать карты. Карты были конфискованы.

В спальню пришли фельдфебели и скомандовали построиться. В коридоре скоро послышался звон шпор Шаколи. «Смирно! Равнение направо!»

Капитал Шаколи долго стоял перед строем и молча смотрел на юнкеров, потом достал из кармана колоду карт и так же молча начал медленно разрывать по одной карте. Операция продолжалась минут двадцать. Виновные, однако, не были вызваны перед строем и не были наказаны.

Однажды капитан начал цукать юнкеров за нечистоту в уборных. «Разнос» продолжался добрых полчаса, пока один из «козерогов» 12-го курса, бывший студент-технолог, не попросил разрешения «доложить» и почтительно «доложил» начальству, что существуют формулы, согласно коим канализационные трубы могут обслуживать только строго определенное число людей и если эти нормы нарушаются, то засорение труб неизбежно. Спорить с инженером-специалистом было неудобно, и капитан Шаколи замял разговор, перенеся «разнос» на другие менее специальные объекты.

Капитан Шаколи, ввиду своей учебной и академической деятельности, не знал войну в действительности, а о пехотных строях и боевых развертываниях не имел представления. Поэтому наши занятия стали довольно оригинальными. Капитан-академик считал, что сводно-артиллерийской роте придется действовать

лишь на улицах городов против слабо вооруженной толпы. Очевидно, он сравнивал события наших дней с восстаниями 1905 года. Мы ходили регулярно в городской парк, обучались там залповой стрельбе, конечно без патронов, а затем бежали «в штыки». Нашим кадетам пехотный строй еще в корпусах «надоел до чертиков», и они ругались, идя на учение.

Дни шли за днями... На севере Дона поднималась грозная туча: московские партийные стратеги почували, что на Дону происходит что-то неладное. Запасные батальоны в Ростове и в других городах, по требованию большевистского центра, явно готовились к вооруженному выступлению. Шумели и новочеркасские большевики.

В тревожные ночи, когда, по агентурным данным, ожидалось их выступление, все группы «Алексеевской организации» сосредоточивались в полном боевом снаряжении на Барочной улице и там проводили большую часть ночи. Отряд представлял собой уже довольно внушительную силу — около тысячи хорошо вооруженных, идейно готовых на все бойцов.

Иногда наша рота проходила по городу с военными песнями. Это был для нас как бы парад. Тут уж наша «кадетня» старалась превзойти саму себя: маршировали, как прусские гренадеры Фридриха Великого, бросая открытый вызов революции, анархии, дезертирам и самой распушенной толпе на заплыванных лузгой тротуарах.

Выравненные штыки блестят на солнце, винтовки подняты высоко «по-гвардейски», шпоры трехсот человек мерно лязгают в такт шагу. «Смир-но! Равнение направо, господа офицеры!»

Честь генералу.. Донской генерал, очевидно в отставке, уже старичок, испуганный революцией, робко идет по тротуару, боится, как бы его не толкнули, не обругали новые господа улицы. Старик никак не думает, что это командуют ему, роняет палку, растерянно машет рукой.. Строй уже прошел, а генерал все стоит на улице и смотрит ему вслед. Слезы медленно стекают по морщинам, выжженным, быть может, еще солнцем Плевны, знойными ветрами Бухарских пустынь.

А вокруг все та же улица: «революционные» чубы, расстегнутые шинели и гимнастерки, сигарки в зубах, мятые фуражки на затылках.. Нас ненавидят и шипят вслед, бросая взгляды, полные ярости и ненависти: «Буржуи... империалисты... войну затеваете? Зачем сюда приехали? Мать вашу!.. Кадеты проклятые!..»

А тут еще юнкерская песня:

Скачет и мчится лихая батарея,

Стальные пушки на солнце блестят!

Эй, песнь моя, любимая!

Буль-буль-буль бутылочка

Казенного вина.

Справно повзводно сидеть молодцами,

Не горячить понапрасну коней...

Скоро наша Константиновско-Михайловская артиллерийская рота стала единым спаянным целым. Враждовавшие с незапамятных времен «михайловны» и «констапулы» оказались рядом в строю, рядом за столом и рядом, вповалку, на кроватях. По существу, и те и другие — бывшие кадеты, часто одноклассники и товарищи, и «вражда» носила лишь внешний характер,

вызванный традиционным соревнованием двух отличных артиллерийских училищ. Обвиняли друг друга в непонятных для постороннего человека вещах. Например, в Константиновском училище не воспрещалось ругаться, в Михайловском ругань, по традиции, не допускалась. Константиновцы издевались над «приторной вежливостью михайловцев, которые отвечали песенкой-«журавлем»:

Кто невежлив, глуп и туп —

Это юнкер констапул...

Оба училища обвиняли друг друга в пристрастии к пехоте. Константиновцы дразнили михайловцев, что те слишком усердно занимались пешим строем, что у константиновцев возбранялось.

Михайловцы допекали константиновцев черной вышкой на их погоне, говоря, что они «носят траур по пехоте». Намек был на происхождение Константиновского училища от «Дворянского полка», бывшего сто лет тому назад пехотной школой, что било константиновцев по больному месту. Константиновцы смеялись над традицией михайловцев носить шпоры на младшем курсе, что строго воспрещалось. Поэтому юнкера-михайловцы, идя в отпуск, надевали шпоры в ближайшем подъезде. Тот, кто попадался на этом проступке первым и получал арест и запрещение отпуска на месяц, тот получал от товарищей по традиции «Савельевские шпоры». Это обстоятельство упоминалось в песне константиновцев, перечислявшей «грехи» михайловцев, и в том числе «... и надевать в подъездах шпоры»... А в противоположность «убожеству» михайлонов вос-

певались собственные достоинства, на мотив «Алаверды», — «Но то ли дело — Полк Дворянский»...

Вместе же мы в тот год пели песню, названную «Молитва офицера».

После печальных строк:

На родину нашу нам нету дороги,

Народ наш на нас же, на нас же восстал.

Для нас он воздвиг погребальные дроги

И грязью нас всех закидал, —

так звучали последние слова:

...Когда по окопам от края до края

Отбоя сигнал прозвучит,

Сберется семья офицеров родная

Последнее дело свершить.

Тогда мы оружие свое боевое,

Награды, что взяты, что взяты в бою,

Глубоко зароем под холодной землею

И славу схороним свою...

А принесенная нам фронтовая песня «Туркестанских стрелков», в несколько переделанном виде, стала традиционной песней всей Юнкерской батарее:

Ликующим кликом врагам возвестили,

Что им не осилить петроградских юнкеров,

За Замок Инженерный мы им отомстили

Ударом могучих штыков...

Несчастной России несем мы свободу,

Пусть верит она добровольцам своим.

Великою клятвою русскому народу

Клянемся, что мы победим!..

26 ноября грянуло большевистское восстание в Ростове. Запасные батальоны, матросы и фабричные рабочие-красногвардейцы овладели центром города и его предместьем — Нахичеванью. В Новочеркасске распространились слухи, что красные идут на столицу Дона с целью захватить атамана и раздавить «кадетскую контрреволюцию».

Тревога... Звонят телефоны, бегают офицеры с полным снаряжением. Приказание: приготовиться «в ружье», потом «отставить». Мы спешно готовимся. Юнкера чистят винтовки, смазывают затворы. Слышно непрерывное шелкание со всех сторон. Работают молча. Получают патронташи с патронами и ручные гранаты с ударниками. Личные вещи упаковывают и относят на чердак. «Наконец дождалось... Наконец-то в бой», — таково общее настроение.

Через некоторое время приходит приказ: строиться на улице в полном снаряжении в походную колонну. Все бегут по лестнице вниз, словно боясь опоздать, кому-то второпях чуть не выкололи глаз штыком. На улице строятся, офицеры на местах. Шаколи, с шашкой и полевым биноклем, становится в голове колонны и протяжно, не по-пехотному командует: «Шаагом маа-рш!»...

Винтовки на ремень, колонна движется быстро на Барочную улицу. Там суматоха большого штаба. Артиллерийская рота вытянулась вдоль тротуара и уже дольше часа ожидает дальнейших приказаний. Наконец появляется довольно улыбающийся капитан Шаколи и радостно кричит: «Построиться! Домой!»

В ответ слышен скрытый ропот, но колонна, конечно, послушно строится и поворачивает обратно в Пла-

товскую гимназию. Там следует приказ: собраться в зале. Мы узнаем, что не кто иной, как капитан Шаколи уговорил командование оставить артиллеристов в Новочеркасске, а на Ростов направить лишь отряд полковника князя Хованского, который уже рано утром отправился поездами на Ростов — Нахичевань.

Негодование против капитана Шаколи еще более усиливается, когда он произносит в зале небольшую речь, уговаривая юнкеров не горячиться: «Воевать вы еще успеете, не забывайте, что вы артиллеристы, специалисты, которых надо беречь, а не бросать сразу же в огонь... Такого материала здесь не много». Очевидно, он то же самое говорил и генералу Алексееву и настоял на отмене приказа идти на Ростов. Однако на другой день в Платовской гимназии становится известным, что отряд полковника Хованского потерпел неудачу под Нахичеванью, отступает на Новочеркасск и что уже решено послать Юнкерскую артиллерийскую роту под Нахичевань-Донскую.

Капитан Шаколи печален. Теперь поход неизбежен. Повторяется вчерашнее: Михайловско-Константиновская сводная артиллерийская рота строится в полной боевой готовности перед Платовской гимназией. Больных — нет. Дух бодрый, настроение воинственное, но не у начальства, настроенного довольно мрачно. Патронташи набиты до отказа, ручные гранаты на поясах, юнкерские фуражки заменены у многих донскими папахами. Погоны почти у всех юнкерские с вензелями «М» или «К». Капитан Шаколи вышел в офицерской шинели мирного времени, перепоясанной новым поясом и наплечными ремнями. У него шашка и артиллерийский бинокль. Команда: «Смирно! Равнение на се-

редину!»... «На молитву!» Все снимают фуражки и крестятся. Невольно мелькает мысль: «Кто-то ведь не вернется назад»... — «Накройсь!» Краткое напутственное слово, потом: «Правое плечо вперед! Шагом марш! Прямо!»

Колонна идет теперь по Ермаковскому проспекту вниз, мимо собора, прямо к вокзалу, где уже приготовлены вагоны. Кто-то из первого взвода спрашивает Шаколи: «Господин капитан, разрешите петь?» Шаколи поворачивается: «Нет, петь будем, когда будем идти назад... с победой».

Все призадумались, идут молча. Народ с тротуаров наблюдает за колонной. Никто не приветствует и не благословляет идущих в первый бой, на защиту донской столицы. Вот городской собор в византийском стиле, дальше крутой спуск к вокзалу. Идет редкий снежок, из степи дует холодный ветер, небо серо и уныло.

На первом пути стоит длинный эшелон, состоящий из вагонов 3-го класса, вагоны разделены для каждого взвода. Посадка... Поезд стоит уже больше часа. Темнеет. Вагоны не освещены. Оказывается, железнодорожные бригады отказались везти поезд с юнкерами «для подавления революционного пролетариата». Некоторые машинисты сбежали, и их тщетно ищут, иные упорствуют и не поддаются никаким уговорам. Спустилась ранняя ноябрьская ночь. Все тихо сидят во мраке. Некоторые юнкера заснули. При каждом движении сталкиваются и позвякивают штыки. На платформе слышны голоса: «Передать по вагонам: есть ли среди юнкеров бывшие студенты-путейцы?» Вот когда пригодились «шпаки» и «козероги»...

После долгих поисков нашли двух студентов-путейцев первого курса — Раскина и Фишера, юнкеров 12-го курса. Их тащат с торжеством на паровоз. Практически они, однако, весьма неопытны. Начались толчки да рывки. Вперед... назад... стоп... рывок. С полок летят винтовки и патронташи. Так долгие часы во мраке... После ряда попыток им все же удалось двинуть поезд с места. Часам к трем ночи еле-еле дотащились до станции Аксай. На платформе слышались оживленные голоса. Оказывается, на станции Аксай стояли эшелоны полковника князя Хованского и капитан Парфенова. Отряды: офицерский, юнкерский и морской-гардемаринский были накануне отбиты с потерями от Нахичевани и теперь отошли к Аксаю, везя с собой раненых и нескольких убитых. Встреча в Аксае была невеселая. Отступившие рассказывали, что большевиков не менее тридцати тысяч и они двигаются к Новочеркаску.

От этих рассказов стало как-то не по себе. Тягостное предчувствие не давало спать. Я вышел на платформу с другими юнкерами. На платформе горел большой костер, а у костра какой-то офицер из отряда Хованского советовал вновь прибывшим строить из шпал, мешков земли и рельсов «блиндированный поезд». Времени, однако, больше не было. Прозвучал приказ: «По вагонам!» — и поезд двинулся малым ходом дальше к Нахичевани, навстречу врагу.

Рассвет, серое утро... Довольно большая станция — Кизитиринка. На станционной платформе выстроилась Юнкерская артиллерийская рота. Холодно. От бессонной ночи дрожишь и зубы выбивают барабанную дробь. От Кизитиринки верстах в десяти Нахичевань-Донская, вокзал и предместья Ростова. Там — враг. Направо

от станции — подъем в гору, где дома станицы Александровской, налево, под откосом, течет Дон — черная вода в белых, снежных берегах. В степи повсюду черные прогалины пахоти. Далеко видны стога сена, за которыми двигаются крошечные черные фигурки. Оттуда, а также со стороны станции Нахичевань, слышны редкие, но довольно близкие выстрелы. Впереди — застава казачьего отряда полковника Попова.

Скоро появляется полковник Попов, высокий, чернобородый казак, здороваается с капитаном Шагали и уводит его в станционное здание на совещание. В это же время сестры милосердия приносят юнкерам хлеб и чайную колбасу. Аппетита нет, но, как-то автоматически, все же ешь. Раздается команда «Становись!» — это вышел капитан Шаколи. Взводы артиллерийской роты получили направление — расходятся рядами. Наш первый взвод идет направо от полотна, по канаве, в направлении Нахичевани.

Не прошли и полкилометра, как просвистели первые пули. Звук был высокий, нежный и не страшный. Всем стало весело. Жизнерадостный юнкер Неклюдов, из бывших доцентов, начал шутить. Никакого противника больше не видно, так как впереди гребень возвышенности, а на гребне железнодорожная будка. Чем ближе к будке, тем чаще свистят, уже не на излете, пули. Команда: «Стой!» Молодой офицер-кавказец, нас сопровождающий, идет к будке и, стоя там под градом пуль, рассматривает в бинокль противника. Его белый башлык развеивается по ветру. Вот он бежит назад... Взвод разбивается по отделениям и начинает двигаться направо по улицам станицы, оставляя позади железнодорожное полотно и поезд. Первый взвод собирает-

ся около двух огромных стогов сена, на другой окраине станицы.

Противник заметил, очевидно, движение на краю станицы, стрельба участилась, пули свистят непрерывно. Некоторые юнкера побледнели и жмутся к стогам, другие, наоборот, бравируют, шутят, подсмеиваясь друг над другом. Капитан Шаколи вскарабкался на большой стог соломы и установил там большую артиллерийскую трубу. Видимо, собирается командовать ротой, как багареей.

«Первый взвод! От середины по линии в цепь! Бегом!» Это нам. Сопровождающие нас пехотные офицеры командуют, и мы, уже не обращая внимания на пули, бежим вперед, перелезая невысокие станичные заборы, через огороды и фруктовые сады. Хочется, как можно скорее, увидеть противника и начать стрелять. У последних сараев перед нами открывается вид: заводы Нахичевани как на ладони. Перед заводами — густые цепи красных. Позади нас звонко бьют две трехдюймовки. «Наши — казацьи!» — кричу юнкеру Прохорову. Смотрю вперед и вижу, как облачка пристрелочной шрапнели медленно плывут над фабричной трубой. Впереди, правее, видны казаки-пулеметчики, начавшие строчить по красным; еще правее, между крайними домами, видны шинели продвигающихся юнкеров первого взвода.

В это время слышу какое-то близкое щелканье и ощущаю сильный удар, словно камнем в правый бок. Тупая боль и ощущение проникновения постороннего предмета куда-то в глубину тела. «Ранен!» — говорю Прохорову и роняю винтовку. Прохоров помогает мне подняться, и мы медленно бредем назад. Все стало как-

то безразлично и серо кругом. Как во сне, вижу казаков у патронных двуколок, стоящих за домами. «Как трудно перелезть через заборы!» Подвезли арбу с соломой, куда меня и положили. На ту же арбу положили и другого раненого юнкера, михайловца Малькевича, поддерживавшего перебитую у плеча руку и громко стонавшего. Мы с ним были первыми ранеными юнкерской артиллерийской роты. Нас повезли на перевязочный пункт, около станции. В воздухе низко что-то прошуршало, и впереди, совсем близко, раздался взрыв. То канонерская лодка «Колхида» открыла с Дона огонь по расположению нашего отряда. Передовой перевязочный пункт находился на железнодорожной будке, близ Аксая, почти на линии ружейного огня и под обстрелом «Колхиды». В будке работали лишь две молоденьких сестры и студент-санитар. Раненых в будке было только трое: юнкер Малькевич, я и юнкер из казачьего Новочеркасского училища. Других раненых везли, очевидно, прямо на Аксай. Казачий юнкер был тяжело ранен: пуля вошла в плечо и вышла около позвоночника в нижней части спины. Раненый стонал и обливался кровью. Перевязка тотчас же намокала. Сестры от него не отходили. Стонал и юнкер Малькевич. Сестры все внимание обращали на стонущих, а меня принимали за легкораненого, и когда, уже под вечер, пришла из Аксая повозка, в нее уложили Малькевича и юнкера-казака. Сестры говорили, что впереди никого из наших нет и красные близко. Они ушли вместе с повозкой, сказав, что пришлют повозку и за мной. Остался лишь санитар-студент.

Пришла ночь, а повозки все не было. У меня начался сильный жар. Студент предложил идти на станцию

пешком, так как дальше оставаться было опасно. Мы пошли по шпалам обнявшись. Слепое ранение в бок почти не причиняло мне боли, но в жару я все время говорил. Трудно сказать, сколько времени мы шли, но мы добрались до станции Кизитиринка. В зале станции сидели и лежали какие-то казаки с винтовками, не то отступившие, не то пришедшие на поддержку. Тут стало известно, что наше наступление на Нахичевань отбито красными. Через некоторое время какие-то люди подняли меня и положили прямо на пропитанную навозом солому в вагон. Но просто лежать было уже хорошо.

Теплушка долго прыгала по стрелкам взад и вперед и наконец остановилась. Дверь распахнулась, ворвался свет. «Аксай! — крикнул кто-то. — В санитарный поезд!» Меня опять подняли и понесли. В санитарном поезде уже было светло, тепло и уютно. На время пришло забыть.

В эту же ночь поезд пришел в Новочеркасск, где раненых уже ожидали санитарные машины. Нас быстро провезли по тополевой аллее мимо собора и памятника Ермаку. Улицы в поздний час были пусты, над головой — ночное небо и яркие вечные звезды.

Таков был мой первый бой и печальное возвращение... На узкой улице машина остановилась. Над лампой виднелась вывеска: «Больница Общества донских врачей». «Еще раненые! — раздался женский голос. — Санитары, давайте носилки!»

Высокая температура держалась долго, мой организм отчаянно боролся со смертью. Наконец из раны прорвался гной и появилась надежда на возвращение к жизни. Добровольная сестра милосердия, дочь Верхов-

ного главнокомандующего генерала Алексеева, Клавдия Михайловна Алексеева, была моим «ангелом-хранителем», дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на нее, верилось в лучшее будущее и в конечную победу. Ее младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремленная, готовая жертвовать всем для раненого, — просиживала ночи над тяжелораненым юнкером Малькевичем, стараясь его спасти. Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна. Красавица-блондинка с изумительно нежной кожей и очаровательной улыбкой, открывавшей жемчуг ровных зубов. Ее муж морской офицер, приезжал из Петербурга в Новочеркасск, чтоб взять ее с собой в Петербург, где он был преподавателем Морского училища, но она категорически отказалась, после чего их дороги разошлись. Наталья Лавровна не скрывала, что она республиканка: «Как и мой папа», — говорила она, улыбаясь. Эти ее слова приводили в ярость лежавших в нашей палате двух гардемарин Морского училища Сербинова и Клитина, ярых монархистов, из коих один был ранен пулей в ключицу, а другой притворялся контуженым, явно не имея намерения вновь попасть под пули. Оба жаловались Клавдии Михайловне и просили ее устроить так, чтобы Наталья Лавровна за ними больше не ухаживала. (Уже тогда намечался раскол среди приехавших добровольцев, делившихся идейно на «монархистов» и «республиканцев», ожидавших приезда генерала Корнилова.)

Ростов был взят после упорного боя и появления в красном тылу добровольческих частей и пластунов из

Екатеринодара. Тридцатитысячная Красная армия панически бежала на север и северо-восток. Наша сводно-артиллерийская рота потеряла несколько человек: юнкер Баранов был убит наповал пулей в голову, от легкой раны в ногу скончался юнкер Неклюдов, блестящий доцент-юрист, идейно приехавший на Дон. Он заразился столбняком и через несколько часов умер. Умер от пулевого ранения в живот и юнкер-константиновец Певцов. Тяжело ранены были юнкера: Малькевич, Газенцер и я. Было еще несколько более легко раненных юнкеров, которых отправили в другие лазареты. У новочеркасских казачьих юнкеров было около десяти убитых и несколько раненых.

Отпевание убитых юнкеров состоялось в новочеркасском соборе. На этот раз Новочеркасск всколыхнулось. Многие осознали, что среди убитых была и своя, казачья молодежь, кроме того, дело шло о защите Дона и столицы от какой-то враждебной Дону чужой силы. Народу на похоронах было много. Генерал Алексеев произнес исключительную по силе речь, во время которой обратился в сторону лежащих в гробах: «Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали?» Присутствующим в церкви казакам-фронтовикам стало не по себе...

Однажды вечером зашел ко мне в палату капитан Шаколи, сел рядом с кроватью и посмотрел мне в глаза добрым и глубоким взглядом. Я не узнал в нем строгого, требовательного начальника. Он взял мою руку и тихо сказал: «От лица службы — спасибо за все... Спасибо за пролитую кровь».

В лазарет часто приходили товарищи-юнкера, вернувшиеся после взятия Ростова снова в Платовскую гимназию, и рассказывали все последние новости. От

них я узнал, что несколько юнкеров из бывших гимназистов и студентов, после боя под Ростовом, уехали тайком на север — домой. Среди уехавших был и мой гимназический товарищ. Не устояли и не поверили. По слухам, юнкерская рота должна была получить пушки и стать наконец настоящей батареей. Рассказывали и об успешных формированиях донских партизанских отрядов, большей частью из учащейся молодежи. Называли имя есаула Чернецова, творившего чудеса храбрости, главным образом на железных дорогах Донецкого бассейна.

Довелось мне увидеть в лазарете и троих глубоко уважаемых мною людей. Посетил нашу палату бывший Верховный, начальник Штаба Государя, генерал Алексеев. Очевидно, дочери ему успели подробно рассказать о раненых, ибо он обращался к каждому как к знакомому, спрашивал о здоровье, о настроении, об училище.

Старый Верховный главнокомандующий российской армии производил огромное впечатление умом, своим обращением, дружеской непринужденностью. Пришел к нам и другой герой российской армии — генерал Корнилов⁹. Легендарная фигура «Быховского пленника», начальника железной 48-й дивизии, беглеца из австрийского плена, создателя ударных корниловских батальонов, не могла не вызывать у меня уважения и даже преклонения. Наталья Лавровна давно уже это заметила и обещала мне привести к нам в палату своего отца. Было заметно, как она им гордится. Выйдя однажды, при помощи костылей, в коридор, я увидел перед собой человека невысокого роста в бараньем полушубке и в высокой шапке. Лицо его было

загорелым и немного морщинистым от солнца и ветра. Черные, узкие, «монгольские», глаза смотрели прямо и пытливо. С первого же взгляда я узнал «Быховского пленника». Мои костыли упали на пол. Он помог мне их поднять.

«Откуда вы меня знаете? — спросил он. — Вы были под моей командой?» «Нет, — сказал я, — но ведь вас вся Россия знает!» Он улыбнулся и спросил, какого я училища, где и когда ранен. Конечно, я был счастлив, что смог поговорить с генералом Корниловым лично.

Приходил и генерал Каледин — тоже историческая личность. Генерал Каледин обошел нашу палату и разговаривал с каждым раненым. Он говорил мягким голосом и сразу же располагал к себе каким-то внутренним пониманием. Одно в нем поражало: он ни разу не улыбнулся. Атаман Дона, очевидно, смотрел дальше в будущее, чем все мы, уже тогда видел и конец Дона, и свой конец.

За время моего отсутствия в моей части произошли некоторые события. На Новый год был устроен в «Артиллерийской роте» торжественный банкет, на котором присутствовал только что прибывший в Новочеркасск генерал Марков¹⁰ — начальник «Железных стрелков». На этом банкете произошло торжественное примирение «михайлонов» и «констапулов» и вынесено решение: покончить с традиционной враждой. Пили много вина, обнимались...

Молодой генерал Марков произнес яркую и полную значения речь: «... Не надо тешить себя иллюзиями. Нам предстоит страшная борьба, и не многие увидят ее конец... Нам самим, для себя, ничего не надо!..» Помолчал и крикнул: «Да здравствует Россия!»

В этот вечер кадетская традиционная песня «Братья, все в одно моленье души русские сольем»... имела глубокий смысл, и не было никого, кто бы этого не осознал всей душой и не произнес бы внутренне клятву верности — идти до конца.

Слова генерала Маркова начали быстро оправдываться: с первых дней января 1918 года началась на Дону борьба не на жизнь, а на смерть: Совет народных комиссаров в Москве учел опасность зарождения на Дону Добровольческой армии и бросил туда сотни опытных пропагандистов и шпионов, отряды латышских стрелков и отборные отряды красновардейцев из обеих столиц. Кроме того, углекопам-коммунистам из Донбасса было роздано оружие и дано предписание нажать на Ростов и на Таганрог. С востока поднялись рабочие из Царицына против донского атамана. С севера двигались на Новочеркасск распропагандированные казаки с фронта, в бой с гвардейской батареей. С юга двигалась на Дон оставившая турецкий фронт 39-я дивизия, разложенная большевистскими ячейками. Кроме того, для большей устойчивости прибыли отряды ЧК из матросов, пленных венгров и китайцев.

Наши юнкера участвовали в разоружении запасных батальонов Новочеркаска, обошедшемся без крови. Артиллерийская рота была расформирована и превращена в батарею. Одно орудие взяли в Донском музее. Неизвестно, почему оно там стояло. Говорили, что его иногда брали для салютирования на похоронах оставших генералов. Это орудие, названное у нас «Первым», сыграло большую роль. Из него было произведено несколько тысяч выстрелов, и отличалось оно большой точностью боя. Второе орудие было куплено у каких-то

солдат, и два орудия были захвачены вместе с лошадьми, упряжью, зарядными ящиками и телефонными аппаратами на станции «Атаман» в 40 верстах от Новочеркаска, где стоял запасный дивизион 39-й артиллерийской бригады. Юнкера произвели на станцию лихой налет, окончившийся полным успехом; при этом не было произведено ни одного выстрела и не было пролито ни капли крови.

Капитан Шаколи был переведен на другую должность, а на его место, командиром Первой батареи, был назначен подполковник Миончинский — Георгиевский кавалер, заслуженный командир дивизиона с фронта. Одновременно пришли в Первую батарею: донской артиллерист капитан Князев, полковник Менжинский, штабс-капитан Шперлинг, поручик Давыдов. Батарея была разбита на взводы и участвовала на всех фронтах обороны Дона.

В эти дни на Дону проявлял большую доблесть партизанский казачий отряд есаула Чернецова¹¹, сформированный из донских кадетов, юнкеров, семинаристов и офицеров-добровольцев (30 ноября 1917 года). Наши орудия часто сопровождали этот лихой отряд, действовавший в районе: Глубокая, Лихая, Каменская, Миллерово, Дебальцево... Сплошного фронта в то время не было. Война имела железнодорожный характер. Воевали поездами: впереди платформа с пушкой и пулеметами, позади вагоны с группой партизан, которые в начале боя выскакивают из вагонов и, рассыпавшись в цепь, атакуют красных. Идет встречный бой.

Есаул Чернецов с успехом применял собственную партизанскую тактику. Он с малой группой выходил в тыл скопления Красной гвардии у одного из железно-

дорожных узлов, оставляя часть группы на железной дороге с фронта. На рассвете он атаковал красных одновременно с фронта и с тыла. Тысяча красногвардейцев и матросов, латышей и китайцев в панике бежали в разные стороны от двухсот партизан-мальчишек — «чернецовцев», бросая свои поезда с десятками вагонов с богатой награбленной добычей. Партизаны-юнцы интересовались брошенным оружием да сладкими консервами, офицеры пробовали иногда и вина из погребов Зимнего дворца, коими была в изобилии снабжена отборная гвардия Ленина и Троцкого.

В январе 1918 года есаул Чернецов был через чин произведен Донским войсковым кругом в полковники и продолжал успешно защищать Донскую область по железным дорогам.

Ячейки Добровольческой армии начали развиваться и крепнуть. Кроме Юнкерского батальона, сформировался Студенческий батальон, Офицерский батальон и «Дивизион смерти». С фронта прибыли на Дон, правда сильно поредевшие, части Корниловского ударного полка и в Ростове и Новочеркасске получили пополнение из добровольцев.

Но настал печальный день: большевистский штаб предпринял маневр против отряда Чернецова, используя для этого своих же казаков-изменников из станции Каменской. Войсковой старшина Голубов и подхорунжий Подтелков взяли на себя задачу, с несколькими сотнями и гвардейской батареей, неожиданно охватить «чернецовцев» с тыла. В то же время изменники из казаков следили за передвижением «чернецовцев» и сообщали о нем большевикам. Большевики успели сосредоточить к месту обходного удара «черне-

цовцев» несколько орудий и пулеметные команды и встретили партизан непривычно сосредоточенным огнем. Хотя взвод наших орудий поддерживал наступление «чернецовцев», на этот раз оно не имело успеха. Бой затянулся, патроны и снаряды были расстреляны. Надо было отходить к главным силам, признав неудачу. Во время отхода отряд Чернецова и был неожиданно атакован сотнями Голубова с гвардейской батареей. Когда оставшиеся еще снаряды партизан были расстреляны, красные подвезли пулеметы и начали в упор расстреливать партизан. Чернецов крикнул, что он сдается казакам. Партизаны и юнкера были окружены казаками и направлены к месту расположения красных. Самого Чернецова, раненного в ступню, посадили на коня. Подтелков ехал с ним рядом. Неожиданно Чернецов ударил Подтелкова кулаком в лицо и крикнул юнкерам и партизанам: «Дети, бегите!» Все бросились врассыпную и многим удалось скрыться под покровом наступивших сумерек. Сам Чернецов вырвался было вперед, но Подтелков был на лучшем коне — он догнал донского героя и зарубил его шашкой.

Многим юнкерам удалось бежать, но те, кто был пойман, были забиты насмерть шпалами на железнодорожном полотне. Там были кадеты и петербургские гимназисты, среди них и мой товарищ по гимназии — Павлов. Некоторые юнкера успели ускакать на уносах во время конной атаки казаков Подтелкова. Два орудия пришлось бросить, но замки и панорамы юнкера успели снять и потопить в яме глубокого ручья.

Убийство полковника Чернецова, 20 января, послужило сигналом к общему наступлению красных на Дон.

Добровольцев начали теснить в направлении Ростова и Таганрога. Донцы тоже отходили к Новочеркасску, со смертью Чернецова у них, видимо, упал дух борьбы против красных, во много раз превосходящих их силами.

В больницу Общества донских врачей вновь привезли нескольких наших юнкеров, среди них юнкера Бахмурина, раненного в ногу. Раненых привозили со всех «фронтов» и многие из них говорили: «Что мы можем сделать, мы идем цепочками по тридцать человек в атаку против десятков тысяч красных?!»

Настали морозы. Снега запорошили донские степи. Купол византийского собора побелел. На высокой шапке Ермака лежал снег. Вороны стаями летали над городским парком и, каркая, как бы накликали беду. Снова пришла плохая весть: группа наших юнкеров, направленная, с целью взрыва важного моста, на царицынском направлении в тыл большевикам, была окружена красными и после отчаянного боя, чтобы избежать плена, взорвалась в вагоне, где оборонялась. Никто из этой группы не спасся. Вечная им память.

Морозные узоры разрисовали окна больницы, в длинных коридорах было как-то особенно тоскливо. Изредка, как светлая тень, прошмыгнет сестра в белой косынке, простучат костыли раненого, и из-за двери палаты послышится стон или бред. В палате № 3 умирает юнкер Малькевич по прозвищу Сингапур. Он стройный, смуглый. Зубы у него белые, как слоновья кость, и похож он на детей тех далеких стран, где всегда светит солнце, где пальмы тянут свои узорные листья к синему небу. Поэтому кадеты, его товарищи, и дали ему прозвище Сингапур. Как странно это имя в зане-

сенных снегами степях, где царит пурга, каркают вороны и медленно, но верно, продвигает свои зловещие, неумолимые полчища «торжествующий хам».

Малькевич мучился почти месяц. Долгий месяц бессонных ночей, тоскливых дней, бесконечной боли... И вот сегодняшнее серое, морозное утро — последнее в его короткой восемнадцатилетней жизни. Капитан Шаколи просидел всю ночь у изголовья умирающего мальчика и сейчас стоит у окна, глядя на уголок серого неба, и соскребает ногтем морозный узор. В коридоре, у двери палаты № 3, рыдает сестра Вера, глухо и безутешно. Со всем мужеством и энергией, унаследованной от отца, генерала Алексеева, она пыталась отстоять юнкера у смерти. И вот — напрасны все усилия, бессонные ночи, нервное напряжение. Сколько раз возникали радостные надежды и столько раз они сменялись отчаянием.

За окнами лазарета — тревога... Новочеркасск в кольце. Скупые строчки официальных газетных сводок все чаще называют станицы и станции под самой донской столицей.

— «Пушки гремят под Сулином!» — так начинается одно из последних воззваний атамана к казакам, уговаривающее их взяться наконец за оружие и стать на защиту родного края.

Морозный степной ветер треплет расклеенные по городу афиши-призывы, разносит по улицам печальный звон колокола с высокой соборной колокольни и мотивы похоронных маршей...

Теперь не проходит дня, чтобы не звучал печальный колокол, не гремели бы торжественные звуки похоронных маршей, чтобы не привозили в гробах юнке-

ров, кадетов, гимназистов, прапорщиков, сотников и хорунжих и не опускали бы их в могилы вновь основанного в Новочеркасске «Партизанского кладбища». Везут их со всех «фронтов»: с Шахтной, Горной, из-под Сулина и Матвеева кургана, отовсюду, где гремят пушки, дымят бронепоезда, строчат пулеметы, не смолкает оружейная стрельба, где редкие, последние цепи юнкеров, кадет и партизан еще удерживают полчища красных.

Сегодня разнеслась весть, что донской атаман Каледин застрелился в своем дворце. Он покончил с собой, когда убедился, что казаки не хотят защищать свой край, — он отказался уходить из столицы вместе с верными казаками и Добровольческой армией. Атаман Всевеликого войска Донского не мог оставить свой пост.

Смерть атамана, рыцаря долга и чести, заставила многих казаков одуматься, но повернуть ход событий не могла. Большевистские части, вместе с казаками-изменниками, подступали с севера к Новочеркасску, с запада и с юга — к Ростову.

В начале февраля я оставил лазарет и присоединился на станции Ростов к Юнкерской батарее. Уже на другой день мы вышли с пушкой на платформе навстречу красным — в Батайск. В батарее я узнал о трагической гибели батарейного фельдфебеля портупей-юнкера Шперлинга, упавшего случайно с площадки под колеса вагона. Рассказали мне и о гибели другого фельдфебеля Юнкерской батареи, которого я не знал. Этим фельдфебелем была молодая девушка — княжна Черкасская. Однажды во второй взвод батареи явилась высокая, красивая девушка в кавалерийской шинели и сказала, что она — княжна Черкасская, что недавно большевики

убили ее отца, мать и брата и что она хочет быть добровольцем, ездит отлично на лошади и стреляет без промаха. И вот в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смышленным, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Матвеевым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина. Снежная пыль взметалась от пуль, воздух был насыщен свинцовым градом... Сраженная наповал, она упала на снег без стопа, — прекрасная русская девушка, мстившая за свою семью и за поруганную родину. Имя ее чтилось в синодике Юнкерской батареи впоследствии в бригаде генерала Маркова.

Глава 3

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

После боя за Ростов, в коем приняла участие и Юнкерская батарея, состоялось совещание нашего командования. Было решено оставить Дон и, сохраняя армию от уничтожения, отвести ее в Задонские степи и на Кубань¹². В эти февральские дни выглянуло солнце, и со стороны Азова задул теплый южный ветер.

Снег в степи быстро таял. Лед на Дону почернел, и на льду выступила вода. Переправлять через лед артил-

лерию и обозы было трудно. Переправа через Дон происходила около станции Аксай в направлении станицы Ольгинской. В станице сосредоточились все отдельные части, образовав армию генерала Корнилова, ибо только он мог с успехом вести организационную работу и боевые операции. Со всех «фронтов» собралось около четырех тысяч пехотинцев и около тысячи конных, четыре трехдюймовых орудия, большой обоз раненых, опасавшихся оставаться на Дону, и еще более значительный обоз гражданских — политиков и беженцев.

В станице Ольгинской из отдельных групп и отрядов были созданы полки.

26 февраля 1918 года армия генерала Корнилова, с трехцветным национальным флагом впереди, двинулась через задонские станицы, держа направление на Ставрополье; за ней тянулся, обременяющий все ее маневры, обоз раненых и гражданских лиц. Этот день — 26 февраля — надо считать первым днем Первого кубанского, генерала Корнилова, похода.

Юнкерская Первая батарея, несмотря на большие потери и испытания во время «рейдов» есаула Чернецова и боев на таганрогском направлении, под начальством подполковника Миончинского, оказалась в блестящем порядке. Юнкера были бодры и веселы. Боевая страда на Дону их закалила и спаяла в единую семью. Внешний вид юнкеров изменился. Юнкерские шинели сохранились не у всех, у кого порвались, у кого пропали. Преобладали овчинные казачьи или солдатские полушубки, у кого-то были и простые солдатские теплые куртки. Головные уборы были также различные, большей частью армейские или казачьи папахи. Шпор не было почти ни у кого. Ремни порвались

и шпоры утонули в жидкой грязи. Шашки сохранились только у разведчиков, остальные побросали их за ненадобностью. Шашку заменила винтовка или карабин. Обувь была у большинства изношенная или новая солдатская. Но самое существенное изменение у юнкеров заключалось в исчезновении любимых юнкерских галунных погон с великокняжескими вензелями — «М» и «К».

26 февраля 1918 года все юнкера Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ были произведены приказом генерала Корнилова, ставшего главнокомандующим, в прапорщики.

В тот же день юнкерские погоны были сняты и так как офицерских галунных достать было, конечно, невозможно, на солдатских суконных погонах химическим карандашом проводили по середине погона черту и рисовали звездочку. Впрочем, весь Кубанский поход все старшие офицеры продолжали считать нас за юнкеров и командовали как батарейными солдатами. Школа была тяжелая, но люди, ее прошедшие, действительно получили боевую закалку.

Новые прапорщики — офицеры «Первого легкого артиллерийского дивизиона» — как была переименована Юнкерская батарея, все, без исключения, были на должностях солдат: «номера», ездовые, фейерверкеры, разведчики, телефонисты, пулеметчики. Из тех, кому не осталось должности в батарее, был сформирован «пеший взвод». Обязанностью «пешего взвода» было прикрытие батареи, когда впереди не было пехоты. Такие случаи бывали в Кубанском походе довольно часто. Над «пешим взводом» в батарее порою смеялись, рассказывая, что командир батареи, подполковник

Миончинский, увлекаясь иной раз преследованием бегущих большевиков, командовал взявшимся в «передки» орудиям: «Рысью марш!» «Пеший взвод вперед!» Но, несомненно, что-то подобное бывало. «Пеший взвод» должен был иногда гнаться за ускокавшей вперед батареей, утопая в вязком кубанском черноземе, и слушать при этом нелестные, непечатные эпитеты подполковника, считавшего «пеший взвод» легкой кавалерией.

Когда через несколько суток похода по кубанским степям у многих развалилась обувь и ноги были стертые до ран, «пеший взвод» уныло плелся позади, часто не поспевая к решающей схватке. Однако у юнкеров «пешего взвода» были и преимущества: им не надо было поить, кормить и чистить коней, как «ездовым», и вставать на два часа раньше батареи; им не надо было стоять ночью часовыми в оружейном парке, как это приходилось «номерам». В походе мы всегда недосыпали, и поэтому лишний час сна имел большое значение.

Когда армия проходила Задонские станицы, большевики почти не наседали, но после взятия села Лежанка, когда армия Корнилова повернула в направлении Екатеринодара, навстречу армии генерала Эрдели, большевики не давали нам передышки. Днем приходилось пробиваться из окружения, а ночью уходить дальше.

Время сна ограничено тремя-четырьмя часами, а часто и того меньше. Почти всегда в три часа утра подъем и выступление. Ездовому надо встать еще на час раньше, чтобы успеть напоить и накормить пару коней. В станице — грязь по колено. Ночь холодная,

колодцы глубокие, а веревка обледенелая, грязная, скользкая. Пока достанешь несколько ведер... После боя и сорокаверстного перехода — ломящая усталость. И после короткого сна она не проходит. Настроение злое, унылое. Невыспавшиеся старшие офицеры ругаются крепкими словами по ничтожному поводу, особенно если, недружно взявши с места, кони запутаются в построениях и сделают заступку. «Заступка» — это большое преступление ездового; а в полной темноте и в глубокой грязи сделать ее весьма легко.

Наконец тронулись к сборному пункту. Слышно, как месят грязь пешие роты, повозки стучат колесами, чавкают по лужам и грязи сотни конских копыт, повсюду слышны крики: «Какой части?!» — «Отряд генерала Боровского!»... — «Где отряд полковника Колосовского?»

...Чуть светлеет. «Стой! Слезай!» Теперь надо ждать больше часа подхода и сбора всех частей. Холодно! Наша молодежь возится друг с другом, греются. Становятся в кружок и запевают песню, чаще всего: «Настал универсальный век: прогресс и время все меняют...» или «Ермака» — «Ревела буря, дождь шумел»...

Вот скачет конный от штаба генерала Корнилова, ищет командира батареи и что-то ему докладывает. Командир садится на свою вороную кобылу: «По коням! Ездовые садись! Пулеметная двуколка вперед! Шагом ма-а-рш!» Если «пулеметная двуколка вперед» — это значит будет бой. Уже светает. Скоро взойдет солнце.

Идет наша пехота: «Офицерский батальон», надевший черные погоны, траур по России, под командой генерала Маркова, «Корниловский ударный полк» с черно-красными погонами, под командой полковника

Неженцева¹³. Цвет погон создан еще на фронте «Дети генерала Боровского» — так зовут Ростовский студенческий, Юнкерский батальоны, и Партизанский батальон генерала Богаевского — остаток донских «партизан» из отрядов есаула Чернецова и Семилетова. Все эти части уже имеют свое боевое прошлое. Они идут в атаку, не останавливаясь и не ложась под огнем красных.

В корниловском Кубанском походе постепенно и незаметно образовывались боевые традиции и походные песни.

Корниловцы взяли слегка заунывный, но боевой, чисто славянский мотив сербской военной песни, так как в составе ударного полка были сербские офицеры-добровольцы, постоянно певшие боевые песни-марши

Пусть кругом одно глумленье,

Клевета и гнет.

Нас, корниловцев, презренья

Черни не убьет.

Мы былого не жалеем,

Царь нам не кумир,

Лишь одну мечту лелеем

Дать России — мир

Верим мы. близка развязка

С чарами врага,

Упадет с очей повязка

У России, да!

Русь поймет — кто ей изменник,

В чем ее недуг,

И что в Быхове не пленник

Был, а — верный друг

За Россию и свободу

Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду
И в огонь пойдут .

Корниловцы — частью республиканцы. Для них «Царь — не кумир». Говорят, что цвета их погона, черный и красный, это цвета партии социалистов-революционеров — «Земля и Воля» (черный — земля, красный — воля). Но, вернее, надо расшифровывать эти цвета как четкий боевой лозунг: «Свобода или смерть!» К тому же у них на рукавах щит голубого цвета, с нарисованным на нем черепом, под коим рвущаяся граната и скрещенные мечи. Поют они на мотив революционной песни:

Дружно, корниловцы, в ногу
С нами Корнилов идет.
Спасет он, наверно, свободу,
Не выдаст он русский народ...

Офицеры батальона генерала Маркова поют на мотив «Белая акация»:

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую,
И как один прольем кровь молодую...
Студенты Ростовского батальона поют свою песню:
Вспоили вы нас и вскормили
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, Святой Руси, земля.
Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал,

И каждому — кто Руси сын,
На бой кровавый — путь один...

Все бойцы соперничают друг с другом в лихости и отваге: корниловцы, республиканцы, монархисты-гвардейцы, кадеты, гимназисты, студенты, юнкера, девушки-казачки и ростовские гимназистки, из коих немало ушло с нами в поход, не только сестрами, но и в строю.

Мы неизменно гоним красных, хотя они во много раз превосходят нас числом. У них бронепоезда, базы, сколько угодно снарядов и патронов. У нас лишь то, что при себе — повозки со снарядами, взятые с бою и оплаченные кровью.

Красные окружают нас часто, пытаются сжать и раздавить, засыпают гранатами, ведут непрерывный ружейный и пулеметный огонь, не жалея снаряжения.

Но высок престиж генерала Корнилова и идей Добровольчества, сильна вера в свою правоту и в победу у всех партизан, юнкеров, казаков и офицеров. Под Выселками мы разбиваем банды Автономова, а на другой день выбиваем армию «главковерха» Сорокина¹⁴ из станицы Корневской. Маленькая «армия» генерала Корнилова гонит десятки тысяч по кубанской степи, по равнине Ставрополя, десятки тысяч дезертиров со всех фронтов войны — латышей, черноморских матросов, китайцев, 39-ю дивизию, шахтеров Донбасса, рабочих из Баку, Темрюка, Керчи и Тамани...

Мы гоним их всегда. Корниловские ударники, не знающие отступления; «Дети генерала Боровского»; офицеры генерала Маркова; наступающие, держа равнение, как на параде, «чернецовцы», помнящие своего героя-есаула; бывшие юнкера — михайловцы и констан-

тиновцы, скачущие со своими орудиями часто впереди цепей и стреляющие «прямой наводкой»; девушки-гимназистки и ударницы из отряда Бочкаревой еле вытаскивают тяжелые, солдатские сапоги из черноземной жижи, несут винтовки, а иной раз тащат пулеметы, не отставая от цепи, — у них тоже «ударные углы» на рукавах: «Свобода или смерть»; казаки-кубанцы, конные и пешие (пластуны), казаки славных полков: Запорожского, Уманьского, Линейного, ушедшие от большевиков из своих станиц и хуторов; черкесы на конях с зеленым флагом пророка Магомета: у них позади — сожженные аулы, разрушенные мечети, оскверненный Коран, изнасилованные жены, сестры и дочери, убитые старики и дети.

Под грохот пушек, в большинстве красных, идет вперед цепь, не знающая отхода, ибо отход может быть только на подвижной лазарет, где тысяча раненных товарищей ожидает результата боя. Отход — это конец всему, смерть.

Лежанка, Выселки, Кореновка, Некрасовская, Ново-Леушковская, Усть-Лабинская, Ново-Димитриевская, Филипповские хутора, аул Нешукай... Все это этапы побед и крови. Когда в боях проходят дни и недели, и каждый день видишь убитых, своих и чужих, смерть начинает казаться нормальной, естественной. Умереть, это значит стать как земля, как степной ковыль, как небо.

Почти в каждом бою есть критический момент, когда считаешь себя уже пропавшим и в горле сухо от нервного напряжения. Но когда бой кончен, настает странная тишина. Мир кажется сном, а настоящей жизнью — бой... Потом хочется только есть и спать. Природа берет свое.

Но сон короток. Еще темно и уже скрипят по станице колодцы-журавли, пьют, пофыркивая, кони. Сонно переругиваются невыспавшиеся ездовые; звездочками засветились огоньки хат. Лают охрипшим хором станичные цепные псы. Заамуничивать и запрягать! — командует дежурный по батарее. Тяжелые запряжки, позвякивая амуницией, хлюпают по грязи.

С другого конца станицы и с хуторов, где только что пропели петухи, с той окраины, где ночевала конница, протяжно звучит труба — «Поход»:

Всадники, други, в поход собирайтесь!
Радостный звук вас ко славе зовет!
За царя и за веру сражайтесь...

Поход, вечный поход... Степные травы уже поднялись и пахнут горько и хмеляще.

«Да посрамлен будет тот малодушный,
Кто без приказа отступит на шаг!»

— звучит по степи.

Тянет холодным, предрассветным степным ветерком... Лунный серп побелел, тухнут звезды и лишь Венера розовато блестит на светлеющем небе. Уже различаешь фигуры людей и лошадей, пулеметные тачанки проходящей вперед пехоты. Внезапно яркие краски восхода загораются над степным простором. Неожиданно вся колонна останавливается, только ординарцы командиров и штабов, да конные разведчики, сломя голову, галопом скачут по обочине.

В трех-четырех верстах впереди видны на гребне крылья ветряков и фабричная труба, а налево можно различить телеграфные столбы железной дороги.

Вот колонна зашевелилась и начала расползаться в обе стороны. Воздух разорвали первые пристрелочные шрапнели из-за далекого гребня. Все задвигалось быстрее. Роты разошлись взводами, передние уже рассыпались бегом в цепь и быстро идут вперед.

Орудия Первой батареи свернули со шляха и рысью двинулись за цепью. Очередь неприятельских гранат заставила пригнуться и с грохотом разорвалась в десятке метров от орудий. Комья чернозема засыпали ездových и коней, запахло тротилом.

Атаку Выселок с фронта ведут партизаны генерала Богаевского. Их цепи, встреченные сильным пулеметным огнем, то ложатся, то снова бегут вперед, застилаемые черным дымом рвущихся гранат. Батарея попадает в сноп пулеметного огня: «Налево кругом!» «Стой!» «С передков!» — кричит командир. «Прямо по цепи! — Направление на трубу! Сорок! Трубка сорок! Огонь!»

Пушка подскакивает, обдаваемая пылью. Командир стоит на зарядном ящике с биноклем. «Правее ноль двадцать! Огонь!» Через десять минут: «Бегут сволочи! — кричит командир. — Передки на батарею!» Пули свистят, но мы скачем вперед. Нас обгоняют текинские степные кони... штаб Корнилова. С тем же трехцветным флагом, привлекающим огонь красных пулеметов, генерал Корнилов спешит к атакующей цепи. Партизаны не ждут генерала и бегут вперед. Большевицкие пулеметчики с чердака паровой мельницы дерзко застрочили из всех пулеметов, пытаясь удержать атаку

партизан. По всему фронту слышно — «Ура!» Стрельба обрывается — красные бегут!

Теперь все приходит в движение: зарядные ящики, подводки лазарета, все движется вперед. На околице станицы, против паровой мельницы, лежат, раскинув руки и устремив безжизненные глаза в небо, юноши-партизаны, донские юнкера, кадеты, гимназисты. Их убито несколько человек. Далеко по степи бежит в полном беспорядке, «армия» товарища Автономова¹⁵. Не скоро ее остановят и приведут в боеспособное состояние.

После боя становится известно, что отдыха не будет: завтра на рассвете мы идем на станицу Кореновскую и станцию Станичную выбивать «армию главноверха» Сорокина, насчитывающую в своих рядах около тридцати тысяч красноармейцев, несколько батарей и два бронепоезда. В составе Сорокинских войск находится и «непобедимая» «Железная дивизия».

Припекает солнце. Травы поднимаются, согретый воздух течет вверх, поднимая причудливым маревом далекие хутора, клуни, стога, железнодорожные будки. Белые станичные хаты нарядились в кружева вишневых садов.

Весна, весна! Какой радостью охватывает она все наше существо. Как хороша жизнь...

Сегодня, 17 марта, наша батарея идет вместе с Офицерским батальоном в составе обходной колонны. Колонну ведет молодой генерал — Сергей Марков, как всегда, в высокой белой папахе и в полушубке. Он в хорошем настроении и шутит с артиллеристами.

Генерал Марков стал с первого же боя под Лежанкой предметом преклонения: он неожиданно появлялся в самых опасных местах боя, и в его присутствии люди преображались, заражаясь его стремительной энергией и бесстрашием. В бою напористый и жертвенный, он требовал жертвенности и от других. Бранью или резкой, но меткой остротой он бичевал всякое малодушие и шкурничество. Поэтому храбрые его любили, трусы его боялись и ненавидели. Нередко он пускал нагайку по спине шкурника, не считаясь ни с его чином, ни с положением.

Идем мы по степи уже более двух часов. Далеко вправо слышен гул пушечной стрельбы. Степное эхо превращает его в какой-то рев. Это партизаны генерала Богаевского и корниловцы наступают на станицу Кореневскую. Наша же колонна с умышленным запозданием идет к железной дороге, к станции Станичной. Очевидно, нашим нелегко. Это видно по сильному артиллерийскому огню красных. Мы выходим на железную дорогу и останавливаемся. Все проголодались. Появляются караваны белого кубанского хлеба, отрезают тесаками сочные куски кубанского сала, пьют прямо из кувшина янтарный мед. Благодатный край! Жить бы здесь беззаботно среди чудной природы и ее изобильных даров — без стрельбы и непрерывного напряжения, не видя трупов и крови.

Неожиданно гулко и резко около железнодорожной будки застрочил близкий пулемет. Генерал Марков бежит к будке. Офицерская рота быстрым шагом движется вдоль полотна вперед. Кое-где в рядах мелькают лица, знакомые еще по Новочеркаску, с Барочной улицы. Какие они все загорелые и возмужавшие под постоян-

ным огнем... «По коням! Садись!» — кричит батарейный командир, вскакивая на свою спокойную вороную кобылу: «Рысью марш!»

Мы съехали с дороги, кони мягко скачут по целине. Обгоняем офицерскую роту, постепенно взбираемся на гребень. Справа, где сильнее всего грохочет артиллерия, показывается широко раскинутая станица, это Кореневка. Над ветряками и церковной колокольной плывут, тают и снова появляются облачка шрапнели: там по всему фронту идет бой. Засвистали и у нас первые пули.

Офицерский батальон развернулся в цепи и наступает на гребень через широкую ложину. На гребне можно различить окопы противника. Это — «Железная дивизия» Сорокина. Цепи офицерского батальона встречены сильным пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем. От станции появился бронепоезд и взял цепи офицерского батальона огнем во фланг. Цепи залегли. Было ясно, что наше наступление захлебнулось.

На батарею принесли тяжело раненного в живот нашего капитана Глотова, посланного полковником Миончинским вперед выбрать позицию для батареи. Приносят и других раненых. Наша сестра их перевязывает. Густые цепи красных, ободренные выездом бронепоезда, поднялись на гребне из окопов и пошли в контратаку. Цепи офицерских рот, неся потери под перекрестным огнем, бегом отступали на батарею.

...«По поезду! Прямой наводкой! Гранатой! Пятнадцать!» — кричит полковник Миончинский. Наши гранаты взметнули полотно под бронепоездом. Он сразу же дал «полный задний» к станции.

Но офицерские роты быстро отходят на батарею. Пули сорокинцев все чаще свистят у орудий. Кони жмутся, прижав уши, ездовые прячутся за передки. Момент напряженный. Прицел все понижается: «Пятьноль!.. Сорок-пять... Сорок!.. Тридцать!..» Это уже близко, и командир не жалеет драгоценных для нас снарядов. Пушки подсакивают, ежеминутно обдавая уже близкие цепи красных низким «шрапом». Только и слышно: «Первое!.. Второе! Один патрон! Беглый огонь!» Выдержат... или нет?

Вдруг сзади на батарею галопом влетает всадник и кричит: «Кавалерия!» Лицо его искажено ужасом, залито потом. Это чехословак. По-русски он говорит плохо и понять что-либо трудно. Полковник кричит: «Пулемет на батарею! Ездовым разобрать винтовки!» Но сам ни на секунду не выпускает густую большевистскую цепь из точного низкого шрапнельного огня. Гора расстрелянных гильз у орудий растет. Все чаще: «Огонь!» Вот видны уже лица наших отступающих. «Наводи в самую гущу! Огонь!» — кричит командир, заглушая грохот боя... «Не выдерживают! Бегут сволочи! Бегут!.. Огонь!»... Действительно, цепи «Железной дивизии» не выдержали низких, точных разрывов шрапнели, люди в цепи заметались направо и налево, сбились в кучки и побежали обратно по склону. По редкой цепи отступающих офицерских рот пробежал победный гул голосов, превратившийся в «Ура!». Они движутся снова вперед, на этот раз неудержимо... «Передки на батарею!»

«А ведь наврал, сукин сын, про кавалерию!» — смеется прапорщик Попов, ездовой Первого орудия. Но, как стало известно потом, большевистская конница все

же была и прошла близко от нас, атаковав Третью батарею полковника Третьякова, отбившую все ее атаки картечью.

Пушки прошли лощину и начали подниматься в гору по вязкой пахоте. Вокруг лежали трупы. Сначала проехали мимо нашего, убитого в цепи наповал, зеленая фуражка пограничных войск валялась рядом на траве. Потом ехали мимо убитых красногвардейцев «Железной дивизии». На гребне вырисовывалась длинная фигура нашего полковника, тщетно машущего руками, призывая орудия. Кони еле тянули по пахоте в гору и, хотя все налегали на колеса, ускорить движения не могли.

С гребня полковнику открывался вид на всю окрестность. На его глазах, внизу, у станции, торопливо отходили эшелоны красных, маневрируя на запасных путях. Немудрено, что на головы ездовых он посылал все проклятия и ругань, ему известные. Потом он затах, с отчаянием глядя на уходящие красные эшелоны и на свои еле ползущие в гору пушки... Наконец дотащились. Миончинский ринулся к первой пушке. Номера заметались у орудия, поворачивая его на цель. Через минуту наши гранаты взметнулись в самой гуще вагонов. Слышались тревожные паровозные гудки. Паровозы с вагонами и платформами и без них быстрым ходом уходили на юг. Много вагонов застряло на станции, где бой уже затах.

«Армия» Сорокина, понеся большие потери, спешно отступала на юг на станицу Платнировскую. И у нас были немалые потери, обременившие еще более походный лазарет. А главное, в этом бою были расстреляны все наши гранаты и шрапнели, — в парке оставалось

шесть гранат. Но можно было еще раз сказать: «С нами Бог!» Одна из наших последних гранат перебила вагонное сцепление. Паровоз удрал на Платнировку, бросив эшелон с грузом драгоценных для нас снарядов. Армия была еще раз спасена. Стрельба затихла. Войска втягивались в станицу.

Небольшая речка и мостик через нее. Около моста, под водой, видны трупы красных, здесь их скосил пулемет юнкеров из отряда генерала Боровского.

На другой день объявлена дневка. Это была первая дневка со дня выхода в Кубанский поход. Однако Сорокин не был разбит, он был лишь выбит из станицы и отброшен, и в день дневки батарею несколько раз по тревоге вызывали к станции. Цепи противника пытались при поддержке бронепоезда несколько раз наступать со стороны Платнировской, но огнем застав и выстрелами орудия противник был отброшен.

В Кореновской нас застали плохие вести: армия генерала Эрдели¹⁶ ушла две недели тому назад из Екатеринодара, занятого красными. Таким образом, наш план похода на Екатеринодар для соединения с армией генерала Эрдели и полковника Покровского рухнул. Впереди была неразбитая группа «главковерха» Сорокина с бронепоездами, позади, уже в одном переходе, надвигалась на нас оправившаяся после поражения под Выселками «армия» Автономова.

К вечеру стало известно, что наше командование решило обмануть Сорокина: бросить Екатеринодарское направление и ночью, повернув на восток, перейти Кубань, пробиться через район крестьянских хуторов в предгорные аулы и там, продвигаясь на юг, искать соединения с Кубанской армией Эрдели — Покровского.

К полуночи 19 марта все части стянулись бесшумно к станции. Привычный ночной марш. Направо, в стороне Платнировской, виднелись зарева далеких огней, вероятно костров группы Сорокина. Не прошло и двух часов, как сзади послышались отдельные выстрелы, а потом частая ружейная стрельба.

Сорокин спохватился, его части ринулись за нами и столкнулись с нашим арьергардом, но было уже поздно: наши главные силы и все обозы вышли из-под флангового удара. Когда настало утро, позади раздалась пушечная стрельба. Сорокин энергично нажимал на наш арьергард. Впереди были еще переправы через Кубань и через Лабу... Надо было с налета брать станицу Усть-Лабинскую, куда уже спешно подходили красные эшелоны со стороны Тихорецкой. Армия Корнилова была снова в тисках. Шрапнель Сорокина рвалась не только над нашим лазаретным обозом, но достигала и авангарда, разворачивавшегося для атаки на Усть-Лабинскую.

Победы над Выселками и Кореновской внушили нам веру в свои силы. Со станичной площади орудия повели редкий, но меткий огонь по подходившим к станции эшелонам красных, не давая бойцам высаживаться.

К наступлению темноты бой затих: мост через Кубань был нами прочно занят. До глубокой ночи лазарет переправлялся через реку. Обоз увеличивался после каждого боя и дошел почти до тысячи повозок. Армия все более лишалась способности гибкого маневрирования, превращаясь в прикрытие для лазаретного и беженского обозов.

Трудно себе представить и описать то, что пережили наши раненые, — с пулями и осколками в груди и в животе, с переломленными и раздробленными костя-

ми. Езда на безрессорных подводах. Ночные переходы по изъезженным, грязным дорогам, через гати. Холод и сырость, проникающие под тонкое одеяло, жар, бред. А днем обоз не раз попадал под артиллерийский, а иногда и под пулеметный огонь, и повозки с тяжелоранеными должны были вскачь переходить обстреливаемое пространство.

Вторая ночь без сна, переходы с непрерывным боем измотали юнкеров. Юнкер Попов заснул, стоя у своей запряжки и не слышал команды «Садись!». Командир подъехал к нему и потряс его за плечи.

Стали на квартиры уже глубокой ночью. Повалились на солому и заснули мертвым сном. Пробуждение было не из приятных: в горнице голосила баба-казачка — «Ой убили! Ой убили!.. Такие все молоденькие!» За окном слышались совсем близкие выстрелы винтовок. «Стрельба!.. Вставать!» — крикнул наш командир капитан Шперлинг. Все выскочили из хаты. По улице свистели близкие пули. Воображение играло: большевики ночью пробрались в станицу и теперь избивают всех по хатам. Вопли хозяйки и пули по улицам — картина ясная. Побежали к орудиям в парк. Но там все было спокойно, часовой прохаживался у орудий. Оказалось все просто: по другому берегу большевики подошли небольшими группами к станице и беспорядочно начали стрелять по улицам. В то же время в станичной церкви отпевали наших вчерашних убитых. Нервы нашей хозяйки не выдержали тяжелого зрелища ряда гробов, и она, прибежав домой, начала голосить над нами спящими.

В станице Некрасовской была дневка. Наш штаб считал, что за переправой будет спокойнее, что армия

вышла из клещей. Но не тут-то было: воспользовавшись нашей дневкой, Сорокин и Автономов переправились вслед за нами и утром атаковали станицу Некрасовскую. В то же время агитаторы подняли против нас все окружные ставропольские села, деревни и хутора, где было немало фронтовиков, возвратившихся домой с оружием. Эти отряды фронтовиков отрезали нам все дороги вперед. Вместо спасения за Кубанью армия Корнилова попала в полное окружение. Со всех четырех сторон клочкотала ружейная стрельба. Тротильные гранаты с грохотом рвались среди домов и сараев, на улицах и на площади около церкви, где стоял наш обоз-лазарет. Тут же, на площади, стояли и наши орудия, — в резерве.

Было тяжело стоять в бездействии среди разрывов гранат. Минуты шли томительно, тоскливо. Тут галопом прискакал генерал Марков: «Артиллеристы! Живо на окраину, к мельницам! Там никого нет! Красные почти вошли!»

Кони рванули с места. Пушки, с грохотом и звоном, в облаках пыли, понеслись за командиром. С передков орудий и зарядных ящиков летели плохо подвязанные винтовки, котелки и всякая утварь. «Успеем или нет? Успеем или нет?» Когда выскочили на окраину, то увидели совсем близко две цепи большевистской пехоты, идущей вперед без всякой помехи. У нас — никаких резервов, все брошено в огонь. Около мельниц нервно ходит генерал Марков, считая секунды. «Налево кругом! С передков!» Юнкера горохом посыпались с передков и повернули орудия. Подскакавшие пулеметчики спешно нацеливали «кольт» и «максим». Пеший взвод где-то безнадежно отстал от батареи.

«Сорок! Трубка! Сорок! Огонь!» Подпрыгнули пушки, выплюнув пламя. Два низких, белых клубка дыма проплыли перед идущей, как на прогулке, большевистской пехотой. Черные фигурки пригнулись, попадали, заметались... «Правее ноль двадцать! Огонь!» — «Первое!», «Второе!» — откликнулись фейерверкеры. Не больше десяти минут продолжалась стрельба шрапнелью. Цепи сначала остановились, попятились и, сбиваясь в кучки, покатались назад. «Молодцы, артиллеристы!» — крикнул генерал Марков, и всем было ясно, что генерал доволен лихим выездом и меткой стрельбой.

До темноты мы простояли у мельниц, а потом двинулись на переправу через Лабу. Предстоял ночной переход. Однако шли мы недолго: часам к двум ночи дошли до хутора, где сосредоточилось столько войск, что нам отвели на всю батарею лишь один дом с клуней. Было передано, что большевики впереди, совсем близко, и что уже с рассвета мы снова попадем в бой. Немного поспали на соломе, не раздеваясь. Хлеба не было, утром поели холодного супового мяса, прямо из котла.

Бой завязался еще до рассвета, на широком фронте, в степи. Наши цепи пошли в наступление на сильные отряды дезертиров-фронтвиков, засевших на Филипповских хуторах. «Армия» Сорокина обходила в это время наши фланги и нажимала с тыла.

Был момент, когда орудие капитана Шперлинга прошло пространство, не занятое нашей цепью, и оказалось в трехстах шагах от хутора, занятого «товарищами». Красные сделали глупость: вместо того чтобы подпустить орудие еще ближе к хутору и захватить его голыми руками, они открыли по нам ожесточенную

ружейную стрельбу. Все покатались с коней, но успели повернуть пушку на хутор и угнуть передки назад.

«Два патрона! Беглый огонь!»

Стрельба в упор... Сплошной свист пуль...

«Жарко же у вас тут!» — послышался спокойный и даже веселый голос, это был генерал Марков. Он присел на корточки за ящиком, укрываясь от пуль, и начал закуривать. «Сейчас пойдет в атаку ваш пеший взвод, — сказал он Шперлингу. — Дайте еще пару гранат!»

Через десять минут слева появились знакомые лица. Это были наши юнкера-артиллеристы «пешего взвода». Во главе с поручиком Боголюбским бывшие юнкера, теперь прапорщики, ринулись на хутор бегом. Поручик тряс раненой кистью руки.

Стрельба оборвалась, хутор был взят. Путь вперед был снова свободен. Мы двинулись к Филипповской. Жителей в домах не было. Все они бежали. В печах стояли еще горшки горячих щей.

Ночь в Филипповской была беспокойна. Сорокин успел занять высоту за селом, за рекой Белой. С самого утра завязался тяжелый бой. Корниловцы форсировали переправу и взобрались на гребень, но понесли при этом большие потери. Красные, бросив крупные силы в контратаки, несколько раз прорывали наш фронт. Генерал Корнилов остановил нашу батарею, направил ее в прорыв и, стоя во весь рост на стогу сена, наблюдал, как наши орудия метким огнем оставили густые цепи красных, потеснивших кубанцев генерала Богаевского почти до батареи. С этого же стога, стоя под градом пуль, он бросил свой конвой в конную атаку влево от батареи, где красная пехота прорвала нашу редкую цепь.

А позади, за мостом, где с тыла нажимала группа Автономова, пришлось снять с обоза всех могущих держать винтовку, всех легкораненных из лазарета. В этой цепи шли и донской писатель Родионов и журналист Борис Суворин¹⁷. Когда бой начал затихать на фронте, стрельба усилилась в тылу. Юнкера генерала Боровского еле удерживали пехотные массы Автономова, рвущиеся к мосту, где на рысях, повозка за повозкой, переправлялся наш огромный обоз и лазарет. Вдруг где-то далеко на фланге послышалось: «Ура!...» Крики «Ура!» начали приближаться и скоро охватили весь фронт. Оказалось — наш разъезд, достигший черкесских предгорий, вернулся и сообщил, что связался с разъездом Кубанской армии генерала Эрдели, отошедшей от Екатеринодара. От всеобщего громового «ура!» прекратилась стрельба: большевики в недоумении прекратили огонь. Они как бы почувствовали, что случилось что-то такое, после чего им все равно не сломить нашу пехоту и не пробиться к мосту. Их цепи начали отходить. Артиллерия красных все еще вела беспорядочный огонь, но потерь нам не наносила. Свернувшись в колонну, мы двигались в сторону предгорий.

Местность начала меняться: холмы, овраги, перелески. Взошла луна и осветила стены отдаленных хат и белую вышку — минарет аула. Сакли были пусты, обитателей в них не было. Мечеть была осквернена большевиками: Коран порван на мелкие куски и затоптан, на полу — испражнения.

Мы тут же узнали, что не успевшие убежать жители аула были отведены в овраг и там перебиты. Женщины и девушки перед этим изнасилованы.

Большевики отстали и лишь слабые их части тревожили наш арьергард. Они вымотались, понесли большие потери и, очевидно, отчаялись сломить Корниловскую армию. Дух их был подорван...

В ауле Шенджий, 27 марта, состоялась встреча с частями полковника Покровского¹⁸. Штаб Покровского прибыл с эскортом Черкесского конного полка. Впереди реяло зеленое знамя с белым полумесяцем. Мы смотрели на горячих кавказских коней, на смуглых горбоносых всадников в черных папахах и бурках. Соединение с армией генерала Эрдели должно было произойти в станице Новодимитриевской, где обе армии должны были переформироваться и идти на Екатеринодар, откуда и начать борьбу за освобождение Кубани.

Небо было серо, дул пронзительный холодный ветер. Крупные капли частого дождя проникали за ворот шинели, в рукава и в сапоги. Колонна двигалась быстро. Люди и лошади согревались движением. Но скоро поля превратились в болота и в них стали вязнуть лошади и люди, повозки и, главное, пушки.

Становилось все холоднее. К полудню дождь перешел в сильную снежную метель. Колонна расстроилась. Кони падали и больше не вставали. Все чаще попадались брошенные повозки и конские трупы. Промокшие насквозь шинели теперь промерзли и превратились как бы в стальные панцири. Части разбились на нестройные кучки, движущиеся вперед, к заветному теплу. Внезапно впереди, за пеленой снежной вьюги, послышались ружейные выстрелы. Где-то ухнуло орудие.

Все задвигалось быстрее. Небольшой ручей, по ту сторону которого была станица Новодимитриевская, обратился в довольно широкую быстротечную речку,

глубиной почти до пояса. Мост снесло, и речка эта стала препятствием для артиллерии и обоза. Все остановилось.

Большевицкая артиллерия начала бить по берегам. Если было уже тяжело идти против вьюги и ветра в степи, то еще тяжелее было стоять на месте и ждать, да еще под разрывами тротильных гранат.

Разведчики наши были уже на той стороне. На берегу речки стояла рота Офицерского полка. Бывалые офицеры не теряли бодрого настроения и даже острили по поводу предстоящей холодной ванны. Генерал Марков был тут же. Потирая руки, он шутил с офицерами. Потом первый прыгнул в воду, погрузился по пояс и быстро двинулся к другому берегу. За ним, держа винтовки над головой, переправилась вся офицерская рота. Было видно, как они рассыпались в цепь и исчезли в белой пурге.

Стрельба участилась.

Где-то левее переправлялись корниловцы.

Уже темнело, а мы все стояли на берегу, ожидая приказаний и не смея оставить орудия. Несколько юнкеров пытались развести из сломанного забора костер, но когда он разгорелся, граната угодила рядом. Юнкер Офендулев был тяжело ранен осколками в грудь.

Вскоре стало совсем темно. Артиллерия большевиков смолкла, доносились лишь отдельные выстрелы. Пулеметчики наши переправлялись и перетаскивали пулеметы уже в полной темноте. При этом шальной пулей в голову был убит начальник пулеметной команды, туркестанец, поручик Гегеман.

Наконец пришло сообщение, что станица занята нашей пехотой и батарея может переправляться. Пере-

правлялись мы на наших уносах, выпряженных из зарядных ящиков, и часть зарядных ящиков оставили до утра. Холодная вода доходила нам лишь до бедер, но и это было неприятно. Как потом было хорошо повалиться на солому в теплой, душной хате!

На следующий день было еще холодно, но солнце уже вышло из-за туч. На улицах, в глубоких лужах таявшего снега, лежали трупы большевиков.

Настала наконец настоящая весна. Обильный снег быстро растаял, по всей степи блестели озера, отражавшие небесную лазурь. Вдали синели кавказские предгорья и весенний ветер подбадривал и вливал новые силы.

Наши части отдохнули и переформировались. Все мелкие отряды были слиты в две бригады, коими командовали: Первой — генерал Марков, Второй — генерал Богаевский. В Первую бригаду вошли: Офицерский и Кубанский стрелковый полки. Во Вторую бригаду: Корниловский ударный и Партизанский полки. Вся конница объединилась под командой генерала Эрдели и полковника Покровского. Наша бывшая Юнкерская батарея вошла в Первую бригаду.

Была темная ночь, когда наша бригада выступила в направлении на станицу Георгие-Афипскую и железнодорожную станцию того же названия. Это было началом похода на Екатеринодар. Труднопроходимая грязь, глубокие лужи и сплошное болото, — орудия и повозки постоянно застревали, а конные и пешие уходили вперед. Части отрывались друг от друга или наступали друг другу на хвост. Какие-нибудь шесть верст тащились всю ночь.

Небо розовеет на востоке, начинают вырисовываться дали. Полотно железной дороги и домики станицы верстах в двух. Видна высокая станичная колокольня. Колонна, растянувшаяся ночью по степи, стягивается. Впереди видны конвой генерала Корнилова с трехцветным флагом, группа конных — Штаб армии — и сам генерал.

Станица и станция уже недалеко, а между тем — все тихо... Внезапно из-за водокачки повалили клубы дыма и освещенный солнцем, блистая сталью, выкатил из-за станционных построек большевистский бронепоезд. Несколько секунд царила тишина, но вот воздух как бы дрогнул и заныл. Несколько пулеметов бронепоезда разом забили по колонне. И что тут было... Все смешалось: кто ринулся в глубокую канаву у дороги, кто залег в кусты, кто побежал в сторону. Лошади попадали, путаясь в построюмках, вырвались, понеслись по степи. Все ринулись назад, кроме нашей батареи. Пушки снялись с передков и через минуту ударили по бронепоезду. Бронепоезд сразу же откатился назад за постройку. Роты Офицерского полка рассыпались в цепь и пошли к станции. Завязался тяжелый бой.

Далеко влево были видны цепи нашей Второй бригады, атаковавшей соседнюю станцию. Было даже слышно, как они кричат «ура».

Вскоре подошли большевистские поезда со стороны Екатеринодара, и наше Первое орудие капитана Шперлинга оттянули на крайний фланг, чтобы их задержать. Большевистские поезда остановились в густых посадках и перестали дымить. Пристреляться к ним

было трудно, так как мы должны были беречь снаряды. Зато они били по нам, стоящим на ровной степи, как по мишени.

Почти два часа грохотали разрывы гранат: перелет, недолет... Били и шрапом. Это был форменный расстрел. Мы остались в живых только потому, что несколько гранат, попавших между нашими орудиями, заглохли в глубокой грязи. Был ранен шрапнелью в ступню номер нашего орудия Прохоров, тот, который тащил меня, раненного под Кизитиринкой. Теперь я тащил его, стонущего, к оттянутым передкам. Кроме Прохорова были ранены бывшие юнкера-михайловцы Иссов и Владимиров, получившие пулеметные пули, — Иссов в плечо и Владимиров в глаз.

Бой этот был поистине страшный. Мы жались к щиту орудия, чтобы спастись от низких разрывов шрапнели и быстро ложились, если гранаты рвались на батарее. Во рту было сухо. Никогда еще мы так не ждали спасительного покрова темноты, как в день этого боя!

С наступлением темноты бой затих. Станица и станция были взяты. Большевистские бронепоезда ушли на Екатеринодар. Лишь к полуночи мы выбрались из топкой грязи и добрались до отведенных нам квартир. Но уже на рассвете прискакал из штаба разведчик и сообщил, что наши орудия должны немедленно выехать за станицу и занять позицию против бронепоездов.

На этот раз мы стали на закрытую позицию, и большевистские бронепоезда не могли к нам пристреляться. Гранаты рвались беспрерывно по соседству, вздымая вверх глыбы мягкого чернозема, падающего потом на землю с шумом, подобным конскому топоту.

Екатеринодар был совсем близко, но мы повернули, обходя его с юга, чтобы атаковать его с той стороны, где он не прикрыт рекой Кубанью.

Наступление на Екатеринодар начала бригада генерала Богаевского, а мы прикрывали переправу через Кубань и тыл. Два дня мы слушали гул орудий и тревожно ждали вестей. Вести были оптимистические: «Город взят»... «Бой уже за городом», «Город сегодня будет взят»... Но гул орудий не прекращался и даже усиливался. Наконец нашу батарею потребовали к городу. Одновременно с нами пошли к Екатеринодару и части Офицерского полка с генералом Марковым во главе.

Мы шли переменным аллюром и уже через пару часов проехали рощу и ферму Кубанского экономического общества. Роща была усеяна трупами красных — рослыми черноморскими матросами. Накануне здесь была блестящая атака партизан генерала Богаевского.

Вся степь перед Екатеринодаром дымилась разрывами гранат. Десятки орудий разного калибра били со стороны города и громили наши позиции «по площадям». Наша позиция была полузакрытая, и в первый раз за всю войну мы начали рыть себе ровики.

Впереди раздавалась ружейная трескотня и неумолчная строчка многочисленных пулеметов. Командир батареи вместе с капитаном Шперлингом прошли вперед выбрать наблюдательный пункт. Скоро провели телефон, и батарея сделала несколько выстрелов. Неприятельские пули свистели непрерывно.

Передавали, что генерал Марков будет атаковать кожевенные заводы и батарея должна поддержать его атаку огнем. Томительно шли часы. Огонь противника усиливался, переходя в ураганный. Наконец справа

началась ожесточенная пулеметная и ружейная стрельба, — это генерал Марков пошел в атаку с Офицерским батальоном. Наша батарея не могла, из-за недостатка снарядов, ее достаточно поддержать. Сообщили, что генерал Марков заводы взял и дошел до артиллерийских казарм, но дальше продвинуться не может: уличный бой был тяжел, потери большие. Стало ясно, что атака не имеет решительного успеха.

Армия наша наступала на Екатеринодар частями, сначала только Второй бригадой, и не использовала первого успеха при взятии фермы, дав красным отступить к городу и получить там большие подкрепления. На следующий день атакующие нарвались на густой артиллерийский и пулеметный огонь большевиков, успевших стянуть к месту атаки бригады генерала Маркова значительные силы, прибывшие из Новороссийска. Цвет командного состава добровольцев, идущий, по традиции, впереди атакующих, понес тяжелые потери: пал командир Корниловского Ударного полка и его создатель — полковник Неженцев, пал известный партизан — чернецовец Курочкин, тяжело был ранен генерал Казанович.

Из кубанских станиц подкрепления подходили слабые — группки молодых необстрелянных кубанских казачков, терявшихся под убийственным артиллерийским огнем. На вечерней заре этих кубанцев рассыпали на гребне в цепь так, чтобы они были видны в Екатеринодаре и чтобы красные подумали, что к нам идут подкрепления...

Артиллерия красных, затихшая к вечеру, открыла ураганный огонь по кубанской цепи. Около нашей батареи командир кубанской сотни был подброшен разорвавшейся гранатой высоко вверх.

В эту ночь плохо спалось в наскоро вырытом окопчике. Было холодно, особенно на рассвете. Как только посветлело, началась артиллерийская стрельба по всему фронту со стороны красных. Били они больше по площадям. Мы лежали, прижимаясь к земле, не имея возможности, из-за недостатка снарядов, отвечать на огонь. Осколки гранат свистели вокруг, бороздя подсохший чернозем. Тут же рядом лежал молодой хорунжий Кубанской армии, убитый осколком в висок. Молоденькая сестра гладила его русые волосы. Было тоскливо и как-то безнадежно на душе...

Позади, в станице Елизаветинской, где мы перед маршем на Екатеринодар отстояли вечернюю, сосредоточился наш огромный обоз-лазарет.

Носились тревожные слухи, что большевистская конница обходит нас с левого фланга. На ферме Кубанского общества, где был наш Штаб армии, не расходился черный дым разрывов. Вечером 12 апреля передали: завтра будет общий, последний штурм Екатеринодара, причем все артиллеристы пойдут в цепях, так как снарядов больше нет.

Ночью стрельба вспыхивала то здесь, то там. Какие-то крики не давали сомкнуть глаз. Еще до рассвета разрывы большевистской артиллерии загрохотали по нашим затихшим позициям и по Штабу армии. Приказа идти в атаку не было, вместо этого прошел слух: «Генерал Корнилов... убит...»

Слух этот скоро подтвердился: на рассвете большевистская граната попала в ту комнату фермы, где спал генерал Корнилов. Его вынесли из дома на берег Кубани, — там он и умер, не приходя в сознание.

В командование армией вступил генерал Деникин¹⁹. Он отменил штурм Екатеринодара и приказал с наступлением темноты всем частям отходить от города. Конница генерала Эрдели, для прикрытия отхода, атаковала правый фланг красных в загородных садах. В этой конной атаке погибла храбрая прапорщица — баронесса Де-Боде.

Уже в полной темноте начался отход с поля боя. Потери были велики. В передке нашего орудия лежали последние четыре гранаты... Отход начался на немецкую колонию — Гначбау, где к полуночи, на тесном пространстве, собралась вся армия с обозами. Уже утром красные начали наступать на Гначбау. Несколько их орудий открыли огонь по улице колонии и по многим ее домам. Тут действительно ни одна граната не пропадала даром. Повсюду рубили колеса ненужных повозок и пустых зарядных ящиков. Было известно, что ночью будет прорыв из красного окружения, от коего зависит судьба остатков армии. Можно было слышать разговоры: «Не пора ли „распыляться“...»

Генерал Марков в эти жуткие минуты был, как и всегда, невозмутимо спокоен. Было особенно тяжело, когда он приказал подтянуть бывшую юнкерскую батарею к Штабу армии. Он верил мальчикам — бывшим юнкерам, свято помнившим его слова: «Нам самим ничего не надо... Да здравствует Россия!»

В эти черные безнадежные ночи отступления от Екатеринодара мы не знали ни отдыха, ни сна. Четыре дня и четыре ночи мы шли безостановочно. Люди спали на ходу. Юнкер Березовский заснул в седле, упал на землю и при этом не проснулся. Он очнулся глубокой ночью один в степи. Лошадь, после падения всадника, ушла за

колонной. Не было и дороги. Березовский не знал, куда ему идти, где искать колонну. Все вокруг было тихо. Вдруг на горизонте появились вспышки, как зарницы, донесся гул пушечной стрельбы. Там, верстах в восьми, начинался бой под станицей Медведовская, — Березовский пошел на выстрелы.

Трудно себе представить, как не погибла в те дни наша маленькая «армия». По приказу нового главнокомандующего, несколько сот тяжелораненых были оставлены в станичных больницах. Несколько врачей и самоотверженных сестер остались с ними. И хотя тут же были отпущены на свободу несколько пленных большевиков, почти все раненые и оставшиеся с ними сестры и врачи были перебиты. Только в одной станице оставленные там тяжелораненые добровольцы каким-то непонятным образом уцелели. Среди них были два наших юнкера: Прохоров, раненный в ступню под Георгие-Афипской, и грузин, бывший михайловец, Захарашвили, с выбитым пулей глазом. Потом, уже летом 1918 года, он мне рассказал, что он пережил. Некоторое время он был совсем слеп и слышал разговоры в станичном лазарете над своей кроватью: «Расстрелять кадетскую сволочь»... и как кто-то за него заступился. Как лежал он долго в полной тьме, и, когда пришла Пасха и в открытые окна станичной больницы, вместе со всеми ароматами южной степной весны, ворвались торжественные звуки церковного колокола, зарыдал и вдруг прозрел на один глаз. Его таскали потом в Екатеринодар в Ревтрибунал, но и там его не убили, признав мобилизованным. Вернее всего, что в те дни у комиссаров была паника в связи с подходом германских войск к Дону, и им было уже не до расстрелов.

Итак, после «дневки» в колонии Гначбау, в ночь 16 апреля, армия пошла на прорыв. Впереди — остатки Офицерского полка на повозках, наша батарея из двух орудий и генерал Марков. Темная теплая ночь. На отдаленных степных хуторах мерцают огоньки. Заунывным хором лают собаки, чуя движение войск. Все идет молча. Ни шуток, ни разговоров, лишь топот коней, шум колес, позвякивание орудийных щитов. Положение страшное: четыре снаряда на всю бригаду, роты по десять штыков и многотысячный транспорт, — лазарет раненых и беженцев. Ноги стертые в кровь, усталость физическая и моральная беспредельна. Слухи о «распылении» все чаще, все настойчивее. Железное кольцо врага сжимается все уже. Советские бронепоезда стерегут все железнодорожные переходы. Кажется, что выхода из создавшегося положения нет и что «Синяя птица» нашего похода со смертью генерала Корнилова покинула несчастную армию. Даже наши юнкера редко поют свои любимые песни. Оборванные, грязные, небритые — как мало напоминают они теперь томных «михайлонов» и лихих «констапулов».

Генерал Марков — нахмуренный, злой, похудевший — свирепствует в обозах и работает плетью на всех переправах и железнодорожных переездах. Он один из немногих, не погрузившихся в апатию и уныние. Его задача — спасти армию от уничтожения.

Прорыв через большевистское кольцо происходит около станицы Медведовской глубокой ночью. Генерал Марков, с конными разведчиками, захватывает железнодорожную будку на переезде, допрашивает перепуганного стрелочника и узнает от него, что на ближайшей станции стоит советский бронепоезд. Генерал ре-

шается на смелый шаг: он телефонирует на станцию Медведка и кричит в трубку: «Товарищи! Высылайте немедленно бронепоезд... Кадеты идут!» Первое орудие юнкерской батареи снимается с передка в нескольких шагах от железнодорожной насыпи, недалеко от будки стрелочника, тут же окапывается и батарейный пулемет. Генерал у переезда перегоняет нескончаемый обоз. Обоз не успевает перейти... Вдали ясно показывается светящаяся точка, — фары быстро идущего бронепоезда, уже слышен его шум. Редкая цепь стрелков Офицерского полка отходит от насыпи. Генерал Марков уже на будке. Поезд тормозит с лязгом буферов, слышно шипение паровозного пара... «Стой поезд!» — кричит генерал Марков. «Товарищи! А где же кадеты!» — кричат с паровоза. В эту минуту орудие Юнкерской батареи, нацеленное капитаном Шперпингом, в упор бьет в паровоз. Грохот взрыва, облако пара, закрывшее лунный свет. Не прошло и нескольких секунд, как грянула картечь с бронепоезда. Первый ее снап просвистел над орудием, но второй снап пуль выбил всю команду нашего батарейного пулемета: трое юношей-кадетов полегли, разорванные пулями. Генерал Марков скомандовал: «Вперед! В атаку!» и сам кинулся, с гранатой в руке, к броневой площадке.

Картечь и пулеметы бронепоезда брали высоко. Офицерская рота, залегшая у полотна, оказалась в мертвом пространстве.

Генерал Марков, его разведчики и наш начальник Первого орудия, капитан Шперлинг, сбивший первой же гранатой паровоз бронепоезда, были героями этого боя.

Капитан Шперлинг, — михайловец выпуска 1914 года, — начал выдвигаться еще до Кубанского похода и скоро его

имя, как лучшего артиллериста Добровольческой армии, покрылось славой. Замечательный стрелок, выдержанный и спокойный, он был действительно храбр в бою, никогда не ложился под пулями, никогда не «кланялся» низко пролетавшим снарядам. Незаметный, скромный, молчаливый, он преображался в бою, влияя своим спокойствием и бесстрашием на подчиненных.

Растерявшиеся большевики выскакивали из вагонов и платформ длинного поезда на рельсы, и тут же были сражены в упор. Через четверть часа все было кончено. Бронепоезд с разбитым гранатой паровозом был наш... Разведчики генерала Маркова и наши юнкера быстро разгружали снаряды из вагонов и грузили их на наши подводы. В этом коротком бою было спасено боевое дыхание армии.

После взятия красного бронепоезда на станции Медведка настроение сразу же улучшилось. Как будто не было кровавого екатеринодарского боя, усталости, сознания безнадежности. Окрыленная, пополненная снарядами и патронами армия быстро двигалась на север. С Дона шли радостные вести о восстании казаков, пришел казачий разъезд — казаки звали нас на помощь. Это была «благая весть»...

Весна была в полном разгаре, когда мы решительно повернули к Дону и перешли границу Ставропольской губернии в Лежанке.

Тут армия разделилась: Вторая бригада генерала Богавского вместе со штабом и обозом раненых пошла на Дон в станицу Егорлыцкую. Первая бригада генерала Маркова осталась в Лежанке с целью прикрыть Дон с юга. Тут нагнали нас красные и навалились на Лежанку с двух

сторон. Тяжелые бои продолжались три дня, 2—4 мая, от рассвета до заката, — ночью красные отходили. Артиллерия красных громила Лежанку и расположение перед ней. Цепи красных, одна за другой, под прикрытием нескольких батарей, шли в атаку, но залегали или бежали назад, встреченные редким, но выдержанным огнем Кубанских пластунов и Офицерской роты.

Наши орудия стреляли мало, экономя снаряды, лишь по интересным целям: бронеавтомобилю, приблизившейся пулеметной тачанке, группе всадников... Вокруг наших пушек вся земля была вспахана гранатами, и если бы не распоряжение поручика Боголюбского: «Отойти всем от орудий!» — за исключением дежурных, засевших в глубоких окопчиках, — многие из юнкеров, несомненно, остались бы спать вечным сном на сельском кладбище Лежанки.

Красные окружили нас со всех сторон, но сломить в те дни бригаду генерала Маркова было трудно. К вечеру Черкесский конный полк, укрываемый весь день в резерве, подобрался с фланга и совершенно неожиданно атаковал советские цепи. Реяли зеленые флаги с полумесяцем, блестили клинки в лучах заходящего солнца. Какие красные части того времени могли выдержать конную атаку черкесов генерала Келеч-Гирея?²⁰ Атаку в столбах степной пыли, сопровождаемую победным гортанным кликом, подобным клетоту горных орлов! Этой ночью мы смогли отдохнуть от грохота гранат, от напряжения непрерывного боя. Наутро, с подходом новых большевистских частей, снова загрозала большевистская артиллерия по Лежанке...

Бригада генерала Маркова устояла. Большевики ушли на четвертый день боя, потеряв сотни сраженных

пулями и порубленных черкесами. Много было и раненых. Их дух был сломлен.

Выполнив задачу, бригада генерала Маркова двинулась к Дону в станицу Егорлыцкую, где ее ждал отдых после трудных дней и ночей «Ледяного», Кубанского похода...

Когда не стало генерала Корнилова, генерал Марков стал особенно близок нашему командиру полковнику Миончинскому²¹, так как чувствовал в нем родственную душу: героя, рыцаря и солдата. Генерал Марков был подлинный вождь и не только солдат, но и пламенный, блестящий оратор.

Вот подлетает он на параде в Лежанке к строю нашей батареи и, осадив свою кобылу, начинает речь: «...Под грохот ваших пушек мы шли вперед»... Реет его черный ротный значок и под высокой белой папашой, всем знакомой по походу, горят его глаза: «Мы пойдем на Москву»... Да, конечно, мы — юнкера, константиновцы и михайловцы, первыми пойдем на Москву, мы — офицеры Корниловского производства, мы — участники Кубанского похода, закаленные в боях Дона и Кубани, мы пойдем на север и нас ничто не остановит...

Глава 4

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД И БОРЬБА НА ДОНУ

По распоряжению генерала Алексеева, после нашего прихода на Дон был издан приказ по армии. В частности, в нем говорилось, что каждый может оставить ряды армии, ибо армия — добровольческая.

Многие, у кого были семьи в оккупированных немцами областях, или по иным соображениям, подали рапорта о выходе из армии.

Тогда генерал Марков собрал всех офицеров в станичном правлении и над грудой лежащих на столе рапортов о выходе из армии произнес речь. Когда он кончил, почти все офицеры, подавшие рапорта, поднялись с мест, подошли к столу и взяли свои рапорта обратно.

Победа и весть об освобождении Дона от красных подняли общее настроение. Снова слышались песни и шутки. Мишенью большинства шуток были тыловые юнкера и офицеры, коих прозвали «обозниками». Генерал Марков особенно не жаловал тыловых господ, выезжавших вперед во время переходов на сытых лошадях. Эти люди, одетые, бывало, в черкески, обвешанные особо эффектным оружием, порою и в сопровождении дам, гарцевали рядом с колонной, пока впереди или с фланга не раздавался пушечный выстрел, строчка далекого пулемета или «та-ку» передового дозора... Тут, в один миг, эти всадники исчезали, словно проваливались сквозь землю, к своим лазаретам, кухням и гражданским управлениям, кои уже тогда быстро разрастались. Генерал Марков особенно не любил таких всадников из числа членов Кубанской Рады, эвакуированных отрядом полковника Покровского из Екатеринодара.

Словно предчувствуя, что настанут дни, когда добровольческий тыл так разрастется, что погубит фронт, генерал Марков даже проектировал в конце Кубанского похода надеть на всех нестроевых офицеров желтые погоны. К сожалению, проект этот не был прове-

ден в жизнь. Все ограничилось шутками и веселыми песенками:

Смело мы в бой пойдем,
А я останусь..
С частью хозяйственной
Я не расстанусь..

Или на мотив «Журавля»²²:

А за боевою частью
Прет обоз — бойцов несчастье.

Даже наша батарейная хозяйственная часть за все время войны жила собственной жизнью, почти ничем не связанной с жизнью батареи, где-то далеко в тылу. Это было совершенно ненормальное явление, породившее рост тыла, развал, соблазны и спекуляцию. Нестойких офицеров этот соблазн привольной, веселой тыловой жизни в больших южных городах тянул, как магнит, с фронта. Ведь на лбу не написано, что я «обозник». А именно эти «обозники» и носили наиболее боевые шашки, самые звонкие шпоры и лихо заломленные набекрень папахи. Главное было — иметь успех у женщин своим боевым видом.

У нас в артиллерийской бригаде, где бывшие юнкера близко знали друг друга, тесная товарищеская спайка не допускала переселения в тыл, в «хозяйственное управление», без падения личного престижа в глазах товарищей. Кличку «обозник» носили лишь три-четыре офицера из бывших наших юнкеров, болезненно не выносивших стрельбы. Все остальные офицеры нашей

хозяйственной части были пришлые, «со стороны». Но во многих других частях армии бегство в тыл, особенно в дни неудач на фронте, было массовым и неудержимым. А командование генерала Деникина не проводило никаких серьезных мер для борьбы с этим явлением, погубившим в конце концов и армию и дело освобождения России от большевизма.

Во второй период похода начальником хозяйственной части нашей батареи стал упитанный подполковник Машин, перешедший к нам из отряда полковника Покровского. Он тоже часто с карабином за плечами гарцевал на коне впереди батареи и исчезал при первых выстрелах. Гарцевал он обычно рядом с конной разведчицей, присоединившейся к нам после Екатеринодара, красивой девушкой, кубанской казачкой-гимназисткой Авой.

Все мы любили эту девушку за ее милое, приветливое лицо, за ее цветущую красоту и неприступность, и поэтому ухаживание за ней пожилого подполковника Машина, да еще «обозника», вдохновляло наших куплетистов на новые версии батарейного «Журавля». Этот «Журавель» рождался в дни хорошего настроения, в дни побед и движения вперед. Высмеивалось все, что только попадало на зубок недавнему школьнику-кадету.

Колонна батареи раскинулась далеко по степи. Отдохнувшие кони рвутся вперед. Весеннее небо над степью без облачка. Впереди, за далекими гребнями, видны сиреневые очертания предгорий, за коими грезится волшебный мир Востока. Настроение у всех хорошее: квартирнеры ускакали вперед, а это значит, что боя не предвидится. Впереди батареи высокий полковник

Миончинский. Его вороной конь кажется маленьким под высоким всадником. За Миончинским — группа всадников: безусый, писклявый прапорщик Гернгросс, большой подхалим, нелюбимый всеми юнкерами; маленький донец капитан Князев блесит своими круглыми очками, этот маленький казачий артиллерист не признает стрельбы дальше, чем: «Двадцать, трубка двадцать» (это полдистанции выстрела из винтовки, но он считает более далекий прицел «напрасной тратой снарядов»); любимый всеми нами капитан Шперлинг выделяется своей солдатской папахой с наушниками, изпод папахи виден овал лица и курносый нос, придающий ему некоторое сходство с императором Павлом I; красивый трубач, юнкер Бурсо, сыгравший однажды на пари перед окнами командира батареи «Чижика» вместо «Сбора» и попавший за это в наряд на кухню; несколько конных разведчиков и среди них — красавица Ава.

На повозке с номерами Первого орудия образовался хор. Поют «Журавля»:

...Впереди нас, словно пава,
Выступает наша Ава.
Жура, жура, журавель,
Журавушка молодой.
Сколько Машин наш ни брился,
Все ж он Аве не годился...

Полковник Машин, полный и неповоротливый, лихо подбоченясь в седле, делает вид, что песню не слышит, а глаза Авы так и мечут искорки веселого задора.

Достается и самому командиру — полковнику Миончинскому:

Митю можно полюбить
Только ножки подрубить.
Жура, жура, журавель...
Митю нужно причесать,
Хоть немного воспитать...

Насчет «воспитания» вопрос деликатный. Полковник всегда сильно горячится в бою и «кроет» всех, кто, по его мнению, недостаточно расторопен: наводчиков, ящичных вожатых, не успевающих подводить передки карьером по жиже чернозема, разведчиков и, конечно, телефонистов, не бегущих с тяжелой катушкой «марафонским бегом». Кроет всех крепко, не избегая и «трехэтажных» выражений.

Правда, на следующий день перед строем он всегда извинялся перед «господами прапорщиками» за свою ругань.

Кто из бывших юнкеров не прощал полковнику этой брани: ведь это и была для нас всех настоящая школа, а не та, что мы проходили в классах училища или на Дудергофских полях...

«Журавель» переходил и на своего же брата-юнкера:

Всем известно, что разведка
Вперед ходит очень редко...

Этот «Журавель» был посвящен начальнику батареи разведки портупей-юнкеру Березовскому. Березовского послали однажды поздно вечером вперед,

искать для батареи квартиры. Однако по дороге вперед он крепко заснул и лошадь привезла его в самый хвост колонны. Так и родилась песня про разведку.

Особые куплеты были посвящены складной деревянной башне, созданной по идее полковника Миончинского. В боях в степи известную роль она бы играла, если бы не продолжительная и сложная ее установка. Сделанная из легких балок и досок, без всяких механизмов, башня доставляла немалые неприятности заведующему ею капитану Масленникову. Из-за медленной установки башни, «холобуды», как ее прозвали юнкера, — бедный капитан Масленников должен был принимать от полковника Миончинского потоки ругани в начале каждого боя; но так как бои в степях были часто подвижны и орудия, сделав два-три выстрела, уходили вперед, то «холобуду» надо было тотчас же разбирать, грузить на повозку и гнаться за батареей, а там, впереди, Миончинский уже налетал на капитана Масленникова и кричал: «Где же трам-та-ра-рам башня!» Песня про «холобуду» заканчивалась словами:

Скоро ль эту «холобуду»
На дрова рубить я буду...

Доставалось у нас и молодому капитану Гренадерской артиллерии Михно, взятому в нашу батарею уже после Первого похода.

Капитана прозвали «Старый гренадер» и подсмеивались над его долговязостью, рыжей бородкой-клинышком и всегдашним аппетитом. Привыкнув к артиллерийским боям Великой войны, с блиндажами и телефонами, «Старый гренадер» первое время под близким

пулеметным огнем бледнел и даже несколько раз «дропал». Но вскоре он стал настоящим «марковцем», не кичился своим гренадерским «происхождением», часто шел вперед, пренебрегая опасностью.

Среди юнкеров были юноши, увлекающиеся самыми разными вещами: юнкер Баянов, например, изучал в походе французский язык и таскал с собой французскую книжку о царице Клеопатре. Эта книжка, лежавшая иногда на зарядном ящике, разлеталась на рыси отдельными листочками по степи, и Баянов бегал, собирая листки драгоценной книжки... Я потом уже понял, что в этой французской книжке Баянов находил какую-то внутреннюю силу легче переносить тяжелую обстановку переходов и боев в степях Кубани. Древний Египет... красавица царица Клеопатра... дворцы, пальмы и Нил... наконец, французский язык... Все это — спасительный контраст с окружающим. Среди юнкеров, огрубевших, оборванных, небритых походников, забывших интеллигентное общество, родных и семьи, живущих уже совсем иными, иногда звериными, понятиями, — «угробить», «дать дуба» стали понятиями привычными, почти ежедневными; «пожрать» — было для некоторых выше многих идеалов.

Когда граната валила с ног какого-нибудь юнкера и не разрывалась в мягком черноземе, а юнкер поднимался, отделившись лишь испугом и контузией, ему иные бодро кричали: «Первый звонок!»

Бывшие юнкера Михайловского и Константиновского училищ и в армии оставались различными по характеру и по своему прошлому. Например, юнкер Рага из балтийских баронов: средних лет, бросил в Ревеле свою семью, спокойную, материально обеспе-

ченную жизнь и делил с нами боевую страду. Идейная сила, выдержка и хладнокровие этого человека были изумительны. Он с некоторым акцентом говорил по-русски и часто применял слова «что ли». Про него говорили, что если его когда-нибудь опрокинет граната, то он поднимется и спокойно скажет: «Это тротилловая, Обуховского завода, что ли?» Как сильный человек, он всегда работал у орудия «правильным», но весьма мало понимал в стрельбе. Он был юнкером Константиновского училища последнего, 12-го, курса и не успел пройти стрельбу. Когда батарея развернулась в Артиллерийскую генерала Маркова бригаду и бывшие юнкера стали офицерами, почти все на командных должностях, то поручику Рага не могли дать никакой должности из-за его полной неспособности к военному делу. Он числился во взводе вновь сформированной в Курске 6-й батареи ящичным вожатым, но никогда не садился на лошадь, а шел пешком, как какой-то турист, рядом с орудиями. Ящик вел солдат-фейерверкер из мобилизованных «махновцев».

Рага и погиб из-за своего пренебрежения лошадью: при отступлении перед селом Алексеево-Леоново Марковская дивизия была заведена полковником Генштаба Биттенбиндером, временно командовавшим ею, в большое село, лежащее в ложине, и была там, как в мышеловке, атакована со всех сторон и почти вся уничтожена конной армией Буденного. Лошадь же поручика Рага была привязана к какому-то зарядному ящику, и он не смог ее найти и ускакать от сабель буденновцев.

Поручик Жилин, из кадет Первого корпуса в Петербурге, всегда шалил и смеялся. Как молодой чертеночек, он иногда убегал от батареи вперед в пехотную цепь,

чтобы участвовать в атаке. Он никогда не терял оптимизма и юмора.

Другим любителем пехотных атак был бывший ташкентский кадет Плотников, по прозвищу Факир (он любил лежать на солнце, стал бронзовым и поэтому получил кличку Факир). Факир был начальником Второго орудия в моем взводе. Во время тяжелого боя в направлении на Елец мы были окружены в лесах и прижаты к реке Сосне. Факир скакал по отступавшей цепи и принял командование над ротой, потерявшей командира. Он сумел повернуть роту и повел ее в контратаку в штыки. В этой отчаянной геройской атаке он и был убит.

Большинство бывших юнкеров были молодые идеалисты, преданные идее верности и защиты Родины, отдавшие свое личное благополучие во имя борьбы с большевизмом.

Юнкера не из кадетов: Фишер, веселый маленький Кузьмин, по кличке Козерог, Андрей Соломон — сын миллионера из Баку, москвичи — Хартулари, Мартыненко и Манков, в совершенстве владевший английским языком, похожий на англичанина, с трубкой в зубах, хладнокровный и спокойно-храбрый. Он несколько раз убежал на фронт в батарею из ставки генерала Деникина, где его пытались задержать и использовать как переводчика при английской военной миссии. Все они были хорошие товарищи, хоть и не столь блестящие строевики, как кадеты. Лихой, красивый портупей-юнкер Слонимский не снимал своих «Савельевских шпор» и синего башлыка ни при каких обстоятельствах, находил время танцевать мазурку от Ростова до Курска и Орла и был всегда вовремя на линии огня батареи. В каждом городе

был у него мимолетный роман, правда всегда ограничивавшийся поцелуями при луне. Уже на другой день он не вспоминал ни прекрасных глаз, ни поцелуев, а скакал впереди своего орудия, — издали был виден его синий развевающийся башлык.

После возвращения на Дон мы отдохнули в станице Егорлыцкой и некоторые юнкера «словчили» в отпуск в Новочеркасск. Мне также удалось «словчить», и после того как станичный парикмахер полчаса снимал с меня совершенно тупой бритвой юношеский пух, я начал собираться в дорогу: у одного товарища одолжил гимнастерку, у другого — штаны.

Трудно передать впечатление, произведенное на нас, отпускников, Новочеркасском. Город изменился до неузнаваемости: не было и следа революции, — расхляпанных шинелей, наглых лиц, лужги на улицах. Казаки были подтянуты, улицы чистые, магазины полны продуктов. Красивые смугловатые девушки-казачки гуляли по городу, часто в сопровождении юнкеров Атаманского училища, одетых как в мирное время, а то и в сопровождении наших добровольческих офицеров. Генерал Марков и часть Офицерского полка отдыхали в Новочеркасске. Генерал ходил по улицам все в той же походной папахе и с той же нагайкой в руке. Он часто останавливался на улице офицеров, не принадлежащих ни к новой Донской, ни к Добровольческой армиям, и тут же, на улице, учинял им суровый допрос.

В городском саду по вечерам гремела музыка... Была открыта оперетка. По темным аллеям городского парка бродила веселая молодежь.

Над городом возвышался памятник атаману Платову, а под ним стояло орудие, приспособленное для

стрельбы по самолетам. Казачий фронт был сравнительно недалеко от города, и, когда ветер дул с севера, иногда со стороны Александра-Грушевска доносилась глухая канонада, но на это никто не обращал внимания. Дон упивался своей победой и свободой, мы, добровольцы, радовались концу тяжелого «Ледяного похода» и победному возвращению на Дон.

Казалось, что все трудности уже позади и впереди будут лишь легкие победы и поход на Москву... Впрочем, в станице Егорлыцкой ходили неясные слухи о том, что добровольцы пойдут не на север, а обратно на Кубань освобождать Екатеринодар и всю Кубань от красных. Стало известно, что Новочеркасск был освобожден от большевиков восставшими казаками Кривянской станицы, которые были вовремя поддержаны вернувшимися из Сальских степей частями походного атамана Попова. Однако большевики сосредоточили такие крупные силы, что генерал Попов уже снова начинал отступление от города, обрекая тем жителей на большевистскую месть и кровавую расправу. А в это время совершенно неожиданно пришедшие из Румынии добровольческие части полковника Дроздовского²³, подошедшие со стороны Таганрога и Ростова, победно ударили в тыл большевикам.

Дроздовцев чествовали в Новочеркасске, как спасителей и освободителей, жители старались им угодить чем только могли. Дроздовские части, однако, ушли довольно скоро на юг на соединение с армией генерала Деникина. Уехал в Егорлыцкую генерал Марков, отдыхавший в Новочеркасске. Не прошло и нескольких дней, как армия генерала Деникина, усиленная частями дроздовцев, двинулась снова на юг, на Кубань. Начался

Второй кубанский поход. Бывшие в отпуске в Новочеркасске Мартыненко, Мино и я бросились догонять свою батарею. Уже по дороге мы узнали тяжелую новость: генерал Марков был убит в первом же бою около станции Шаблиевка, в направлении на Торговую. Последняя граната, выпущенная с красного бронепоезда, уже отходившего с отступающими красными цепями, сразила генерала-героя. Трудно передать горе, охватившее всю его бригаду, нас юнкеров и кубанских стрелков. Наша победа под Торговой этой утраты не искупала.

На Торговой мы догнали батарею, узнали о ранении нескольких наших товарищей и сразу же окунулись в горячую боевую страду. После смерти генерала Маркова наша батарея получила имя «Марковской» и Офицерский полк название «Марковский».

Развернулась борьба за освобождение Кубани. Добровольческая армия отдохнула, пополнилась, и упорные бои под Тихорецкой, Армавиром, Сосыхой неизменно оканчивались отступлением, а зачастую и просто бегством красных. Мы неудержимо шли вперед. Нашу Первую бригаду вел заменивший генерала Маркова молодой полковник Преображенского полка Кутепов²⁴, командовавший в Первом кубанском походе гвардейской ротой Офицерского полка.

Но хотя наши части усилились и численно и материально (полк полковника Дроздовского имел, например, не только несколько батарей, но и броневую машину), красные усилились за это время еще больше. Помимо всех бывших на Кубани войск, от Ейска двигалась на юго-восток целая, почти регулярная, армия Сорокина, избегавшая столкновений с немецкими частями,

двигавшимися от Таганрога также на юго-восток. От Царицына красные войска вновь начали наступление на Дон. Повсюду появлялись красные бронепоезда, вооруженные подчас орудиями крупного калибра.

Красная пехота уже не была прежним красногвардейским сбродом, — все чаще встречались обученные, устойчивые части, умевшие переходить в контратаки.

После боев в районе Торговой дроздовцы и наша бригада 6 июля заняли село Белая Глина, бывшее сильным опорным пунктом красных, прикрывавшим дорогу на узловую станцию Тихорецкая. Дроздовцы, при подходе к селу, ночью нарвались на сильную пулеметную заставу красных и понесли большие потери. Оставленные на короткое время раненые, в том числе и дроздовский герой-полковник Жебрак, были зверски изувечены и добиты. Дроздовцы утром ворвались в село и, так как красные части были в этом районе окружены, взяли много пленных. В память полковника Жебрака и других замученных дроздовцев все пленные были расстреляны.

Корниловцы и мы также захватили в Белой Глине пленных. Комиссаров, матросов и добровольцев из сельских мещан расстреляли, а крестьянских парней решили взять на пробу в свои ряды. Эти парни, в большинстве молодые солдаты-фронтовики, попали частью и в нашу батарею. Бригадное начальство создало из них полк, названный сначала «Солдатским», а после того, как полк себя хорошо проявил, переименовали в «Самурский». Самурцы получили потом старое полковое знамя Самурского полка. Наши новые солдаты из «пленных» оправдали себя полностью и впоследствии перемешались с солдатами-добровольцами из хуторян,

примкнувшими к нам при наступлении на Харьков и Курск. Этим первым пленным называли в бригаде «Белоглинские добровольцы».

Главным опорным пунктом красных в этом районе была станция Тихорецкая, и большой маневренный бой вокруг нее продолжался почти три дня (с 13—15 июля). К вечеру третьего дня концентрическое наступление Добровольческой армии заканчивалось... Солнце садилось за полями высокой пшеницы. Наша батарея выходила на окраину хутора, откуда видны были фабричная труба, водокачка станции и сельская колокольня. Казачки гурьбой тащили нам белые пироги с вишнями, мед в кувшинах, густые желтые сливки. Звали нас — «освободители». Тут же вытащили хуторского портного, кричали, что это комиссар, коммунист и «иногородний». Загорелые пластуны, запыленные, покрытые потом, с крестиками за Каре и Ардаган лишь крикнули: «Ах ты, сукин сын! А ну беги, сволочь!» Бледный, трясущийся человек, почему-то в одних носках, сделал прыжок, метнулся в сторону и вдруг, пригнувшись, побежал в сторону пшеничного поля. Вслед ему затрещали выстрелы. Взмахнув руками, он рухнул навзничь.

Кубанцы двинулись цепями к Тихорецкой. Наши орудия стали на открытой позиции перед пшеничным полем, под обстрелом какой-то мелкокалиберной пушки. Началась стрельба. Пластуны не дошли до станции и бежали назад. Их гнал советский броневедомobile, осыпая из пулеметов. Наводчик Третьего орудия Михайлов подпустил броневедомobile на полкилометра и, взяв его в перекрестие панорамы, подбил гранатой. Пластуны тотчас же повернули и пошли в штыки на

советские окопы. Уже через полчаса наши пушки втягивались в Тихорецкую.

Окопы, рельсы, станционные платформы, городской сад — все было усеяно трупами красных. Кубанские пластуны и дроздовцы, атаковавшие Тихорецкую с другой стороны, не давали красным пощады.

После боя под Тихорецкой встретившиеся при концентрическом наступлении части Белой армии разделились на три группы: дроздовцы пошли на юг — на Выселки — Кореновку — Екатеринодар; корниловцы и партизаны — на станцию Кавказскую и на Армавир; кубанские стрелки вместе с конной группой генерала Покровского, — навстречу армии Сорокина через станцию Тимашевскую на Сосыку и Кушевку.

Наша батарея шла с кубанцами. Отряд вел полковник Кутепов. Скоро нас нагнал Марковский полк, очищавший в это время западную часть Задонья тяжелыми боями, без артиллерии. Авангард «главковерха» Сорокина был разбит у станицы Тимашевской.

Наша батарея ночевала в станице в доме богатого грека. Грек устроил нам царский ужин: красавица-дочь его, восемнадцатилетняя блондинка, принесла нам целое блюдо жареных цыплят. Капитан Шперлинг пришел в хорошее настроение, был весел и разговорчив. Хозяин-грек предавался дореволюционным воспоминаниям и горько жаловался на советских комиссаров. Не успели мы взяться за цыплят, как раздался свист, переходящий в вой. Мы невольно пригнулись. Где-то рядом послышался грохот разрыва и задрожали стены. «Дальнобойная шестидюймовка, а может быть, и восьми», — спокойно сказал капитан Шперлинг, принимаясь за цыпленка. Грек успел нырнуть под стол, а когда

вылез обратно, то схватил свою красавицу-дочку и, не глядя уже на нас, быстро спустился с ней в подвал.

Ровно через пять минут снова послышался вой тяжелой бомбы. И так было почти всю ночь...

На рассвете части Кубанского стрелкового и Офицерского марковского полков в сопровождении четырехорудийной батареи собрались на окраине станицы Тимашевской.

Было чудное утро. Около железнодорожной будки веселый командир Марковского полка, полковник Тимановский²⁵, кричал проходившей мимо батарее: «Капитан Шперлинг, заткните проклятую гаубицу! Всю ночь спать не давала!»

В это время со стороны Тихорецкой подошел бронепоезд. Наш первый бронепоезд! До сего времени мы имели дело только с бронепоездами советскими, и недаром наш юнкер Орловский, из тифлисских кадетов, умел грустно и заунывно петь с грузинским акцентом:

...А комиссары бедные,
С броневиками медными,
Гуляют и гуляют по горам...
И пришли большевики, а потом меньшевики...
Анархисты... камунисты — ва!
И началась тут:
Критика, политика, милитика...
Бедный мой кавказский галава...

Наш «бронепоезд» был построен, очевидно, любителями: он состоял из обычной платформы, на которую взгромоздили обычную трехдюймовку и защитили «батарею» от пуль и мелких осколков деревянными шпа-

лами. На следующей платформе установили два «максима», направленных по сторонам. Небольшой паровоз, пыхтя, медленно толкал эту «крепость» вперед.

Несколько офицеров, «словчивших» на этот самодельный «бронепоезд», в гордых позах стояли у орудия и пулеметов.

Не успели мы полюбоваться на наш «бронепоезд», как где-то, почти за горизонтом, послышался глухой выстрел и, через минуту, знакомый еще с ночи свист крупнокалиберного снаряда. Тяжелая бомба неслась прямо на нас — таково было впечатление. Но оно примерно так и было. Поклонился этой бомбе даже бесстрашный полковник Тимановский, герой боев под Творильной, всегда ходивший в цепях во весь рост. Бомба оглушила всех и ударила прямо перед «бронепоездом» в самое полотно, вздыбив рельсы и разбросав шпалы. Образовалась такая воронка, что весь «бронепоезд» мог бы в ней спрятаться. Когда дым рассеялся, у команды «бронепоезда» уже не было гордых поз — смущенные лица выглядывали из-за шпал. Паровоз уже потянул поезд обратно на Тихорецкую. Только один шутник стоял у орудия, снимал шапку и раскланивался в ту сторону, откуда стреляла гаубица. Когда «бронепоезд» скрылся за поворотом, гаубица выплюнула свои тяжелые бомбы еще несколько раз, но в это время мы уже отходили от полотна.

На рассвете 18 июля полковник Кутепов с частью Офицерского и с Кубанским стрелковым полками, а также с тремя орудиями нашей батареи, под командой полковника Миончинского, двинулся прямо в лоб армии товарища Сорокина в направлении станции Сосыка. Группа Сорокина шла от Куцевки прямо на Екате-

ринодар и насчитывала тысяч 30 штыков, подкрепленных сильной артиллерией и двумя бронепоездами. Тимановский повел несколько рот Офицерского полка с орудием капитана Шперлинга и с Кирасирским эскадром в обход станции Сосыка справа. Уже в двух километрах от станции Тимашевской наши цепи вступили в бой с пехотой Сорокина. Цепи красных медленно и в полном порядке отходили на север под давлением рот Офицерского полка. Артиллерия красных действовала непривычно близко и вела точную пристрелку, нанося потери офицерским ротам. Наше одно орудие с трудом боролось против четырех красных. Левая колонна, двигавшаяся по полотну, вела тяжелый бой. Грохот орудий, главным образом красных, не умолкал. Из Тихорецкой подошел наш легкий автоброневик с пулеметами.

Около трех часов дня красные залегли и окопались, оказывая жестокое сопротивление. Офицерские роты тоже залегли и дальше не продвигались. Полковник Тимановский хмурился, ругал почему-то сопровождавший нас Кирасирский эскадрон и недоумевал, почему нет связи справа от конницы генерала Покровского.

Наш автоброневик пытался продвинуться по дороге вперед, но тут же получил прямое попадание шрапнелью. Его командир был ранен в живот, а один из пулеметов — разбит. Однако броневик не вышел из боя и продолжал поддерживать цепи, стреляя из одного пулемета. Капитан Шперлинг пристрелялся к красным цепям и начал подготовку атаки. После короткой, но удачной пристрелки офицерские роты, сопровождаемые бронеавтомобилем и немногочисленными кирасирскими всадниками с правого фланга, пошли в атаку.

Впереди закипела стрельба, и цепь наша вскоре скрылась за гребнем.

Первое наше орудие взялось в передки и понеслось галопом за пехотой. Капитан Шперлинг скакал впереди, явно увлекшись преследованием красных, и не заметил бегущих назад, справа и слева, кубанских пластунов. Когда мы поднялись на гребень, Шперлинг осадил на галопе, буквально свалился с лошади и крикнул непривычно громко: «С передков!»

В нескольких сотнях шагов двигалась в нашу сторону красная пехотная цепь, пулеметная тачанка выскочила вперед прямо перед нашим орудием. Пластунов наших нигде не было видно, видны были лишь два кирасира, офицер и молодая девушка в кирасирской форме, но без фуражки. Она вытирала на лице офицера струившуюся обильно кровь. «Десять! Гранатой огонь!» Перелет... «Уровень меньше»... «Заклинилось!» — крикнул наводчик. Проклятая граната Обуховского завода заклинилась и не шла ни туда, ни сюда. Экстрактор не выбрасывал патрон назад. Шперлинг, стоявший на зарядном ящике, спрыгнул вниз. Пулемет красных застрочил в упор по орудию. Красная цепь поднялась и пошла в контратаку, стреляя на ходу. А мы, привыкшие к железной дисциплине Кубанского похода, не могли оставить орудие и уходить назад.

Через минуту послышались крики: «Ранен... ранен...» Хартулари тряс раненой рукой, Рейтеру пуля царапнула спину, я почувствовал сильный удар по правой щиколотке и сырость в сапоге. «Ранен!» — крикнул и я, и начал, приволакивая ногу, отходить от орудия. Все поле пылилось от града пуль красных. Я видел, как в тумане, что отбегавший от орудия капи-

тан Михно, лег на живот и кричал нашим стоящим вдали передкам, чтобы они спасали орудие. Слева от меня наша батарейная пулеметная повозка отъезжала назад. Испуганные мальчишки-пулеметчики, бывшие новочеркасские кадеты, садили из «максима» куда-то вверх. Еще дальше было видно, как наш автоброневик, подбитый и, видимо, не способный двигаться, строчит по красным из уцелевшего пулемета. Красные товарищи с победными криками бежали к орудию. Я понял, что мое спасение зависит лишь от того, смогу ли я, с перебитой костью, догнать уходящую тачанку, или нет... Меня увидел сидевший в повозке Андрей Соломон, портупей-юнкер нашего Константиновского училища. Андрей приказал тачанке остановиться и подождать меня. Ждать под таким убийственным пулеметным и ружейным огнем — было подвигом. Я перевалился в повозку, и мы понеслись рысью.

Мы проскочили расположение последней резервной роты Офицерского полка. Рота уже дрогнула под убийственным огнем. Полковник Тимановский, потерявший свое невозмутимое спокойствие, размахивая плетью, организовал контратаку, и командир роты, полковник Булаткин, — один из легендарных героев Марковских полков, повел роту в контратаку. Широкоплечий, высокий и невозмутимый, он пошел, ускоряя шаг и не оглядываясь, навстречу огненному смерчу. Офицеры двинулись за ним в направлении замолчавшего нашего Первого орудия. У орудия лежали окровавленные трупы всех двенадцати лошадей, скошенных вражескими пулеметами при попытке ездových взять орудие «на задки»: ездových, во главе с бывшим портупей-юнкером Березовским, услышав зов капитана Михно,

галопом бросились спасать орудие. Они хоть и доскакали до орудия, но, когда делали заезд, попали под смертельный обстрел из пулеметов. Наши верные кони степного похода все пали. Каким-то чудом никто из батарей не был убит, были только раненые.

Капитан Шперлинг с уцелевшими номерами отошел от орудия и дожидался контратаки 9-й роты Офицерского полка. Славная 9-я рота, несмотря на заградительный пулеметный огонь черноморских матросов, опрокинула красных, уже близко подошедших к нашему орудию.

Рота полковника Булаткина потеряла нескольких человек убитыми и больше десяти ранеными, но бой был решен: красные отходили не останавливаясь и очистили станицу Елизаветинскую. Обходная колонна полковника Тимановского, как оказалось, наскочила на более значительные силы красных, нежели отряд полковника Кутепова, наступавший на станцию Сосыка.

«Проклятая тяжелая гаубица», мешавшая ночью спать, была подбита на станции Сосыка огнем нашего Второго орудия поручика Боголюбского. Как оказалось, эта восьмидюймовая гаубица стреляла с площадки бронепоезда. Граната орудия Боголюбского попала прямо в вагон со снарядами и была причиной сильного взрыва, разнесшего советский бронепоезд. Взрыв этот вызвал панику, и красные отступили на Кушевку.

Под Кушевкой Сорокин не дал боя и, отойдя на запад, оторвался от группы Кутепова. Конная группа генерала Эрдели прозевала маневры советского стратега, сумевшего, скрытыми ночными маршами, провести свою тридцатитысячную армию, со всей артиллерией и обозами, вдоль фланга расположения добровольцев и

неожиданно бросить ее в тылы белых частей, наступавших на Екатеринодар. В районе станции Выселки два кубанских батальона, только что сформированных из молодых кубанцев, были целиком уничтожены появившимися неведь откуда сорокинцами.

Это было началом серии тяжелых боев в районе Выселки—Кореневка, разыгравшихся на широком фронте 28 июля — 2 августа. Генералу Деникину пришлось не только бросить сюда группу Кутепова из Кушевки, но и все резервы Добровольческой армии. В этих тяжелых боях, в коих сорокинцы показали большое упорство, потери белых были велики. Лег весь цвет Марковского офицерского полка. Наша батарея тоже понесла потери. Второе орудие наскочило так же, как и Первое под Выселками, на советский пулемет. Его начальник, поручик Казанли, стрелял по пулемету, стоя на зарядном ящике. Пуля сразила его прямо в голову. Тогда бывший юнкер Мино, фейерверкер орудия, вскочил на место убитого и сбил несколькими гранатами пулемет.

Мы, раненные под Елизаветинской, ехали обратно в Тимашевку. Хартулари жаловался, что моя кровь так окрасила его штаны, что они стали похожи на гусарские рейтузы. Бой уже затих за горизонтом, а в ушах все еще трещали пулеметы. На полдороге мы встретили наш полевой лазарет. Сестра перетянула мне ногу повязкой. Несмотря на жару, мне было холодно и тянуло в сон. Потеря крови была велика, все на свете стало безразлично, хотелось только тишины и покоя. Оказывается, не страшно умирать от потери крови.

В Тимашевке нас покормили и погрузили в санитарный поезд. Меня положили на верхнюю полку. Внизу, всю долгую ночь, стонал и кричал раненный в живот

офицер 9-й роты, не то от боли, не то от безумного страха за жизнь. Крики его уже не походили на голос человека. А меня назойливо сверлила противная мысль: «Как хорошо, что ты ранен не в живот, а в ногу».

После короткого пребывания в армейском лазарете на Тихорецкой, нас, тяжелораненых, отправили подводами в Новочеркасск. Печально было столь скорое возвращение. На последней подводе колонны раненых везли запасной гроб, а на первой, головной подводе, ехал офицер — начальник лазаретного транспорта и с ним молодая сестра. Они всю дорогу, целовались. Жизнь — смерть — любовь...

В лазарете я застал нашего бывшего училищного фельдфебеля, портупей-юнкера Канищева, раненного шрапнельной пулей в плечо, во время того ж боя, но на участке под станцией Сосыка. В том же лазарете оказались и мои товарищи, юнкера Первого орудия, легкораненые: Хартулари, Баянов. Улановский, Березовский, Рейтер. Я был ранен тяжелее всех и оставался в лазарете до осени 1918 года.

В это время на Кавказе разыгрывались тяжелые бои. Наши заняли Екатеринодар, Новороссийск, Ставрополь. На восточных участках фронта бои были особенно жестокими: под Армавиром был разбит вновь сформированный Сводно-гвардейский полк. Много офицеров старой гвардии пали в полях под Армавиром. Наше Второе орудие, бывшее под командой капитана Князева, было оставлено большевикам. Это была первая потеря орудия нашей юнкерской батареей за все время Гражданской войны.

Все номера орудия были ранены, а батарейная сестра, не захотевшая оставить раненого солдата около

орудия, была убита. После кровавого Армавира начались не менее кровавые для нас, но и для красных, бои под Майкопом, Белореченской, Ставрополем и под горой Недреманной. Таманская дивизия Сорокина не хотела уходить с Кубани, — вся группа, оставившая Екатеринодар, была усилена «иногородними» крестьянами-солдагами-фронтовиками, выросла почти до 80 000 штыков и медленно осаживалась на северо-восток, активно сопротивляясь. Генерал Казанович, принявший 2-ю дивизию, вел фронтальные бои, выбивавшие цвет офицерства Добровольческой армии.

Во время этих страшных боев под Ставрополем, когда в рядах рот Офицерского полка оставалось по 7—8 штыков, генерал Деникин был занят грузинской политикой... Он воевал с Грузией во имя своего идеала: «Великой-Единой-Неделимой России». Командир Кубанского стрелкового полка, первоходник полковник Тунненберг, открыто критиковал генерала Деникина: «Сухуми берем, а Ставрополь отдаем». А про симпатичного, доброго, но вялого генерала Эрдели можно было сказать словами французского автора, восхвалявшего когда-то маршала кавалерии Мюрата:

«Если у тебя нет глаза орла и отваги льва —
Прочь!.. Ты не достоин командовать конницей. .»

Нет сомнения, что еще тогда, зимой 1918 года, Добровольческая армия растаяла бы в этих тяжелых боях, если бы генерал Эрдели не был заменен генералом Врангелем, ставшим во главе Кубанской конницы. Генерал Врангель прекратил тактику ведения конными частями растянутых фронтовых боев и спешенных

порядков. Он смело обнажал фронт, собирал конницу в кулак и бросал ее в прорыв, а затем снимал красный фронт вправо и влево от места прорыва. Безднадежность и ожидавшаяся всеми катастрофа были обращены генералом Врангелем в победу.

В дни боев на равнинах Ставрополя, зимой 1918—1919 годов, и у большевиков появилась конная группа из казаков и лезгин под командой некоего Кочубея. В это же время, по приказу из Москвы, был расстрелян Сорокин, по обвинению в «бонапартизме», и главнокомандующим был назначен коммунист Федыко. Другой «командарм» — Жлоба — двигался на северо-восток к Царицыну²⁶. Конница Кочубея набросилась на наш второй Марковский батальон, сопровождаемый орудием Шперлинга. Это было в районе Спицевка—Грушевка. Атаковав батальон с фланга, красные бросились к орудью, но Шперлинг успел заметить атакующих всадников и смог галопом увести по проулкам деревни орудие, спасши и всех номеров. Телефонисты Степанов и Кислицын, сматывавшие провод, не успели бежать, были схвачены красной конницей и тут же убиты.

Атаки конницы генерала Врангеля решили участь войны на Кубани. Красная армия на Кубани перестала существовать, лишь дивизия товарища Жлобы да конная группа Кочубея успели уйти к Царицыну.

Генерал Деникин смог использовать победы генерала Врангеля прежде всего политически. Положение на Дону, внутреннее и внешнее, было катастрофично: после революции в Германии генерал Краснов, атаман Дона, которому немцы помогали, потерял всякую политическую и материальную поддержку. Большевики начали теснить Донские войска на всех фронтах Войска Донского. Осо-

бенно тяжелое положение создалось в районе Дебальцево—Таганрог, где донцы вообще не имели фронта, и красные войска, после разгрома гетмановской Украины, начали надвигаться на незащищенный с запада Дон. Генерал Деникин мог оказать освободившимся на Кубани частями Добровольческой армии реальную помощь на Дону. Однако эта помощь «утопающему» была обусловлена переменой власти на Дону. Войсковой круг должен был отстранить от власти атамана Краснова и передать пост Атамана Всевеликого Войска Донского участнику Кубанского похода (командиру 2-й бригады) генералу Богаевскому, тесно связанному с Добровольческой армией. Самостоятельная политика Атамана Всевеликого Войска Донского генерала Краснова, особенно его германофильство, не нравились генералу Деникину и окружающему его «Особому Советанию». В эти дни появилась нашумевшая тогда песенка Мятлева:

Из хохлов создав чудом нацию,
Пан Павло (Скоропадский. — В.Л.)
кроит федерацию.
А ему Краснов подпевает в тон,
Будет Тихий Дон — наш казачий Дон.
И журчит Кубань водам Терека:
Я ж республика — як Америка...

Первая Марковская батарея и Офицерский полк, погружившись в теплушки при 18-градусном морозе, в середине января 1919 года проезжали станции Донецкого бассейна, миновав Таганрог и Дебальцево. Для зимнего похода все мы были слишком легко одеты, но почти у всех было кавказское оружие, у многих были

белые папахи, с коими гармонировал черный бархатный погон, с нашитыми на нем буквами «Г.М.» — Генерал Марков. Все еще мы были юнкерами-поручиками на солдатских должностях. Продолжали существовать те же тесные товарищеские отношения, создавшиеся у орудий. Капитан Шперлинг оставался для нас любимым старшим товарищем и боевым авторитетом. Он все так же любил покушать и бывал в злом настроении, если голоден: он мог тогда изругать не только каждого из нас, но и неудачно подвернувшегося начальника. Вскоре капитан Шперлинг был назначен командиром Первого взвода, а наше Первое орудие получил капитан Михно — «Старый гренадер». Командир Юнкерской батареи и потом дивизиона, полковник Миончинский, еще в районе Ставрополя был смертельно ранен большим осколком гранаты в живот и умер в течение нескольких минут. На его должность был назначен не очень любимый юнкерами бывший заведующий хозяйством батареи полковник Машин.

Марковская батарея недолго простояла в городах Донбасса на отдыхе: враг надвигался с запада и с севера. Шахтеры Донбасса были первым авангардом частей Красной армии. Осиротевшие дроздовцы (их вождь — полковник Дроздовский, раненный в бою на Кубани, скончался в ростовском госпитале), были брошены западнее нас, а корниловцы пополнялись еще на Кубани.

Жутко было в те дни на Донбассе: переплет железных дорог давал широкий простор многочисленным советским бронепоездам... Шахтерское население держалось по отношению к нам недоверчиво и даже враждебно. Мы должны были бегать с пушками за отдельными ротами марковцев и за вскоре прибывшими кор-

ниловцами, передвигавшимися в разных направлениях по железным дорогам Донбасса в теплушках. Боясь окончательно загнать наших лошадей, мы решили также стать на рельсы: лошадей сдали в обоз, нашли в Дебальцево пульмановскую платформу, втащили на нее орудие и выехали таким самодельным «бронепоездом» на позицию к северу от Дебальцева.

В это время красные начали наступление на Донбасс уже регулярными частями.

Бои на Донбассе были тяжелые. Бывших с нами корниловцев красные бронепоезда засыпали гранатами. Когда наши орудия вышли им на поддержку на линию огня, то советский бронепоезд «Черноморец», вооруженный морскими 75-мм скорострельными пушками на неподвижных установках, с наводчиками — морскими артиллеристами, открыл по нашему «бронепоезду» такой точный огонь, что мы, выстрелив два раза, вынуждены были отойти на Дебальцево, с повреждением паровоза. Наши попытки помочь корниловцам успеха не имели. Ночью мы сняли нашу пушку с платформы и, получив запряжки, рано утром заняли закрытую позицию, влево от полотна дороги, за гребнем. Ждали «Черноморца»...

Еще не было и шести часов утра, как озаренный первыми лучами февральского солнца, выпуская клубы белого пара, блистая сталью, «Черноморец» осторожно стал продвигаться к нашей вчерашней позиции. Пушка наша подпрыгнула, выпустив первую гранату. Клуб серого дыма от разрыва встал перед бронепоездом. «Черноморец» сразу же остановился, перестав дымить. Через несколько секунд три его скорострелки заблестали вспышками. То место, где вчера стояла

наша платформа, сплошь покрылось дымом разрывов. Летели лишь щепки от шпал, телеграфных столбов, деревьев и будки стрелочника. Но тут наша пушка, скрытая покатым гребнем, твякнула снова и теперь уже перед самым паровозом «Черноморца» вырос бурый дым. «Черноморец» снова заблестал выстрелами, но быстро пошел назад. Отойдя на пару километров, его зоркие комендоры-моряки, конечно, быстро рассмотрели, что у будки никого нет, и вот «Черноморец» вновь заблестал выстрелами своих скорострелок, посылая тучу снарядов за наш гребень. Сотни гранат и поставленной на удар шрапнели вспахали все поля вокруг, но цели из бронепоезда не видели и у нас никто не пострадал. Зато стрельба нашего орудия, резкая, но точная, окончательно отогнала в тот день назойливый «Черноморец».

Три долгих месяца мы дрались в Донбассе против значительно превосходящих нас сил противника, наступавшего ежедневно на всех участках фронтов. Чтобы не позволить красным развернуться и маневрировать, наши части уже с рассвета переходили в наступление и тем сковывали инициативу красного командования.

Это было нелегко, — идти в бой на рассвете, зная заранее, что к вечеру придется все равно вернуться в свои хаты... усталыми, голодными и злыми. Чернухино, Ольховатка, Никишины хутора, Немецкая колония, недалеко от Дебальцева, были обычным театром наших боевых действий. Мы танцевали ежедневно взад и вперед и ругали командование, не понимая цели и смысла этих упорных, утомительных и ничего не решающих боев.

Вскоре приехал новый начальник группы Генерального штаба, полковник Сальников, назначенный командиром Марковского полка еще в декабре. Он начал заводить в полку порядки, привезенные из Екатеринодара, где Сальников работал при Главной квартире. С собой он привез двух красивых сестер и не собирался менять свои екатеринодарские привычки.

Утром 26 марта разведка сообщила о наступлении значительных сил большевиков на Ольховатку, где стоял в это время Марковский батальон полковника Булаткина, два орудия капитана Шперлинга и штаб полковника Сальникова.

Полковник Сальников в это время был «занят» своим гаремом и сказал офицеру связи, что «с этого направления наступления быть не может». Полковник Булаткин все же приказал батарее выехать на позицию. К сожалению, на окраине Ольховатки «позиции» не было. Надо было: или подниматься на высокую гору за Ольховаткой (не менее двух километров), но этот подъем в гору был бы смешон, если наступления красных не последовало бы, или оставаться на окраине села, откуда в сторону противника не было никакой видимости, ибо в этом месте был легкий подъем, не дававший вести наблюдение дальше чем на четверть километра.

Капитан Шперлинг все же выбрал эту позицию. Впереди была лишь слабая пехотная застава, вскоре начавшая стрелять по невидимому нам противнику и затем — бегом отходить к селу. Пехота все еще не выходила из хат, а красные шли к селу, — они шли без выстрела и почти бегом. Когда густые красные цепи широким фронтом побежали в атаку и оказались у первых хат Ольховатки, пришлось быстро сниматься с пози-

ции. Мимо отходивших орудий, около церковной площади, проскакал полковник Булаткин навстречу отходившей заставе, тяжело, по-пехотному облегчаясь. Пехотинцы выскакивали из хат, собираясь по взводам и отделениям, и спешили к окраине села. Но было поздно: большевики уже были на окраине села и открыли сильный огонь. Пули защелкали по заборам и по стенам домов, поднимая пыль по улицам. Наши пушки поскакали в гору и, поднявшись на ее склон, стали хорошей мишенью для вошедшей уже в Ольховатку красной пехоты. Все ринулись к вершине горы. Лошади понесли орудия и ящики галопом, с передков сыпались притороченные лопаты, винтовки, вещи ездовых. Пули щелкали вокруг. Мы все же благополучно выскочили из-под жаркого обстрела и собрались уже за горой на окраине хутора. Туда же подходили и успевшие бежать из села марковцы-пехотинцы. Провожаемый нашими злобными взглядами проехал франтоватый, испитой полковник Сальников во главе своих конных разведчиков. Среди пехотинцев поднялся ропот: «Булаткина оставили раненого на площади около церкви!» — «Это — он бросил!» Требовали контратаки, чтобы вынести полковника Булаткина, но Сальников приказал отходить.

Полковник Булаткин, герой Марковского полка, погиб в Ольховатке: оставленный на площади, он был добит красными. Когда Ольховатка была вновь занята марковцами, там был найден его труп. Не стало еще одного героя Белого движения. Мы продолжали пляску взад и вперед от Ольховатки до Никишиных хуторов, оттуда на станцию Чернухино или на Днепрородовку, затем опять в Ольховатку или в Немецкую коло-

нию. Так проходили дни. Дебальцево защищали корниловцы. Издалека было видно, как там кипят напряженные бои, но при более сильном артиллерийском огне Теперь там действовали несколько советских бронепоездов, из коих некоторые имели тяжелые дальнобойные орудия.

Холода сменились оттепелью и грязью на дорогах. Лошади выдыхались. Юнкера сохраняли еще бодрое настроение, хотя одичали и огрубели, но почти никто не хотел ехать в Таганрог в хозяйственную часть, чтобы не заработать кличку «обозника», несмотря на то, что одежда на многих уже висела ключьями

Наконец на фронт Донбасса начали прибывать долгожданные эшелоны Кубанской конницы генерала Шкуро²⁷. Полные ряды в сотнях, многочисленные пулеметы на тачанках, бодрые кони, — все это не походило на поредевшие ряды рот Офицерского Марковского полка и утомленных бойцов. Первое наступление Кубанской конницы на район Дебальцево было отбито жестоким огнем советских бронепоездов, и конница Шкуро понесла большие потери, но через несколько суток конница обошла группу красных бронепоездов и полностью разгромила тыл советского фронта. На фронте стало после этого тихо... Наступал перелом. Снова начались разговоры о походе на Москву.

Приезжающие из тыла говорили о предстоящем прибытии новых формирований, об английских танках, присланных в Новороссийск²⁸, об успехах на Царицынском фронте, где гремело имя Врангеля²⁹.

Настал день общего наступления на растянутом фронте³⁰. Полковник Кутепов объезжал части и говорил о предстоящем походе. От него веяло увереннос-

тью в победе. «Не надейтесь на танки, — говорил он, — дело не в технике, а в силе духа»...

И действительно, уже на следующий день, и без помощи заморских танков, корниловцы, марковцы и дроздовцы отбили красных. Конница генерала Шкуро гнала красных повсюду, и корпус Кутепова быстро продвигался на Харьков.

Глава 5 НА МОСКВУ

После взятия Харькова 25 июня Марковские батареи развернулись в «Артиллерийскую генерала Маркова бригаду» и получили новые английские пушки. Победа нам улыбалась.

Марш вперед... Труба зовет,
Марковцы лихие!
Впереди победа ждет,
Да здравствует Россия!

Первый батальон идет впереди: белые «марковские» фуражки видны далеко, черные ротные значки не колышатся. Загорелые лица офицеров и солдат дышат отвагой и мужеством. Враг — не страшен.

Ты не плачь, не горюй,
Моя дорогая,
Коль убьют, так не жалея,
Знать — судьба такая...

Вокруг вся степь в красных маках. Голубые леса на горизонте, вдали кое-где маковки белых церквей. Как хорошо идти туда, вперед, где за голубым далеким горизонтом грезится Москва... Отряд ведет капитан Большаков, командир Первого батальона. Он — из бывших студентов; в батальоне у него много бывших пленных красноармейцев, но он умеет их перевоспитывать. Его любят, и батальон его считается лучшим в полку. Бывший московский студент, социалист-революционер, стал идеологом Добровольчества и Белой борьбы. Он поэт и писатель, и наброски его появлялись в ростовских газетах. Обратили на себя внимание его короткие строчки о войне, посвященные добровольцам и марковцам:

Смерть не страшна, смерть не безобразна.
Она — прекрасная дама, которой посвящено служение,
Которой должен быть достоин рыцарь,
И марковцы достойны своей дамы...
Они умирают красиво...
Будет время, когда под звон
Кремлевских колоколов
Перед знаменами: Корниловским,
Марковским и Дроздовским —
Склонят свои венчаные головы —
Двуглавые орлы старинных знамен...

(«Рыцари смерти»)

Но до Москвы еще далеко, а близко впереди лишь Томаровка, красивое село на берегу речки с крутыми берегами, за коими, окруженная садами, блестит златоглавыми куполами женская обитель. Томаровка, занятая красными, наша сегодняшняя цель.

«Стой!.. Первое орудие, с передков — направо!» — командует капитан Шперлинг. Рота Первого батальона уже впереди, рассыпанная в цепь.

Стрелять нам почти не пришлось. Томаровка занята 13 июля. Но недолго мы стояли там спокойно. Положение наше оказалось сильно выдвинутым вперед, и красные могли нас атаковать с трех сторон. Началась упорная защита Томаровки и обители. К монастырю вплотную подступали густые дубовые леса, по коим, со стороны станции Готня, подходили свежие советские войска. Атаки их начинались обычно с рассвета, поэтому наша батарея должна была уже к четырем часам утра вставать и занимать позицию перед монастырем. Стреляли мы по лесам, лишь по предполагаемым целям, но патронов не жалели. Стреляли до темноты и лишь к полуночи ложились спать. И так ежедневно. Монахини часто приносили нам густые монастырские сливки и другие вкусные вещи. Давали отдыхать в их чистеньких, пахнущих кипарисом кельях, закрывая ставни от назойливых мух. Некоторые юнкера хотели посмотреть на молодых послушниц, но старые монахини тщательно охраняли их от взоров юнкеров. Защита монастыря придавала особую силу нашей обороне. Мы чувствовали выполнение какого-то долга.

Вскоре случилось неприятное происшествие, о коем было много разговоров: три наших офицера из бывших юнкеров — Попов, Кузьмин и Орловский — поехали на хутор, находившийся в нашем тылу, купить у крестьян яиц. Когда они вошли в первую хату, на дороге послышался конский топот. Это был большевистский конный патруль из черноморцев. Заме-

тив повозку, конные остановились. Комвзвода закричал: «Кадеты проклятые!» и выхватил наган. Наши, услышав конский топот, выскочили из хаты и, увидя конных, бросились бегом, через огороды к реке. Попов и Кузьмин успели добежать и перешли довольно глубокую речку, а Орловский (у него был порок сердца) остановился, сорвал погоны и бросил их далеко в огород. Подскакавшие матросы схватили его... На следующий день на одной заставе был найден труп офицера, убитого и до неузнаваемости изувеченного красными. На батарее решили, что этот убитый и есть Орловский. Похоронили его как Орловского и отслужили по нем панихиды.

Появление в тылу красных конных разъездов было признаком сосредоточения ударной группы против нашего малого отряда, выдвинувшегося вперед. Пушки гремели с двух сторон, а пулеметные очереди на заставах слышались даже ночью и мешали спать. На третий день этого боя командир отряда, полковник Слоновский, объявился больным и уехал в тыл, через село, еще не занятое заходившими в тыл красными. На следующий день и это село было занято. Молодой капитан Большаков, вступивший в командование отрядом, ясным отказом ответил на предложение Кутепова отступить. Он лишь попросил подкрепления. Вокруг шли тяжелые бои, и командующий корпусом прислал последний резерв корпуса — Инженерную роту. В это время к большевикам подошла интернациональная часть, состоящая из китайцев и латышей, с сильной артиллерией. Инженерные офицеры в свежих шинелях — «очкастые интеллигенты» — шагали довольно бодро в ногу и пели свою песню:

Марш вперед, Россия ждет,
Инженеров роты...
Звук лихой зовет нас в бой,
Забывай заботы...

Китайцы же и латыши через дубовые леса прорывались к стенам обители. Наша батарея настреляла кучи гильз, удерживая интернационалистов, но, пользуясь лесами, они подступили уже близко. Капитан Большаков сам повел тогда «очкастых» в штыковую атаку. Когда впереди послышалось «Ура!», мы двинулись вперед. Штыковой удар инженеров погнал китайцев и коммунистов-латышей. В лесу стало странно тихо и прохладно.

Около большого дуба в луже крови лежал китаец и проколотый штыком широкоплечий латыш. Рядом стоял невысокий, худощавый, довольно тщедушный интеллигент и носовым платком протирал запотевшее пенсне. Его винтовка была прислонена к дереву. Новый поручичий погон был украшен скрещенными молоточками. Поручик тяжело дышал и говорил растерянно: «Я вообще еще никогда не воевал, а тут вдруг — сразу — в штыки! Просто не понимаю, как это я так мог...»

Китайцы и латыши бежали неудержимо.

Когда мы возвращались в село Томаровку, жители приветствовали нас криками «ура!», а капитан Шперлинг приказал бригадному оркестру играть нам встречный марш.

Благодаря этой победе капитана Большакова, стало возможным наступление на станицу Готня, на Курском направлении.

Через полгода после этого памятного победного дня нашелся поручик Орловский, где-то под Воронежем перебежавший опять к нам. Вот его рассказ: «Когда я начал задыхаться и не мог больше бежать, я понял, что пропал. Первое, что я сделал, — сорвал офицерские погоны. Но матросы видели, как я их бросил в пшеницу и, подойдя ко мне, начали их искать. Тут их артиллерия открыла огонь по этому хутору, и гранаты стали близко ложиться от места поисков. Матросы с руганью прекратили поиски и пошли к лошадям. Меня избили и надели мне на голову ведро с яйцами. Желтки потекли мне по лицу и за воротник, и в таком виде я предстал перед командующим советской группой войск Сиверсом. Сиверс нацелился на меня из карабина и спросил: «Ты офицер? — мать твою так!» Но я отрицал и сказал, что я мобилизованный, что мой отец — рабочий, а мать — сельская учительница. Сиверс не поверил и приказал кого-то привести. Каков был мой ужас, когда пришел солдат нашей Первой батареи, Второго орудия, бежавший недели две тому назад к красным. Солдат был с красной лентой на папахе и с пулеметной лентой через плечо. «Вот эта сволочь, — обратился к пришедшему Сивере, — утверждает, что он не офицер, а мобилизованный, правда ли это?» Солдат внимательно смотрел на меня и долго раздумывал. Он, конечно, с первого взгляда, несмотря на яичные желтки, залившие мне лицо, узнал меня. Долго думал... Трудно сказать, что он думал, но вдруг уверенно сказал Сиверсу: «Нет, это не офицер, я там всех офицеров знаю».

Вспомнил ли он хорошее отношение бывших юнкеров к батарейным солдатам или просто почувствовал жалость к несчастному, сказать трудно. Дело кончилось

тем, что Орловского избили еще раз и затем отправили в тыл. Он долго сидел по тюрьмам, потом ему удалось смешаться с группой дезертиров, отправляемых из тюрьмы снова на фронт. Во время осенних боев Орловскому удалось перебежать к казакам.

Мы, марковцы, стали популярны в Томаровке и в смежной Борисовке, известной в России своим кустарным сапожным мастерством. Жители, обрадованные отступлением большевиков, старались угодить нам как могли. Однажды они устроили даже концерт в нашу честь. Командир батальона, капитан Большаков, сидел в первом ряду с хорошенькой сестрой Марковского полка.

Концерт Борисовки был сугубо провинциальным и доставил нам немало удовольствия. Хорошенькая гимназисточка, выйдя на сцену, долго стояла молча и с ужасом смотрела на публику, потом заплакала и убежала, — она забыла начало стихотворения. Гром аплодисментов раздался ей вслед.

Потом вышел здоровый детина-семинарист и спел оглушительным басом, но без тени малейшего выражения — «Ревела буря, дождь шумел...»

Вскоре мы передали наши позиции перед обителью у Томаровки только что сформированному Четвертому батальону Марковского полка. Поглядели еще раз на золотые купола, блестящие под лучами уходящего за горизонт солнца, на густые дубовые леса, на белые домики, на монастырские кельи, кои защищали мы столько дней своей грудью, и двинулись вперед.

Предстоял ночной переход. Мы были в составе обходной колонны. Утром мы прошли мимо группы штаба. Произведенный в генералы артиллерийский пол-

ковник Третьяков, командир батареи в Кубанском походе, был начальником группы. За бодрым бородатым и загорелым Третьяковым мы увидели нашего бывшего портупей-юнкера Канищева, обвешанного картами, с полевой сумкой. «Адьютант», — с некоторой завистью подумали некоторые из нас. Показались рельсы. На опушке леса стояла серая стальная масса нашего бронепоезда «Иван Калита». Высоко поднятая к небу шестидюймовка время от времени куда-то далеко кидала тяжелые снаряды. Мы шли через лес, потом снова через поле. Пехота наша, после минутной перестрелки, выбила красных из какой-то деревушки, и батарея прошла дальше... К вечеру, на окраине другой деревни, колонна попала под сильный оружейный и пулеметный огонь из подходившего к самой деревне леса. Оказалось, там засела советская пехота, пропустившая наш головной дозор. Колонна попала в засаду. Буквально в три секунды все соскочили с коней, повернули пушки к лесу и тотчас же открыли беглый огонь по опушке английскими гранатами мгновенного действия. От града пуль номера укрывались за щитами как могли. Наша пехота во главе с капитаном Большаковым двинулась вперед. Впереди, на пулеметной тачанке, молодой командир команды, поручик Ершов, начал бить из «максима» по лесу. Через минуту он упал, сраженный пулеметом красных.

На батарее было жарко... Но 8-я гаубичная была еще впереди нас, тотчас же за пулеметной командой. Ее командир не растерялся. Четыре гаубицы, четыре трехдюймовки начали гвоздить по опушке леса беглым огнем, бомбами и гранатами. Лес дымился от разрывов. В какие-нибудь четверть час на опушку легла сотня

бомб и гранат. Слышались лишь нестройные крики и беспорядочная стрельба. Марковцы ворвались в лес. Повсюду лежали трупы красных, некоторые были брошены на деревья; оставшиеся в живых — частью сдались, частью бежали.

Как выяснилось, этот бой был завершением разгрома советской ударной группы, прорывавшейся на Томаровку.

Мы стали двигаться в северном направлении на Курск. Около станции Ржава мы разделились: капитан Шперлинг со вторым взводом пошел налево от дороги на Курск, а наш первый взвод, с капитаном Михно, занял село Колбасовка, прикрывающее важный пункт станции справа от направления на Курск.

Теперь большевистские части из Сибири, прорвав наш фронт, двигались уже к Белгороду. Против этой советской ударной группы было брошено все, что только было в армейском и корпусном резерве, но основой сопротивления красным был Марковский полк, снятый с нашего «Курского» участка и переброшенный к югу под Белгород. Положение создалось грозное, когда группы отборной советской пехоты рвались к нашему Штабу армии, намереваясь перерезать все коммуникации. Под селом Короча, 26 августа, разыгралась драматическая контратака Первого Марковского батальона под командой капитана Большакова. Силы были, однако, неравные. Марковцы были обойдены красными с обоих флангов и сбиты с позиции. Капитан Большаков был тяжело ранен в ногу и остался лежать среди убитых и раненых марковцев. При подходе красных он застрелился. Так не стало борца за свободу России, гордости Марковского полка, бесстрашного воина и поэта.

Смерть не страшна, смерть не безобразна...

В дни боев под Белгородом и Корочей другая группа большевиков, под высшим командованием бывшего царского генерала Гутора, поддерживаемая несколькими бронепоездами с тяжелой артиллерией, наступала на Корниловский полк в районе Ржавы.

Село Колбасовка, которое находится в нескольких километрах от станции Ржава, пришлось оборонять почти месяц в ожидании общего наступления на Курск. Большевики наступали на Колбасовку через день, а иногда и каждый день, но эти бои носили однообразный характер. Еще на рассвете все колбасовские собаки убегали куда-то в степь. Как они чуяли предстоящую стрельбу, сказать трудно. Обстрел красными Колбасовки начинался из соседнего села трехдюймовками, гранатами и шрапнелью.

Гранаты рвутся по дворам. Дым поднимается среди крыш. По улице цокают подковы: «Господин капитан, — связь от батальона: большевики наступают от Пристенного... Просят выехать на позицию...» Запряжки скачут галопом в парк, гремя амуницией. Капитан Михно, все такой же худой и длинный, с той же рыжей бородкой и в той же грязной белой папахе Второго кубанского похода, появляется в парке с биноклем. Офицеры спешно выбегают из хат, застегивая на ходу гимнастерки. С визгом проносятся гранаты, в небе тают облачка шрапнели... За селом, на речке уже такает пулемет заставы, а под станцией Ржава — в это время ад: советские бронепоезда забрасывают шестидюймовыми снарядами посадку и полустанок перед Ржавой, где временами укрывался наш легкий бронепоезд «Слава Офицеру». Со стороны Ржавы доносится гул тяжелых разрывов.

В панораму орудия ясно видны большевистские цепи, вышедшие из Пристенного и надвигающиеся на заставы корниловцев. Наши пушки ежеминутно подпрыгивают, окутываясь пылью, выплевывая осколочные гранаты мгновенного действия. Расстояние и все местные предметы уже давно пристреляны, и цепи «товарищей» попадают почти сразу в полосу заградительного огня, сбиваются, расстраиваются, прекращают стрельбу и к восторгу корниловцев толпами бегут назад, подгоняемые нашими гранатами. Потом в Колбасовке снова все спокойно, мычат коровы, бабы идут за водой, собаки возвращаются к своим хатам.

У нас все благополучно: нет ни убитых, ни раненых. А у первого взвода, за Ржавой, дела хуже: есть несколько раненых и убит юнкер Штубендорф, совсем юноша, участник Второго кубанского похода.

Артиллерийский взвод попал в пристрелянную большевистской артиллерией полосу. Подать передки было нельзя, так как наша наступающая в это время пехота колебалась и ее надо было поддержать. Гранаты рвались между орудиями. Капитан Шперлинг отослал всех юнкеров назад и, оставшись с юнкером Иегуловым вдвоем, продолжал вести огонь, укрываясь от ежеминутных «накрытий» в окопчике, пока не стемнело. В темноте благополучно подали передки и орудия вернулись на Ржаву.

Капитана Шперлинга произвели в полковники, и мы все, участники Кубанских походов, были довольны. Капитан Михно же, товарищ Шперлинга по училищу, был не очень доволен этим производством. Он начал днем и ночью мечтать о заветных полковничьих погонах и решил выкинуть смелый трюк. Однажды вечером

капитан Михно собрал у себя всех офицеров взвода на совещание. Капитан предложил подъехать ночью с орудием к железнодорожному переезду, верстах в трех от Колбасовки, и ожидать там советский бронепоезд, подходящий обычно на рассвете. Спрятать орудие в кустарнике, а потом разбить бронепоезд гранатами в упор. Мы все возразили ему на это, что пехоты с нами не будет, и, если нам не удастся с первых же выстрелов разбить паровоз, то три орудия и десяток пулеметов бронепоезда уничтожат всех нас и орудие в две минуты. Тогда капитан вызвал добровольцев, но встретил молчание, ибо никто из нас не верил в серьезность этой затеи. Капитан Михно обиделся, но когда распустил собрание, стал обращаться к каждому из нас лично. Андрей Соломон спокойно отказался, но команда Первого орудия — Слонимский, Жилин, Кузьмин и я — не смогли отказаться.

Ночью мы двинулись с орудием через поля к железной дороге... Было темно, холодно и неудобно на душе. Казалось безумием ехать с орудийной запряжкой в сторону врага, далеко за свои пехотные заставы. Колеса орудия и передка мы обмотали соломой, но они все же грохотали по спящей степи.

В темноте едва различалось полотно. Вокруг все было тихо. Сняли орудие с передка, сняли чехлы и вынули гранаты мгновенного действия, потом начали рыть себе ямки. В этих ямках, быть может, удастся уцелеть от пулеметов. Михно выломал где-то куст и прикрыл им орудие. Затем мы ждали рассвета. Утром дрожали от холода и прислушивались...

Еще не поднялось солнце, как со стороны станции Солнцево послышался далекий стук колес. Это шел

«Третий Интернационал» для своего обычного утреннего поединка с «Офицером». Наше положение было глупым, — видимые со всех сторон, мы сидели в штагах от полотна, на местности, ровной, как стол, укрываясь за воткнутой перед орудием веткой! Но тут случилось чудо: «Третий Интернационал» именно в это утро почему-то не дошел до своего обычного места на переезде, а остановился в двух километрах от Солнцева и выстрелил из своего переднего орудия. Неразорвавшийся снаряд ковырнул поле недалеко от нас, затем послышался шум колес. Бронепоезд уходил назад на Солнцево. Над Колбасовкой подымались уже дымки, бабы затопили печи.

Взошло солнце и стало тепло. Михно лег на сложенные гранаты и через минуту захрапел. Постепенно заснули и мы все, и спали, пока солнце не взошло высоко. «Передки на батарею!» — скомандовал капитан. Лицо его было обиженным. Мы ехали назад в Колбасовку, посмеиваясь над ночными страхами. Когда подъезжали к мельницам, Кузьмин громко запел переделанную казачью песню:

...Пыль клубится по дороге...
Слышны выстрелы порой...
То с набега удалого
Едет наш Михно младо-о-о-ой...

Михно повернулся в седле: «Кузьмин! Прекратить безобразия!»

Все же через несколько дней пришлось нам всем серьезно схватиться с «Третьим Интернационалом» и другим бронепоездом. Для борьбы с красными броне-

поездами, нажимавшими на Ржаву, командование установило около Ржавы в поле батарею английских длинноствольных тракторных пушек — «Лонг Том». Эти дальнобойные пушки время от времени кидали шестидюймовые гранаты на Солнцево. Состав этой батареи был из тыловых кадровых артиллеристов, мало приспособленных к условиям Гражданской войны.

Однажды мы в Колбасовке проснулись на рассвете от близкого пушечного грохота и разрывов. Выскочили на двор и увидели: над станцией Ржава поднимается густой черный и бурый дым. Грохот разрывов и выстрелов тяжелых пушек и скорострелок сливается в адскую какофонию. Поднялись на крыши и клуни, — оказалось, что колонна советских бронепоездов прорвалась в предрассветных сумерках к станции Ржава и долбит ее из всех орудий. В Ржаве наш передовой штаб, управления, обозы, склады... Батарея «Лонг Том» молчит, очевидно ее состав разбежался. Бронепоезд «Слава Офицеру», отходивший на ночь в свою базу, не появился к рассвету, вероятно его команда проспала.

Настал час капитана Михно. Через пять минут артиллерийский взвод неся карьером по ровному полю прямо во фланг советским бронепоездам.

Колбасовка почти не видна позади в овраге, а стальные чудовища как на ладони. Их тяжелые и легкие пушки ежесекундно выблескивают огонь по уже горячей Ржаве.

Красные командиры и наводчики, увлеченные стрельбой по станции Ржава, не заметили лихого выезда артиллерийского взвода. Мы снялись с передков на полузакрытой позиции, угнали передки далеко назад и

тотчас же начали огонь гранатой, прямой наводкой, «прицел двадцать» до команды «стой!».

Первые наши гранаты сразу же разорвались у блиндированных вагонов. На дистанции двух километров пушки бронепоезда могли бы нас уничтожить в течение нескольких минут, но воистину «смелость города берет»... Пушки бронепоезда начали нас громить беглым огнем, но нам повезло, — впереди нас был небольшой, едва заметный гребень, а морские скорострелки, с их большой начальной скоростью и настильностью, не могли нас поразить на близкой дистанции. Снаряды шестидюймовок или попадали в гребень впереди и рвались со страшным грохотом, или перелетали через наши головы и рвались далеко позади. Мы оказались, благодаря невероятному счастью, под самым носом броневиков в мертвом пространстве и методично высаживали гранаты в блиндированные вагоны. После удачного попадания гранатой в командную платформу противником овладела паника. Паровозы задымили, пушки смолкли, и бронепоезда, один за другим, ушли на Солнцево. Мы спасли Ржаву от полного разгрома и довольные возвратились домой в Колбасовку.

На другой день пришел приказ идти на железнодорожный переезд и занять там позицию против советских бронепоездов, так как наш бронепоезд «Слава Офицеру» почему-то не придет.

Погода была в тот день переменчивая — то солнце, то дождь, все было мокро вокруг, серо и скучно. Советский бронепоезд подошел от Солнцева и обстрелял нас из морского орудия: выстрел и разрыв — один звук. Пришлось передки, ящики и всех лошадей отвести назад. Бронепоезд отогнали. И снова выглянуло солнце.

Можно было себе представить наше удивление, когда у орудий появилась молоденькая блондинка в белой косынке, с узелочком и свертком в руках. Выяснилось, что это Лиза Байер, москвичка, бывшая невеста нашего юнкера Хартулари. Она — работница нашей армейской разведки, по секретному заданию должна пробраться в Москву, и решила переходить фронт через нашу батарею, чтобы повидать Сережу Хартулари. Прожила она у нас два дня и на рассвете, с узелочком в руке, пошла на железную дорогу на Солнцево.

Мы встретили ее через три недели, когда входили в Курск. Лиза стояла на тротуаре, протягивая букет белых цветов Первому орудию... В тот же день она рассказала нам свои приключения. Добравшись до станции Солнцево, она была остановлена командой бронепоезда «Третий Интернационал». Красные поверили ей, что она учительница и пробирается к матери в Москву. Команда красного бронепоезда ругала нашу батарею в Колбасовке, оказывается, наша граната попала в командирскую рубку «Третьего Интернационала» и уничтожила там весь штаб группы бронепоездов. «Поймаем кого-нибудь из этих сволочей, — говорили матросы с бронепоезда, — живьем шкуру спустим»... Вероятно, это было не пустым обещанием.

В Москве Лиза чуть не попала в тюрьму и еле успела бежать. В Курске она нас ожидала.

Бои под Белгородом закончились. Советская ударная группа была разбита конницей генерала Шкуро, и фронт нашей армии был выправлен. 14 сентября армия перешла по всему фронту в наступление на Курск. Первое столкновение было для нас удачным: не успела батарея занять позицию, как полковник Шперлинг, с

конными разведчиками батареи и дивизиона, пошел в конную атаку на советскую батарею и на ее ротное прикрытие. Рота прикрытия сразу же сдалась, а батарея в четыре орудия была взята с фланга. Только красные ездовые успели ускакать на обрубленных уносах через овраг. Через полчаса со стороны Ржавы подошли четыре танка и выскочившие из них хорошо одетые офицеры из Екатеринодара начали приписывать захват красной батареи себе. Это было первый и последний раз, когда, при наступлении на Москву и при отступлении, мы видели наши танки. В оперативной сводке Верховного командования было сообщено, что советская четырехорудийная батарея была захвачена частями Корниловской дивизии. Когда герой этой лихой конной атаки артиллеристов, полковник Шперлинг, узнал об этой оперативной сводке, он только спокойно сказал: «Ну и черт с ними!»

Мы быстро двигались на Курск, оставленный Красной армией почти без боя. В Курске был большой парад Марковской дивизии. Батальоны увеличились притоком добровольцев, прибывающих отпускников и поправившихся раненых. Проходило много и пулеметных тачанок. Подъем был всеобщий. Все рвались вперед... на Москву.

Корниловцы уже подходили к Орлу. В Курске была сформирована Шестая Марковская батарея, командиром которой был назначен капитан Михно, а я получил Первое орудие. Полковник Шперлинг не хотел нас отпускать из Первой батареи и всю ночь сидел мрачный, подперев голову руками. Он привык к нам, юнкерам Первого кубанского похода, как к своим младшим братьям и не хотел с нами расставаться.

Был ясный полдень. Я поднимался по улице Курска. В Первой батарее, уже не «моей», шли спешные сборы к походу. Я шел попрощаться со старыми друзьями, но запоздал, — бывшая Юнкерская, теперь Первая генерала Маркова батарея уже двигалась в походной колонне. Впереди реял черный значок с золотой буквой «М» и золотыми скрещенными пушками. Шперлинг, Иегулов, Налетов и несколько конных черкесов были впереди. Отдохнувшие кони рвали поводья. Гремел марш провожающего бригадного оркестра. Это была бравурная мазурка, под звуки которой кони перешли в рысь. Пушки загрохотали по булыжной мостовой. Котик Слонимский увидел меня и подскакал попрощаться, тряхнул кудрями, закинул башлык и тронул коня шпорами. Он был на высоте: молодые горожанки стояли на тротуаре и махали белыми платочками, провожая батарею. Поднялась пыль, последнее орудие исчезло за поворотом и лишь мазурка бригадного оркестра продолжала греметь. Мне стало жаль своей родной батареи, жаль самого себя, жаль прошлого, связанного с Юнкерской батареей. Закрылся красочный этап жизни и открывался другой.

Для формирования новой — Шестой батареи Марковской бригады мы, выделенные из Первой батареи офицеры, получили пушки образца 1902 года и солдат, бывших «махновцев», с Днепра, мобилизованных. Начались спешные занятия у орудий. Всеми орудиями новой батареи командовали первопоходники: Первым орудием — я; Вторым орудием — Плотников; Третьим — Златковский, из бывших кадеов аракчеевцев; Четвертым — Анкирский. Андрей Соломон командовал Первым взводом, Березовский — Вторым. Сергеев и Малков — пу-

лементными командами и Орловский — конными разведчиками.

Курск не походил на Ростов и Новочеркасск, в городе ощущался микроб «советчины» и морального разложения. Страшной заразой были занесены в добровольческие ряды пьянство и кокаин, распространенные среди советских комиссаров. Устраивались вечера с употреблением кокаина при участии курских девушек. В большом зале бывшего Дворянского собрания, с погруженными в темноту гостиницами, часто бывали балы. Офицеры, находившиеся в Курске, уже не дали боевого элемента в ряды добровольческих полков. У них не было ни наших традиций, ни нашего боевого духа, родившегося в эпоху боев и походов Кубани и Дона. Того чудесного «корниловского» боевого духа, позволявшего гнать превосходящие силы противника и освободить от большевиков, один за другим, русские города...

Большевистский микроб и большая оставленная добыча быстро разлагали добровольческие тылы: хозяйственные части, оставшиеся далеко в тылу, занялись кражами и спекулятивной вакханалией.

На фронте становилось тяжело: надвигалась поздняя осень 1919 года. Холодный дождь часто хлестал днем и ночью, ветер гнул оголенные деревья и гнал по опустевшим равнинам перекасти-поле. И люди и лошади продрогли. Впереди было серо и туманно. На севере, за горизонтом, все усиливался враг, а позади, на юге, были города, ярко освещенные, уютные. Там горели камины, сияли огнями рестораны и кафе, смеялись оголенные красавицы.

Шестая Марковская батарея, после двухнедельного формирования, грузилась на станции Курск-Товарная.

Орудийные кони, полученные от Управления бригады, еле дотащили орудия до станции. На улице была толпа, гремел тот же бригадный оркестр. Я ехал впереди Первого орудия на худосочной, высокой кобыле. Мои номера и ездовые «махновцы» были довольно хмурые, они совсем не хотели больше воевать.

Гремя буферами, наш эшелон тронулся, и безрадостные поля потянулись вдоль полотна. Поезд из нескольких вагонов шел на северо-восток, куда-то к лесным районам, к Щиграм, где когда-то охотился Тургенев.

Выгружались на маленькой станции у какой-то деревушки, где нас должна была ожидать пехота, незнакомый нам Сводно-Стрелковый полк под командой полковника Гравицкого. К моменту выгрузки пошел сильный дождь, не перестававший лить почти трое суток. Поля и дороги превратились в болота и озера. В деревушке, где стоял штаб полковника Гравицкого, ходили тревожные слухи о близости советской конной группы. Накануне, выдвинутый вперед, батальон этого полка был изрублен советской конницей. Полковник Гравицкий отошел поэтому к железной дороге и потребовал подкрепления.

Прислали недоформированную Шестую Марковскую батарею (1-й взвод), с никуда не годным конским составом, и сообщили, что находящийся по соседству, западнее, Марковский батальон будет завтра наступать. Предписывалось наступать и полковнику Гравицкому.

Крестьяне в этом селе страшно боялись возвращения красных, и поэтому, когда хитрый Андрей Соломон предложил крестьянам обменять наших худосочных и заморенных батарейных коней на здоровых крестьянских, угрожая, в случае отказа, возвращением красных,

крестьяне согласились. Образовалась целая конская ярмарка, в результате которой Шестая батарея обзавелась хорошим конским составом и смогла к ночи выступить с полком Гравицкого в северо-восточном направлении.

Люди и лошади скользили по разжиженной глине и падали. Моя кобыла рухнула в канаву, я перелетел через ее голову руками вперед и зачерпнул в оба рукава холодную жидкую грязь.

Наступил рассвет, дождь не прекращался, по небу неслись серые, разорванные тучи. На душе было очень уныло. На опустевших полях вдаль виднелись деревушки, казавшиеся вымершими. Дорога вилась по косякам и походила больше на глубокую канаву, по коей тяжело хлюпали копыта уставших за ночь коней. Противника не было видно, но он ощущался повсюду вокруг: впереди, слева и справа раздавались то далекие, то близкие выстрелы. Это были разъезды противника, охватывающие нашу колонну. Мы не видели, но нутром чувствовали присутствие сильных конных групп противника. Так прошел весь день марша, без боя. Промокшие и продрогшие до костей, мы остановились в какой-то деревушке на ночлег. На полатах было тепло и уютно. Отдохнули и выпались как следует.

На следующий день, как только мы выступили, завязалась стрельба. Мое Первое орудие, поднявшись на бугор, попало под оружейный и артиллерийский огонь. Разорвавшаяся шрапнель ранила моего наводчика в плечо. С близкой дистанции мы открыли огонь гранатами по перелеску, где засела красная пехота. Стрелки полковника Гравицкого довольно бодро пошли вперед. Вскоре слева, западнее, также послышалась сильная

оружейная и пулеметная стрельба. Сквозь моросивший дождь были видны цепи наступающего параллельно Марковского батальона и группы отступающих красных. Весь день мы продвигались вперед с боем. Очередь наших гранат, разорвавшаяся в лесной балке, выгнала оттуда значительную группу красной конницы, начавшую в беспорядке уходить назад. Мы преследовали ее огнем до самого горизонта. После этой недолгой схватки наша пехота уже не встречала сопротивления и в коротком бою захватила переправу через реку Сохну. Наш батарейный пулеметный взвод, под командой поручика Сергеева, работал все время в передовой цепи, хотя это и не входило в его обязанности. Вскоре и орудия переправились через реку.

Замелькали знакомые с молодости названия тургеневских мест: Льгов, Мармыжи, Ливны... Мы вошли в чудные края северо-востока Курской губернии, — густые леса, равнины и поля.

Поручик Орловский со своими конными разведчиками взял в плен двух советских кавалеристов. Это были солдаты Алатырского полка 11-й советской кавалерийской дивизии; усатые наездники были хорошо одеты и вооружены. В их седлах находилось все, что было у кадрового кавалериста довоенного времени. Стало как-то неуютно на душе: против наших жидких пехотных рот действовала не только превосходящая нас по численности советская пехота и артиллерия, но и целая кавалерийская дивизия, отлично вооруженная и снабженная. Казалось, что своим отступлением советское командование лишь заманивает нас вперед, на север. Серьезных боев не было, и мы делали ежедневно переходы около двадцати верст на север.

Корниловская дивизия шла на Орел³¹, а мы должны были двигаться на Елец. Наш отряд был крайним правым флангом Первого корпуса генерала Кутепова. Правее нас, где-то за лесами, должна была быть конная группа генерала Шкуро, с которым у нас не было никакой связи, и еще восточнее — Донской корпус генерала Мамонтова, наступающий на Воронеж. Дождь прекратился, и настроение стало лучше. Хотя мы побеждали и шли вперед, на душе было неспокойно: все сильнее ощущалась наша затерянность в этих бескрайних полях, долинах и лесах. Изредка попадались по дороге разоренные имения, полуобгоревшие усадьбы, белые камни полурухнувших палаццо, успевших уже зарости бурьяном. Сады и парки бурно разрослись.

Наконец мы пришли в «заштатный городок» — скорее, село — Чернаву, где остановились в хорошем доме сельского батюшки. Была объявлена дневка, которая затянулась на несколько дней. Молодой батюшка оказался «передовым» и о большевизме говорил с ноткой сочувствия. Он рассказал, что стоявшие до нас в его доме советские кавалеристы были «настоящие гусары», настоящие офицеры! (Можно было понять: не то что вы, «грубые солдафоны».) Но матушка — молоденькая, пышная брюнетка — была, видимо, другого мнения и охотно принимала ухаживания нашего пулеметчика — поручика Сергеева — черноглазого, смуглого, веселого юнца.

Вишневая наливка не сходила со стола, а ординарец взводного командира, поручика Андрея Соломона, принес с пруда большого налима, выловленного путем брошенной в пруд ручной гранаты. За окном снова зашу-

мел дождь, гулял осенний ветер, а у батюшки в доме было хорошо. Поручик Соломон спорил с батюшкой о социализме. Батюшка, явный «живоцерковник», был, возможно, и коммунист.

Сергеев почему-то слишком часто помогал матушке на кухне. Поручик Плотников рассказывал мне о полковнике Тимановском, начальнике Марковской дивизии, перед коим он благоговел: быть таким, как Тимановский, было пределом мечтаний бывшего «михайлона» — туркестанского кадетика Плотникова. Начальник конных разведчиков Орловский налегал на наливку и пел свои заунывные кавказские мелодии. Нас было пять молодых офицеров Первого взвода Шестой Марковской батареи, бывших юнкеров-первопоходников. Капитан Михно, командир батареи, уехал уже несколько дней тому назад в Курск, торопить формирование Второго взвода, и мы чувствовали себя более независимыми и самостоятельными. Наконец мы почти все получили командные должности, перестали быть «рядовыми юнкерами», гордились своей ответственностью, возможностью командовать и приказывать подчиненным. Между собой мы оставались товарищами и, не сговариваясь, образовали общий фронт против командира Первого взвода, Андрея Соломона, игравшего в «начальство» и пробовавшего даже «цукать» нас, офицеров Первого взвода. Андрей, несомненно, мечтал о карьере, и, когда в Чернаву прибыло Управление дивизиона, он тотчас же отправился с визитом к командиру дивизиона, тучному полковнику Воробьеву и пригласил его к нам на налимью уху. Обласканный приемом в Управлении дивизиона, Андрей Соломон, вернувшись, ходил по комнате, напевая:

Как весна, жизнь красна,
Еще краше — слава.
В бой пойдем, нам нипочем...
Храбрым бой — забава...

Поручик Орловский улыбался, хорошо зная переживания Андрея в боях, а были они весьма далекими от «нипочем». Орловский часто носился со своими конными разведчиками-черкесами между фронтами, приводил пленных и плевал на батареиное начальство — Андрея Соломона.

Итак, Андрей Соломон вернулся от начальства в хорошем настроении и предвкушал обед с полковником! Потом послал своего ординарца-хохла на озеро, бросить вторую гранату и принести второго налима, первый был уже нами съеден. Минут через десять ординарец вернулся смущенный и доложил, что граната не разорвалась и налима — «нэма»: он бросил гранату, не сдвинув предохранителя. Тогда Андрей послал ординарца к командиру Сводно-стрелкового батальона, но тот прислал холодный ответ, что ему нужны ручные гранаты для боя, а не для ловли рыбы. Андрей забегал, не зная, что делать. Баран или курица были в то время не угощением для высокого начальства, а ежедневной их пищей, и, кроме того, полковник был приглашен именно на налимью уху, а не на куриный суп. Время тянулось томительно медленно, час обеда неуклонно приближался, а выхода никто не видел.

Однако провидение было на стороне Андрея: неожиданно над крышами уютной Чернавы прожужжала очередь советских гранат и с грохотом разорвалась на огородах и в поле. На аванпостах четко застучал «кольт».

За первой очередью гранат вторая разорвалась между домами и сараями. Кони заметались на коновязях, ездовые побежали с седлами в парк, по проулкам прискакали конные — связь от командира полка. Андрей отдавал сбивчивые распоряжения. Мы с Плотниковым побежали к орудиям. Было видно, как по косогору на юг, в направлении Ливны, ускоренной рысью уходила группа всадников с черным флажком. Это было Управление дивизиона, не дождавшееся налимьей ухи. Мы с Плотниковым запрягли орудия и ждали дальнейших распоряжений. В Чернухине было явно неблагополучно, веяло паникой. Вскоре мимо проехал командир «партизанского» Алексеевского³² полка. Он держал в руке выхваченный из кобуры пистолет и крикнул нам: «Выходите скорее на Ливенскую дорогу — нас обходит конница!»

Мы двинулись дальше. Окраина Чернавы оказалась не занятой: они боялись нас, а мы их... Большевистская пехота заняла лишь половину Чернавы, по тому берегу речки. Партизаны-алексеевцы осторожно пошли вперед и залегли между домами по этому берегу речки. Началась по Чернаве частая, беспорядочная ружейная стрельба. А наши пушки били по окраине, занятой красными, и по опушке леса. Я корректировал стрельбу с чердака здания школы, но нигде не обнаруживал ясной цели. Откуда-то из леса, на далеком прицеле, большевистская батарея вела беспорядочный огонь по занятой нами окраине и по полю, где были наши зарядные ящики. Там же стоял обоз алексеевцев и пулеметная команда поручика Сергеева.

Я наблюдал, как Сергеев «воспитывает» свою молодую пулеметную команду из курских гимназистов: он

не увозил пулеметы из зоны гранатного обстрела и ругался, когда замечал, что кто-либо из команды «клянется» гранатам.

Так продолжалось целый день. Я надеялся, что к ночи мы пойдем на какой-нибудь хутор, но ошибся; появился исчезавший куда-то поручик Соломон и объявил, что ночевать мы будем тут же, на краю Чернавы, а завтра, на рассвете, со стороны Ливен подойдут марковцы и мы перейдем в наступление. На рассвете я был снова на чердаке школы и оттуда начал вести стрельбу, подготовляющую предстоящую атаку. Гранаты глухо рвались на окраине Чернавы и на опушке леса; в бинокль можно было рассмотреть какие-то повозки. С волнением я увидел, как по балке, слева от Чернавы, движется колонна марковцев и, рассыпаясь в цепи, обходит Чернаву. Вспыхнула торопливая и беспорядочная оружейная и пулеметная стрельба. Марковцы ворвались в город. Было ясно видно, как от речки и с окраины Чернавы к лесу бегут группы красных и несутся их повозки. Наши пушки прямой наводкой начали беглый огонь, подбадривая бегущих в лес.

Победа была за марковцами. Широкоплечий марковский полковник подъехал к штабу Сводно-стрелкового полка. Он, очевидно, с утра хватил «спиртяги», ибо, как вепрь, налетел на командира сводных стрелков, обрушив на него потоки ругани: «Почему вы, мать вашу, не атаквали одновременно с фронта?.. Мы бы их всех взяли голыми руками!.. Из-за вас я взял лишь триста пленных!»

Мы пошли вперед через город, а позади все еще слышались крики и ругань полковника. Разгром красных был все же ощутимый. Улицы и дворы были по-

крыты порванными документами, из коих следовало, что против нас дрался какой-то полк «имени Ленина», своего рода гвардия. Навстречу шли группы пленных. Мы вошли в лес за пехотой и, так как большевики бежали быстро, свернулись в походную колонну. Шли почти два часа и лишь верстах в десяти от Чернавы, перед селом Афанасьевка, красные, очевидно, получив подкрепление, пробовали оказывать сопротивление. Наша пехота, поддерживаемая нашим огнем, тротильными гранатами и конной атакой десятка черкесов Орловского, с фланга ворвалась в Афанасьевку (13 октября). Шапка Орловского оказалась пробитой пулей, чему он был доволен.

Мы остановились в богатом доме, где было много книг, хорошая мебель, много спирта и наливки. Квартира носила следы спешного бегства: на диване валялась офицерская шинель мирного времени без погон. На столе был граммофон и куча пластинок. Мы, усталые от боя, марша и наливки, повалились спать. Не легли только Плотников и я. Я был озабочен тем, что мы расстреляли почти все снаряды, и послал в Чернаву конного разведчика, чтобы этой же ночью привезти нам снаряды из дивизионного парка. Плотников нашел граммофонную пластинку «Преображенский марш» и постоянно ее заводил. Временами он наливал себе наливки и снова заводил марш: «Знают турки нас и шведы...». Трудно сказать, какие мысли будил в нем старый петровский марш, после грохота боя, лесного марша и глуши русских деревень...

Наутро нас, с тем же партизанским батальоном, повернули почему-то обратно на юг к реке Сосне. Мы снова шли через лес по малопроезжей дороге. После

часового марша колонна неожиданно была обстреляна с близкой дистанции из лесной балки и на «ура» атакована красными. Но памяты были уроки Корниловского Кубанского похода! В минуту обе пушки были сброшены с передков, повернуты на балку и... выплюнули картечь и гранаты. Ободренные вчерашней победой стрелки сразу же пошли в контратаку, а поручик Орловский тут же, у орудий, рассыпал своих черкесов в лаву. Черкесы через лес пошли в конную атаку, а с ними поскакали Сергеев и Плотников. У Плотникова орудие заклинило, и он рвался в бой. Через минуту все утихло, лишь далеко за лесом слышались еще вспышки оружейной стрельбы. Вели пленных...

Сергеев, поручик-пулеметчик, не вернулся из этой конной атаки. Орловский рассказал, что Сергеев заскочил слишком далеко вперед, увлекшись преследованием бегущих красных, и не заметил сильного конного разезда. «Его зарубили, и мы не могли ему помочь».

Плотников тоже носился на своей маленькой лохматой лошаденке, врываясь в группы бегущих красных, и взял в этот день больше тридцати пленных.

Удрученные смертью нашего товарища, мы в этот вечер печальные сидели на хуторе, почти на самом берегу Сосны. Появился всезнающий поручик Соломон и сообщил, что завтра мы будем наступать на город Елец, находящийся уже недалеко. В Афанасьевке сосредоточилась вся группа генерала Третьякова и даже прибыло наше Управление бригады. Где-то поблизости с первым Марковским батальоном находится и наша родная Первая батарея полковника Шперлинга. Снаряды были нам доставлены в эту ночь нашим юнкером Преображенским, который с несколькими повозками, нагруженными

снарядами, преодолел густой лес — почти тридцать верст по незнакомым дорогам, без конвоя.

Черкесы Орловского привели советского конника, видимо, заблудившегося в утреннем тумане. Поручик Соломон решил, что этот пленный — советский комиссар. В карманах пленного были списки какой-то команды и три тысячи рублей. Андрей допрашивал его с искусством заправского чекиста и хотел непременно подвести его под расстрел. Пленный держался с достоинством. «Я не комиссар, а вахмистр Алатырского конного полка. Я из Харькова, где у меня жена и маленькие дети», — сказал он. Плотников и я вступились за него и заставили Андрея отложить решение до следующего дня.

Ночью в стороне Афанасьевки клокотала ожесточенная стрельба, продолжавшаяся довольно долго. Утром стрельба разгорелась снова. Нас вытребовали в Афанасьевку. Было нехорошее предчувствие, когда мы двигались через лес на выстрелы. Наше Второе орудие, с поломанным ударником, шло с обозом. С пехотой шло только мое Первое орудие, а Плотников ехал в стороне на своей Мохнатке. Вскоре мы въехали в Афанасьевку: на улицах валялись поломанные повозки, мешки — была рассыпана мука.

Вокруг Афанасьевки кипел бой. Штаб группы генерала Третьякова уже куда-то выехал и на пустынной улице, на одном из домов, висели значок командира батальона полковника Агабекова и значок нашего дивизиона. Дивизионные разведчики спешно седлали коней. Из разговоров можно было понять, что главные силы группы — первый и второй батальоны Марковского полка — уже прошли на Елец и ведут там бой и что

в то же время наша группа атакована с фланга и тыла сильными пешими и конными частями Красной армии. Нас выдвинули на окраину села, откуда было ясно видно, как густые цепи красных беспрепятственно наступают на Афанасьевку с севера.

Видя, что Партизанский батальон медлит рассыпаться в цепи навстречу противнику, я понял, что общее положение неблагоприятно. Действительно, скоро понеслись, обгоняя друг друга, повозки хозяйственных частей, разведчики Управления дивизиона и бригады... Вся масса повозок и конных густой колонной неслась прямо на Елец, в сторону противника. Оказалось, что в это время советская конная бригада вышла нам в тыл — это и было причиной паники.

Когда советские цепи значительно приблизились и выскочившая вперед пулеметная тачанка начала строчить по бегущей колонне, паника еще увеличилась. Дивизионный адъютант, поручик Бахмулин, наш константиновец, получил пулю в шею и упал с коня.

Традиция Корниловского похода и школа капитана Шперлинга не позволили участвовать в общем бегстве.

«Стой! С передков налево! По пулемету... Прямой наводкой! Двадцать... Гранатой огонь!» Потом 19... 18... 17... Когда разошелся дым разрывов, стрелявшего пулемета не было больше видно... «Какой батареи? Как фамилия?» — услышал я позади себя голос. Это был генерал, начальник группы. — «Шестая Марковская батарея, Ваше Превосходительство». Генералу понравилось, что мы спокойно стреляем, когда кругом бегут.

Отступление к Ельцу стало более планомерным, но продолжалось недолго. С ближайшего гребня мы увидели город Елец в дымке, купола церквей и фабрич-

ные трубы. Навстречу нам двигались повернувшие от Ельца нам на помощь Марковские батальоны. Как на параде разворачивались они из походных колонн в цепи. Я обрадовался, когда увидел знакомые английские пушки, коренную кобылу Машку, синий башлык Котика Слонимского, полковника Шперлинга, смешливого худенького Кузьмина, вспоминавшего все прошлые бои батареи не по боевым эпизодам, а по тому, где и что он ел... У него так и осталась училищная кличка Козерог. Козерога все любили, но не пускали стрелять из орудий, и он был несменяемым «ящичным вожатым».

Я поскакал навстречу родной Первой батарее, снимавшейся с передков близ моего орудия. Долго говорить было некогда. Полковник Шперлинг бросил испытующий взгляд на меня и на мою запряжку. Улыбнулся... Нельзя было понять, одобряет ли он или осуждает что-либо.

Красные подтянули новые резервы, подвезли батареи и начали энергичную контратаку. Огонь красных был силен, но что могло быть страшным, когда рядом стоял Первый взвод батареи генерала Маркова? Вокруг рвались гранаты, свистели осколки и шрапнельные стаканы, — было действительно «жарко». Но как хорошо было стоять на зарядном ящике, смотреть вперед в бинокль, спокойно подавать команды и не замечать «ада». Из уважения к бывшему командиру подавать те же команды, что и он, и сознавать, что он, быть может, смотрит сейчас на своего ученика, а ученик не должен ударить в грязь лицом ни за что...

К вечеру марковцы сбили красных по всему фронту и наши гранаты долго провожали сбившиеся, бегущие

цепи большевиков, с далеким глухим гулом разрываясь темными букетами на косогорах и далеких гребнях.

К вечеру, когда бой уже затих, из штаба дивизиона приехал Андрей Соломон и сообщил печальную весть: «Плотникова — больше нет»... Сдав свое заклинившееся орудие обозу, он скакал по цепям, ища подвига. Во время общей атаки большевиков, когда дрогнул и начал быстро отходить батальон Партизанского полка, Плотников подскакал на своей Мохнатке к отступающей цепи и, осаживая свою кобылу, закричал офицерам и солдатам: «Слушать мою команду!»... «За мной — вперед!» Очевидно, в его мальчишеском голосе зазвенело что-то сильное и непоколебимое, — что-то, что было сильнее страха смерти, что заставило бегущих, обезумевших от страха людей вдруг остановиться, повернуться, закричать «ура!» и побежать в такую страшную контратаку, не слыша треска оружейной и пулеметной стрельбы...

Вероятно, Плотников пережил истинный духовный подъем: в один такой короткий и в то же время вечный миг пронеслись перед ним, в лучах сияния славы, образы Суворова, Скобелева, Маркова, Корнилова... Вероятно, он увидел и своего любимого начальника Марковской дивизии — Тимановского... Вероятно, в это время в его ушах гремел Преображенский марш и заглушал все — и пушечную стрельбу и грохот боя...

Потом, быть может, на какой-то короткий миг, он увидел серое небо и затем — вечный мрак. Атака была безумной. Одна рота, хоть и смелой, дерзкой атакой, не смогла бы опрокинуть наступающую широким фронтом советскую бригаду с артиллерией.

Не стало Плотникова, и мы не могли его похоронить, тело его не было найдено.

Елец в этот день не был взят, не был взят и в дни последующие. Мы получили приказ отступить на Чернаву. Потемневший ночью лес теснился к дороге, тянувшейся еле видной лентой. Я шел пешком за орудием, прислушиваясь к монотонному шуму колес, и думал о Плотникове. В ушах все еще слышался треск оружейной стрельбы, визжали и свистели осколки. От леса веяло спокойствием, миром, пахло сырым прелым листом глубокой осени. Печальна была этой ночью вечерняя победная дорога. Вскоре между деревьями замелькали огоньки Чернавы. Через полчаса мы уже сидели за чаем у того же батюшки-социалиста. В комнате было так же тепло и уютно, лишь два стула остались пустыми..

Мы делились впечатлениями пережитого и вдруг вспомнили пленного «комиссара». У обозного фейерверкера мы выяснили, что весь день тяжелого боя под Афанасьевкой «комиссар», без всякой охраны, находился при вышедшем из строя орудии Плотникова и не пытался сбежать. Не сбежал он и ночью, когда не было никакого труда нырнуть в придорожные кусты. Андрей Соломон позвал «комиссара» и, когда тот вошел и вытянулся, как вытягивался русский кадровый кавалерист, спросил его: «Хочешь к нам в батарею — разведчиком?»

«Комиссар» обрадовался: «Так точно, ваше высокоблагородие!» Дали ему погоны с фейерверкерскими нашивками, шашку и драгунскую винтовку, и он ушел довольный.

Но не прошло и часа, как из штаба группы пришел приказ: «Немедленно расстрелять взятого вами в плен советского комиссара»... Андрей подумал, позвал своего ординарца и приказал ему привести пленного. Я с

тревогой ждал развязки. Пленный, уже в фейерверкерских погонах, вошел в комнату. Андрей Соломон прочел ему приказ о его расстреле. Лицо пленного побелело, он молчал. В комнате было тихо, слышалось лишь тиканье старых часов на стене. В тишине раздался голос Андрея: «Ты наш солдат и уже надел наши погоны. Оставь здесь шашку и винтовку. На мосту на южной окраине нет заставы. Ступай с Богом и, если к тебе когда-нибудь попадет белый, — поступи с ним так же». Пленный не бросился на колени, но лицо его выразило всю глубину его чувств. Дверь хлопнула. За окном слышались торопливые шаги... На сердце сделалось легко и тепло.

На другой день был получен приказ об отступлении на Ливны, — это был первый день Великого отступления.

Глава 6

ОТСТУПЛЕНИЕ

Моросил холодный, осенний дождь. На полях каркали вороны. Лошади были мокрые и грязные, напряжение последних дней сказалось и на них. Телеграфные столбы уходили вдаль... к югу. Всем было грустно. Никто не знал причины нашего начавшегося отступления: говорили, что Шкуро слишком оторвался от нас и к востоку, правее, образовался прорыв, где гуляет конница Буденного³². Солдаты нашего Первого взвода, бывшие махновцы, пели свою старую запорожскую песню:

Где-то далеко впереди слышался грохот пушек. До Ливен мы не дошли и попали в новые бои. Эти бои в лесистой местности были трудны. Красная пехота была многочисленна и, чувствуя перевес, упорно наседала на наши поредевшие цепи.

— Понимаете, — говорил молодой командир одного из Марковских батальонов, — вот вчера выкупались в Сосне... Мы пошли в наступление. Красные — навстречу. Мы — «Ура! В штыки!» Раньше они бы побежали, а теперь, не тут-то было. Кричат — «Ура» и тоже в штыки, а их-то в четыре раза больше. Ну и выкупались... Бррр... Вода-то ледяная.

Моўлодец — командир батальона смеется, скалит ровные, белые зубы, поправляет башлык, — ему все нипочем!

Горячий бой... Я только что попал под разрыв шрапнели и удивляюсь, как остался жив. Вокруг пули взрыли землю, переранили лошадей, поломали шанцевый инструмент около орудий. Мое орудие заклинилось, и приехавший с участка Второго взвода капитан Михно приказал отвезти орудие в Управление дивизиона и выбить там, в технической части, заклинившуюся гранату.

Дорога лежала на Ливны. Но когда мы пришли в Ливны, хозяйственная часть дивизиона и мастерская уже ушли на юг, и я решил вернуться к батарее.

...Наступила зима. Дороги замело первым снегом. Метель слепила глаза. Фронт быстро покатился на юг, а я, не зная этого, продолжал двигаться на юго-запад, с орудием и семью номерами — «махновцами» — между

своим и красным фронтами, в «ничьем» пространстве, ежеминутно рискуя встречей с советским разездом. Села на нашем пути казались безлюдными. Крестьяне затаились, ожидая прихода красных. Мы бродили уже три дня, не встречая ни своих, ни чужих.

На третьи сутки, уже в темноте, мы пришли на какой-то «кулацкий» хутор, занесенный снегом. Крестьянин встретил нас очень хорошо, велел хозяйке приготовить курицу и долго разговаривал насчет «политики». Было видно, что курское крестьянство уже сыто большевиками: «Почему нам не дадите винтовки? Мы бы все пошли против красных». Но что я мог ему на это ответить? Хозяин вытащил фотографию своего сына в форме Лейб-гвардии Преображенского полка и начал рассказывать, как и он сам когда-то служил в российской гвардии. Нас было тогда трое: начальник Первого орудия — я, младший офицер нашей батареи Сальков, примкнувший ко мне в Ливнах, и какая-то неизвестная девушка, попросившая меня в Ливнах отвезти ее в Марковский полк, где у нее якобы брат. Мое, неискушенное тогда, сердце не выдержало, и я взял ее с собой. У крестьянина в хате было тепло. В соседней комнате жарилась курица, а соломенное ложе перед печкой манило к долгожданному отдыху после двадцативерстного зимнего перехода.

Вдруг дверь в хату резко отворилась и вошел крестьянин, такой, каким изображают Ивана Сусанина: с большой русой бородой, в овчинном тулупе и меховой шапке, весь занесенный снегом. «Что вы здесь делаете? Ведь на другом конце хутора уже буденновцы!» — пришел предупредить нас, «белых», этот «потомок Сусанина». Но курица пахла так ароматно, так уютно было в

хате, так жутко завывала во дворе метель, что я решил остаться и при первом свете идти на соединение с батареей. Подали курицу, но едва мы сели за стол, как услышали топот коней и голоса: «Где они тут? Попались белобандиты!» Началась суматоха. Девушка кинулась в окошко, ведущее в клеть, и застряла там, Сальков начал тушить светильню и не мог ее потушить. Я выхватил свой огромный «Смит и Вессон» полицейского образца, взвел курок и ринулся в сени. «Пробьюсь или погибну тут же», — было мое твердое решение. Дверь распахнулась и сквозь клубы холодного воздуха показались какие-то люди в тулупах и в серых шинелях. Я нацелился в живот первому входящему и уже нажимал на спуск, как вдруг увидел за ним знакомую бороду... Михно... В то же мгновение раздался довольный хохот Михно и Жилина... Но мне было не до смеха: бедный поручик Шигорин чуть было не получил в живот свинцовую пулю крупного калибра. Затеял эту «шутку», конечно, Жилин. Капитан Михно с Жилиным, Шигориным и несколькими разведчиками так же, как и я, пробирались к Первому взводу.

Ели курицу и долго смеялись моему испугу. Настроение было такое хорошее, что про советскую конницу на другом конце хутора не вспоминали и решили спокойно спать до рассвета. Легли на пол, на солому, а Сенька Жилин все время помогал ливенской девушке стелить постель на скамейке и мешал нам спать. Вдруг в темноте раздался недовольный голос капитана Михно: «Жилин, вы мне на бороду наступили!» Надо сказать, что были у Жилина большие американские «танки» с гвоздями, и тут уж пришел мой черед посмеяться.

Еще до рассвета мы оседлали коней, двинулись в дорогу и к обеду наконец догнали батальон.

Стояли ясные, морозные дни, поля покрылись снегом, теперь сани заменили колесные подводы. К селу подступали красные, но марковцы как-то слабо атаковали их, — стали сказываться потери, батальон «терял сердце», — и вскоре атака перешла в оборону. Батарея красных вела огонь по нашему взводу газовыми снарядами. Облачка розоватого дыма, однако, быстро таяли в морозном воздухе и не причиняли нам вреда. Наш взвод не мог остановить своим огнем быстро наступающую широким фронтом пехоту красных, а командир батальона, полковник Агабеков, бывший все время на батарее, старался нас успокоить: «Ничего... подождите... вот сейчас Одиннадцатая рота пойдет в контратаку»... Но вместо этого за цепями противника появилась конница, начавшая рысью обтекать фронт, с явной целью атаковать нас с фланга и с тыла. Пехота наша стала отходить от села. Красные конные лавы, по времени, уже должны были выйти нам во фланг, хотя за перелесками и оврагами их еще не было видно. Начали мы отход только тогда, когда красные всадники выскочили к орудиям. Пехота отходила назад в панике, захватывая даже санитарные и патронные сани. Между советской конницей и батареей скоро не осталось ни одного пехотинца. Мы спаслись тем, что применили старую тактику Первого кубанского похода: первое орудие отходило галопом, затем останавливалось, снимаясь с передка, в это время Второе орудие било по коннице гранатами и шрапнелью. Когда Первое открывало огонь, то Второе быстро отходило назад... К счастью, советская конница выдохлась, пройдя в обход несколько ки-

лометров рысью и галопом по глубокому снегу, — и к моменту решительного удара и атаки на батарею кони перешли на шаг. Тем временем капитан Михно, ускакав в тыл, начал хлестать нагайкой отошедших пехотинцев, ссаживать их с подвод и строить. Старших пехотных офицеров уже не было видно — они ускакали назад. Капитану Михно удалось построить несколько десятков пехотинцев в шеренгу и начать залповый огонь по коннице. Мы тотчас же снялись с передков и начали бить по коннице в упор гранатами мгновенного действия, вздымавшими ежесекундно снежно-белые смешанные с черноземом фонтаны. Всадники окончательно утратили пыл конной атаки и скоро осадили назад, а мы спокойно отступили на исходный пункт.

На другой же день советская конница атаковала занятое нами село. Два наших орудия не смогли ее удержать, и Третий Марковский батальон, не выдержав атаки, отошел, потеряв два пулемета. Мы отступали...

На рассвете третьего дня конница атаковала нас орудийным огнем с другого берега речки, обтекавшей с севера хутор, где мы ночевали. Спросонья произошла паника и даже бегство, но, выскочив за хутор, мы снялись с передков и быстро отогнали советскую конницу. В этом небольшом бою произошла трагикомическая сцена: наш старший офицер — поручик Андрей Соломон — недооценил обстановку, вскочил в повозку батарейного повара и, укрываясь от пуль за поварской спиной, погнал повозку в тыл. Пуля все же пробила повару щеку и царапнула голову Андрея. Андрей пришел тогда в такую панику, что проскакал с повозкой километров двадцать на юг и сообщил там штабу, что наш отряд «уничтожен».

Наше отступление принимало все более определенный характер. Все чаще доходили до нас слухи о неудачах нашей конницы, генералов Шкуро и Мамонтова, под Воронежем и Касторной. Потом пришла весть об оставлении корниловцами Курска (18 ноября), затем о гибели нашего бронепоезда «Слава Офицеру», между Курском и Мармыжами, о гибели двух батальонов Второго Марковского полка, брошенных на помощь коннице под Касторную.

Первый Марковский полк объединился под командой полковника Блейша, прозванного «Каменный гость» за свое спокойствие. С Первым Марковским полком мы действительно отступали «победно». Первая батарея была рядом с нами и мы часто, в тумане и в метели, отбивали советскую конницу бешеной артиллерийской стрельбой. Полковник Блейш занял город Тим ударом с севера (20 ноября), пройдя перед этим по советским тылам. С советской стороны нас никто не ожидал, мы шли, совершая пехотой «конный рейд». В Тиме захватили советскую четырехорудийную батарею и батальон пехоты. Скоро пленных стало так много, что полковник Блейш приказал их отпускать по домам. Особо явных коммунистов при этом раздевали на околицах деревень: забирали у них штаны, шинели, гимнастерки и сапоги, и они потом, полуголые, по снегу бежали назад в теплые хаты.

Но, к сожалению, победы Марковской дивизии не могли ничего изменить в общем тяжелом положении на фронте. В то время как Кутеповский корпус отступал медленно, — огрызаясь ежедневно контратаками, одерживая успехи, захватывая пленных и снаряжение, — донская конница и терско-кубанские ча-

сти почти без сопротивления бежали перед конной армией Буденного, и восточнее нас разрастался все более и более широкий разрыв. Уже по взятии нами Тима, восточнее марковцев, километров на пятьдесят, не было белых, и в этом прорыве была советская конница. Английские пушки Первой батареи одна за другой начали выходить из строя, когда вошли в холмистые и овражьи места Курской области. Когда они на скользких спусках или на переправах опрокидывались, дисковой прицел зачастую плющился или ломался. Скоро всю Первую батарею сняли с фронта и отправили в глубокий тыл — чинить материальную часть.

Настроение у нас стало невеселое. Казалось, что утонули мы в занесенных снегом бескрайних равнинах, погребены в балках, что не выберемся мы из-под ударов советской конницы, наседающей на нас черным вороньем. Повсюду бухают орудия, клокочет далекая и близкая оружейная и пулеметная стрельба, но как бы ни заканчивался бой, к вечеру мы отступаем. Фронт неудержимо катится на юг...

Веселый «констапуп» Сережа Хартулари вернулся из отпуска и привез новые частушки, придуманные в связи с бродившими слухами, — то о «выгрузке новых танков», то о прибытии конницы генерала Врангеля с Волги, то об «эшелонах сербских добровольцев»... Все это было чепухой, и Сережа пел:

С юга двигаются танки,
На носу висят баранки.
А под станциями Овны,
Выгружают сербов толпы.

Орловский был более «пессимистичен»: он подхватил где-то советское «Яблочко» и, заламывая свою казакскую папаху, напевал:

Орел и Курск забрали
К Москве уже стремились,
Буденновцы нажали,
За Доном очутились...

Пришлось однажды познакомиться с подлинной русской метелью. После боя под селом Красная Яруга мы двинулись на юг уже в темноте. За околицей села нас захватила метель. Порядок движения был таков: две роты марковцев, затем — наш взвод, два орудия, и далее еще две роты. Капитан Михно ехал впереди отряда вместе с полковником Агабековым, а я шел пешком впереди взвода, так как сильно замерз во время отхода с позиции. Метель усиливалась, передо мной еле чернели спины идущей пехоты. Когда мы прошли маленький мостик, я обернулся и увидел, что взвода за мною нет. Оказалось, что он застрял на мостике. Я бросился назад, но тотчас же потерял направление. Тогда я кинулся за шедшими впереди ротами, но и они как бы утонули в снежном мраке. Мы остались одни: телефонная двуколка с двумя телефонистами, два разведчика черкеса и я. Дороги не было и следа. Черкесы хотели разъехаться и искать наших, но я их не пустил. Мы двинулись без всякой цели, сами не зная куда, только чтобы не стоять на месте.

Было уже одиннадцать часов ночи. Мы проваливались в снег по пояс, и здоровый заводской жеребец выбивался из сил, таща двуколку. Только около трех

часов ночи, — а снег стал еще более глубоким, и мы уже проваливались в какие-то ямы, — показались стволы деревьев. Метель слегка утихла, и впереди мелькнул яркой звездочкой путеводный огонек. Какое счастье увидеть огонек в ночную метель... Очутились мы на кладбище. После долгих усилий мы выбрались из сугробов, пошли на огонек и через час были уже на улице села. Село казалось вымершим. В одной освещенной хате оказалось несколько отставших марковцев, они сказали нам, что село это — Красная Яруга, — то есть то самое, из коего мы вышли несколько часов назад. По словам жителей, красные тоже уже были в селе и ночевали на другой окраине. Марковцев было четверо, они были с винтовками. Всем стало как-то веселее. Мы решили переночевать в самой крайней хате на южной окраине села и еще до рассвета двинуться на юг вдогонку за нашими. Это была маленькая, совсем бедная хата, освещенная тусклой керосиновой лампой. На полатах спала куча ребят. Хозяин, сумрачный, нахмуренный, враждебно смотрел на нас, когда мы объяснили ему свое положение. «Большевик, — решил я, — надо быть осторожным». Хозяину я не позволил выходить из хаты без сопровождения черкеса. Я не доверял ему и назначил дежурство по полчаса.

Ночью я проснулся, словно от толчка, и увидел следующее: часовой-черкес мирно спал около лампы, а хозяин хаты на четвереньках, ползком пробирался к двери. Я схватил свой «Смит и Вессон»: «Ты куда это, сукин сын!» Тот вскочил: «До ветру, господин офицер!» — «Ах ты, мать твою так!» От крика моего проснулись черкесы и марковцы. Было уже пять с половиной часов утра, и я решил немедленно уходить из села.

Крестьянину я приказал идти и указывать нам дорогу на южные хутора. Метель совсем утихла и при лунном свете было хорошо все видно. Дорога была занесена, так что без компаса идти было невозможно, а компаса у меня не было. Крестьянин ворчал, но я пригрозил ему револьвером, и он пошел впереди. Шли мы по снежной пустыне, гладкой, как стол, кое-где торчал редкий кустарник. Наконец, уже часам к восьми утра, показались деревья и дымки деревенских, рано затопленных печей. В то же время я заметил, что ровный ветер, дующий слева, теперь так же ровно дует справа. Ветер не мог перемениться. Проводник оказался предателем: сделав большой крюк, он привел нас снова в Красную Яругу.

Я вынул револьвер: «Застрелю тебя, как собаку, сволочь!» Тут негодяй стал клясться, что сам не знает, как потерял направление. Не смог я застрелить незащитного человека и только крикнул ему: «Пошел отсюда, сукин сын!»

Затем повел доверившихся мне людей в обратном направлении. Через час навстречу показались крестьянские сани. Крестьяне сказали, что хутора, где стоят «белые», недалеко и что если мы пойдем теперь по их следу, то через час дойдем.

Это было верно, но когда мы уже подошли к мельницам хуторов и увидели вытягивавшуюся дальше на юг колонну наших, снег повалил снова и такими густыми хлопьями, что мельницы сразу же скрылись из глаз. И опять мы оказались в белом тумане. Тут уж я не выдержал и скомандовал: «Бегом марш!» Мы побежали и удачно наткнулись на крайние дома хутора. Скоро мы были и среди своих...

Оказалось, что оставшее орудие и две роты тоже где-то блуждали всю ночь. Эта ночная прогулка не прошла для меня бесследно: отмороженный еще накануне палец правой ноги начал сильно болеть и образовавшаяся рана загноилась. Когда боль стала невыносимой, мне разрешили поехать на лечение и заодно поручили отвести в Штаб армии захваченную нами под Тимом советскую батарею. Безо всякой охраны или конвоя я вел в штаб целую батарею! Офицеры ее, большей частью прапорщики с фронта, частью еще царского производства, были довольны, что попали к «белым»; ездые, в большинстве своем казанские татары, тоже не выказывали неудовольствия переменой положения.

После переходов я останавливался на ночлег в одной хате с пленными красными артиллеристами, и мы много говорили о политике и о войне.

На узловой станции, где стоял штаб корпуса, я сдал штабу советских военнопленных и сел в санитарный поезд на Ростов. В поезде было много легкораненых с фронта, но и — «командировочных». Раненые корниловцы говорили об огромном числе красных и о невозможности дальше держаться против чуть ли не десятикратного их превосходства.

По дороге в Новочеркасск, кроме боли в отмороженной ноге, я чувствовал общее недомогание, оказавшееся по приезде в город сыпным тифом. Так я очутился в лазарете Новочеркаска, где пролежал больше десяти дней без сознания.

Новочеркасск был обречен: Донская армия отступала без сопротивления к Дону, добровольцы отходили с боями в направлении на Таганрог. Положение многочисленных раненых в донских лазаретах было безна-

дежным. Дороги были забиты беженцами, учреждениями и ранеными, так что эвакуация многочисленных лазаретов и больниц Дона была невыполнимой. Красные части продвигались на Дон безостановочно.

Андрей Соломон, уже однажды спасший мне жизнь в бою в Кубанской степи, появился в лазарете Новочеркаска в два часа ночи и потребовал у сестер мое обмундирование. Сестры отказались его выдать, говоря, что кризис только что миновал. Соломон ругался, кричал, угрожал, а другие раненые и больные офицеры беспокойно наблюдали за перебранкой Соломона с больничным персоналом. Наконец он все же вырвал меня из лазарета, посадил на извозчика и повез на новочеркасский вокзал. Как во сне промелькнули мимо стены собора, спуск по бульвару, скудно освещенный вокзал и набитый до отказа поезд донской атаманши Богаевской.

Какие-то люди не хотели впустить меня в поезд, утверждая, что я могу всех заразить сыпняком, но Андрей ругался и уверял, что я ранен в живот и совсем не сыпной. Наконец меня впустили в вагон и уложили на верхней полке. В вагоне оказалась наша батареинная сестра Нина, молодая жена генерала Маркова, и семья богачей Парамоновых; все они окружали меня вниманием.

Лишь через неделю поезд добрался до Екатеринодара, где я был уложен в лазарете, устроенном в здании театра. Окон здесь не было, где-то под потолком день и ночь тускло горели лампочки. Больные и раненые лежали прямо на полу, на грязной соломе и умирали десятками. Массы вшей покидали трупы, начавшие остывать, и белыми сплошными дорожками переходили к

живым. Доктор приходил раз в день, не снимал пальто и не приближался больше чем на несколько шагов к больному боялся заразиться. На третий день я бежал из этой покойницкой и нашел в городе знакомых, где мог прийти в себя.

Снег уже стоял, и на Кубани наступила ранняя весна. В Екатеринодаре я узнал о гибели почти всей Марковской дивизии, в том числе и моей Шестой батарее.

Дело было так. Дивизия отходила тогда к Таганрогу в полном составе, ведя постоянные арьергардные и фланговые бои с наседавшими конными и пешими частями противника. Утром 31 декабря Марковская дивизия получила приказ наступать на село Алексеево-Леоново, находящееся в глубокой балке. Начальник Марковской дивизии — генерал Тимановский — в это время умирал от тифа в теплушке товарного вагона и дивизию вел начштадив Генерального штаба, полковник Биттенбиндер. Еще накануне, когда дивизия проходила район Дебальцево, от разведки были получены сведения, что конные дивизии Буденного сосредотачиваются в ближайших балках. Артиллерия дивизии, около сорока пушек и гаубиц, уже в сумерках обстреляла эти балки.

Марковская дивизия сильно запоздала с выступлением, и поэтому контакт с соседней Корниловской дивизией оказался нарушенным. Корниловская дивизия, не дождавшись Марковской, продолжала путь на Ростов. При подходе к селу Алексеево-Леоново выяснилось, что село занято конницей Буденного. Несколько батарей стали на позицию и открыли по селу огонь шрапнелью и гранатами. Пехота слезла с саней и тачанок. Не успела она еще и развернуться в цепи, как кон-

ница красных, не выдержав артиллерийского обстрела, быстро стала оставлять село, в беспорядке уходя вверх по откосам балок и скрываясь за гребнями.

Полковник Биттенбиндер приказал вновь свернуться в колонну и входить в Алексеево-Леоново. Начался спуск в балку, причем, как обычно, обозные повозки перегоняли пехоту, стремясь занять лучшие дома. Когда вся Марковская дивизия втянулась в село, конные лавы Буденного появились с трех сторон на гребнях возвышенности и пошли в конную атаку... Повозки всех бывших с полками дивизии обозов 1-го и 2-го разрядов ринулись в разные стороны, кто вперед, кто назад, и сбивали пехоту, пытавшуюся собраться группами и построиться. Полковник Биттенбиндер вместе с командиром артиллерийской бригады, генералом Машинным, ускакал со своим конвоем назад. Красные всадники беспрепятственно ворвались в село и рубили метавшуюся пехоту и орудийную прислугу, не имевшую даже времени снять орудия с передков.

Капитан Михно скомандовал Шестой батарее — «Картечь!» Но шрапнели не было в передках, а в это время буденновцы, махая шашками, были уже на батарее. Солдаты указывали красным на Михно и кричали: «Вот офицер! Рубите!» Рядом был овраг, и Михно скатился в него. Поручик Анкирский начал стрелять из нагана и был зарублен. Зарублены были и юнкера-походники: Владимир Рага и Шигорин. Сенька Жилин прорвался на своей серой кобыле и ушел благополучно. На дне оврага капитан Михно собрал человек тридцать пехотинцев, крича и махая плетью, построил их в каре и, давая залпы по группам буденновских всадников, вывел это каре из села на возвышенность.

Было в тот день много подлинного героизма, много и трусости. Марковские сестры умоляли спасти их или убить. Начальник пулеметной команды Первого полка, отбиваясь пулеметом, на тройке вывез сестру. Спасся и бывший наш юнкер Фишер, а славный наш «вечный юнкер» Рождественский, почему-то так и не произведенный в офицеры, погиб. Погиб и Виктор Канищев, адъютант командира бригады. Спасшиеся марковцы видели его коня, скакавшего без всадника. Из батарей Марковской бригады вышла только Третья, благодаря тому, что была позади всех, не успела еще втянуться в село, и командир ее, капитан Шемберг, не растерялся и отступал попеременно орудиями, отбиваясь картечью. Из двухтысячного состава Марковской дивизии осталось в живых около пятисот конных и пеших, а из 40 пушек и гаубиц уцелело только четыре орудия и всего несколько пулеметов — из 200.

Корниловская дивизия, под командой генерала Скоблина, находилась лишь в нескольких километрах от места драмы. И не решилась повернуть на поддержку³⁴.

Уже за Доном Марковская дивизия сформировалась снова и участвовала в боях под Ростовом и станицей Ольгинской, где вновь отличилась Первая шефская батарея полковника Шперлинга. Наша же Шестая Марковская батарея так и не получила новых пушек, вместо потерянных в селе Алексеево-Леоново, и мы просидели в станице Тимашевке до общего отступления к Новороссийску.

В конце февраля — начале марта 1920 года на Дону произошел бой конницы Буденного и Думенко с нашими донцами, кубанцами, конницей генерала Барбовича

и Кутеповским корпусом — здесь поистине решалась судьба Белого движения и России.

Все было против нас. Генерал Павлов, с Донской армией и конницей, одержал победу над советскими конными группами Буденного и Думенко, пытавшимися переправиться через Дон. Но, преследуя красных, он не учел наступивших морозов и заморозил конницу у Белой Глины и Зимовников Королькова, лишив ее боеспособности. В это же время многие кубанские части, попав под влияние советской пропаганды, разлагались и оставляли фронт: «Большевики нас не тронут, они только против помещиков и офицеров...»

Генерал Барбович с Добровольческой конницей численно был слабее советских конармий и не мог их остановить. Корпус генерала Кутепова удерживал широкий фронт от Азова до Ольгинской и успешно отбивал все попытки советских переправ через Дон. После неудач конной группы генерала Павлова он спешно должен был, однако, отойти на Екатеринодар, опасаясь, что советская конница обойдет его группы с востока и отрезет с тыла. Общим потоком мы катились к Новороссийску, где царил хаос эвакуации³⁵.

В новороссийском порту мы прямо с мола сбрасывали в глубокую воду батарейные пушки, которые не могли поместиться на пароходе, и тесаками рубили колеса зарядных ящиков и передков. Красно-зеленые бандиты спустились с гор и вечером обстреливали порт и город. Ночью 26 марта наш пароход «Маргарита», провожаемый стрельбой, отошел от причала. Тысячи раненых и больных оставались в санитарных поездах, но никто об этом не говорил. В районе новороссийско-

го вокзала слышны были взрывы, ярким пламенем горели пакгаузы и вагоны.

«Маргарита» вышла в море. Через три часа, на рассвете, показали волнистые берега Крыма. Открывалась новая страница борьбы.

Глава 7

КРЫМ И ТАВРИЯ

В Крыму положение к весне 1920 года было довольно устойчивым: части генерала Слащева³⁶, численностью в несколько тысяч, с артиллерией, успешно отбивали атаки красных на Перекопский вал и тем самым дали возможность отдохнуть и переформироваться высадившимся в Крыму частям отступающей армии генерала Деникина. Уход генерала Деникина и принятие командования над отошедшей в Крым армией генералом Врангелем способствовали поднятию общего настроения и возвращению утраченной веры в успех дальнейшей борьбы.

В Крыму уцелевшие части артиллерии Марковской дивизии сосредоточились в Симферополе. Мы, офицеры Шестой батареи во главе с капитаном Михно, были причислены к Первой генерала Маркова батарее, но вне штата и без должностей. Это было печально и скучно. Ни орудий, ни лошадей для нас не было. Из состава Шестой Марковской батареи, вышедшей из Курска на Елецкое направление, скольких уже мы не досчитывались, — Плотников, Сергеев, Анкирский, Рага, Шигорин и многие другие — пали смертью храбрых. В Сим-

ферополе встретились капитан Михно и поручики Соломон, Березовский, Златковский, Жилин, Орловский и я. Капитан Михно был временно переведен в Первую генерала Маркова батарею, а нас, оставшихся офицеров Шестой, зачислили как бы в бригадный резерв.

Отдыхали мы в Симферополе недолго: нас расквартировали в еврейском квартале города, и в то время как поручик Котик Слонимский ухаживал за красавицей-еврейкой, похожей на финикийскую богиню Астарту, поручики Бурсо и маленький Михайлов в пьяном виде разгромили соседнюю квартиру, разбив стрельбой из револьверов люстры и повредив портреты предков. Владелец квартиры выскочил из окна и побежал в комендатуру. Из комендатуры пришла почти целая рота арестовывать виновных, и полковнику Шперлингу стоило немало труда спрятать «головорезов», — отправить их к Перекопу и потом, отвечая на запросы Штаба корпуса, зачислить их умершими от ран.

При командовании генерала Врангеля были введены строгие законы военного времени, и такие дела могли иметь для виновных весьма неприятные последствия, вплоть до суда и расстрела.

На следующий вечер командующий корпусом, генерал Кутепов, согнал с фонаря одного из бывших наших юнкеров, полезшего, не без ловкости, там закуривать. Все эти события переполнили чашу терпения командующего корпусом, и он уже на следующий день отдал приказ Первой генерала Маркова батарее немедленно идти на север Крыма ближе к Перекопу.

Пошли в направлении Перекопа. Страшно торопились и держали все время переменный аллюр. В пер-

вый же день прошли до семидесяти километров. Передавали, что красные сильно жмут новыми силами на корпус генерала Слащева, который еле удерживает еще Перекопский вал. Кроме нашей батареи на север к Перекопу шел конный корпус генерала Барбовича и Марковский батальон на повозках.

Скоро с севера начал доноситься орудийный гул: это был сплошной грохот выстрелов и разрывов бомб и гранат различных калибров, как на западном фронте Великой войны. «Ну, тут не тот огонь», — говорили наши ездовые. Навстречу начали попадаться повозки с ранеными из Слащевского корпуса. Расспросы этих раненых, как всегда, не разъясняли положения на поле боя.

Долго тянулись неприветливые Джанкойские степи; наконец вдаль показалась колокольня городка Армянский Базар, а дальше за городком поднимались дымки разрывов гранат и облачки рвущейся высоко шрапнели, — у Перекопского вала шел упорный бой, продолжавшийся уже третий день. К вечеру, когда наша колонна достигла Армянского Базара, бой у вала затихал³⁷. Уже на рассвете нас подняли по тревоге: у Перекопа вновь закипел бой. Передавали, что ночью красные пробрались через Сивашский залив и на крайнем фланге внезапно напали на стоявшее там сторожевое охранение Кирасирского полка, прорвали его, застигли врасплох кирасирский эскадрон, перебили многих кирасир и окопались на берегу Сиваша на участке, выходившем во фланг и тыл Перекопскому валу. Одновременно части 13-й армии повели наступление на городок Перекоп и быстро овладели городом, за исключением тюремного здания, находившегося на южной окраине, у самого вала.

Сильная советская артиллерия вела ураганный огонь по всему валу и по тылу Слащевского корпуса, оборонявшего Перекопский вал. Нас, Марковскую батарею и батальон, быстро двинули в направлении Перекопского вала. Правее, в неглубокой балке, скоро стал виден конный корпус генерала Барбовича, стоявший там в резерве в сомкнутых колоннах. Конный корпус был ослаблен, так как многие кони не вынесли непривычного корма — крымской травы — и пали.

Чем ближе к Перекопскому валу, тем слышнее грохот советских пушек, разрывов гранат и бомб различных калибров. На всех участках вала строчат пулеметы — «максимы» и «кольты». Перекопский вал и стоящие за ним батареи Слащевского корпуса — в дыму гранатных разрывов советской артиллерии. Но как спокойно и методически работает наша артиллерия! Батареи гаубиц и трехдюймовок — как на параде: ни суеты, ни паники. Телефонная связь, спокойные команды, носилки для раненых наготове.

Нашу батарею маринуют, то здесь, то там, и наконец двигают поддержать Марковский батальон, идущий в контратаку на красных, захвативших часть вала около Сиваша. Мы на ровном поле перед валом, к которому двинулась цепь Марковского батальона.

Батарея снялась с передков, но в это время над нами появился самолет красных и бросил дымовой сигнал. Не прошло и пяти минут, как загудел воздух и несколько 42-линейных гранат «покрыли» батарею. Шестерка Первого орудия оказалась на земле. Убитые и раненые лошади заливали кровью траву. Солдат — ездовой Первого орудия — лежал со снесенным черепом. Котику Слонимскому прямо в лицо попал кусок окровавлен-

ного лошадиного или человеческого мозга, он долго вытирался.

Когда загудел следующий залп советской 42-линейной батареи, многие побледнели и легли на землю. «Накрытие» было снова трагичным. Теперь попало по резервной части марковцев и по нашему обозу. Стонали раненые пехотинцы. Много лошадей лежало на земле или, сорвавшись, бегало по полю. Красная батарея, столь удачно нас покрывшая, к нашему счастью, перестала почему-то стрелять.

Атака 13-й советской армии на Перекопский вал захлебнулась в огне нашей артиллерии и жестоком пулеметном огне с вала. Те отдельные части, коим все же удалось дойти до вала, были встречены контратакой Слащевской и Марковской пехоты и с потерями отброшены назад.

К вечеру 13-я советская армия отошла на северную окраину Перекопа и окопалась далеко от вала за домами и в поле. На валу появился генерал Слащев во главе своего личного конвоя. Наряженный в довольно фантастическую форму, он явно демонстрировал перед войсками, занявшими вал, свою храбрость. Изучив положение, он что-то скомандовал, во главе своего конвоя с развернутым флагом спустился в сторону города Перекопа и рысью пошел «преследовать противника»... Генерал ничем не рисковал: все легкие батареи красных были за этот день разбиты и молчали, а пехота отошла от города и окопалась где-то далеко. Проскакав рысью через полуразрушенный Перекоп, «атакующие», никого не догнав, вернулись в Армянский Базар к ужину.

На другой день 13-я советская армия не возобновляла больше наступления на Перекопский вал; очевид-

но, ей все же сильно «набили морду». В степи за Перекопом царил полная тишина. Войска генерала Слащева снимались с вала и уходили куда-то в тыл, на отдых и на переформирование. Перекопский вал вместо них заняли части Кутеповского корпуса, корниловцы и марковцы.

Наша батарея заняла позицию в нескольких стах шагах от Перекопского вала, прямо в поле. Тут мы окопались и построили глубокую землянку, где спали ночью по очереди.

Батарея простояла за валом весь апрель. Мы разделились на две смены. Так как батарея все еще имела лишь два орудия, офицеров было слишком много, и мы могли по очереди дежурить, — одну ночь в окопе за валом на батарее, а другую ночь ночевать в реквизированной для нас квартире в городке Армянский Базар, приблизительно в трех километрах от Перекопского вала.

Погода весь апрель была прекрасная, теплая и солнечная, так что и в окопе у орудий было уютно, как на даче. Боев не было. 13-я советская армия, очевидно, зализывала свои раны. Городок Армянский Базар был довольно сильно разрушен советской дальнобойной артиллерией, и многие жители его покинули, но все же кое-кто оставался, привыкнув к вою снарядов и к разрывам. В городке было так же скучно, как и в окопе у вала, а в смысле безопасности даже хуже: в то время как ни один снаряд не попадал в батарею, скрытую за валом, городок ежедневно обстреливался несколько часов 42-линейными снарядами со стороны Преображенки и с косы. Но все же мы все охотно отдыхали в городской квартире, где можно было спать на кроватях, есть

вилками и ножами с тарелок и видеть иногда чужие гражданские лица, даже женского пола, и, конечно, сесть милосердия из ближайшего тыла.

Город был переполнен штабными и кавалерийскими офицерами из штабов и управлений, так что мы, фронтовики-артиллеристы, в потрепанной в боях и походах фронтальной одежде, могли только издали смотреть на немногих женщин.

Но иногда у нас в квартире появлялась странная девочка Иза, своеобразный цветок Гражданской войны. Ей было всего 15 лет и числилась она сестрой-санитаркой в Марковском полку, пристав к нему при отступлении. Под селом Алексеево-Леоново она попала в руки буденновцев и на Кубани перебежала снова к белым. Она была смугла и стройна, с ясными синими глазами. Охотно приходила она в нашу квартиру, очевидно потому, что мы не относились к ней как к женщине. Ее кормили и поили, и спала она у нас тут же на кровати крепким, детским сном. Самый молодой из нас, восемнадцатилетний Сенька Жилин, бывший кадет Первого корпуса и «констапуп», сам похожий на безусого младенца, возился с Изой как с товарищем. Они вместе гуляли по Армянскому Базару, собирали акацию, бегали купаться на мелкий залив. Для того чтобы дойти на глубину до колен и окунуться, надо было идти почти полкилометра по теплой воде. А советские наблюдатели на косе около Преображенки, когда обнаруживали купающихся, сообщали на свою батарею, посылавшую потом несколько гранат, на далеком прицеле, которые часто не рвались. По вечерам Иза и Сеня играли в карты в «дурачка» и ссорились совершенно по-детски. Когда пришел приказ Главной квартиры уда-

лить женщин из строевых частей, марковцам пришлось уволить Изу из состава батальона и снять ее с довольствия. Не могли мы и взять ее с собой, когда началось наступление на Перекоп и на Таврию, 25 мая. Исключений для женщин почти не было, так что Иза осталась одна в городе, пока ее не подобрал какой-то тыловой полковник.

На батарее, около вала, мы вырыли глубокую землянку и в ней спали по ночам. За то время, пока ее копали, мы нашли человеческие черепа и предметы домашнего обихода доисторических времен.

В развалинах старого города ползали серые гадюки с зигзагом на спине. Такие же змеи были замечены и около батареи. Пока не была вырыта землянка, я из города Перекопа принес большой шкаф и удобно в нем спал, закрываясь двумя одеялами.

По ночам надо было дежурить у орудий по очереди, и я хорошо запомнил одну ночь своего дежурства. Горел костер и дым стлался по земле. Дул легкий теплый ветер с Черного моря, изредка накрапывал мелкий дождик. Я лежал около костра и читал в журнале «Нива» рома «Разрыв-трава». Содержание было довольно занимательным, и ночь проходила незаметно. В романе описывался тип опасной девушки, которая и сравнивалась с «Разрыв-травой». «Бегите от нее... — писал автор, — иначе она испепелит ваше сердце, опустошит вашу душу...» Девушка была очень красива и умна, но высмеивала мужчин и без соблюдения какой-либо «буржуазной» морали отдавалась всем, кого хотела...

В два часа ночи послышался топот копыт. Это был связной от штаба полка, который сообщил, что впереди у вала никого нет, вал занят лишь редкими слабыми

дозорами, и что в степи, за валом, слышно какое-то шевеление. Я бросил «Разрыв-траву», вскочил и пошел будить командира батареи, спавшего в землянке, но он послал меня ко всем чертям... Я снова сел к костру, но читать уже не мог: впереди — в теплой черной дождливой мгле — мерещились подкрадывающиеся враги...

Вдруг позади, со стороны Армянского Базара, слышалась отдаленная военная песня, потом ближе и ближе:

Марш вперед, труба зовет...

Корниловцы лихие...

То шли Корниловские роты — занимать вал. Дочитал я тогда все же «Разрыв-траву»...

Питание наше на Перекопе было очень плохим. Один раз в день привозили невкусную уху и хлеб. Среди людей и лошадей начались болезни. Многие лошади пали от какой-то местной перекопской травы. А местные лошади переносили ее хорошо. Полковник Шперлинг был в отчаянии, ибо достать новых лошадей в Крыму было почти невозможно.

В конце мая боевое однообразие на Перекопе было нарушено неожиданной свадьбой одного нашего «констапула», штабс-капитана Мино, в Армянском Базаре. Это была первая свадьба нашей батареи среди бывших юнкеров. Правда, первым женихом был еще в дни Белгорода бригадный адъютант, «констапуп», штабс-капитан Канищев, погибший под селом Алексеево-Леоново. Невольно вспоминалось, как тот же Мино, проповедовавший среди юнкеров безбрачие, ходил за Канищевым, во время погрузки батареи на железнодорожной

станции где-то около Севска, и вместе с приятелями, Кондратовичем и Полубинским, неостроумно дразнил влюбленного в молодую казачку Нину. Они без конца напевали низким басом — «С законным бра-а-ком». А Канищев — франтоватый бригадный адъютант — не знал, куда ему деться от назойливых певцов.

И вот теперь такой «противник брака» женится сам. Невеста его, первопоходница, корниловская сестра Ольга, интересная брюнетка, уроженка Ростова, а посаженный отец — «сам» генерал Кутепов.

Свадьба была веселая и шумная. Молодые товарищи Мино по училищу и по батарее перепились. Маленький Михайлов играл на рояле и пел так громко, что было слышно по всей улице:

Мы артиллеристы, мы артиллеристы,
Мы вам волнуем кровь...
Дайте нам серьги, кольца, аметисты —
Мы вам дадим любовь...

2 июня 1920 в 15 часов советская артиллерия по всему фронту обрушила залпы своих орудий на Перекопский вал и на город Армянский Базар. Однако большинство снарядов давали перелет через стоящие за валом батареи и рвались главным образом в степи перед городом или на его окраине. Приблизительно через час такой артиллерийской подготовки советская пехота пыталась атаковать вал, но была отброшена артиллерийским огнем и контратакой Корниловских и Марковских рот.

Это наступление было проведено по приказу советского Верховного командования, очевидно, не учитывавшего обстановки на Перекопе.

Теперь пришла очередь нашего наступления. И подготовка к нему ощущалась все явственнее: пришли тяжелые орудия, несколько броневых машин и танки, коих насчитывалось двенадцать. Затем батареи начали осторожную пристрелку по советским позициям за Перекопом, по окопам и батареям. Пора была отходить от Перекопа. В городе появилась холера, и наш константиновец, молодой инженер Баянов, заболел и умер. Умер от брюшного тифа и юнкер Бабкин. Ряды первопоходников продолжали редеть.

В конце мая, после отдыха и переформирования, из Симферополя в Армянский Базар пришли Дроздовские полки. От многочисленных рядов в ротах мы отвыкли уже давно и смотрели, как «дрозды» шли отдохнувшие, веселые. Во время переходов по Таврической степи они успели уже и загореть. Гордо несли дроздовцы свои знамена, и первая рота Первого полка — свой традиционный Андреевский флаг.

При подходе к Армянскому Базару они еще более подравнялись и подтянулись. Их звонкие голоса далеко неслись по степи:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк...

Пели и новую, уже сложенную в Крыму полковую песню:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В день веселого, светлого мая,
Полетели на север «дрозды»...

На окраине Армянского Базара черные, закоптелые дроздовские танкисты разбирали и чистили свои танки. Около автоброневиков возились шоферы, артиллеристы и пулеметчики.

Наконец настал долгожданный день нашего наступления на 13-ю советскую армию за Перекопом — общая атака всех наших частей от вала на север в направлении Чаплинки и Каховки. Наши легкие батареи выехали и заняли позиции в разбитом городке в ночной темноте. Номера окопались в ожидании тяжелого боя. В темноте подтягивались к валу и пехотные батальоны. К северу от Армянского Базара расположились конные полки Второй Донской дивизии генерала Морозова. Временами слышалось осторожное стрекотание моторов: это танки и автоброневики подкрадывались к валу и к Сивашу. Генерал Врангель прибыл в Армянский Базар к началу операции, к двум часам ночи, и вместе с генералом Кутеповым выехал на Перекопский вал.

На вражеской стороне все было тихо. Очевидно, противник не подозревал о готовящемся ударе.

Около полуночи с одной из советских батарей раздался орудийный выстрел, но потом снова наступила тишина.

Ночь была теплая и совершенно темная — без луны, без звезд... Ровно в два часа ночи 7 июня на нашей стороне взлетела ракета, и по этому сигналу не менее ста полевых и два десятка тяжелых орудий открыли беглый огонь по заранее пристрелянным целям: окопам, батареям и опорным пунктам. Кроме того, несколько мелкосидящих судов нашего Черноморского флота подошли к берегам Таврии со стороны Черного моря и

начали громить фланг и тыл советского расположения. В грохоте наших орудий и разрывов снарядов еле слышалось стрекотание моторов, — это танки двинулись вперед — рвать колючую проволоку перед советскими окопами.

Артиллерия красных, застигнутая врасплох ураганым огнем белых батарей, после нескольких ответных выстрелов замолчала.

Не прошло и часа, как по всему фронту корниловцев, атаковавших правый фланг и отчасти центр 13-й советской армии, взвились зеленые ракеты, обозначающие — «Противник сбит, переносить огонь дальше». Скоро и марковцы сбили красных в центре. На левом же фланге красных и за Сивашом, где наступали дроздовцы, разгорелся серьезный бой: Латышская красная дивизия, занимавшая деревню, несколько отдаленную от фронта, и отчасти прикрытая илистым Сивашем, задержала наступление дроздовцев.

Утром, через проход в Татарском вале на Перекопе, донская конница ринулась преследовать противника по шоссе на Чаплинку. Сверкая в лучах восхода пиками, конные сотни галопом и рысью неслись мимо нас. Земля гудела и дрожала от мощного топота тысяч конских копыт. В промежутках, между сотнями, грохоча колесами и щитами, неслись конные и конно-горные батареи конного корпуса. Штандарты и сотенные значки развевались на скаку. Это была незабываемая картина...

Мы медленно шли по шоссе. Повсюду были следы беспорядочного бегства красных. Навстречу нам, без всякого конвоя, шло много пленных. На мотоцикле проскочил даже какой-то запыленный красный артиллерист, спешащий прямо к нашему штабу корпуса.

Мы дошли до хутора, где остановились передохнуть, но скоро были отозваны и спешно стали на позицию полуоборотом назад, к Сивашу. Оказалось, что красные удержались на своем левом фланге благодаря упорству Латышской дивизии и перешли в контратаку на правый фланг нашего фронта у Сиваша, а конная бригада «Червонных казаков» двигалась в прорыв, образовавшийся между отступившими назад к валу дроздовцами и продвинувшимися уже на несколько километров к Чаплинке корниловцами и марковцами. Положение стало опасным. Нас прикрывала рота Марковской пехоты, но она была слишком малочисленна, чтобы спасти батарею от быстро приближающейся конной бригады. Рассчитывать мы могли только на себя и показали «класс». Полковник Шперлинг подавал совершенно новые, неизвестные дотоле команды, приноровленные к нашим английским пушкам с их удобным поворотным механизмом: «Восемь гранат с поворотом направо на один оборот — огонь!» или: «До команды — стой! Огонь!» В то время как гаубичная батарея, стоявшая позади, едва успевала выплюнуть свои четыре бомбы, нам удавалось выпустить не менее 24 гранат — или мгновенного действия, или с замедлителем. Весь фронт атакующих «Червонных казаков» дымился от разрывов наших гранат... Тут в прорыве появился один из наших танков. Он направился навстречу коннице и скоро попал в «переплет» со стороны нескольких красных батарей, но не отступал, а ползал взад и вперед, стараясь заткнуть прорыв.

«Червонные казаки» не выдержали нашего огня. Недоскакав лишь километра до батареи и до Марковской роты прикрытия, они сбились, смешались и повернули

назад. Наши гранаты, как из пулемета, вылетали им вслед из накаленных до предела оружейных стволов.

Контратаки Дроздовской дивизии от Перекопа и Сиваша были, в свою очередь, отбиты красными — недаром на этом участке была Латышская красная дивизия. К ночи дроздовцы снова отошли на холмы к северу от вала, а мы оставались на хуторе между Перекопом и Чаплинкой, где и заночевали, как бы повиснув в воздухе.

Ночь была тревожная. Почти всю ночь за окнами слышалось движение войск — стук колес и топот коней. На рассвете нас двинули на вчерашнюю позицию, и мы ожидали продолжения вчерашнего боя. Однако события повернулись иначе: проходившие через хутор ночью войска оказались 2-й конной Донской дивизией генерала Морозова, атаковавшей с тыла Латышскую дивизию и ту часть группы 13-й советской армии, что устояла против дроздовцев. Донцы изрубили часть бойцов Латышской дивизии и захватили много пленных; другая часть латышей смогла пробиться на северо-восток.

После разгрома советской группы донцами наша батарея свернулась и двинулась дальше на Чаплинку и оттуда на Каховку. По дороге нас застигла страшная жара. В открытой таврической степи не было ни малейшей тени и негде было укрыться от сжигающих лучей. В пехоте несколько человек свалилось от солнечного удара. Около полудня появилась туча, она быстро приблизилась, и вскоре над нами разразилась редкая по силе гроза, с таким ливнем, что степь через несколько минут превратилась в озеро, глубиною в четверть метра. Люди и лошади приободрились и зашагали дальше к Днепру.

Впереди нас корниловцы опрокинули советскую конницу, и мы проходили место горячей схватки, на дороге лежало несколько трупов корниловцев с разрубленными черепами.

К вечеру мы вошли в Каховку и стали там на квартиры. Простояли мы несколько суток, отдыхали и купались в Днепре. Село Бериславль, на другом берегу, было занято красными, мы смотрели, как и они там купаются. Каждое движение на стороне противника и без бинокля было хорошо видно.

Красная артиллерия часто обстреливала Каховку и как-то раз, когда мы с полковником Шперлингом прыгали с пловучей купальни, советская батарея стала обстреливать ее... Щепки и доски крыши полетели в разные стороны. Схватив штаны и сапоги, мы, голые, пустились бежать подальше от купальни. Только чудом никто из нас не был ни убит, ни ранен. Самому командиру нашему пришлось бежать голым по набережной города. Рассердившись поэтому серьезно, он оделся и быстрым шагом пошел в гору на батарею: он решил разогнать купающихся красных на том берегу Днепра. Несколькими шрапнелями Шперлинг в две минуты очистил противоположный берег. Красные воины так же, как и мы, удирали без штанов, но, наверное, не так благополучно, ибо шрапнельный огонь, нацеленный Шперлингом, не мог быть безобидным фейерверком.

В Каховке мы ожидали серьезных боев и даже начали рыть у орудий блиндаж, но скоро пришли части корпуса генерала Слащева и сменили нас.

Первая батарея дошла до приднепровского села Васильевка, к северу от Каховки. Там мы, офицеры бывшей Шестой Марковской батареи, были выделены из

Первой и нам от Управления дивизиона были обещаны пушки и быстрое формирование.

За это время боевые события шли без нашего участия. Дроздовцы, корниловцы и донцы окружили советский конный корпус Жлобы, проникший в наши тылы, и уничтожили его полностью. Бои в Таврии шли теперь по всем направлениям: от Каховки до Александровска и от Александровска до Токмака.

Генерал Слащев не удержал Каховку и не смог вернуть ее контратаками. Благодаря этому, большевики успели построить на нашем берегу прочный «Тет-де-пон»³⁸, защищенный рядами колючей проволоки и огнем нескольких батарей с Бериславля. Генерал Слащев получил за защиту Крыма титул — Слащев-Крымский, но от командования корпусом был отставлен. На его место был назначен наш «цветной» генерал-дроздовец Витковский. Но и он не смог вновь занять Каховку.

Обещания генерала Машина восстановить Шестую батарею не осуществлялись, и мы томились от скуки. Начались ссоры и различные недоразумения.

Михно, Жилин и я записались в Кубанскую группу генерала Бабиева, подготовлявшего десант на Кубань. Михно и Жилин скоро уехали, а я заболел желтухой и должен был лежать в кровати.

Скоро пришло для нас еще предложение: формировать конно-артиллерийский взвод при конвое генерала Кутепова. Генерал Кутепов, назначенный уже командующим армией, говорил, что у генерала Туркула, начальника Дроздовской дивизии, при конном конвое есть артиллерийский взвод. Есть артиллерийский взвод и в Корниловской дивизии, при конвое генерала Скоблина, а у него самого, командующего Первой армией, при

конвое есть лишь два пулемета. Мы с радостью согласились ехать к штабу армии в Мелитополь и приехали попрощаться с полковником Шперлингом.

Соломон, Березовский, Златковский и я вошли в хату Шперлинга. Александр Альфредович поднялся нам навстречу и всем нам пожелал счастья и удачи. Мы теперь уходили уже из Марковской бригады. Я никогда не забуду этого прощания с нашим воспитателем, командиром еще со времени тяжелого «Ледяного похода». В его прощальном взгляде я прочел печаль — печаль расставания навсегда...

На другой же день мы уехали в Мелитополь, вместе с назначенным командиром конной батареи, полковником Харьковцевым, в недавнем еще прошлом — командиром бронепоезда «Слава Офицеру». Харьковцев был известен своей храбростью и жестокостью в отношении пленных красноармейцев. Вместе с нами выехала и молодая жена Харьковцева, красивая рыжеватая блондинка с зелеными глазами, стройная и гибкая.

На ночь мы остановились в немецкой колонии. На рассвете пришло сообщение, что конный корпус товарища Думенко прорвал фронт корниловцев и держит направление на юг, прямо на нашу колонию, где, кроме какого-то обоза и нас, никого нет. Когда мы спешно стали собираться в дорогу, выяснилось, что у жены Харьковцева пропала кошка и сам полковник ищет ее по огородам. Все мы понимали, что можем пропасть из-за кошки! Но кошка нашлась, и мы смогли двинуться дальше в Мелитополь к Штабу армии.

Приехали мы в Мелитополь 5 августа, а на другой день полковник Харьковцев получил приказание спешно вернуться в Васильевку и принять Первую генерала

Маркова батарею: 6 августа 1920 года лучшего артиллериста Добровольческой армии, полковника Александра Альфредовича Шперлинга не стало.

Тяжелые бои шли в это время по всему фронту Северной Таврии, и особенно на берегах Днепра под Васильевкой. Красные ежедневно наступали, бросая все новые резервы и ведя сильный артиллерийский огонь, даже по отдельным всадникам. Близкие к Шперлингу люди — Иегулов, Кривошея и Слонимский — потом рассказывали, что в эти дни полковник Шперлинг был неузнаваемо печален и нервен. Он даже как-то сказал об обреченности и безнадежности нашего положения. В роковой день Шперлинг руководил огнем батареи с холмика, бывшего его наблюдательным пунктом. Холмик был незаметен со стороны красных, и они по нему не стреляли. Когда наступающие красные цепи были рассеяны нашим артиллерийским огнем и бой приостановился, командир Артиллерийского дивизиона, полковник Лепилин, с группой конных разведчиков подскочил с флажком дивизиона к холмику, где лежал полковник Шперлинг и сопровождавший его штабс-капитан Иегулов, и начал, картинно рисуясь в седле, задавать довольно ненужные вопросы о боевой обстановке. Шперлинг отвечал коротко и отрывисто, — он мало уважал тех начальников, коим знал грошовую цену. В это время красные наблюдатели заметили группу конных с флажком и открыли шрапнельный огонь по холмику. Началась пристрелка. Шперлинг встал во весь рост и взял бинокль в руки. Лепилин побледнел, когда клевок шрапнели гулко шлепнулся у самого холмика, и резко рванул бока своего коня. Группа всадников поскакала в тыл, а Шперлинг и Иегулов остались.

Шперлинг не ложился и продолжал наблюдение в бинокль. Иегулов вдруг почувствовал удар, как бы кулаком по глазам, оглушительный звон и запах пороха. Низкий разрыв шрапнели покрыл холмик. Полковник Шперлинг был убит наповал, — в него попало не менее двадцати шрапнельных пуль, разбит был даже бинокль в его руках и пульей смят значок Кубанского похода. Славная смерть для первопоходника, для марковца-артиллерииста!

Весть о гибели нашего полковника повергла нас в тяжелое душевное состояние. Трудно описать скорбь бывших юнкеров-первопоходников. Молодые черкесы, конные разведчики Первой батареи, плакали как дети. Поручик Кузьмин, особенно любивший своего командира, вскоре застрелился. Его близкие друзья Попов и Кривошея повезли его гроб в Мелитополь, а затем дальше в Симферополь, чтобы похоронить его рядом с полковником Шперлингом, которого Боря Кузьмин, маленький «констауп», любил больше всех на свете.

Убитых хоронили, раненых увозили в лазареты, и они снова возвращались на фронт. Уцелевшие не знали отдыха...

В те дни по всей Таврии гремели орудия, трещала пулеметная и оружейная стрельба. По всем городам, селам и хуторам росла тревога... Конные лавы — красные, Жлобы и Буденного, и наши, казачьи, — ходили друг на друга в атаки без решающего успеха.

Корпус генерала Кутепова оборонял важнейший участок, упираясь левым флангом в Днепр и Хортицы и правым флангом прикрывая Мелитополь и дороги в Крым.

Донская конница генералов Гусельщикова и Калинина часто рвала красный фронт, доходила до западно-

го района Донбасса. Ударом во фланг красной группе, оборонявшей Орехов и Александровск, она помогла группе генерала Кутепова занять эти города и выйти к берегам Днепра у Хортицы.

Но в то время как наши отборные части громили красный фронт, захватывая тысячи пленных, сотни пулеметов и десятки орудий, на фронте под Каховкой не все было благополучно: красные прочно удерживали предмостное укрепление на нашем берегу Днепра и, стягивая там большие силы и части конницы, угрожали выйти на наши тылы к Перекопу, а в другом направлении перерезать через Аскания Нову нашу единственную железную дорогу на Чонгар.

Наш Второй корпус, бывший генерала Слащева, теперь под командой генерала Витковского, усиленный танками и конной группой генерала Барбовича, так и не смог отбить назад Каховку. Красным удалось расширить Каховский плацдарм, с которого они уже два раза двинули сильные конные группы в тылы Марковской дивизии на северо-восток. Эти группы были, однако, успешно отброшены назад к Каховке конными частями генерала Гусельщикова, снятыми с крайнего правого фланга.

Большое значение придавалось задуманному нашим главным командованием десанту из Керчи на Кубань, который должен был способствовать общему восстанию кубанских казаков. К сожалению, он не оправдал надежд. Кубанские части, усиленные добровольцами и военными училищами, под командой генералов Улагая и Бабиева, успешно высадились 14 августа и повели наступление на Ейск и на Екатеринодар. Красное командование, поняв угрожающую опасность всеобщего

восстания на Кубани, успело сосредоточить крупные силы в районе десанта, где артиллерия была слабая, а конницы не было совсем.

Трудная операция отступления к месту высадки и, главное, погрузка на пароходы обратно в Керчь в конце августа была проведена блестяще, благодаря действиям военных училищ. Об этих боях мы потом слушали рассказы Сеньки Жилина, участника десанта генерала Улагая. Жилин рассказал нам и о нашем бывшем командире Шестой батареи, капитане Михно, который все в той же грязной, когда-то белой папахе, командовал теперь кубанской сотней, ходил в конные атаки и считался у кубанцев одним из бесстрашных командиров. Части генералов Улагая и Бабиева значительно усилили нашу конницу в Таврии.

Все это время мы сидели в Мелитополе, при Штабе армии, ожидая обещанные пушки и конский состав для формирования конно-артиллерийского взвода при конное генерала Кутепова. Пришлось познакомиться и с жизнью нашего тыла, далеко не всегда отвечавшей ожиданиям фронта. Например, когда генерал Кутепов посылал свой конвой, кстати, довольно сильный (60 всадников, частью — офицеров, с двумя пулеметами типа «максим» на тачанках и усиленный еще нашим конно-артиллерийским взводом), командир конвоя, капитан Белевич часто искал противника там, где его не было, но затем составлял победную реляцию. Мы томились, болтались по городу, дежурили вместе с офицерами конвоя на дому у командарма, по вечерам ходили в городской сад, где в темных аллеях скользили фигуры городских барышень и слышался их мелодичный смех. С музыкальной площадки плыли томные

звуки мелодий из оперетты «Сильва»... Заунывные, пьяные, волнующие кровь:

Помнишь ли ты —

Как улыбалось нам счастье...

Понемногу и мы, марковцы-артиллеристы, до того знавшие лишь бои и походы, начали привыкать к рыдающим скрипкам, терпкому болгарскому вину и запретному флирту с женами офицеров конвоя и штаба.

К тому времени кончилась польско-советская война, и колонны конной армии Буденного, воевавшие против польской армии в Галиции, спешно перебрасывались к Днепру против армии Врангеля. Генерал Врангель решил, еще до подхода советской конной армии, разделаться с Каховским плацдармом, для чего использовать сильную кубанскую конную группу генерала Бабиева. Около исторического острова Хортица, где когда-то была Запорожская Сечь, корниловцы переправились через Днепр и построили понтонную переправу (8 октября). По понтонам переправилась Марковская дивизия и конная группа генерала Бабиева. Однако данные нашей разведки о движении Красной конной армии были неправильны: наши войска, повернувшие в направлении Каховки по правому берегу Днепра, внезапно были атакованы сильными конными частями Первой и Второй советских армий Буденного и Думенко. В одном из первых же боев случайная советская граната сразила кубанского героя, популярного генерала Бабиева. Кубанцы, составлявшие основной центр стратегического маневра Белой армии, потеряли, после этой внезапной смерти, сердце и не смогли успешно

сопротивляться нажиму советской конной армии. Успешно начатая «Заднепровская операция» была сорвана. 14 октября кубанцы и Марковская дивизия переправлялись обратно у Хортицы.

В это время красные крупными силами обрушились на тыл нашего левого фланга со стороны Каховки и Серогоз.

Под сильным нажимом противника генералу Кутепову пришлось проводить общую перегруппировку для отражения главного удара. Главные силы донской конницы, ликвидировавшие наступление красных на нашем правом фланге в районе Токмака, не могли подойти к району тыла и левого фланга ранее нескольких дней. В Крыму не было никаких резервов, за исключением военных училищ. В воздухе запахло катастрофой...

В Мелитополе опустели улицы. Немногие прохожие словно куда-то торопились. Через город непрерывно, днем и ночью, тянулись обозы тылов и каких-то учреждений.

Наступили внезапные холода. Ветер гнал разорванные тучи. В городском саду больше не было ни белых платьев, ни музыки, лишь звуки «Сильвы» доносились из еще не закрытого кафе на главной улице. Тылы уходили прямо в Крым.

В Штабе армии пока делали вид, что все обстоит благополучно. Генерал Кутепов уехал не в Крым, а в Дроздовскую дивизию к Серогозам. Конвой генерала Кутепова, с только что получившим пушки конно-артиллерийским взводом, был спешно двинут на юг, с каким-то оперативным заданием.

Ночью началась метель, а мы шли дальше на юг вдоль железной дороги Мелитополь — Крым. Дорогу замета-

ло, и мы ориентировались по телеграфным столбам. Холодный ветер валил с ног, снежинки хлестали по лицу и по глазам. Чтобы как-то согреться, мы все время пили болгарское крепкое красное вино, наполняя большую железную кружку из бочки с повозки в хвосте конвоя.

На рассвете метель прекратилась, и мы вышли на полустанок на железной дороге к Чонгару и к мосту в Крым. У полустанка горели костры, вокруг них грелись, переминаясь с ноги на ногу от холода, несколько сотен солдат. Солдаты были из Запасного Корниловского полка, в рваных штанах, дырявых опорках или валенках, но все, как один, в новеньких канадских кожаных безрукавках... Свет костров падал на блестящие штыки собранных в козлы винтовок. Мы вошли в здание станции. Там, при тусклом свете керосиновой лампы, мы увидели командира полка, молодого корниловского офицера, сидевшего, обнявшись, с красивой сестрой милосердия. Тут же, оперши голову на руки, дремал другой высокий офицер, оказавшийся адъютантом командира полка. Командир полка, с орденом Св. Георгия и знаком Кубанского похода, поднял на нас глаза и, видимо, обрадовался: «...А, артиллеристы... Ну слава Богу, теперь мы не одни». Мы узнали, что командир полка только что женился на сестре полка и проводил теперь «свадебное путешествие» в виде похода против армии Буденного! Кто-то принес болгарского вина, и мы угостили корниловских офицеров и выпили за здоровье и за счастье молодоженов. Вино немного подняло настроение, и так не хотелось выходить на холод...

Офицер конвоя, поручик Максимов, еще в Мелитополе получил поручение отвезти всех жен и подруг

офицеров конвоя в Крым. На платформе станции остались: офицер конвоя — капитан Виденьев — командир пулеметного взвода, несколько офицеров из вновь сформированного Запасного Корниловского полка и мы — артиллеристы конного взвода. Командир конвоя — капитан Белевич, вскакивая в поезд, кричал, что он «тотчас же вышлет нам подкрепление»... Было неудобно, даже стыдно: ведь все это бегство начальства происходило на глазах солдат конвоя и артиллерийского взвода.

Общее положение понемногу выяснялось: Конная армия Буденного дебуширует³⁹ с Каховского плацдарма на восток к Сивашу, к железной дороге на Чонгар и на северо-восток, в тылы Первой армии и всего нашего фронта в Северной Таврии. Наши главные силы уже оставили участки фронта на севере Таврии. Генерал Кутепов, где-то в районе Серогоз, составил ударную группу из дроздовцев, корниловцев, марковцев и конницы генерала Барбовича и постепенно отходит на юг к Сивашу и Крымскому перешейку. Чтобы защитить отходящие из Мелитополя в Крым поезда, в направлении Каховки был брошен конвой генерала Кутепова с нашим конноартиллерийским взводом и, незакончивший формирование, Запасный Корниловский полк, составленный из нескольких сот военнопленных под начальством корниловских офицеров и унтер-офицеров.

От бессонной ночи и выпитого вина стало еще холоднее, когда мы вышли к батарее. С глухим ворчанием толпы корниловцев строились в походную колонну. Капитан Виденьев, с конным конвоем, подчинился те-

перь командиру конно-артиллерийского взвода как его прикрытие; но капитан Соломон был этому, видимо, не рад и ежился от холода и нервного состояния.

Пехотная колонна и наш конно-артиллерийский взвод, под прикрытием конвоя, медленно двинулись на запад, к Аскания Нова, навстречу Конной армии Буденного.

Степь промерзла, колеса и щиты орудий дребезжали. Издалека, с северо-востока, доносилась орудийная стрельба. За гребнем показалась церковная колокольня села Михайловка. Через час мы были уже в селе, за домами слышалась редкая, но близкая стрельба.

Когда мы доехали до церковной площади, Березовский снял орудия с передков и собирался было тянуть телефон на колокольню, но потом влез на ящик, дал орудиям приблизительное направление, так как за домами ничего не было видно, и начал командовать прицелы. Было ясно, что он стреляет наугад. Наши передки стояли на «ближнем отъезде», тут же стояли и наши поседланные кони. После нескольких наших очередей гранатами советская батарея дала очередь гранат прямо по церкви, и эта очередь, роковым образом, разорвалась на нашей батарее. Капитан Березовский упал с ящика на землю и застонал, раненный осколком в бедро. Несколько лошадей было ранено. Пока перепрягали раненных лошадей и Златковский грузил Березовского на подводу и направлял ее назад, в тыл, на Чонгар, я стал на место командира и продолжал стрельбу по невидимому противнику.

В это время командир Запасного Корниловского полка подъехал к батарее и приказал немедленно сниматься и отходить к мельницам. Наши ездовые, чув-

ствуя беду, подали передки, как черти, в галоп. Стрельба продолжалась и слышалась то справа, то слева, за домами. Когда мы поднялись на косогор к мельницам, картина стала ясной: широкие лавы Конармии Буденного обогнули Михайловку с трех сторон и двигались для решительного сабельного удара. За первыми лавами видны были колонны советской конницы, конные батареи и пулеметные тачанки. Это была какая-то «мамаева орда», растянутая по всему горизонту..

Около мельниц, на косогоре, в шеренгу вытянулся наш конвой в белых бескозырках, пулеметная команда и командир 4-го Запасного Корниловского полка с молодой женой и двумя ординарцами. Капитан Соломон и капитан Виденьев были в седлах. Мы со Златковским, не дожидаясь распоряжений, сняли орудия с передков и сами сели за панорамы. Из номеров остались при орудии 3—4 человека, остальные разбежались по хатам. Мы открыли огонь и били по первой конной лаве настолько быстро и точно, что сбивали уже начинающуюся конную атаку. Но в это же время наше прикрытие, цепи 4-го Запасного Корниловского полка, частью разбежались, частью втыкали штыки в землю и поднимали руки.

Советская конная лава пошла влево в балку и оттуда готовилась в атаку на батарею. Наши пушки подпрыгивали все чаще и сбивали порыв красных. Красные лавы открыли оружейный и пулеметный огонь.

Капитан Соломон подскочил к орудиям на своей английской кобыле и закричал с искаженным лицом: «Уходите назад! Быстро!» Я обернулся, — командира полка уже нет. Кутеповский конвой, под командой капитана Виденьева, через наши головы дает нестройные

залпы по красной коннице, затем поворачивается и галопом уходит назад. Мы остаемся одни. Я вызываю передки. Оставшиеся пушки уходят галопом. Подбегаю к своей лошади, ставлю ногу в стремя, и вдруг седло с неподтянутой подпругой скользит под брюхо лошади. А красные конники уже близко. Конь горячится и рвется за своими. Пальба идет со всех сторон. Конвойные пулеметчики, уходя, садят из своих пулеметов по красным, не считаясь с нами впереди. Я не могу одной рукой надеть седло, а другой удерживать рвущуюся изо всех сил лошадь: «Пропал!» — мелькает мысль... Тут мой ординарец, из мелитопольских рабочих, увидя мое положение, подбегает, не обращая внимания на град пуль. Он мне кричит: «Мне ничего не будет... я укроюсь... а вам...» — и помогает мне сесть в седло, а сам, пригнувшись, бежит к ближайшим домам. Я хочу поднять коня в галоп, но конь ранен и еле идет рысью, припадая на заднюю ногу. Я все же догоняю орудие. Оно облеплено нашими пулеметчиками и корниловцами и еле движется. Отставшие пулеметчики кричат отступающим: «Не бросайте нас!» Но что мы можем сделать?

Когда я выскочил из сферы оружейного и пулеметного огня, я оглянулся: части Конармии у Михайловки перестраивались в колонны и поворачивали на север. Я хотел пустить по колоннам несколько гранат, но передумал и поскакал дальше на восток. Как-то машинально я снял с передка зарядного ящика кем-то брошенную драгунскую винтовку и сунул в карман пачку патронов.

Не прошло и нескольких минут, как чуть правее, впереди нас, выскочила обошедшая нас конная группа красных, так близко, что были видны их лица и клинки

выхваченных шашек. Они скакали на нас с криком, наскочили на повозки, на пулеметчиков, на бегущих обезумевших пехотинцев. Я повернул полуоборотом на север, оружие неслось сразу за мной. Я видел, что оружие Златковского тоже уходит, параллельно со мной, левее.

Несмотря на холод, мне стало жарко, пот выступил на лбу. Я вспомнил свои марковские капитанские погоны — черного бархата с золотыми буквами «Г. М.». Мозг работал отчетливо и логично. — «Погоны вшиты и их нельзя сорвать... Сейчас прискачут вплотную, и если не убьют сразу, то заберут в плен и после издевательств расстреляют. Что делать? Конечно, надо застрелиться... Попробуй, можешь ли упереть винтовку в подбородок». Я беру драгунку. Слава Богу, рука достаточно длинна, чтобы спустить курок, если ствол упирается в подбородок. Но надо еще попробовать, действует ли боек, стреляет ли винтовка... Целю в ближайшего советского всадника. Выстрел и отдача в плечо. Стреляет. Все в порядке. Оружие меня уже догоняет... Мой раненый конь шатается и еле движется дальше. Советские насакаивают на оружие прямо к первому уносу. Ездовой-фейерверкер Винников стреляет из своего бульдога в первого всадника. Другие налетевшие его рубят. Параллельно со мной в десятке метров скачет советский конник, стреляет в меня из нагана и что-то хрипло кричит... Вероятно: «Сдавайся, офицерская белогвардейская сволочь!» В это же время приближаются ко мне двое других. Один — черный, усатый, в красном башлыке, все время бьет из нагана, другой — с обнаженной шашкой... Теперь работает уже не мозг, а только инстинкт: «Подпусти их ближе». Башлык и черные усы уже в несколь-

ких метрах... Снова отдача в плечо, и красный башлык виден уже под ногами скачущей лошади. Поворачиваюсь в другую сторону, придерживаю коня, целю в другого конника и стреляю, как по мишени. Его нет, лошадь стоит одна, свалился... В стволе драгунки больше нет патрона, я вспоминаю пачку, засунутую в карман. Успеваю вынуть обойму, вгоняю патрон в ствол драгунки и поднимаю ее на третьего противника. Он близко, совсем близко от меня, но не пытается ни стрелять, ни рубить, а кричит: «Не стреляй, не стреляй!» Я не стреляю. Он поворачивает и скачет в сторону.

Очевидно, как я потом думал, он видел, повернувшись ко мне и расстреляв на скаку весь барабан своего нагана, как я сбил из винтовки двух его товарищей, и хотел спасти свою жизнь, поняв неравенство боя с наганом против винтовки.

В это время лошадь усатого конника, сбитого мною, выбежала на узкую межу и пошла рядом. Как это было вовремя! Мне осталось только бросить свои стремяна, схватить ее повод и перекинуться на красноармейское седло. Лошадь после погони была в мыле, но отлично скакала дальше. Красные всадники преследовали меня и что-то кричали. Но теперь расстояние между нами все увеличивалось. Скоро впереди показалась далекая железная дорога, по которой один за другим катили поезда от Мелитополя к Чонгару — в Крым... Ужас! Беженцы и не подозревали, что эскадроны Буденного режут дорогу к Чонгарскому мосту. Мне навстречу шли сотни людей в военных шинелях, без оружия, группами и в одиночку. Очевидно, это были солдаты наших запасных частей, шедшие теперь сдаваться в плен красным. На вопросы они не отвечали.

Через полчаса я переехал полотно железной дороги и ехал уже спокойной рысью в направлении Арбатской стрелки.

Вскоре показался Сиваш. Вокруг все было тихо. Солнце уже садилось, и воды Сиваша, мертвые и холодные, блистали в косых лучах заката как гигантское зеркало. Трудно передать охватившее тогда мою душу чувство. Какой прекрасной казалась жизнь — прошедшая и будущая...

Уже в районе Геническа мне удалось догнать конвой и уцелевших артиллеристов. Все, особенно капитаны Виденьев и Соломон, были рады меня видеть, ведь они были уверены, что буденновцы меня зарубили. Им было трудно поверить моему рассказу о схватке с буденновцами — настолько она казалась фантастичной. Однако красноармейский конь подо мной, с переметными сумками советского драгунского седла, был негласным свидетелем и доказательством моей схватки с советскими кавалеристами. На фоне паники, отступления и даже бегства — начальство конвоя раздуло перед генералом Кутеповым этот эпизод схватки с Конармией Буденного. Командир конвоя, капитан Виденьев, выделил меня среди других офицеров конвоя и позже, в Галлиполи, принудил меня принять пост командира офицерского взвода конвоя генерала Кутепова, хотя я там был самым молодым.

В Чонгаре мы переночевали, и на следующий день уцелевшие конвойцы, под командой капитана Виденьева, двинулись в направлении Джанкоя, где надеялись узнать всю обстановку. Эти дни вся Первая армия была отрезана в Таврии от Крыма. На Перекопском валу укрепился отступивший от Чаплинки генерал Витков-

ский, а на Чонгаре, у моста, находился сам генерал Врангель с бронепоездом и с юнкерами — корниловцами и константиновцами. Только после упорных двухдневных боев части Первой армии, под командой генерала Кутепова, прорвались к Чонгару, а генерал Пешня привел остатки Марковской дивизии и другие уцелевшие части к Арбатской стрелке.

Через несколько дней конница генералов Абрамова и Гусельщикова (Донская дивизия) подошла с Бердянского направления к Чонгару, опрокинула Конную армию Буденного, прижав ее к Сивашу, и захватила десятки орудий. Но эта блестящая победа не могла изменить положения, а только давала белым возможность выиграть время... Дух Белой армии был подорван непрерывными тяжелыми боями и отступлением на исходные позиции — за Перекопский вал и за Сиваш. Слухи о погрузке на пароходы начинали преобладать, окончательно подрывая боевой дух. Даже генерал Туркул с Дроздовской дивизией не удержался на западной части Сиваша у Перекопа.

Подготовленные специально для штурма Перекопа красные дивизии: 51-я Московская, имени Ленина, 15-я и 52-я, имея в резерве Латышскую дивизию и конную группу, после сильной артиллерийской подготовки, штурмовали Перекопский вал. Однако наша артиллерия отбила все атаки на вал. Красные понесли большие потери при этом штурме, и главковерх Фрунзе, произведя перегруппировку, бросил главную массу своей пехоты в обход, в брод через маловодный тогда Сиваш, — на Татарский мыс, на хутор Караджанай. На Татарском мысе сидели кубанцы, — старики из отряда генерала Фостикова, недавно эва-

куированные из Грузии, почти без пулеметов и без артиллерии.

В ночь на 3 ноября красные части атаковали Татарский мыс, потеснили кубанцев и начали продвигаться вдоль Сиваша в тыл Перекопского вала. Генерал Кутепов поручил генералу Туркулу собрать дроздовцев у восточной части Перекопского вала и начать контратаку вдоль берега Сиваша к Татарскому мысу. Главковоерх Фрунзе бросил на Татарский мыс все резервы фронта.

Дроздовцы — изможденные, голодные, промерзшие — три дня удерживали красных у Караджаная, но потом начали сдавать. Марковская дивизия не успевала к месту боя с Арбатской стрелки. Конный корпус Барбовича не смог развернуться на узком фронте и понес большие потери от пулеметного огня. У генерала Врангеля в резерве были еще казачья конница, переправившаяся через Чонгарский мост, и юнкерские училища, но он не хотел рисковать этими последними резервами, необходимыми для прикрытия отхода.

Исчезла вера в победу. Все, кто мог, отступали теперь на юг — на Севастополь, на Керчь, на Балаклаву. Мы, уцелевшие артиллеристы и конвой, сопровождали поезд генерала Кутепова до Бахчисарая. Симферополь проходили ночью. В городе слышалась стрельба и из боковых улиц доносились крики о помощи: кто-то грабил жителей. Ночью мы в конном строю прошли перевал и проехали Долину роз. Рядом со мной всю дорогу скакала молоденькая жена капитана Виденьева — стройная, лихая наездница, одетая в черкеску.

Утром мы достигли Бахчисарая. Там получили приказ садиться в поезд генерала Кутепова и провожать его на Севастополь. Надо было бросать коней. Я привя-

зал свою красноармейскую лошадку к изгороди, насыпал ей полную торбу овса и поцеловал ее, спасшую меня от верной гибели, в морду. «Прощай...»

В Севастополе, 14 ноября, мы проводили генерала Кутепова на пароход «Херсон». Марковская бригада грузилась рядом на «Саратов». Уже с парохода мы в последний раз кричали «Ура!» генералу Врангелю, отъезжавшему от Графской пристани. Так закрывалась последняя страница ныне полузабытой эпохи начала борьбы с большевизмом, в коей нам, последним юнкерам Российской империи, довелось принять участие.

Прошло много лет, но мы, старые первопоходники-корниловцы, бывшие михайловцы и константиновцы, будем всегда с благодарностью помнить все пережитое тогда. И мы ни о чем не жалеем: ни о нашей пролитой крови, ни о бесчисленных жертвах, принесенных Родине...

Так повелела судьба.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До Октябрьского переворота в России существовало два юнкерских училища, выпускающих артиллерийских офицеров: Михайловское артиллерийское училище, основанное в 1820 году, и Константиновское, учрежденное в 1894 году. Оба находились в Петербурге. В 1904 году в них училось 797 юнкеров, из которых дети потомственных дворян составляли лишь 47%.

² Кадетские корпуса были учебными заведениями с семилетним сроком обучения. Они давали мальчикам среднее общее образование (близкое по программе к курсу реальных училищ) и специальное военное. В 1917 году их было, во всей империи, 29, с количеством учащихся значительно превышающим 10 000 человек. Социальный состав учащихся был очень различен, в зависимости от корпусов: в петербургском Пажеском корпусе было 100 % потомственных дворян, а в Сибирском корпусе (в 1890 г.) — 11 %.

³ Георгиевский крест — орден, разделенный на четыре степени. Им награждали за военные подвиги солдат и унтер-офицеров. Он отличался от офицерского Геор-

гиевского ордена. Временное правительство ввело награждение и офицеров, по приговору солдат, Георгиевским крестом.

⁴ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870—1920) — депутат Государственной думы 2—4 созывов, крайний монархист, глава националистического «Союза Михаила Архангела». Он участвовал в убийстве Распутина. Осенью 1917 года он возглавил в Петрограде тайную организацию, стремящуюся к объединению и вооружению национально настроенных офицеров и юнкеров.

⁵ К.Р. — великий князь Константин Константинович (сын брата Александра II, 1858—1915). Константин Константинович был незаурядным деятелем последних времен старой России. Талантливый поэт, он с 1889 года стал президентом Российской академии наук. В 1900 году он был назначен Начальником Главного управления военно-учебных заведений и принял широкую реформу среднего военного образования в России. В приказе от 24 февраля 1901 года он писал, что одна из важнейших задач воспитания кадетов заключается в том, чтобы у них развивать «сознание их человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унижить или оскорбить это достоинство».

⁶ «Алексеевская организация» была создана ген. Алексеевым в начале ноября 1917 года в Новочеркасске. Она состояла из пробравшихся на Дон офицеров и юнкеров и местной учащейся молодежи, которые распределены в Сводно-офицерскую группу, Юнкерский батальон, Михайло-Константиновскую батарею и Георгиевскую роту — всего несколько сот человек. 27 декаб-

ря 1917 года «Алексеевская организация» была упразднена и заменена «Добровольческой армией».

Ген. Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) родился в семье сверхсрочнослужащего солдата, бывшего крепостного. Он окончил Московское юнкерское училище и, в 1890 году, Академию Генерального штаба. Алексеев был ранен на Русско-японской войне. В августе 1915 года ген. Алексеев стал Начальником штаба Верховного главнокомандующего и много сделал для восстановления русской армии. После отречения государя Николая II Алексеев стал Верховным главнокомандующим (до 21 мая 1917 г.). Он был создателем, совместно с ген. Корниловым, Добровольческой армии. В марте 1918 года Алексеев принял звание Верховного руководителя Добровольческой армии, взяв на себя ее политическое руководство. Он умер от болезни 8 октября 1918 года.

⁷ Алексей Максимович Каледин (1861—1918), донской казак по происхождению, окончил Михайловское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба (в 1889 г.). Назначен генералом в 1907 году. В мировую войну командовал различными кавалерийскими частями и был тяжело ранен в строю. С апреля 1916 года, в чине генерала-от-кавалерии, командовал 8-й армией, совершившей, в июне 1916 года, знаменитый «Луцкий прорыв» австрийского фронта. 18 июня 1917 года Каледин был избран Донским атаманом. Политически умеренный, искренний патриот, Каледин не мог примириться с большевистским переворотом и стремился создать на Дону оплот национальной России. 11 февраля 1918 года он покончил с собой выстрелом в сердце, доведенный до отчаяния пассивностью донского казачества.

⁸ Митрофан Петрович Богаевский (1881—1918), при Каледине Товарищ Войскового атамана и Председатель, Донского войскового круга, был по профессии педагогом директором реального училища. Он был хорошим оратором, но, как и ген. Каледин, политически неопытным человеком. После падения власти Донского атамана М.П. Богаевский был убит казаками самосудом. М.П. Богаевский был младшим братом последнего Донского атамана ген. Африкана Петровича Богаевского (1872—1934), участника Первого кубанского похода и белой борьбы до ее конца в Крыму.

⁹ Лавр Георгиевич Корнилов (1870—1918) родился в семье казака Сибирского казачьего войска. Он окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1898 году — Академию Генерального штаба. Его служба протекала на востоке: изучив несколько местных языков, Корнилов много путешествовал по Азии и написал несколько ценных этнографических исследований. В Русско-японскую и Первую мировую войну он себя показал военным начальником исключительной храбрости. В апреле 1915 года, тяжело раненный в бою, генерал Корнилов взят в плен австрийцами, но бежит из него в июле следующего года. После Февральской революции он арестовал Императорскую семью. В марте—апреле 1917 года Корнилов командует Петроградским военным округом, с мая — 8-й армией, а в июне становится Верховным главнокомандующим. В августе 1917 года, чувствуя надвигающуюся опасность захвата власти большевиками, ген. Корнилов сделал неудачную попытку установить в России силой твердую власть. Обманутый премьер-министром Керенским, он был заключен, вместе с рядом других будущих вождей Белого движе-

ния, в тюрьму г. Быхова. После Октябрьского переворота Корнилов пробрался на Дон и стал во главе Добровольческой армии, совместно с ген. Алексеевым. Он был убит снарядом во время штурма Екатеринодара 13 апреля 1918 года. Тело его, похороненное на месте, было выкопано красными и подверглось в Екатеринодаре публичному поруганию.

¹⁰ Сергей Леонидович Марков (1878—1918) родился в семье простого офицера. Он окончил Константиновское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба (в 1902 г.). В Русско-японскую войну он получил ряд боевых наград. В Первую мировую войну полковник Марков стал Начальником штаба 4-й стрелковой, «Железной», дивизии, которой командовал ген. Деникин. Получив полк, по своей просьбе, он им командовал в течение 14 месяцев и был представлен к чину генерала за боевые отличия. В конце 1916 года генерал Марков был вызван лектором в Академию Генерального штаба, затем вернулся в действующую армию, а в августе 1917 года попал в Быховскую тюрьму как сочувствующий ген. Корнилову. Выйдя из тюрьмы, он пробрался на Дон и стал командиром Сводно-офицерского полка Добровольческой армии, с которым он проделал весь Первый кубанский поход. В начале июня 1918 года ген. Марков был назначен командующим 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. 25 июня он был убит в бою. После его смерти 1-й офицерский полк, входящий в состав его дивизии, стал именоваться, в память погибшего вождя, 1-м Офицерским генерала Маркова полком.

¹¹ Донской казак В.М. Чернецов в Первую мировую войну был в чине сотника. Он служил разведчиком в

4-й Донской казачьей дивизии и был трижды ранен. В 1915 году из состава кавалерийских и казачьих дивизий начали формировать партизанские отряды. Есаул Чернецов стал начальником партизанского отряда своей дивизии. В конце 1917 года попытки Чернецова привлечь к борьбе против большевиков донское офицерство имели мало успеха, но за ним пошла идейная учащаяся молодежь. Подвиги Чернецова быстро приобрели легендарный характер, и рассказы мемуаристов о его делах и смерти значительно расходятся.

¹² Мнения руководителей Добровольческой армии о желательном направлении похода разделились. Ген. Корнилов, поддержанный ген. Лукомским, считал, что следует уходить на северо-восток, в Сальскую степь, совместно с донскими частями ген. Попова, и там переждать, пока Дон не опомнится и не сбросит с себя власть большевиков. Ген. Алексеев, поддержанный ген. Деникиным, считал, что нужно идти на юг, к Кубани, где власть еще находится в руках некоммунистической Кубанской рады. Ген. Алексеев думал, что Кубань может стать богатым и надежным тылом для дальнейших операций, а черноморские порты позволят получать помощи от западных союзников России.

Вопрос выбора направления похода снова встал летом 1918 года, после освобождения Дона от красных, и снова было принято «южное» решение, вопреки настояниям Донского атамана П.Н. Краснова, наступавшего на царицынском направлении.

¹³ Митрофан Осипович Неженцев, молодой капитан Генерального штаба, был в начале 1917 года помощником старшего адъютанта Разведывательного отделения штаба 8-й армии. Весной он приступил к формиро-

ванию добровольческого ударного отряда, который мог бы показывать пример верности долгу и доблести в бою и увлекать за собой разлагающиеся части послефевральской русской армии. Ген. Корнилов, командовавший тогда 8-й армией (действовавшей в Галиции и Буковине), сочувственно отнесся к начинанию Неженцева. Был создан Корниловский ударный отряд, получивший боевое крещение 25 мая. В августе ударный отряд был переименован в Корниловский ударный полк: самый молодой полк Российской армии стал впоследствии старшим полком армии Добровольческой... В Первом кубанском походе полковник Неженцев показал себя талантливым и совершенно бесстрашным начальником. Он был убит во время штурма Екатеринодара 11 апреля 1918 года.

¹⁴ Иван Лукич Сорокин (1884—1918), офицер Кубанского казачьего войска, организовал, в феврале 1918 года, красный казачий отряд и в дальнейшем вел борьбу против белых на Юге России на разных должностях. В августе 1918 года Сорокин стал Главнокомандующим Красной армии Северного Кавказа. 30 октября он был своими же арестован в Ставрополе и без суда убит в тюрьме.

¹⁵ Алексей Иванович Автономов (1890—1919), хорунжий Кубанского казачьего войска, в апреле—мае 1918 года был Главнокомандующим Вооруженными силами Кубанской советской республики. 28 мая его отрешили от должности и послали во Владикавказ командовать бронепоездом. Автономов умер от тифа в январе 1919 года.

¹⁶ Иван Егорович Эрдели (1870—1939) окончил Николаевское кавалерийское училище и Академию Гене-

рального штаба (в 1897 г.). В Первую мировую войну Эрдели командовал различными кавалерийскими и пехотными частями, в 1917 году — 11-й Особой армией. Он был заключен в Быховскую тюрьму в августе 1917 года. В Добровольческой армии ген. Эрдели командовал конной бригадой и конной дивизией, в 1919 году был назначен Главнокомандующим на Северном Кавказе. В 1920 году ген. Эрдели эмигрировал во Францию.

¹⁷ Борис Алексеевич Суворин (1879—1940) — сын известного журналиста и издателя Алексея Суворина. Он сперва сотрудничал в газете отца «Новое Время», а в 1911 году стал редактором газеты «Вечернее Время», где привлекали большое внимание его зазорные передовицы «День за днем». После Октябрьского переворота Суворин перебрался со своей редакцией на Дон и прошел весь Первый кубанский поход с добровольцами. Ген. Алексеев ему тогда поручил издание «Полевого листка Добровольческой армии» (вышло два номера). В 1918 году Суворин возобновил печатание «Нового Времени» со своими передовицами «День за днем». Походная редакция газеты сопровождала Добровольческую армию в ее наступлениях и отступлениях по Югу России. Летом 1920 года Суворин выехал во Францию с поручением ген. Врангеля. В эмиграции он продолжал свою журналистскую деятельность.

¹⁸ Виктор Леонтьевич Покровский (1889—1922), кубанский казак, окончил Павловское военное училище. В 1912 году он поступил в петербургский Политехнический институт на курс авиации, закончил курс в 1914 году и отправился на фронт, где он служил военным летчиком. В 1916 году Покровский — командир

12-го армейского авиационного отряда. В январе 1918 года, в чине капитана, он сформировал добровольческий отряд из кубанских казаков и был произведен в полковники Кубанской радой. С июня 1918 года он командовал кубанской конной бригадой, затем — дивизией. В феврале 1919 года ген. Покровский командует 1-м кубанским корпусом, в декабре 1919 — январе 1920 года — Кавказской добровольческой армией. Эмигрировав в 1920 году, Покровский и за границей продолжал антибольшевистскую борьбу. Переехав в 1922 году из Германии в Болгарию, он был убит 9 ноября в г. Кюстендиле красным вооруженным отрядом.

¹⁹ Антон Иванович Деникин (1872—1947) родился в семье бывшего крепостного крестьянина, дослужившегося до чина майора. Военное образование Деникин получил в Киевском военном училище и в Академии Генерального штаба (выпуск 1899 г.). В японскую войну он был произведен в полковники. Во время мировой войны ген. Деникин командовал знаменитой «Железной дивизией» и за взятие Луцка, в июне 1916 года, получил чин генерал-лейтенанта. В 1917 году ген. Деникин командовал Западным и Юго-Западным фронтами. В должности начальника штаба Верховного главнокомандующего он был арестован по распоряжению Временного правительства за причастность к выступлению ген. Корнилова. Из Быховской тюрьмы ген. Деникин пробрался на Юг, где стал ближайшим помощником генералов Алексева и Корнилова. После смерти Корнилова, по просьбе ген. Алексева, Деникин принял на себя командование Добровольческой армией. 4 апреля 1920 года Деникин передал командование ген. Врангелю и эмигрировал. Жил он сперва в Венгрии, а

потом во Франции. В 1920-е годы Деникин написал капитальное исследование о Гражданской войне — «Очерки русской смуты». Умер ген. Деникин в США, 8 июля 1947 года.

²⁰ Князь Султан Келеч-Гирей, по национальности черкес. Полковник Гирей в Гражданскую войну командовал Черкесским полком в Кубанской дивизии ген. Покровского, позже — в Добровольческой армии. Осенью 1918 года он сформировал «Дикую дивизию» из горцев Северного Кавказа, которая действовала совместно с частями ген. Шкуро в корпусе ген. Ляхова. После поражения Вооруженных сил на Юге России, в начале 1920 года, ген. Гирей отошел с остатками своей дивизии в Грузию и оттуда затем перебрался в Крым. По заданию ген. Врангеля он пробрался в Карачаевскую область и организовал повстанческий отряд, а затем опять ушел в Грузию и оттуда — за границу. Во время Второй мировой войны Султан Келеч-Гирей возглавил противобольшевистские формирования северокавказских горцев, был выдан англичанами советским властям и повешен в Москве в январе 1947 года.

²¹ Дмитрий Тимофеевич Миончинский (1889—1918) родился в семье генерала. Военное образование он получил в Михайловском артиллерийском училище (начавшаяся мировая война помешала ему вступить в Академию Генерального штаба). На войне он был тяжело ранен в область сердца, пулей, которую не удалось извлечь. Вернувшись в строй, он принял участие в боях за Перемышль в начале 1915 года. Назначенный командиром Первой батареи Добровольческой армии, полковник Миончинский стал фактическим создателем и вдохновителем добровольческой артиллерии. Мион-

чинский был убит в бою, 29 декабря 1918 года, в селе Шишкине Ставропольской губернии.

²² Шуточные куплеты, придумываемые всеми по очереди, нечто вроде частушек. — *Ред.*

²³ Михаил Гордеевич Дроздовский (1881—1919) родился в семье генерала, участника защиты Севастополя. Он окончил Павловское военное училище и поступил в Академию Генерального штаба в 1904 году, но покидает ее, участвует в Русско-японской войне, на которой он ранен. Вернувшись с войны, Дроздовский оканчивает академию в 1908 году. Во время Первой мировой войны Дроздовский состоял на разных штабных должностях, но рвался в бой, получил полк и был тяжело ранен в сентябре 1916 года. В декабре 1917 года он начал формирование в Румынии добровольческого отряда, с которым выступил из Ясс 11 марта 1918 года. 5 мая полковник Дроздовский вышел к Ростову во главе своего хорошо вооруженного и закаленного в боях отряда, отбил город у красных и у Новочеркасска соединился с Добровольческой армией. В июне 1918 года Дроздовский назначен командующим 3-й пехотной дивизией Добровольческой армии, в ноябре он ранен в ногу под Ставрополем и умирает от заражения крови в Ростове 14 января 1919 года. Перед смертью Дроздовский был произведен в генералы. После кончины ген. Дроздовского 2-й офицерский стрелковый полк, входящий в его дивизию, стал именоваться Дроздовским стрелковым полком.

²⁴ Александр Павлович Кутепов (1882—1930) родился в семье лесничего. В 1904 году он окончил Петербургское пехотное юнкерское училище и отправился, добровольно, на дальневосточный фронт. По оконча-

нии войны поручик Кутепов переводится в лейб-гвардии Преображенский полк и назначается в его учебную команду. Вся дальнейшая служба Кутепова в предвоенные и военные годы протекла в старейшем русском полку. Во время мировой войны он был трижды ранен. 2 декабря 1917 года тридцатипятилетний полковник Кутепов, последний командир Преображенского полка, был принужден подписать приказ о его расформировании. Пробравшись на Юг, Кутепов участвовал в зимних боях добровольцев на Дону, а в начале Первого кубанского похода получил роту в Сводно-офицерском полку. После смерти полк. Неженцева Кутепов получил командование Корниловским полком, а летом 1918 года был начальником 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. После освобождения от красных Новороссийска, в августе 1918 года, Кутепов — Черноморский военный губернатор и водворяет в своей «Кутепии» полный порядок. С января 1919 года, произведенный в генералы, он назначается командующим Первого армейского корпуса Добровольческой армии, ведет его со славой до Курска и разделяет с ним горечь поражения. В Крыму, в 1920 году, ген. Кутепов командовал 1-м корпусом Русской армии (затем 1-й армией) ген. Врангеля. После эвакуации из Крыма Кутепов назначен начальником лагеря в Галлиполи (близ Константинополя) и в невероятно тяжелых условиях восстанавливает в нем военную дисциплину и своеобразный, неповторимый уклад жизни, который из почти каждого «галлиполийца» сделал человека особой породы до конца его дней. После распыления русской армии по Европе, в 1922 году, ген. Кутепов создал тайную организацию для борьбы с большевизмом, так называемую

Кутеповскую организацию. В 1928 году, после смерти ген. Врангеля, он возглавил Русский Общевоинский союз (РОВС) и 26 января 1930 года был похищен в Париже советскими агентами.

²⁵ Николай Степанович Тимановский гимназистом 6 класса пошел добровольцем на Русско-японскую войну и был тяжело ранен в бою. В Первую мировую войну он был сослуживцем ген. Маркова в 13-м стрелковом полку. Воевал исключительно доблестно. После последнего тяжелого ранения он был назначен командиром Георгиевского батальона при Ставке. В Добровольческой армии полк. Тимановский — помощник и заместитель ген. Маркова, командует Марковским полком (затем бригадой). Произведенный в 1918 году в генералы, Тимановский командует созданной осенью 1919 года Марковской дивизией. Он умер от болезни 31 декабря 1919 года.

²⁶ Иван Антонович Кочубей (1893—1919), кубанский казак, командир 3-й кубанской конной бригады 11-й красной армии. Он попал в плен к белым и был казнен в марте 1919 года.

Иван Федорович Федыко (1897—1939), прапорщик, в ноябре 1918 года был Главнокомандующим красными войсками Северного Кавказа, в декабре—феврале командовал 11-й красной армией. После Гражданской войны он принял активное участие в подавлении Кронштадтского и Антоновского восстаний и дослужился до члена Президиума Верховного Совета. В 1939 году — ликвидирован Сталиным.

Дмитрий Петрович Жлоба (1887—1938) был рабочим, участвовал в Октябрьском перевороте. В 1918 году командовал 1-й «Стальной» красной дивизией.

3 июля 1920 года 1-й конный корпус, под командой Жлобы, был полностью разгромлен войсками ген. Врангеля. После войны Жлоба стал партаппаратчиком и был ликвидирован Сталиным в 1938 году.

²⁷ Андрей Григорьевич Шкуро (1887—1947), сын офицера Кубанского казачьего войска, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1907 году. Воевал в Первую мировую войну. В мае 1918 года полк. Шкуро возглавил антибольшевистское восстание в районе Кисловодска. В июле, сформировав отряд из кубанских казаков, он временно захватил Ставрополь. В Добровольческой армии Шкуро командовал казачьей бригадой, дивизией и корпусом. В 1919 году он был произведен в генерал-лейтенанты. Во время Второй мировой войны ген. Шкуро стал одним из руководителей казачьих формирований, возникших при содействии немцев, был выдан британским командованием советским властям и повешен в Москве в январе 1947 года.

²⁸ Эти слухи о прибытии танков проникли и к большевикам, и на одном участке был случай, что пехота их обратилась в паническое бегство, приняв подъезжающую к цепям кухню за английский танк.

²⁹ Барон Петр Николаевич Врангель (1878—1928) родился в семье знатной, но небогатой (его отец был директором страхового общества в Ростове-на-Дону). В 1901 году он окончил петербургский Горный институт и нашел свое истинное призвание — военное — лишь во время Русско-японской войны, на которой он отличился. С лета 1906 года Врангель служил в лейб-гвардии Конном полку. В 1909 году он окончил Академию Генерального штаба. Во время Первой мировой войны он показал себя храбрым и талантливым кавалерийским

начальником и в январе 1917 года был произведен в генералы за боевые отличия. Поступив в Добровольческую армию в августе 1918 года, Врангель командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 года — Кавказской добровольческой армией, во главе которой он взял Царицын (30 июня). К тому времени ген. Врангель стал самым популярным военачальником на Юге России. Его несогласие со стратегией ген. Деникина (он оспаривал целесообразность «Московской директивы»), критика беспорядков, разлагающих белые силы, а также плетущиеся вокруг него интриги привели к постепенному его отстранению ген. Деникиным от активной деятельности и в конечном итоге к его высылке из России в феврале 1920 года. Под давлением широких добровольческих масс (и отдельных военачальников) потерпевшему поражение Деникину пришлось, 4 апреля 1920 года, назначить Врангеля своим преемником. Ген. Врангель возглавлял Вооруженные силы Юга России и «Правительство Юга России» в течение 8 месяцев. За этот короткий срок Врангель проделал значительную внешнеполитическую и внутривнутриполитическую работу, добился официального признания своей власти Францией, произвел широкую земельную реформу, создал выборное местное самоуправление. Но его борьба против большевиков, при незначительной поддержке Запада, была неравной, и в ноябре 1920 года Врангелю пришлось покинуть пределы родины. Ему удалось вывезти 145 000 человек (среди них около 70 000 вооруженных военных), благодаря хорошо подготовленной и проведенной морской эвакуации. За границей ген. Врангелю удалось сохранить русскую армию (сосредоточенную в трех военных лагерях около Константинополя)

как сплоченную и боеспособную силу в течение всего 1921 года, несмотря на давление как советское, так и западное. Разъехавшиеся в 1922 году по Европе русские части (в основном в Болгарию и Югославию) на долгие годы сохранили духовное и идейное единство, которое еще укрепилось после создания ген. Врангелем, в 1924 году, Русского Общевоинского союза. Умер ген. Врангель в Брюсселе, 25 апреля 1928 года. П.Н. Врангель — бесспорно, один из крупнейших деятелей России XX века, но пришел он к власти, когда белая борьба в России была уже фактически проиграна.

³⁰ Приказом от 20 июня (3 июля) 1919 года (получившим название «Московской директивы») ген. Деникин приказывал ген. Май-Маевскому, начальнику Добровольческой армии, наступать на Москву в направлении Курск—Орел—Тула. Ген. Врангель, во главе Кавказской армии, должен был идти из Царицына на Москву через Пензу, Нижний Новгород и Владимир. Генералу Сидорину во главе Донских частей предписывалось наступать на Москву между Кавказской и Добровольческой армиями. Одновременно с этим должны были вестись военные операции на Украине и на Астраханском направлении.

³¹ Орел был взят штурмом Корниловской ударной дивизией 13 октября 1919 года.

³² Алексеевский полк происходил от Партизанского полка, составленного зимой 1917—1918 годов из участников мелких партизанских отрядов (в большинстве своем — донских и ростовских гимназистов и студентов). Партизанский полк прошел Первый кубанский поход и участвовал в последующих боях на Северном Кавказе. После смерти ген. Алексеева полк получил

наименование Партизанского генерала Алексеева пехотного полка. Алексеевский полк никогда не разворачивался в дивизию, как три остальных «цветных» полка Добровольческой армии.

³³ Наступление на Москву изнуренных и малочисленных добровольческих частей начало захлебываться осенью 1919 года, несмотря на всю их доблесть. В конце октября конный корпус Буденного совершил прорыв жидкого белого фронта (сотня тысяч бойцов, растянутых от Киева до Царицына) на стыке Добровольческой и Донской армий, после которого ген. Деникину уже не удалось восстановить положения.

³⁴ Николай Владимирович Скоблин в чине штабс-капитана участвовал в зарождении ударного отряда при 8-й армии в мае 1917 года. В Добровольческой армии с самого ее создания Скоблин — сперва заместитель командира Корниловского полка, полк. Неженцева, а позже принимает полк. В 1919 году полковник Скоблин командует Корниловской дивизией. В апреле 1920 года он произведен в генералы, продолжая командовать Корниловской дивизией и в Крыму, до своего ранения, в сентябре 1920 года. Ген. Скоблин был одним из самых молодых и самых популярных белых генералов и за границей остался во главе корниловцев. 23 сентября 1937 года Скоблин исчез из Парижа, на следующий день после похищения начальника РОВСа ген. Миллера, и был разоблачен как главный организатор похищения и советский агент. Вероятно, ген. Скоблин был завербован известной певицей Надеждой Васильевной Плевицкой, вышедшей за него замуж в 1921 году.

³⁵ Ростов-на-Дону был окончательно оставлен белыми 29 февраля 1920 года. 2 марта, под станицей Егор-

лыцкой, разыгрался бой между белыми и красными конными частями, в котором приняло участие более 20 000 всадников, кавалеристов и казаков. Этот последний крупный кавалерийский бой в европейской истории кончился для белых неудачей, и после него донские и кубанские казачьи части стали неудержимо откатываться к югу.

³⁶ Яков Александрович Слащев (1885—1929) в 1911 году окончил Академию Генерального штаба. В Первую мировую войну он дослужился до чина полковника. Весной 1918 года Слащев был начальником штаба в отряде Шкуро. Затем командовал различными частями в Добровольческой армии, боролся против махновцев. Зимой 1919—1920 года, во главе 2-го корпуса, ген. Слащев руководил защитой крымских перешейков и удержал их от красных во главе ничтожных сил. Храбрый, но жестокий и неуравновешенный военачальник, ген. Слащев, после неудачи перед Каховкой летом 1920 года, был с почетом устранен ген. Врангелем от командования 2-м корпусом. После эвакуации в Константинополь Слащев совершенно потерял душевное равновесие и, под влиянием советской агентуры, пустился в интриги против белого командования. Осенью 1921 года он вернулся в Россию, с разрешения советских властей.

³⁷ Марковская дивизия сосредоточилась в городе Армянский Базар 2 апреля.

³⁸ Предмостное укрепление.

³⁹ Выходит на открытую местность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БУРИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	
<i>О.Г. Гончаренко</i>	3

Б.Я. Ильвов

Ураган	11
Глава I	11
Глава II	42
Глава III	119
Глава IV	139
Глава V	167
Глава VI	172
Глава VII	175

В.А. Ларионов

Последние юнкера	220
Глава 1	
Училище	220
Глава 2	
На дону	238

Глава 3	
Первый кубанский поход	268
Глава 4	
Второй кубанский поход	
и борьба на дону	305
Глава 5	
На москву	338
Глава 6	
Отступление	372
Глава 7	
Крым и таврия	389
ПРИМЕЧАНИЯ	424